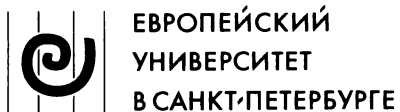

Френсис Блоун
Уильям Розенберг

Происхождение прошлого

«Подлинность»
для историков
и архивистов

ЕВРОПЕЙСКИЙ
УНИВЕРСИТЕТ
В САНКТ-ПЕТЕРБУРГЕ

Processing the Past

*Contesting Authority in
History and the Archives*

FRANCIS X. BLOUIN JR.
and
WILLIAM G. ROSENBERG

OXFORD
UNIVERSITY PRESS

Френсис Блоун
Уильям Розенберг

Происхождение прошлого

«Подлинность»
для историков
и архивистов

Санкт-Петербург, 2017

УДК 351.85

ББК 79.3

Б70

Блоун, Ф.; Розенберг, У.

Б70 Происхождение прошлого. «Подлинность» для историков и архивистов / Френсис Блоун, Уильям Розенберг ; [пер. с англ. Ю. Князькиной, Е. Шраги]. — СПб. : Издательство Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2017. — 376 с.

ISBN 978-5-94380-227-0

В предлагаемой читателю книге исследуются драматические изменения, происходившие в понимании истории и в архивном деле, а соответственно, и в отношениях между историками и архивистами. Написанная историком и архивистом, книга рассказывает, учитывая взгляды обеих сторон, как эти отношения трансформировались в рамках новых исторических теорий и новых архивных концепций; как на эти отношения повлияла смена точки зрения на исторический авторитет, нововведения в архивных практиках и развитие информационных технологий.

Авторы описывают и анализируют историю этих трансформаций как процесс освоения одного и того же концептуального и методологического пространства. Постепенно историки начали задавать вопросы, на которые в традиционных документах не было простых ответов, а архивисты столкнулись с неуправляемым ростом количества обрабатываемого материала и проблемами, пришедшими с наступлением эпохи новых информационных технологий. В результате между историками и архивистами произошло профессиональное размежевание, которое анализируется в обзоре современных исторических концепций и архивных практик.

В книге предлагаются пути преодоления этого размежевания, изложенные на языке, понятном этим двум очень различным аудиториям, а также широкому кругу читателей. В завершение исследования авторами ставится ряд вопросов, актуальных для будущего исторических архивов.

УДК 351.85

ББК 79.3

© Ф. Блоун, У. Розенберг, 2011, 2017

© Oxford University Press, 2011

© Ю. Князькина, перевод на русский язык гл. 1–7, 11, 2017

© Е. Шрага, перевод на русский язык гл. 8–10, 2017

© Европейский университет в Санкт-Петербурге, 2017

ISBN 978-5-94380-227-0

Содержание

Введение. История и архивное дело: точки пересечения	8
Архивы, архивисты и историки	9
Немного предыстории Сен-Жермен	14
 ЧАСТЬ I. ИСТОКИ ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО РАЗМЕЖЕВАНИЯ (ARCHIVAL DIVIDE)	
ГЛАВА 1. Авторитетная история и авторитетные архивы	21
История как наука	23
Архивы как аутентичные документы	26
Аутентичный документ: расширение понятия	29
Трансформация исторических документов	32
Укрепление авторитета архивной истории	35
Модернизация бюрократии и управления архивами	43
ГЛАВА 2. Отход от исторических авторитетов в архивной науке	47
История как архивный «авторитет»	49
Исторические авторитеты и «режимное» управление архивами: американская парадигма	52
Изменения «режимной» модели	58
Развитие менеджмента документов (Records Management)	62
Новое архивное мышление	65
Рост документооборота: неразрешимая проблема	68
«Расширение клиентуры» и перемены в частных архивах	69
ГЛАВА 3. Архивные авторитеты и новые технологии	72
Первые шаги	73
Новые компьютерные системы доступа: «библиотечная модель»	75
Компьютерная стандартизация: развитие эссенциальных архивных категорий поиска	78
Кодированное архивное описание (EAD) и стандартный обобщенный язык разметки (SGML)	80
Определение атрибутов электронных документов	82

	Дебаты об оценке документов: переосмысление архивных авторитетов	88
ГЛАВА 4.	Отход от архивных авторитетов в исторической науке	90
	Доступ к архивам, протоколы исследования и законы истории	91
	«Анналы»: критика	95
	Архивы и новая социальная история	101
	Проблема исторической наррации	104
	Лингвистический и культурный «повороты»: последствия для архивов	106
	Авторитет архивов: испытание постмодернизмом	111
	Новые истории и традиционные архивы	117
ГЛАВА 5.	Архивный эссенциализм и профессиональное размежевание	121
	Архивистика: в объятиях эссенциализма	122
	Историки против эссенциализма	128
	Профессиональное размежевание	130
ЧАСТЬ 2. ОСМЫСЛЕНИЕ ПРОШЛОГО		
ГЛАВА 6.	Проблема социальной памяти	135
	Реактуализация памяти через «исследования памяти»	137
	Индивидуальная и социальная память как средства создания «полезного» прошлого	140
	Социальная память, социальная идентичность и приписывание исторической роли	145
	Социальная память и социальная идентичность	148
	Мемориальные практики и социальная амнезия	150
	Социальная память и архивы	155
ГЛАВА 7.	Оспариваемые архивы и оспариваемые источники	162
	Чтение архивов: текстура архива	165
	«Монументальные» архивы: споры об их назначении	173
	Виды документов, устойчивость источников и споры вокруг использования архивных документов: случай Абрахама	178
	Решения в рамках «архивов идентичностей»: авторство, деятельность и новые архивные авторитеты	186
	Архив как автор	191
	Противоборствующие дискурсы: архивы и история с другой стороны разлома	193
ГЛАВА 8.	Архивист как активное действующее лицо в производстве (исторического) знания	196

Сбор документов: эссенциалистские основания архивной деятельности, архивная практика как посредник	200
Архивная оценка: определение ценности документов	204
Вмешательство на этапах организации и описания	207
Посредничество в читальном зале: доступ к источникам и ссылки	211
Деятельность архивиста в культурах производства документов	214
Архивисты в культурах «неформальных собраний»	220
Активный архивист и историческая летопись	224
ГЛАВА 9. Переосмысление архивной политики: доверие, правда и закон	228
Природа и формы архивной политики	230
Вопрос об общественных интересах и «свободе информации»	235
Проблема «архивных записей»	244
Дело о PROFS	247
Архивная политика и отношения доверия	251
Ограничения закона	258
ГЛАВА 10. Архивы и киберинфраструктура	261
Киберинфраструктура/киберпространство	264
Архивы и новые институциональные хранилища	266
Цифровые архивы и сохранение документов	270
Реакция архивного сообщества	277
Взаимозависимость сохранения и доступа	281
Изменение институциональной инфраструктуры как следствие компьютеризации	284
Трансформация артефакта	289
Печатное наследие, порог адекватности и потенциал киберархивов	292
ГЛАВА 11. История и архивы: можно ли преодолеть профессиональное размежевание?	296
Нужно ли наводить мосты?	297
Преодоление профессионального размежевания	302
Примечания	309
Указатель	357

Введение

История и архивное дело: точки пересечения

Начало этой книге положило случайное знакомство историка и архивиста, — для ученых, работающих в архивах, такие знакомства не редкость. Историк хотел обсудить некоторые общие проблемы, связанные с доступом к материалам, архивист же, со своей стороны, выражал готовность предложить любую помощь, однако был отчасти удивлен тем, насколько плохо историк представлял сущность архивного дела. И перед нами распахнулись двери, — но на этот раз не те зачастую внушительные врата, что ведут в исторические хранилища, а двери, за которыми началась долгая и чрезвычайно интересная беседа. И, к нашему удивлению (что нередко случается, когда речь заходит об архивном знании), результатом этой беседы оказалась книга, которую вы держите в руках.

Можно сказать, что работа в архиве начинается для историка примерно так же: двери распахиваются, в реальности либо виртуально, и завязывается «разговор». Ученый приходит со своими вопросами туда, где обитают ожидаемые и неожиданные возможности, архивист же, как правило, охотно готов ему посодействовать. Порядок привычен: гардероб, контроль, поиск удобного места в читальном зале. Ученый встречается с архивистом, когда у него возникают вопросы, касающиеся тематики архива и адресованные опыту и компетенции именно архивиста. Сначала архивные справочники, дальше, возможно, нетерпеливое ожидание, наконец — вот они, папки, в старых ящиках или на дискетах. Историк начинает преобразовывать следы прошлого в некую новую форму понимания, крайне редко задумываясь о том, что сами «следы» — письма, отчеты, записки и прочие материалы, представляющие, как он надеется, интерес, — уже были обработаны до него — архивистом. Ученый использует документы для обработки исторической информации и исторического знания, тогда как архивист

обрабатывает их, чтобы эту информацию и знание можно было обнаружить и извлечь. Обработка документов происходит на самых разных уровнях, а в ее основе лежит множество профессиональных и концептуальных посылок.

Во время наших первых разговоров мы оба сделали открытие: изучение архивов ученым — столь фундаментальная для формирования исторического понимания процедура — редко подвергалась компетентному рассмотрению. Для ученого всегда было важно лишь то, насколько работа в архиве поможет найти ответы на его вопросы, архивист же видел свою задачу только в предоставлении необходимых материалов. Однако же, углубившись в анализ этого обычного, казалось бы, знакомства, мы обнаружили, что сложная понятийная основа современных исторических исследований фактически столкнулась с изменениями, которым подвергались концепция управления архивами и архивные дефиниции. И обе стороны, участвующие в архивном исследовании, оказались вовлеченными в весьма сложные процессы.

Говоря в общем, мы пришли к тому, что взаимоотношения между историей и архивистикой как дисциплинами находятся по большей части на пересечении гуманитарных наук и информатики. Новые технологии, связанные с созданием, хранением и поиском информации, а также природа зависимости исследователей от этих новых цифровых возможностей подняли вопрос о научной коммуникации среди гуманитариев в целом. Как постоянно меняющееся гуманистическое понимание строит свой фундамент на огромном количестве документации, оставленной «для потомства» в бумажной и цифровой форме? Как в столь изменчивой среде институты, которые обладают научными ресурсами, взаимодействуют с учеными, полагающимися на эти ресурсы? И, конечно, каковы были реальные области пересечения деятельности исследователей и архивистов, — то есть истории и архивов, — в прошлом? Другими словами, как практика архивных институтов обуславливает историческое знание? И как упомянутое взаимодействие будет протекать в архивах будущего?

Архивы, архивисты и историки

Как известно, само слово «архив» сейчас имеет несколько толкований: от просто хранилища документов до сложных категорий знания, памяти и процессов воссоздания прошлого. Чаще всего под

архивом понимают корпус документов, сформированный частным лицом либо организацией и обычно (хотя и не всегда) помещенный в хранилище, в котором собраны похожие или связанные между собой материалы. В Бостонском городском архиве хранятся документы, созданные государственными структурами Бостона. Национальный архив в Париже и Американский национальный архив в Вашингтоне содержат документы Франции и США соответственно. Какой-нибудь университетский архив включает материалы, созданные в основном этим самым университетом. Отношения между частным лицом или учреждением и архивом (неважно, где он находится — в причудливом здании, в кабинете или на компьютерном диске) можно назвать, как сказали бы архивисты, «органическими»: состав архива отражает или должен отражать природу и историю учреждения или, в случае частного лица, личных документов. Как эти материалы, нередко очень разные и далекие друг от друга, затем становятся «историческими», зависит от того, насколько точно они освещают некоторые аспекты прошлого, уже «обработанного» ранее.

Частные лица, как и организации, не всегда сами занимаются своими фондами: они передают «архивные» задачи, вместе с обязанностью вести учет документов, другому лицу или архивному учреждению. Взять лишь один пример: как и многие организации, собирающие информацию, Центр исследований по истории эмиграции Университета штата Миннесота ведет учет документов ряда организаций взаимопомощи. Некоторые из них уже прекратили существование, другие выбрали Центр хранилищем для своих старых материалов. Здесь, как и в случае с обычными пользователями, которые периодически «сбрасывают» содержание жестких дисков своих компьютеров на запасной диск или иные носители, органические отношения между документами и деятельностью, их породившей, не нарушены. Подобные отношения существуют между деятельностью хранилища (в данном случае — Центра исследований) и работой по отбору материалов, которые следует принять и сохранять или же, наоборот, не брать в фонд, изъять или уничтожить. Большинство архивных учреждений имеет дело и с личными документами значимых фигур. Само по себе перемещение документов из рабочих или домашних кабинетов в официальное хранилище не разрушает органических связей между человеком и его документами. Следовательно, под «архивом» в этой книге мы будем понимать институциональные архивы публичного или частного характера, а также то, что мы называем «архивными учреждениями».

Сюда входят «особые коллекции» под эгидой библиотек и независимые архивные организации конкретной направленности. Мы не рассматриваем в качестве архивов библиотеки и музеи (то есть собрания каталогизированных книг и коллекции и выставки артефактов), как и сложные практические либо метафорические концепции архивирования в психологии и информатике, хотя ниже мы их коснемся. Концептуальные рамки нашего исследования определяются по большей части именно органическим отношением между бумажным или электронным документом и его создателем.

Следуя в фарватере наших бесед с архивистом, мы сосредоточимся здесь не только на архивных учреждениях (как мы их определили), но и на областях пересечения исторической науки и архивного дела, на их подвижных границах, а также на связанных с этим метаморфозах в отношениях между историками и архивистами. Слово «архивирование» мы будем понимать как абстракцию процессов, порождающих собрания документов и приводящих к созданию архивных учреждений. Мы надеялись (и продолжаем надеяться), что, рассматривая эти взаимоотношения как самодостаточную историческую проблему и анализируя современные их аспекты, мы сможем лучше разобраться в том, что же нужно ученым и архивистам для более глубокого понимания влияния информационных технологий на человечество. И здесь мы приходим к важности понятия «авторитетность» — в разных его значениях и формах, которые мы рассмотрим подробно, — для передачи смыслов прошлого и понимания его документальных следов. А это, в свою очередь, подводит нас к другим проблемам, как то: роль идентичности и опыта как «авторитетов» в формировании исторического понимания и структуры архивных собраний; роль самих архивистов в этих процессах; формы и природа, нередко спорная, архивных и исторических источников. Мы также затронем вопрос о влиянии закона и политики на степень доступности документов и их хранение. Наконец, глядя в будущее, мы проанализируем возможную роль компьютерных технологий как катализатора изменений исследовательского процесса и обработки архивной документации. Данную тему, постоянно меняющую очертания, мы рассматриваем не с технической стороны, а в свете ее связей с историческими архивами и историческим пониманием будущего.

В этой книге соседствуют размышления и представления историков и архивистов о перечисленных насущных проблемах. Мы стремимся показать, что, по крайней мере с середины XIX до

середины XX века, историки и архивисты занимали, скажем так, примерно одно и то же концептуальное и методологическое пространство. Авторитетность, приписываемая архивным фондам, лежит в основе ряда аргументов об авторитетности истории, которые, в свою очередь, базируются на том, что историки и архивисты по взаимному согласию считают объективным и научным. Профессиональная подготовка историков и архивистов была схожей — в том плане, что архивное дело не мыслилось без глубоких исторических знаний и методологии. Обе эти дисциплины взаимно признавали друг за другом научную точность и разделяли взгляды на концептуальные основы методологии обработки прошлого и упорядочивание документов. Они знали, или полагали, что знали, язык цитирования. И как специалисты, разделяющие взгляды на критерии исторически важного, они вместе сосредоточились на роли институтов, выдающихся людей, национальных границ, великих идей и событий, повлиявших на структурирование исторических перемен и принципиальных при отборе, классификации и сохранении исторических материалов.

В процессе нашей совместной работы мы обнаружили, что теперь эта фундаментальная связь претерпела глубокие изменения. Чувство партнерства, общие взгляды на природу исторической авторитетности и непреложной силы архивных документов уступили место радикально несхожим способам понимания прошлого. Разные лингвистические, культурные и другие «повороты», которые в последнее время формируют новое историческое понимание, теперь сопровождаются еще и резким отходом архивного сообщества от всякого рода историографических авторитетов в сторону архивных авторитетов (уже в более строгом смысле этого слова) либо авторитетов из области современной практики управления документами. Сегодня историки уже задают насущные вопросы, на которые нелегко ответить и которые непросто понять, если изучать только архивные собрания. Архивисты же столкнулись с невообразимой массой документов, как бумажных, занимающих бесчисленные погонные метры стеллажей, так и новых по форме и потенциально изменчивых — электронных, сама природа которых, как представляется, ликвидирует какие бы то ни было ограничения по количеству единиц хранения. Поэтому историки и архивисты уже не объединены общей профессиональной подготовкой или историческим пониманием. Архивные практики претерпевают стремительные метаморфозы, не имеющие никакого или почти никакого отношения к актуальным историческим

концептуализациям. Словом, историки лишились львиной доли информации о том, что сделали и делают архивисты, как они отбирают и хранят старые и новые исторические документы и как они планируют это делать в будущем.

Наши обсуждения всех этих проблем свели вместе историка и архивиста: первый, исследуя российскую и советскую историю, работает с западными, советскими и постсоветскими архивами и уже довольно явственно увидел новые влияния и перемены в концептуализации, формирующие современный архив. Второй обладает значительным опытом управления университетским архивом и государственным историческим собранием, и новые формы понимания и научного использования этих материалов для него представляют большой интерес. Хотя мы оба, в силу специализации, были весьма равнодушны к концепции исторического архива, нас крайне изумило то, насколько мало историк знал об архивах, а архивист — о новых направлениях в историческом понимании. И поэтому здесь мы исследуем не только изменения в исторической и архивной практике, но и растущее расхождение между работой, профессиональной подготовкой и взглядами историков и архивистов. Это расхождение мы назвали «профессиональным размежеванием». Основное внимание мы сосредоточили на спорных и изменчивых понятиях авторитетной истории, на подвергаемой сомнению роли исторического авторитета как главной предпосылки архивного дела и на новых несоответствиях в способах работы историков и архивистов с прошлым. В том, что касается историков, книга задумывалась как способ разобраться в причинах, по которым в наш век информационных технологий историкоцентричный подход к обработке архивных документов сдал свои позиции системе управления документацией. Архивному же сообществу она предлагает поразмышлять над тем, как современные концепты, например социальная память, изменили научное понимание способов аналитической обработки прошлого. Таким образом, мы обращаемся сразу к двум, теперь уже очень разным аудиториям.

Адресуясь к историкам, антропологам, макросоциологам и другим исследователям истории, мы поднимаем вопрос о том, как можно получать доступ к историческим документам, сейчас и в будущем, и как развивающиеся архивные технологии влияют на наше понимание «производства» исторических свидетельств. Для архивистов публичных и частных архивов мы актуализируем другую проблему: как удовлетворить потребности современных и будущих

ученых. И, обращаясь уже к обеим аудиториям, мы анализируем возможные пути влияния новых исторических подходов, технологий и внушительной массы информации на то, как общества будущего смогут обрабатывать свое прошлое при помощи исторических архивов, меняющих сегодня свое лицо. Короче говоря, наша книга о том, как архивы работают и будут работать с прошлым и, следовательно, какие формы примет историческое знание.

Немного предыстории

Еще с античных времен архивом называют место, где хранятся социально значимые документы. Само понятие *arkheion*, согласно известной работе Жака Дерриды (*Jacques Derrida*) «Архивная лихорадка», означает локус социального и исторического авторитета, место, где стража, охраняющая следы прошлого, создает и воссоздает социальный порядок¹. Со временем, по мере того как понятие политического авторитета идеологически мигрировало в другие сферы, архивы все чаще стали представлять местами хранения аутентичных² документов. Их собрания не всегда использовались для поддержки государственного порядка. В XVII веке с введением принципов дипломатики (изучения происхождения, формы и функций определенных документов) роль архивистов стали отождествлять с практикой верификации документов. Архивы вскоре получили привилегированный статус как места хранения «аутентичных» материалов и документальной «правды».

В это время сформировалась новая концепция архивного авторитета как неотъемлемой характеристики аутентичных архивных материалов. Архивы превратились в привилегированные места, определяющие, что есть историческая правда. Европейские архивы вскоре стали критическим элементом в позитивизме Ранке и в новой «объективности», провозглашенной Робинот Коллингвудом (*Robin George Collingwood*) в его подходе к истории. Признание авторитетности точки зрения на прошлое проистекало из одобрения архивного рационализма и веры в аутентичность архивных фондов. И хотя веру эту можно поколебать сфальсифицированным или подделанным документом, фундаментальная связь между целями архива и целями истории пустила крепкие корни.

Наш анализ показывает, что в XIX веке пространство, в котором вместе обитали архивисты и историки, формировали обе стороны: историки мыслили себе архивы как окно, через которое можно

заглянуть в реальное прошлое, архивисты же отвечали за архивные процессы. Такое объединенное концептуальное пространство отражало совместный интерес к роли институтов, значимых исторических личностей и событий, а также общее ощущение национальных границ и дефиниций. Интересы эти порождали «авторитеты», которые архивисты использовали для отбора, оценки, классификации и хранения документации. Собранная и упорядоченная документация, в свою очередь, во многом определяла границы исторических исследований, фокусируя их на государственной формации и национальном определении. Как таковые архивы стали, как в прямом, так и в переносном смысле, памятниками прошлому наций и их будущим устремлениям.

Такое прочное концептуальное и методологическое партнерство, скрепленное общей для сторон эпистемологией и научной целью, не ослабевало в течение почти всего XX века. Первым архивистом США был профессиональный историк, избранный Американской исторической ассоциацией (АНА). В Восточной и Западной Европе архивное образование тоже включало глубокое изучение национальной истории. У историков и архивистов были общие взгляды, знали они и работы друг друга. Тем не менее начиная с 1960-х годов понятие авторитета в истории вышло за границы институтов, личностей, идеологий и событий и стало охватывать более широкие социальные и культурные феномены, что особенно проявилось приблизительно в последние двадцать лет. Для нового поколения историков тексты превратились в объекты критического изучения и модусы выражения. Культурные формы и процессы, наряду с историческими событиями, стали пониматься как содержательные элементы исторического формирования идентичности, а также как официальные и неофициальные отношения власти. В некоторых научных кругах этот «новый историзм» литературоведческих исследований явился отражением актуального интереса историков к роли нарративных форм в представлении обществами своего прошлого. По-новому начали осмысливать и потенциальное влияние индивидуальной и социальной субъективности на «обработку» исторического опыта. В центре внимания здесь оказалась сложная проблема «социальной памяти». Не миновали переосмысления и такие понятия, как власть, политика, гендер, этничность, идентичность, язык, природа текста и исторический источник. Все эти проблемы также подразумевают многообразие исторического прошлого и подчеркивают его спорную природу.

Уже само по себе такое расширение спектра исторических вопросов поставило архивистов лицом к лицу со сложными проблемами. Можно ли в полной мере утверждать, что в профессиональные обязанности архивистов входит при отборе и сохранении документов учет этих новых научных запросов? Если да, то должны ли архивисты прогнозировать появление новых областей научного интереса? Возможно ли такое в принципе? Как смещение интереса от четко определенных национальных нарративов в сторону смутно очерченных культурных и социальных скажется на больших государственных хранилищах? В то же самое время, если общество и культура представляют собой основную призму, формирующую историческое понимание, то разве архивы сами по себе не отражают определенные социальные и культурные процессы? Кто же и на каких основаниях должен определять, что хранить архивам, а что нет? Какие материалы идентифицируются и обрабатываются как «представляющие исторический интерес», и как они попали в архивы? Какие социокультурные и социополитические образования подбирают «аутентичные» документы, и каким образом они наделяют конкретные исторические нарративы аутентичностью определенного типа? И, конечно же, какого рода «авторитет» заключен в документах, которые считаются «историческими», и как это обосновывает конкретное историческое понимание? Эти (и другие) вопросы сместили в архивном деле акценты от места исследований к предмету исследований, от локуса к объекту. Также они увели многих архивистов от традиционного сотрудничества с историками и, как мы полагаем, сделали бы это в любом случае, даже без влияния описанных ниже двух новых факторов, угрожающих полностью разрушить партнерские отношения архивов и истории.

Первый фактор — это увеличение в геометрической прогрессии массы документов, то есть проблема «снежного кома». Резкий рост количества новых материалов в последние десятилетия ошеломил даже наиболее исторически мыслящих архивистов. В результате архивы утратили традиционный статус «хранителей» и оказались, как заметил архивист Ф. Джеральд Хэм (*F. Gerald Ham*), в незнакомых водах «пострежимной» эры, когда даже такие крупнейшие хранилища, как Американский национальный архив, уже не могут принять материалы в полном объеме.

Пытаясь как-то совладать с этим обстоятельством, архивы и архивисты столкнулись с еще одним «цунами», на сей раз эпистемологическим, которое было порождено техническим прогрессом.

С одной стороны, развитие цифровых технологий открыло потрясающие возможности в плане описания и понимания концепции архива. С другой стороны, изменилось само средство создания документа: вместо записей на бумаге, легко поддающихся аутентификации, мы имеем теперь множество повсеместно раскиданных электронных документов, неизменность, аутентичность и происхождение которых порой весьма сомнительны.

Мы считаем, что этот «технический поворот» в его самом широком концептуальном смысле радикально изменил архивные практики, причем весьма неочевидным для специалистов гуманитарных и социальных наук образом. Архивисты внезапно оказались вынуждены разбираться во всех тех технических процедурах, с помощью которых различные институты и архивные организации создают, описывают и хранят электронные документы. В то время как многие ученые уходят от эссенциалистских понятий исторических процессов, лежащих в основе традиционной политической и институциональной истории, архивисты пришли к выводу о необходимости использовать эссенциалистские категории (о них пойдет речь ниже), для того чтобы сформулировать, как они понимают архивные документы и как их можно описать, а именно: установить имманентные самим документам «сущностные» отношения, которые связывают эти документы с порождающими их процессами.

Но здесь перед нами встает вопрос: как эти новые отношения повлияли на исторический анализ, или на традиционные цели сохранения так называемой социальной памяти, или на роль архивов как «хранителей прошлого»? В рамках этой эссенциалистской модели архив уже не в состоянии вместить в себя представления, выведенные из исторического понимания с его вечно меняющимися границами, а история и связанные с нею области уже не могут влиять на систему оценки и архивной обработки документов. Более того, учитывая интерес историков и других ученых к целому ряду современных сложных социальных и культурных проблем, можно предположить, что такое обособление истории и архивов отрицательно скажется на будущих научных исследованиях.

Наша книга состоит из двух частей. В первой части мы поговорим об истории отношений между архивами и подходами к истории, а также о традиционных системах работы с прошлым, принятых у историков и архивистов. В центр внимания здесь поставлены проблема авторитета и его природа в архивном деле и исторической науке, а также исторический анализ обозначенного

выше отделения архивов от истории — «профессионального размежевания». Во второй части мы рассмотрим новые подходы к историческому пониманию в их отношении к архивам, а также их влияние на изменение архивных практик. Мы сосредоточимся на упомянутом разделении дисциплин, на том, что делают историки и архивисты и как они осмысляют свои действия, — и поэтому наш читатель-архивист, безусловно, встретит здесь уже знакомые ему проблемы (главы 2, 3 и 8). Возможно, кто-то из архивистов предпочтет обратиться сразу к главам, где обсуждается историческое знание (4, 6 и 7). Историки, напротив, уже могут быть хорошо знакомы с проблемами разных «поворотов», которые мы разбираем в 1-й и 4-й главах, а также с проблемой «социальной памяти» (глава 6). Вероятно, бегло просмотрев остальное, они смогут сосредоточиться на нашем обсуждении активизма и политики архивов, на истории взаимоотношений архивистов и историков, на представленном нами новом материале о «киберинфраструктурах» и электронных архивах, а также на формировании профессионального размежевания (главы 3, 5, 7–9 и 10).

Тем не менее, с нашей точки зрения, сегодня любое посещение историком архивной организации уже является междисциплинарным взаимодействием. Мы надеемся, что наши усилия помогут обеим сторонам лучше разобраться в изменчивых взаимосвязях между авторитетом (в широком смысле), историей и документами, которые мы исследуем в этой работе.

*Фрэнсис Блоун
Уильям Розенберг*

Часть I

**Истоки профессионального
размежевания (*archival divide*)**

Глава 1

Авторитетная история и авторитетные архивы

Десять лет спустя после распада СССР исторический факультет одного из ведущих независимых университетов России собрался для обсуждения своих учебных планов. В состав факультета входили как известные ученые мужи, так и молодое поколение исследователей, которые активно публиковались начиная с 1991 года. Декан, представитель группы молодых ученых и одаренный ученик одного из почтенных «старших», предложил переработать курс, чтобы приблизить его к курсам исторических факультетов ведущих университетов Европы и Северной Америки. Предполагалось ввести в учебный план историческую антропологию, символический язык политической культуры, компаративную семантику исторического понимания с акцентом на работах Райнхарта Козеллека (*Reinhard Koselleck*), а также изучение всех аспектов сложного «лингвистического поворота» в рамках четырнадцати лекций и ряда семинаров.

Предложенные курсы вызвали возмущение, особенно среди ученых старшего поколения, известных и уважаемых, которые, пройдя через годы борьбы с жесткими ограничениями и репрессиями, смогли заслужить себе высокую репутацию эрудицией и глубокими исследованиями по истории предреволюционной России, признанными и за рубежом. В основе их работ лежали обширные архивные изыскания. Эти ученые получили признание отчасти потому, что умудрялись сводить теоретические указания «сверху» к «правильным» предисловиям, куда никто, кроме партийных прислужников, даже не заглядывал, но большей частью — благодаря скрупулезной работе с архивами. Один почитаемый академик, куратор этой группы, даже имел обыкновение регулярно (и неожиданно) наведываться в архивы — просто для того, чтобы убедиться, что его подопечные старательно горбятся над архивными документами. И подопечные

хорошо усвоили эти уроки. Они и спустя годы продолжали вспоминать свой страх перед этими проверками, но вспоминать с ностальгической гордостью и нежностью.

Ирония ситуации, когда «советские» историки защищали авторитетное архивное исследование от «атак» теории постмодернизма, свидетельствует о том, насколько в действительности сама авторитетная история (чем и являлся весь советский проект) была и остается вполне современным предприятием. Ее истоки, как и истоки первых попыток построить новую советскую Россию, лежат в структурах убеждений и практик, которые отождествляют современность с рациональным пониманием социального порядка и, следовательно, со способностью безошибочного изложения истории. Подобно теперь уже отвергнутой двенадцатитомной «Истории СССР с древнейших времен до наших дней»¹ издательства Академии наук авторитетная история рассказывает о прошлом «научно». Она без зазоров укладывается в свои архивные основания, а ее выводы подкреплены авторитетными цитатами. Она подтверждает достоверность понимания прошлого убедительными средствами, которые убедительны не только потому, что объясняют настоящее, но и потому, что узаконивают попытки использовать научно обоснованное прошлое для конструирования рационального будущего.

В этом сплаве архивов и истории можно обнаружить характерный для наших дней оптимизм относительно способности человека понять прошлое, если научным исследованиям ничто не препятствует, а также источник веры в телеологию «современности», согласно которой история способна следовать рациональным курсом, если мешающие этому структуры и представления исчезнут. Безусловно, причин распада Советского Союза было несколько, но одна из самых очевидных — это то, что советское историческое понимание само по себе постепенно становилось все менее убедительным, а будущее, предначертанное советским официальным образом прошлого, уже перестало внушать хоть сколько-нибудь обоснованную надежду его достичь. Не будет преувеличением сказать, что официальная история, таким образом, делигитимировала позднесоветский режим — ровно в той же степени, в какой «историческая необходимость» революционных преобразований изначально обусловила большевистские притязания на власть.

Важная роль истории в Советской России лишь укрепила серьезных историков, публиковавшихся после 1991 года, в намерении работать в современном, строго научном русле. Были рассекрече-

ны сотни тысяч документов советского периода. Ученые наконец могли позволить этим материалам свободно «говорить самим за себя», выстраивая новое понимание прошлого России и СССР. Именно стремление знать «как все было на самом деле», безусловно, и сформировало сущность куда более широкого и глубоко эмоционального представления о мире и о себе. Какую ценность может представлять для новых историков новый учебный курс, если он отрывает историческое понимание от его архивного фундамента?

История как наука

Парадоксально, но при всех искажениях, имевших место в советской историографии, и ужасающе высокой цене, которую заплатили многие ученые за «неверное толкование» советской исторической правды, упорство упомянутых факультетских традиционалистов, сопротивлявшихся инновациям культурных исследований и исторической антропологии, отражало их собственные глубокие связи с ведущими течениями европейской исторической мысли XIX века. Идея о том, что историки, и правда, могут знать, «как все было на самом деле», конечно же, досталась нам отчасти в наследство от Леопольда фон Ранке (*Leopold von Ranke*), с его «*wie es eigentlich gewesen*»² — одной из самых знаменитых фраз в европейской историографии. Ранке понимал «научное» строго в смысле «точного представления фактов, какими бы случайными и непривлекательными они ни были»³. Аутентичная история прорабатывала архивные источники до тех пор, пока из некой совокупности фактов не начинали вырисовываться формы и очертания событий, из которых затем можно было бы сплести ткань нарративов, повествующих о переменах. Индивидуальное, особенное служило единственной дорогой к общему. Из собранной информации следовала логичная и убедительная интерпретация. Авторитет фактов, говоривших сами за себя, естественным образом порождал значение истории.

По отношению к фактам архивы выступали как авторитетные источники. Они сплавляли в единое целое исторические описания и интерпретации с аутентичными (как их определяли сами же хранилища) документами. Начиная с 1820-х годов, когда была опубликована «История романских и германских народов с 1494 до 1535 гг.»⁴, и на протяжении всей своей удивительной шестидесятилетней карьеры, кульминацией которой стала работа над

девятитомной «Всемирной историей»⁵, Ранке занимался исторической наукой с удивительной энергией и, как выразились бы российские ученые старшего поколения, со стахановской производительностью. Собрание его работ составляет пятьдесят четыре тома, лишь немного уступая по объему трудам Ленина.

Ранкеанский «канон» научной истории, как весьма точно назвал его Леонард Кригер (*Leonard Krieger*)⁶, вырос из понятия объективной правды, которая обусловлена прежде всего аутентичностью исторических документов и других артефактов. Задача историка заключалась не столько в том, чтобы «объективно» истолковать объект, будь то архивный документ, рукопись или другой материальный предмет, сколько в том, чтобы дать им возможность говорить самим за себя. Научная история наделяла привилегиями историческое «высказывание» самого объекта — в ущерб каким бы то ни было предпочтениям исследователей, намеревавшихся использовать объект в своих целях. И это был не просто аргумент в споре об отношениях между фактами и теорией. Это было представление об исторической аутентичности, привязанной к документальному наследию прошлого. Такая логика истории, с тех пор известная каждому магистранту, стала мыслиться неотъемлемой частью отношений, в которые вступали между собой объекты.

Иначе говоря, для Ранке историческая строгость подразумевала, помимо всего прочего, критическое изучение источников, особенно текстов. Вплести содержание источников в историю можно было, лишь дешифровав их специфическое, частное значение. Специфическое следовало встраивать в более крупные схемы, которые оно отражало, — в более массивные «цепи бытия», если использовать популярный концепт того времени. Рассказывая своим студентам об «объективности» правды, Ранке имел в виду буквально, что *правда заключена в объекте*. В этом смысле историк выступал также и в роли археолога, раскапывая, крайне осторожно, прошлое, дабы обнаружить скрытые в нем факты. Предвзятость, субъективность историка столь же мало была способна изменить эти факты, как личные пристрастия археолога — превратить греческую вазу в римскую. Самопроверка, которой требовало критическое исследование, служила лишь средством избежать ошибок.

Таково было содержание знаменитых семинаров Ранке — занятий, которые внесли в формирование истории как современной профессиональной дисциплины вклад не меньший, чем его многочисленные письменные труды. Авторитет Ранке-ученого объяснялся не только широтой и глубиной его исследований и мастер-

ством изложения, но и предполагаемой отстраненностью автора от материала: его тексты говорили сами за себя. Благодаря Ранке и другим исследователям такое явное дистанцирование от источников стало самым важным элементом современного исторического знания. Оно отделяло работы серьезных историков от старой, прочно укоренившейся традиции заказных, «придворных» версий истории, подобно тому как нынешние академические ученые отмежевываются от «популярной» истории. Когда немецкие университеты стали моделью для американского и российского высшего образования, семинары Ранке обрели известность в Нью-Йорке и Бостоне, в Москве и Санкт-Петербурге, превратившись в образец критического исследования и академической подготовки. Студенты с головой погружались в палеографию и сфрагистику, изучали папирологию и нумизматику, открывали для себя важность лингвистических тонкостей и необходимость помещать дискурс в контекст. Они зарывались в документах и были одержимы страстью к дешифрованию. Достоверность для многих превратилась в одиссею. Непредвзято раскрытые факты, то есть реальность, составляли фундамент исторического понимания⁷.

Эмпиризм Ранке обычно возводят к центральным течениям просветительской мысли XVIII века и противопоставляют практике писать историю как героический нарратив — жанр, ассоциирующийся с великими хрониками Средневековья и раннего Нового времени, а также с Фукидидом и другими греческими историками. Фактически сущностное различие между Фукидидом и Ранке состояло не в их обращении с историческими свидетельствами (греки, вне всякого сомнения, подходили к ним очень серьезно), а в том, как именно Ранке и ученые-историки Нового времени обеспечивали возможность материалам «говорить самим за себя», подобно тому, как говорят сами за себя физические законы⁸. Таким образом, Просвещение связывает ранкеанскую историю с Бэконом и Ньютоном — в том, что касается индуктивного мышления и научной объективности, — и, в числе прочих, с Декартом, Монтескье, Вольтером, Д'Аламбером и энциклопедистами — в плане критического мышления и внимания к исторической логике.

Однако следы исторического подхода Ранке следует искать и в современной концепции архивов, которая начала тогда складываться. Вряд ли можно недооценивать влияние «Нового органа» Бэкона и «Начал» Ньютона на мысль XVII–XVIII веков: они подтолкнули ее к пониманию влияния фактической объективности на исторические представления. Однако убеждение в абсолютной

объективности фактов легло и в основу идеи о том, что организация хранилищ документов и должное управление ими могли бы обеспечить достоверность истории. Согласно этой идее, любой исторический момент может быть понят и осмыслен, если в архивах найдется достаточно фактического материала. История, таким образом, могла стать чем-то большим, чем искусство и литература — подобно тому, как наука выходит за рамки гипотез и теории. Обнаружение исторических закономерностей и логики требовало в первую очередь скептического отношения к безосновательным заявлениям и скрупулезной работы с проверяемой информацией. К моменту выхода в свет «Энциклопедии» Д'Аламбера и Дидро в 1764 году история уже представлялась как «*le recit des faits donnés pour vrais, ou contraire de la fable*» (изложение фактов, приведенных в качестве истинных, в противовес басням). Историческое понимание, передаваемое устно от старших к младшим, порождало лишь «вероятности», правдоподобность которых уменьшалась с каждым последующим поколением. История, как она традиционно мыслилась, значила, таким образом, лишь немногим более, чем «летопись мнений». Чтобы «пролить свет на прошлое», историкам приходилось прибегать к «*le secours des archives*» (помощи архивов)⁹.

Архивы как аутентичные документы

Итак, в XVIII веке архивы начали воспринимать как источники авторитетной истории. Ранее же под архивами понимали в основном документы, касающиеся системы управления, а также места их хранения. Само слово «архив» восходит к греческому ἀρχή (начало, правительство), а ἀρχεῖον означало еще и «правительственное здание», «ведомство». Однако понятие архива как собрания записей о разного рода транзакциях существует столько же, сколько и сама человеческая цивилизация. Самый ранний из известных архивов возле Ура и других поселений Южной Месопотамии хранил официальные решения и всякого рода дела, касающиеся правителей и подданных. Для их записи сначала использовались глиняные таблички, позднее — папирус и пергамент. Архивы и процесс архивирования подразумевали аутентичность и официальный статус — «кирпичики» в фундаменте социального порядка. Документы и хранилища сами по себе тоже нуждались в упорядочении, чтобы обеспечить надежное сохранение определенных социальных и политических фактов¹⁰.

Природа и объем документации, которую в силу ее важности следовало хранить, естественным образом изменялись вместе с развитием общества. Дарственные, указы, бенефиции, привилегии, юридические решения, земельные договоры, налоговые выплаты, записи о рождении, браке и смерти стали в большинстве обществ частью системы социальной организации и осмысления собственности. Документы отражали «существенные» социальные трансакции. Прodelав путь от греческих ἀρχή и ἀρχεῖον к латинскому *archivum* (архив), архивы Европы, подобно хранилищам Китая и других стран, стали играть важную роль в укреплении официальных институтов, их создавших, в формировании и воспроизведении социальных структур, политических институтов и ценностей.

С приходом на Запад христианства идея «жизненно важных» документов приобрела дополнительное, сакральное значение. Архивы теперь способствовали организации церкви как эпицентра сообщества в части официального признания фактов рождения, бракосочетания и смерти, а также наделяли ее в связи с этим социальной значимостью. Такое документирование ключевых событий жизни укрепляло связи между церковью и государством. Начиная с позднего Средневековья в Европе стали организовывать хранилища и другие централизованные институты, чтобы подготавливать, сохранять и упорядочивать эти документы, а также разрешать споры, в частности имущественные и территориальные. Например, документы требовались для верификации бенефиций и пожертвований со стороны правящей фамилии или Папы Римского. В силу всепроникающего влияния папства его архив служил образцовой моделью упорядочения и хранения документов¹¹.

Современное представление о документе как об объекте родилось из вековой традиции создавать документ в качестве «памятки» о договорах и социальных событиях. Отсюда же берет свое начало и современное понимание архива как места, где вечно хранятся свидетельства (память) о существенных, с точки зрения общества и институтов, процессах. Эти понятия дали жизнь еще одной распространенной идее: архивы и архивные документы, сохраняя аутентичные свидетельства прошлого того или иного общества, так или иначе формируют социальную «память». В этих концептуальных и институциональных исторических изменениях можно заметить важное расширение значения «авторитетности» и «аутентичности»: от достоверности записей как трансакций до легитимности институтов, хранящих эти записи, и далее — к сакрализации «аутентичных» ценностей и «авторитетных» мнений.

Даже при смене форм государственного правления архивы продолжали оставаться хранилищами важных транзакций, символом исторической преемственности, порядка и правды¹².

Постановка аутентичности документов во главу угла не обошлась без последствий. В Западной Европе при определении права собственности, владения имуществом, привилегиями и других прав документы наделялись таким авторитетом, что подделки превратились в серьезную проблему. То же, несомненно, происходило и в Китае. Энтони Графтон (*Anthony Grafton*) предполагает, что, вероятно, половина официальных документов времен Меровингов и две трети всех документов до 1100 года, выданных священнослужителям, являлись фальшивыми¹³. Поскольку документы стали единственным аутентичным источником информации о социальных транзакциях, требовались методы верификации их аутентичности. В Европе наиболее активным разработчиком аналитических методологий выступило аббатство Сен-Жермен-де-Пре в Париже. В результате к XVII веку был выработан ряд принципов, известных как «дипломатика», — термин, введенный в оборот бенедиктинским монахом Жаном Мабильоном (*Jean Mabillon*) в трактате «*De re diplomatica*» («О дипломатике»)¹⁴.

Мабильон задался целью создать процедуры для определения подлинности правовых притязаний и грамот. Эти нормы связывали перцептивные и интеллектуальные атрибуты документов с их формой и происхождением. Также они имплицитно расширяли роль архива: на «хранителя» документов теперь возлагалась и определенная доля ответственности за их аутентичность. Сначала во Франции, а позднее и в континентальной Европе архивисты взяли на себя трудную, а часто и спорную задачу — верификацию материалов. Изучая печати, почерк, контекст происхождения документа и сопоставляя все это со сходными материалами, архивисты давали заключение о его аутентичности.

Со временем архивные документы (и архивисты) все чаще стали выступать в качестве главных источников доказательства и верификации в притязаниях и спорах — обычно между монархами и папством, мелкими дворянами, общинами и монастырями, а позднее и между представителями правящей элиты государства. Изменилась и концепция архива: теперь он стал местом, благодаря которому можно было, скрупулезно изучив материалы, разрешить споры на самом высоком уровне — рассудить, в обоих значениях этого слова. По мере того как феодальные владения в Европе уступали место более современным государствам, власти собирали под

крышей организованных архивных хранилищ все больше и больше материалов. В 1540 году было положено начало архиву в Симанкасе, Испания, куда свозились все документы местных советов, судов, архивов, секретариатов и казначейств Кастильской короны. В 1610 году Яков I собрал ключевые документы Англии, заложив фундамент современного Государственного архива Великобритании¹⁵. Годом позже папа Павел V учредил в Ватикане Секретный архив, куда вошли документы из различных недавно образованных канцелярий Папской курии и ватиканской библиотеки.

Безусловно, все эти архивы являлись закрытыми институтами — в том смысле, что ими могли пользоваться лишь должностные лица. Это укрепляло авторитетность хранилищ. Поскольку решения, основанные на аутентичных архивных документах, считались авторитетными имплицитно, сами архивы приобретали все большее социальное и политическое влияние как учреждения, которые служат залогом достоверности информации, справедливых судебных решений и надежной основой верификации. Например, в Венгрии документ считался аутентичным уже потому, что он хранился в городском муниципалитете или в ином официальном учреждении. Во Франции такой однозначной зависимости не выводили, однако и там решения или толкования, основанные на тщательном изучении архивистом авторства и происхождения документа, тоже априори считались авторитетными¹⁶. К началу XVI века развитие книгопечатания заметно упрочило такое положение дел. Существование нескольких копий авторитетного документа означало, что аутентичность можно было подтвердить не только имманентным анализом, но и путем сравнения двух напечатанных копий.

Аутентичный документ: расширение понятия

В Европе XVI–XVII века ознаменовались образованием крупных держав с трансконтинентальными интересами, что потребовало создания новых бюрократических структур, дабы обеспечить коммуникацию и координацию действий с помощью инструкций, дипломатических или экспедиционных отчетов и других новых форм документации. Такая трансформация также изменила сущность архивов и архивных материалов, расширив круг их характеристик. Документы, содержащие дипломатические отчеты и переписку с органами государственного управления, затрагивали целый

ряд операций, интересов и событий, не связанных с транзакциями. В этом меняющемся контексте аутентичность документа уже нельзя было определить только исходя из его содержания. Статус документов зависел теперь и от значимости связанных с ними учреждений, событий или процессов, а также от взаимосвязей (отношений) между сходными документами.

В результате документы все чаще стали группировать (в современной терминологии — подшивать в «дело»). Это, в свою очередь, означало, что они уже перестали быть сугубо «транзакционными», то есть вышли за рамки простых свидетельств о конкретных транзакциях. Документы, взятые в совокупности, теперь отражали сложные социальные и политические процессы и включали материалы оценочного, описательного, предписывающего или консультативного характера, в зависимости от намерений и функций своих создателей — официальных или иных лиц. Когда в архивы, наряду с уникальными рукописями, начали добавлять печатные материалы, задача архивной верификации тоже расширилась, а объем документации заметно увеличился¹⁷. Вскоре стремительный рост государственного административного аппарата европейских стран далеко обогнал эти архивные процессы по объему и масштабу. Уже в начале XVIII века, и, вероятно, даже раньше, архивисты утратили возможность анализировать или верифицировать каждый отдельный документ со всей тщательностью и вниманием, которые гарантировали бы авторитетность материалов, попавших к ним в руки.

Все это сильно повлияло на авторитетность самих архивов. Группы документов нужно было каталогизировать, регистрировать и идентифицировать согласно какому-нибудь протоколу. Пришлось разработать протокольную систему, связывающую документы с конкретными бюрократическими процессами, ответственными за их создание. Варианты этой системы до сих пор можно увидеть по всей Европе, включая архивы царской России, папского Рима и земель Испании, Италии, Германии. Если документ можно было верифицировать по протокольному номеру, вывод о его аутентичности делался исходя из одного лишь факта нахождения документа в архиве, и «дипломатика» отворачивала от него свой пристальный взор. Сходным образом статус «истинных свидетельств» материалы получали и потому, что были созданы в рамках регулярной и хорошо организованной бюрократической деятельности, а не потому, что их содержание подтверждало конкретные транзакции благодаря своей верифицируемости.

Иначе говоря, «авторитетностью» стали наделять, скорее, сферу административной политики, а не скрупулезный анализ текстов. Имманентная истинность таких материалов обосновывалась их аутентичностью в рамках разного рода администраций политических систем. Например, в Ватиканском секретном архиве некоторые документы Апостольской Датарии были обозначены как *processus* и сгруппированы в несколько папок. В основном они представляли собой досье, подготовленные для рекомендации кандидатов на различные должности. Святая конгрегация Индекса запрещенных книг начала документировать в своих «Протоколах» процедуры проверки печатных изданий. Хотя обширные архивы Государственного секретариата Ватикана включали целый ряд донесений, черновиков, справочных и других материалов, все эти разнородные документы получили статус подлинных свидетельств о важной административной деятельности Ватикана всего лишь на основании места их создания, несмотря на то что правдивость написанного теперь зависела от того, кто и как их читал¹⁸. Более того, поскольку достоверность созданного бюрократией документа скорее определялась мнением его читателя, а не выводилась из имманентного анализа содержания, документы, хранившиеся в архивах, даже не подвергали сколько-нибудь тщательному индивидуальному исследованию. Это привело к тому, что архивистов воспринимали как простых хранителей — пассивных участников процесса создания и сохранения документов.

Начиная с XVII века, когда монархии Европы объединили в себе концепции личной и государственной власти, их архивы превратились, по сути, в частные хранилища документов и уже представляли собою как символ, так и источник авторитетности и власти. Записи о решениях, дипломатических переговорах и государственных административных процессах, собранные в королевских хранилищах и подвалах, напрямую были связаны с суверенитетом, определяющим конкретное государство. Доступ к архивам определял границы этого суверенитета и, в большинстве европейских стран, принципа божественного права. Публичное (то, что имело отношение к общественному) оказалось, по сути, частным — в плане доступа и использования. До Французской революции во многих государствах Европы вход в архивы и право обращаться в официальные архивные учреждения были привилегией, которая строго охранялась. Неудивительно, что архивы Ватикана и по сей день называют «секретными», подтверждая их полномочия по части контроля и доступа.

Трансформация исторических документов

«Эпоха революций» изменила, наряду со многими другими сферами жизни, и базовые представления об отношениях между знанием и властью, которая институализировала новое понимание истории и исторической целесообразности. Предпринятые во имя социальных улучшений и возможностей революции во Франции и Америке возвели прогресс в ранг ключевой политической ценности. «Модернити»¹⁹ внезапно обрело буквальное значение. История и усилия человечества стали мыслиться как прогрессивное и неумолимое движение к отношениям и институтам гражданских и личных свобод.

Тем временем статус архивов существенно изменился: их авторитетные собрания должны были теперь служить на благо общества, особенно это касалось Франции. Когда вместе с изменением понятия *прайвеси*²⁰, особенно в отношении государства, трансформировалась и система защиты частной собственности, документы и материалы, которые считались достоянием правящей политической и социальной элиты, подверглись публичной переоценке. Документы об имущественных правах, налоговых обязательствах, королевских привилегиях и прочих операциях перестали быть основанием для этих самых привилегий и обязательств. Требовалось создать новые документы — уже с учетом радикальных преобразований в законах и способах их внедрения.

В 1790 году во Франции был создан Национальный архив, что сразу же повлекло большие перемены. Соответствующие законы особо оговаривали исторический статус документов прежнего режима, тем самым отделяя их от документов современных и будущих. Вскоре Национальный архив собрал под своей крышей множество разнообразных исторических материалов, включая и частные фонды королевской семьи и церкви. Однако относились к ним не как к утратившим силу административным записям действующих ведомств, а как к останкам вымерших институтов. С точки зрения архивного управления они утратили всякую авторитетность в жизни обновленной Франции. Их значение было сугубо историческим, а вот их авторитет как исторических документов (что для нас более существенно) был подкреплён новой юрисдикцией. Специально подготовленные, хорошо знающие историю Франции архивные служащие встали на страже французского исторического наследия. Их коллеги, ответственные за текущие доку-

менты и материалы, взяли на себя роль поскромнее — хранителей публичных документов Франции²¹.

Схожие перемены вскоре произошли и в других европейских странах. (Однако в России их черед настал лишь после падения царского режима, с созданием в Петрограде Государственного исторического архива, а в США — только в 1934 году, когда главный архив страны обрел статус национального централизованного хранилища.) Были организованы архивы в Австрии и Бельгии, отбиравшие документы на основании их предполагаемой исторической важности. С 1838 года начал функционировать Государственный архив Великобритании. К середине XIX века в ряды хранителей «национального достояния» влились Национальный исторический архив в Мадриде и Архив Индий в Севилье (Испания). Первый ограничивался документами упраздненных институтов и не содержал никаких современных на тот период материалов. Второй прославлял имперское прошлое Испании, собрав исторические документы испанских владений. Английский закон (акт) о Государственном архиве 1877 года предписывал считать все документы, датируемые позднее 1715 года, исторически значимыми и запрещал их уничтожать. Спустя короткое время временные рамки были расширены до 1680 года. Несмотря на то что практически везде, особенно в Северной Америке, необходимость хранить исторические документы осознавалась постепенно и не всегда последовательно, к концу XIX века все крупнейшие архивы, по сути, взяли на себя двойную функцию: хранилищ как исторической, так и текущей документации.

Тем временем благодаря физическому пространству хранилища утвердился «исторический» аспект понятия «архивный материал», и документы, которые ранее понимались только как транзакционные или бюрократические, обрели дополнительные значения. Таким образом, «исторические документы» начали ассоциироваться с ценностью, традицией и прошлым, которое можно так или иначе использовать. Образуя аутентичные документальные связи с прочными национальными традициями, они также расширили концепции власти и политической легитимности. В то же самое время знаменательные события прошлого придали соответствующим историческим документам «архивную ценность» — статус, который в Советской России был положен в основу более рестриктивных систем архивной классификации. Политическим отчетам, завещаниям, актам, судебным материалам и другим видам рутинных документов по-прежнему отводились лишь «транзакционная» и «бюрократическая» роли, из-за чего,

однако, они оказались вне поля зрения профессиональных историков. Чтобы изучать истинное прошлое нации, — каким оно представлялось в документах частных и юридических лиц, обладавших властью и влиянием в жизни государства, — ученые шли в исторические архивы.

Описанные выше события явились для исторической науки своеобразным «квантовым скачком», выражаясь языком современной научной метафоры. Новый подход подразумевал переосмысление концепции доступа, в которой архивное исследование, как заметил Мишель Дюшен (*Michel Duchesne*), все чаще стало включаться в сферу гражданского права²². Во Франции этот процесс приобрел радикальный характер. Озабоченные проблемой публичного доступа к государственным архивам французские архивисты начали систематическую работу по распространению и воплощению республиканских концепций в практике управления архивами. В 1821 году во Франции была основана Национальная школа хартий — учреждение высшего образования, целенаправленно готовившее архивистов. К середине века выпускники школы уже признавались самыми квалифицированными и наиболее исторически образованными архивистами в мире.

Таким образом, концепция народного суверенитета не только сместила понятие *прайвеси* в архивах из государственной сферы в публичную, где засекреченность могла быть оправдана исключительно интересами народа, но и добавила к легитимирующей роли архивов еще и ответственность. От архивистов, подготовленных Национальной школой хартий, ожидали уже не просто административной работы: хотя обучение сводилось по большей части к анализу средневековых документов, их главной задачей было обеспечить сохранность национального наследия Франции и доступ к нему для историков.

Однако задача оказалась непростой, а со временем сложности лишь множились. Как показала Лара Моор (*Lara Moore*), даже в самой Франции похвальные попытки восстановить порядок в архивах породили немало разночтений в архивных политиках, которые подчас противоречили идее доступности хранилищ. Перечни предметных категорий сильно отличались друг от друга, систематические описи у историков отсутствовали, а решение о том, кому следует давать доступ к материалам, на практике зависело не только от объективного мнения архивиста, но и от самых разных систем классификации, защищавших корпуса документов исходя из их предмета или иных, иногда неопределенных критериев²³. В то же

самое время в монархических странах Европы сохранялась закрытая «королевская модель», хотя и здесь появлялись новые способы классификации, что привело к перераспределению многих видов документов по новым законодательным, административным, судебным и историческим разделам.

За пределами Европы контроль над архивными материалами в тот период отличался незначительно. Так, в Китае существовала распространенная практика уничтожать документы режима после смерти императора (порою вместе с тем, кто за этими документами присматривал). В XVIII–XIX веках династия Цинь ввела новые методы делопроизводства и хранения документов. Тем не менее все материалы считались государственной тайной, за исключением записей, которые император обнародовал целенаправленно и на свое усмотрение²⁴. Даже в дебрях Массачусетса материалы, относящиеся к колониям и ранней истории страны, в начале XIX века были перегруппированы исходя не из каких-либо официальных или единых архивных стандартов, а, скорее, согласно здравому смыслу и общепринятым предметным категориям.

В общем, архивы сделали шаг на пути к открытости, но для исследователей доступ туда все еще был затруднен, хотя документы упраздненных институтов уже не представляли сколько-нибудь очевидной угрозы политическим интересам. Невзирая на значительные изменения представлений о сохранении документации, системе управления архивами потребовалось время, чтобы двинуться навстречу историческому пониманию. В отличие от сохранения текущих документов, обработка информации о прошлом требовала нового, бережного отношения к материалам, которые могли представлять историческую ценность. Более того, по мере перехода документов из сферы частного в автократическом государстве в сферу публичного в государстве демократическом обязанность обеспечения широкого доступа к хранилищам повлекла за собой необходимость разработать системы поиска и классификации, которые отвечали бы общественным интересам.

Укрепление авторитета архивной истории

Описанные выше проблемы ни на йоту не охладили пыл ученых-ранкеанцев XIX века, с головой погружившихся в ставшие доступными материалы. Как таковая концептуализация исторического архива укрепила рожденную Просвещением уверенность

в том, что историю можно и нужно изучать в научном ключе, а формирование понятия архива как публичного хранилища открыло широкие возможности для исследований и добавило аргумент в пользу доступа к закрытым прежде фондам. Эти перемены вызвали в исторической науке всплеск интереса — не менее бурный, чем в других вотчинах научного воображения XIX века, — к построению научных гипотез, страсть к научным открытиям и рациональному анализу. Архивы фактически представляли собой лаборатории, заполненные аутентичными документами, которые позволяли вести поиски исторической правды точными, научными методами²⁵.

Что, однако, осталось скрытым за этой волной энтузиазма, так это то, как в действительности работало историческое воображение. Ранке и другие ученые, погруженные в научные методологии своего времени, настаивали на том, что их критическое чтение архивных материалов помогает документам «говорить самим за себя», и эту позицию и до сих пор защищают наши традиционалисты Санкт-Петербурга. Однако же аутентичность ранкеанской исторической правды основывалась не только на фактическом содержании самого документа, но и — в неменьшей степени — на выведенных историками логических связях между фактами. Связи упорядочивали сумбурный поток фактической информации, иначе говоря, формировали историческое понимание. И здесь, в свою очередь, встает вопрос, как Ранке (или любой историк) создает и трактует эту логику, как исследователь в архиве превращается из историка-археолога в историка-творца. Вряд ли мы приуменьшим достижения Ранке, если скажем, что, как и в случае Фукидида, авторитет его логики интерпретатора лишь частично объяснялся достоверностью предъявленных им свидетельств. В значительной степени он вырос из формы его аргументации, которая отражала (и помогла создать) крайне популярные языки, привязавшие науку и научное толкование к «естественным» эволюционным моделям и историческим телеологиям.

Именно через более общее, глобальное понятие человеческого прогресса новое научно-историческое понимание осмысливало и актуальные для того времени философские проблемы, касающиеся реальности и исторической цели (Кант и Гегель уделили им особое внимание), а также субъективность, энтузиазм и приверженность исторической причинности. Факты, предъявленные в качестве аргумента исторической логики, очевидным образом подразумевали наличие неких (идеальных) смыслов, куда более

обширных, чем просто сумма (реальных) фактов, независимо от того, выявляла ли эта логика «свободу», как ее понимали в эпоху Просвещения или романтизма, или же всего лишь историческое превосходство социополитических институтов. В одном из своих рассуждений, наиболее гегелианских по духу, Ранке назвал государства «идеями бога», явленными нам в сущностных связях между незначительными эпизодами жизни и масштабными событиями. Они составляли особую историческую силу, которую можно охарактеризовать как аналитически автономную по отношению к событиям, вызванным их действиями. Следовательно, государства заключали в себе коллективные исторические судьбы. Правильное толкование их достоверных следов может быть прочитано и изучено как отражение коллективного исторического опыта²⁶.

Таким образом, научная история оказывается помещенной в русло одновременно и постпросветительского романтизма, и научной мысли самого Просвещения. Однако в свете поставленных целей нас здесь больше интересует тот факт, что открытие доступа к архивам привнесло в архивную работу романтические ноты, как потом оказалось, прочно вошедшие в научный историзм. Открытие исторических сокровищ, работа с аутентичными, пусть и фрагментарными, остатками живого прошлого многим доставляло истинно романтическое удовольствие. Архивные исследования вызывали (и вызывают до сих пор!) острое ощущение путешествия во времени.

Большинству архивных историков, какой бы строгой ни была их приверженность «чистой» науке, хорошо знаком этот, почти магический, опыт. Ящики с выцветшими хрупкими следами давно минувших событий и транзакций позволяют нам буквальным образом соприкоснуться с прошлым, разжигая даже самое неповоротливое воображение. Архивные открытия облегчают труд исследователя тем, что демонстрируют ему новые способы приобщения к прошлому. Аутентичность этого исторического мира подтверждается не только самим содержанием документа, но в равной степени и возникающим у историка ощущением присутствия на месте событий, хотя, в отличие от документов, это чувство «соучастия» не может выступать научным доказательством. В ходе исследования архивный опыт способен отвлечь ученого от некоторых вопросов о природе или значении аутентичности документа. Например, не подделан ли документ, верно ли он отражает «реальную» жизнь, ограничена ли его аутентичность описанной в нем транзакцией или же материал представляет собой «живой» артефакт

жизненно важных структур нации и государства. Иначе говоря, в архиве исследователь может в прямом смысле *ощутить* историческую аутентичность уже только потому, что он своими глазами увидел и своими руками потрогал реальные фрагменты прошлого.

Очевидно, что Ранке имел опыт «перенесения» в прошлое. И, конечно же, заразил своими ощущениями и студентов. Любовь Ранке к архивной работе уже почти перешла в страсть. Он писал, что материалы в прусских архивах, которые были

<...> строго секретными, но любезно открыты для меня <...> доставили высшее наслаждение моему любопытству и близки моему сердцу. <...> Смотреть на мир, прежний и нынешний, впитывать его всем своим существом на вершине возможностей, раскрывать всё прекрасное и великое и внимать ему, беспристрастно лицезреть развитие всеобщей истории и, будучи влекомым этим духом, создавать прекрасные и достойные работы — представьте, как я был бы счастлив, если бы мог воплотить этот идеал, пусть и в малой толике²⁷.

Такая субъективная вовлеченность в архивную работу нашла отражение и у известного современника Ранке, выдающегося французского историка Жюль Мишле (*Jules Michelet*), чьи исторические труды тоже попали в рамки дискурса научной достоверности. Романтика изысканий у Мишле являла собой не просто жажду открытий. Как известно любому французскому историку, в основе его энтузиазма лежал образ запыленных архивных ящиков, в которых скрывалась живая Франция, — по выражению Мишле, «призрачные тени» тех, чьи следы заключены в архивных склепах. Перелистывая архивные документы, даря голос чернильным строкам и вдыхая своим пером жизнь в уста давно ушедших авторов, Мишле видел перед собой возрождение этой жизни. Вот его знаменитые слова:

В звенящей тишине галерей я тотчас же уловил слабое движение и шорох, — они свидетельствовали отнюдь не о смерти. Бумаги и пергаменты, столь долго пребывавшие в забвении, жаждали увидеть свет дня. <...> Тише, мои сердечные друзья, разрешите по порядку <...> вдохнув их пыль, я увидел, как они оживают. Они поднялись из гробниц <...> как в «Страшном Суде» Микеланджело или в «Пляске смерти»²⁸.

Таким образом, для Мишле магия архивной работы была обусловлена не только восторженным ощущением научных открытий, но и тем, что историк словно воскрешал ушедших, переводя их речь, говоря их голосами, — рассказывал то, что они «на самом деле» имели в виду и хотели, поскольку сами они «этого не понимали». И с тех пор, как предположил Бенедикт Андерсон (*Benedict Anderson*), молчание мертвых уже перестало служить для историков помехой. Архивы теперь могли раскрыть свои глубоко схороненные чувства и желания так, будто они тоже представляли собою факты²⁹.

История как наука начала складываться в XIX веке в некоторой степени благодаря ощущению субъективной причастности к авторитету открываемых архивов, что, конечно же, звучит парадоксально. Влияние таких историков, как Ранке и Мишле, на студентов, которых становилось все больше и больше, было обусловлено не только выдающимися научными познаниями этих ученых, но и в меньшей степени воодушевлением, которым они заражали атмосферу вокруг себя, исследуя святая святых архивов. Авторитетные архивы, таким образом, наделяли позитивистскую историю восхитительными возможностями, подкладывая научный фундамент под идеалистические, по сути, концепции исторических перемен.

Следовательно, в таком субъективизме важна не гипертрофированная сентиментальность, а то, что сами архивы — объекты этого «вожделения», как его назвал сам Ранке, — представляли собою хранилища, организованные ради новой национальной истории, которая была сосредоточена уже на политике и стратегиях естественного государства, как его начали тогда понимать. Ошеломляющий объем хранившихся в архивах Европы документов — либо в недавно созданных специальных «исторических» учреждениях, либо просто-напросто там же, где они и были созданы, — закрепил понятие «естественного государства». Таким образом архивы «естественным путем» поставили акценты в новой научной истории на политике и нации. Другими словами, сами архивы сформировали определенный вид социального и исторического знания. Их документы являли собою прямые связи не со случайно выбранными элементами прошлого, а с деяниями и функциями доминирующих политических сил, чьи транзакции эти документы отражали и чьи интересы и потребности обслуживали. Архивы естественным образом превратились в посредников, которым научная история отвела главную историческую роль.

Вышесказанное ясно продемонстрировало необходимость сближения архивной и исторической наук, важность переосмысления историками категорий авторитетности и подлинности в рамках архивных практик. Чтобы понять эти институции, в сущности, требовалось взглянуть на внешнюю и внутреннюю историю нации сквозь архивную призму. Исторические концепции, порожденные идеей особой значимости политических институтов, попали в центр внимания как историков, открывавших прошлое, так и архивистов, которые упорядочивали и представляли документы. Для тех и других субъективное удовольствие обнаруживать и упорядочивать «настоящую» историю было связано также с глубокой преданностью конкретным государствам и с их исторической ролью. Фактически авторитетные архивные нарративы Ранке, Мишле, Буркхардта (*Jacob Burckhardt*) и других мыслителей XIX века конструировали, с изрядной долей воображения, великие национальные истории, которые, как предполагалось, были обнаружены благодаря собственно научному знанию этих ученых. Более того, для исследователей процесс «эксгумации» возрождал жизнь и голоса не только политических сил или, в случае Ранке, власть предрежащих, но и самих естественных государств-наций.

Так, в 1869 году британское правительство финансировало поездку лорда Актона (*John Dalberg-Acton*) по Европе для изучения истории Великобритании в архивах Континента. Буркхардт, излагая историю Флоренции периода Ренессанса, стремился выйти за позитивистские рамки истории фактов и выделить особые характеристики и гений духа Италии. Он обратился к романтической историографической традиции, представленной Гете и Гердером, которая подчеркивала естественную природу национальных культур. Хотя его работа требовала «всецело прогрузиться в оригинальные источники того периода», Буркхардта, как заметил один историк, заботили «не историческая достоверность содержащейся в них информации или необходимость изложить политическую историю фактов, а их статус исторических выразителей господствующего национального духа»³⁰.

Немецкие же и итальянские ученые принялись вычищать архивные материалы, пытаясь концептуализировать исторический контекст национального честолюбия, что неизбежно привело их к дверям, по-прежнему закрытым, Ватиканского архива, который продолжал оставаться частным хранилищем королевского двора. К настоящему времени ученые, изучающие развитие наций в XIX веке, уже признали, что новые архивные исследования сами

по себе сыграли главную роль в формировании наций, которые они описывали. В своей основе такое «изобретение традиции» представляет собой плетение логических связей между историзмом и осмыслением целостной последовательности событий, верифицированных архивами. Причины и последствия событий и участники их выступают ключевыми фигурами нации и самой истории³¹.

С этой точки зрения такие авторитетные версии немецкой и французской истории, как «Турки-османы и испанская монархия в XVI–XVII веках», «Римские папы в последние четыре столетия», «Северные легенды демократии», «Жанна д'Арк», «История французской революции», вышедшие из-под пера Ранке и Мишле, а также другие, сравнимые по масштабу и амплитуде интересов работы особенно поражают тем, насколько упорядоченным предстает в них еще не организованный на то время поток материалов, если не сказать хаос, который послужил им источником. Научная история хоть и вписывалась тогда в более общее стремление XIX века к порядку и закономерности, однако чаще эти качества все же навязывались документам, а не следовали из их научного анализа. Значимые обобщения, выведенные из этих материалов Фурье, Прудоном, Комте и, особенно, Марксом, очевидным образом происходили из тех же самых культурных ментальностей, которые породили идеи Дарвина, Пастера, Эдисона и Фрейда. В то же самое время исторические дискуссии выросли, как охарактеризовал их Герберт Бакстер Адамс (*Herbert Baxter Adams*), «из колыбели догмы в лабораторию научной правды»³². Преподаватели и студенты начали проникаться идеей того, что захватывающие открытия порядка и закономерности в физических и естественных науках могут быть связаны с поиском «законов» истории, а не только ее причинной логики.

К концу XIX века изучение истории приобрело профессиональный, академический характер большей частью благодаря тому, что ее запросы и методология подчинились дисциплине, то есть были упорядочены и выстроены в соответствии с общепринятыми стандартами свидетельств и доказательств. В то же самое время авторитетность исторического синтеза основывалась еще и на том, как именно профессиональные историки приводили в порядок документы и, следовательно, устраняли исторический хаос — прямое отражение хаоса архивного. Обрести контроль над документами означало взять под контроль саму историю. Аутентичные архивные материалы стали связывать с разрозненными представлениями о том, как «разворачивалась» история. В результате неупорядоченность уступила место логическим моделям исторических перемен,

но сами модели стирали у читателя всякое понимание того, что собою представляют архивы и документы.

При таком положении дел было неудивительно, что горячее стремление излагать национальную историю компетентно и упорядоченно уравнивалось тревогой о «должном» толковании истории. Даже в Ватикане Папа Пий IX, читая работы современных ему немецких и итальянских историков, пришел к мысли о том, что вклад церкви в новую национальную историю недооценен и требует собственной научной верификации. В 1881 году двери Ватиканского архива приоткрылись указом Льва XIII, преемника Пия XI. Одним из первых «чужаков», удостоившихся экстраординарной привилегии доступа к архиву, стал историк Теодор фон Зикель (*Theodor von Sickel*), глава Австрийского института в Риме, получивший образование в Национальной школе хартий. Зикель был протестантом, из-за чего служители Ватикана, выступавшие против открытия архива, опасались, что его работа окажется предвзятой по отношению к святейшему престолу.

Однако сам Зикель больше всего был заинтересован в том, чтобы с позиции абсолютной объективности доказать аутентичность одного конкретного документа X века, *Privilegium Ottonianum* (так называемые «Оттоновы привилегии»), посредством которого первый германский император Отто I подтвердил верность папскому Риму в обмен на ряд привилегий и уступок. Этот договор долгое время считали подделкой. Споры о его аутентичности служили камнем преткновения в отношениях между Ватиканом и формировавшимся германским государством. Прибегнув к научным методам верификации, фон Зикель смог доказать подлинность договора, что позволило папе противостоять растущему недовольству властью и богатством Ватикана³³.

Папа Лев XIII был настолько вдохновлен тем, что какой-то протестант смог, используя архив, оправдать длительные притязания папства, что в 1883 году опубликовал указ об открытии Ватиканского архива. Несмотря на оппозицию, папа обосновал свое решение утверждением, что научно написанная история смогла преодолеть предубеждение против религии и церкви. Понтифик защищал потребность в «настоящей» истории, которая могла бы, помимо всего прочего, «показать народу Италии, что они в долгу перед понтификами прошлого». Пусть ученые «работают с источниками, будут рассудительны и неторопливы в своих суждениях <...>. Обратитесь к началам. Вот почему я открыл для вас архивы»³⁴. И теперь Ватиканский секретный архив уже сам по себе считался ау-

тентичным арбитром исторической правды. Используя его материалы, столь долго закрытые от посторонних, и хорошо зная скептическое толкование Ранке истории папства, другой немецкий историк, Людвиг фон Пастор (*Ludwig von Pastor*), в 1886 году опубликовал первый том своей фундаментальной «Истории папства», которая, как и надеялся папа Лев XIII, сочетала скрупулезное архивное исследование с пылким католическим настроением³⁵. Труд Пастора явился, по сути, научно обоснованным контраргументом немецкой и итальянской национальной истории.

Модернизация бюрократии и управления архивами

Таким образом, ближе к концу XIX века авторитетные архивы поставили современную европейскую историографию на твердую почву. Страсть к открытиям, характерная для таких последователей Ранке, как Пастор, высвободила мощную энергию, сравнимую с природными силами. Подобно авторитету дарвиновских ископаемых или лаборатории Пастера, авторитет архивов укрепил представление, согласно которому история социальных организмов тоже следует естественным законам. Обретение доступа к ее сокровищам наделило субъективность исторических поисков точностью объективного исследования. Авторитет «первоисточников» обеспечил историческим изысканиям ключевое место среди молодых дисциплин социальных наук. Амбициозные архивные издательские проекты, например публикации Франсуа Гизо (*François Guizot*), затевались ради обнародования наиболее «важных неопубликованных материалов по истории нашего Отечества»³⁶.

Вследствие этих событий практика управления архивами тоже подверглась пристальному пересмотру, частично для того, чтобы придать ей более научный и самостоятельный характер, частично потому, что в XIX веке в архивах накопилось уже очень много новых материалов. Урбанизация, индустриализация, бурное развитие государственной и торговой сфер — все это генерировало новые и новые потоки документации. Так происходило и в странах с централизованной властью, например в монархической России, и в более демократических и децентрализованных государственных системах. В частном секторе, как показал Альфред Чандлер (*Alfred Chandler*), национальный и международный бизнесы, питавшие имперские амбиции развивающихся государств, производили горы

своих собственных документов, растущие по мере того, как их деятельность распространялась на новые территории земного шара³⁷. Огромное количество и разнообразие новых документов и их типов составляло обратную сторону как индустриализации, так и империи.

Эти количественные и качественные изменения документов повлекли за собою весомые последствия для архивов, как потом снова произойдет в 1990-х, с началом электронной революции. Требовалось разрабатывать новые подходы, призванные поддерживать и укреплять авторитетность архивов. Наиболее значимым в этом плане событием стала публикация в 1898 году так называемого «Голландского руководства»³⁸ Самуила Мюллера (*Samuel Muller*), Йохана Фейта (*Johan Feith*) и Роберта Фрёйна (*Robert Fruin*) — трех выдающихся голландских ученых, историков, архивистов³⁹. Это издание было поистине определяющим трудом. Авторы рассматривали архив как ряд теоретических и практических проблем. Им была чужда столь популярная в конце XIX века предметная схема классификации. Вместо этого они сосредоточились на том, что, по их мнению, составляло авторитет, основанный на содержании самого документа. В противоположность принципам дипломатики они предложили архивистам поставить во главу угла не документ сам по себе, а анализ процессов, приведших к его появлению. Документы в бюрократической среде, как они полагали, изначально связаны с генерирующими их процессами. Если эти процессы были аутентичны, то и созданные ими документы следует тоже считать аутентичными, независимо от их содержания. Этот принцип и сформирует потом фундамент — как для понимания, так и для описания архивных собраний.

Современный голландский архивист Эрик Кетелаар (*Eric Ketelaar*) полагает, что идеи авторов «Руководства» не были оригинальными в полной мере⁴⁰. Так, Мюллер обдумывал свои концепции, посещая лекции в Национальной школе хартий в Париже. Схожие принципы разрабатывали тогда в Италии и, особенно, в Пруссии, где немецкие архивисты энергично принялись решать проблемы со своими хранилищами. Однако в «Руководстве» эти вопросы рассматривались под новым углом зрения и объяснялись крайне доходчиво. Споря с европейскими архивами, чья суть и структура определялись чиновниками, а не самими учреждениями, авторы «Руководства» заявили об органической связи между документацией и учреждением, где она была создана, безотносительно к тому, что об этом думают ее создатели. Фактически «Ру-

ководство» настаивало на том, что крупные семейные архивы Западной Европы были заполнены документами, которые причислялись к «официальным», но на самом деле могли носить сугубо частный характер и в равной степени принадлежали обществу, а не только государству⁴¹. В таком случае, по утверждению нидерландских ученых, профессиональные архивисты обязаны уважать упомянутую органическую связь между документами и деятельностью, благодаря которой те были созданы. Эта концепция получила название *respect des fonds*⁴². Административные связи и оригинальный порядок документов следовало воссоздавать как можно точнее, а сохранять их требовалось в том виде, в каком они были упорядочены и описаны в архиве. Помимо распространенных в то время весьма спорных представлений о сути аутентичного документа, эти новые методы и границы архивистики изменили функции архивистов, предлагая им активно заняться управлением документами, как в главных архивах государства, так и во всех остальных.

Новые концепции архивного управления уже не были ограничены правительственными материалами. Всякого рода частные корпоративные объединения тоже имели многослойную организационную структуру, в которой архивы играли существенную роль. Эффективная работа таких сложных образований зависела от информационного потока, организованного с помощью документов⁴³. Следовательно, требовалось оценить организационные процессы — и внутри, и за пределами государственного сектора — с точки зрения возможных и должных способов создания и сохранения документации. Чтобы правильно это сделать, архивистам пришлось изучать работу учреждений, документы которых они собирались архивировать: только так можно было гарантировать, что документы «аутентично» отражают значимые административные практики учреждения. Лишь выполнив это условие, архив мог доказать свое «уважение к фондам» и сохранить органическую связь между ведомством и группой документов, а также оригинальный внутренний порядок материалов, входивших в эту группу⁴⁴.

К началу XX века эти тенденции изменения роли архивистов широко распространились в Европе и далее в Северной Америке. Даже в архивах, которые не имели статуса исторических, архивисты все чаще брали на себя новые обязанности в рамках институтов, где они работали, и специально учились поддерживать соответствие между структурами архива и учреждения. Документы отдельных ведомств должны были отражать ведомственные

практики, корпоративные материалы — подтверждать деятельность, которая формировала и внедряла корпоративные политики, а также давала возможность их проверять. Каталоги и поисковые инструменты должны были уже не только обеспечивать воссоздание рабочих процессов, но и служить своеобразными проекциями, моделями административной работы, чтобы авторитетность документов не подвергалась сомнению⁴⁵. Другими словами, архивная «наука», наравне с профессиональной ролью архивиста, тоже стремительно развивалась как отдельная и четко очерченная дисциплина.

В результате историки и другие исследователи перестали видеть в архивах лишь хранилища или собрания документов прошлого, несмотря на то, что в архивах по-прежнему хранилось множество судебных дел, свидетельств о рождении и смерти и других материалов, с помощью которых модернизирующиеся государства считали необходимым следить за своими гражданами. Вместо этого возникла концепция архивов как комплексных, системных и авторитетных источников, призванных «обрабатывать» прошлое государства-нации. Таким образом, и для историков, и для архивистов историческая наука и легитимность современных институтов, полученная ими в наследство от авторитетного прошлого, напрямую были связаны с аутентичностью архивного документа. Работа историка и работа архивиста сходились в концепции аутентичного документа как источника и свидетельства: «базовая информация» для правильного исторического исследования, опирающегося на прогрессивную научную методологию. В Европе, да и в других местах, историки и архивисты ощутили важность своей роли. Архивная история теперь служила фундаментом всем верифицируемым историческим знаниям и опорой для национально-го исторического понимания.

Глава 2

Отход от исторических авторитетов в архивной науке

В США создание национального архива началось довольно поздно, однако тесные связи между историками и архивистами, а также между аутентичной историей и архивной документацией формировались и укреплялись другими путями. К моменту открытия Национального архива США в 1934 году большинство американских штатов обзавелись собственными архивными хранилищами. Также было налажено сотрудничество с местными историческими обществами — институтом, особенно характерным для США. Началом организованных попыток собрать документы различных институтов и частные бумаги, несомненно, считается 1791 год, когда было основано Массачусетское историческое общество. В последующие годы появилось много подобных организаций, призванных собирать и сохранять конкретные виды ценных (как их оценивали на местном уровне) документов, которые могли бы подтвердить историческую значимость процессов и событий.

Если в Европе, России, Китае, да и вообще везде, «историческими» считались крупные социально-политические перемены, например смена правящей династии или революция, то в США к «историческим» причисляли такие «великие» события, как Гражданская война. В частности, после 1860-х годов большие усилия были направлены на то, чтобы собрать исторические материалы старого Юга в государственных архивах и исторических обществах — дабы о войне «не забывали». Многие штаты, например Миннесота или Висконсин, начали направлять государственные средства на сбор своих собственных исторических документов, благодаря чему спектр собраний значительно расширился. Представления о том, какие документы заслуживают внимания, а какие нет, сильно отличались от института к институту. Тем не менее

американская традиция сохранения документов укрепила концептуальную связь между аутентичностью архивов и понятием исторической ценности, то есть между архивом и историей.

Большинство исторических обществ были частными организациями и существовали на частные средства, но позднее их стало в той или иной степени поддерживать государство. По мнению Уолтера Уайтхилла (*Walter Whitehill*), именно благодаря тому, что изначально государство не ограничивало свободу их действий, они сформировали в XIX веке картину американского прошлого, куда менее зависимую от государственных интересов, чем та, которую представляли архивы Европы¹. Но как бы там ни было, местные и государственные исторические собрания США, равно как и европейские, создавали национальную историческую агрографию, прославляли великих личностей и вплетали их в ткань исторических событий, которые члены обществ и управляющие архивами считали ключевыми для национального сознания Америки². Хотя практика американских архивов сильно отличалась от более централизованных процессов, определявших работу хранилищ Европы, их роль в укреплении связи между архивами и историческим пониманием была не менее значима. Американские архивные практики не испытали раскола между историческим и современным (подобного тому, который привел к созданию в послереволюционной Франции Национального архива), но и без этого они пестовали ранкеанский «роман» между историками и архивами³.

Проблема заключалась в том, что вследствие чрезмерной локализации американских архивных институтов в исторической документации образовались значительные лакуны. Особенно это касалось документов, созданных самими правительствами, как на уровне штатов, так и на федеральном уровне. К тому времени европейский метод преподавания уже принес во все крупные университеты США ранкеанские понятия о структурированном и документированном исследовании. Такой формализм требовал, чтобы в неустанном поиске исторической правды об Америке ее скрупулезно подтверждали бы документами⁴. И хотя некоторые из искомых материалов можно было обнаружить в местных архивах и исторических обществах, сотрудники которых с готовностью шли навстречу новым потребностям своих патронов, историки, следуя примеру европейских коллег, все активнее искали доступ к рассосредоточенным повсюду документам штатов и политическим материалам. Как американские историки могли творить свою на-

циональную историю в отсутствие системы хранения документов штата? Как США, не имея своего национального хранилища, могли строить отношения с другими нациями? Взаимозависимость между научной историей и авторитетными архивами вышла тогда на первый план профессионального интереса историков.

История как архивный «авторитет»

При оценке и отборе материалов архивисты, занимавшиеся сохранением исторических документов, всецело полагались на исторический «авторитет». Хотя этот термин уже не раз встречался здесь ранее, мы заключили его в кавычки, поскольку в архивистике он имеет как широкое, так и узкое значение. В более общем смысле он подразумевает, что собиратели, решая, верно ли документ представляет прошлое, опираются на мнение самих историков. В рамках архивистики он имеет узкое, техническое значение, которое связано с практикой описания материалов. В этом контексте «авторитет» является сугубо техническим термином. Он относится к источнику конкретных описательных идентификаторов, необходимых для каталогизации собрания документов. Чем объемнее собрание, тем важнее категории, посредством которых распределяются и описываются материалы. Авторитеты, привлеченные для определения этих категорий создают (или воссоздают) концептуальное поле, в которое помещается архивное собрание и через которое оно потом идентифицируется.

В европейской архивистике одна ветвь авторитетов сформировалась естественным путем, как результат широкого признания исторического и институционального контекста либо учреждения, создавшего документы. В случае ряда документов, связанных с конкретным статусом или социальной активностью (рождением, смертью, судебными решениями, налогами, завещаниями, имущественными делами и так далее), органические связи между, скажем, свидетельством о рождении или записью о крещении и социальной службой либо церковной организацией были очевидны. Как только эти записи проходили проверку на точность, они — на основании транзакционной роли создавшего их учреждения — обретали, по мнению социума, ценность, а термины, взятые для их описания, становились «авторитетными». Похожее происходило и с документами, не носящими транзакционного характера. Авторитетность описания корреспонденции, указов, декретов, личных дневников,

архитектурных чертежей и прочих материалов происходила из понимания контекста породивших их организационных процессов: учреждения, функции или конкретных дел, особой влиятельности лица, создавшего документ или файл.

Архивные авторитеты в этом смысле представляют собою «скелет» архива. Дескриптивная терминология, основанная на авторитетности, берет свое начало в профессиональной архивной концепции происхождения⁵ — термин, указывающий на то, что субъект, создавший оригинальный документ или группу документов, является его фундаментальной характеристикой. Таким образом, происхождение описывает аксиоматические и органические отношения между материалами и породившими их процессами. И хотя понятия дескриптивной терминологии, образующие фундамент архивных описаний, по большей части относятся к конкретным архивным субъектам, руководствующимся принципом происхождения, они также отражают и предполагаемые взаимоотношения между документами и их социополитическим контекстом. Через язык поисковых систем эти авторитеты связывают ценность документов с пониманием социальной, культурной и политической значимости индивидуумов, событий или институтов, имевших наибольший вес в период их оценки. В результате описание документов вводит эти авторитеты в структуру архива. Такие ассоциации формируют — целенаправленно или случайно — связи между авторитетами, участвовавшими в создании документов, и тем, как архивисты понимают и обрабатывают вверенные им материалы.

В XIX веке, когда исторические изыскания обрели научную убедительность, взаимозависимость строгого исторического исследования и различных архивов значительно упростила упомянутые выше процессы. На Европейском континенте, а также в Китае, Японии, России и в других частях переживавшего модернизацию мира процессы, важные, по мнению историков, для понимания прошлого, тесно ассоциировались с институтами, событиями и транзакциями, порождавшими документы, и, следовательно, с авторитетами, которые обуславливали отбор и каталогизацию материалов. Смены династий, режимов и администраций делили документы на «исторические» и «текущие» почти столь же быстро, как и крупные события вроде Французской революции, даже при том, что доступ ко многим материалам был ограничен. Со временем актуальные документы переходили в разряд исторических, правда, не всегда последовательно.

В США исторические общества и ранние государственные архивы играли сходную роль: принимая решение о том, какие документы отбирать, как их каталогизировать и, следовательно, как трактовать прошлое и цели нации, и те и другие привлекали исторические авторитеты. Они отбирали историческую документацию так, чтобы она служила аутентификации исторического нарратива. Подобно более институализированным архивам Европы, американские хранилища тоже активно развивались в направлениях, заданных XIX веком, взяв за основу распространенный тогда позитивистский идеал, согласно которому единственно возможную историческую правду можно обнаружить, тщательно изучая документальные следы прошлого. Как мы знаем, американская история прогресса при анализе формирования исторического понимания соединила в себе установку на центральную роль личности с европейской тенденцией уделять особое внимание институтам. Такой подход наделил прославленные роды Америки чем-то вроде королевских атрибутов, что особенно явно отразилось (и отражается до сих пор) в культовом почитании сынов и дочерей Американской революции, ветеранов войн и в политических биографиях президентов и других крупных политических фигур США.

Статус американских правительственных институтов как колыбели исторического понимания стал заметно укрепляться, особенно после Гражданской войны. Демократическое общество, структурно обусловленное репрезентативными институтами (независимо от их внутренних ограничений), казалось истинным отражением величия Америки — особое притязание, которое было сформулировано во времена, отмеченные имперскими амбициями в мире, полном конфликтов. По мере расширения западных территорий государство прочно усвоило эту концепцию: великие деятели и великие институты Америки стали общепризнанным центром американского национального образа, оформленного и подтвержденного аутентичной документацией на местах. При этом статус таких контекстуальных авторитетов⁶ в архивной системе теперь уже формировался в процессе и в результате слияния архивных представлений о том, как документы создаются, а также — почему и в каких аспектах процесс их создания имеет историческую ценность.

Более того, во многих западных странах демографические и экономические перемены, вызванные урбанизацией и индустриализацией, привели и к значительному увеличению массива документов, породив тем самым интерес к документам как

к инструменту управления государственными решениями и политикой. Новые формы документации подстегнули рост государственной бюрократической машины, необходимой для управления сложной городской средой. Увеличение объема документов и их массовое распространение стимулировали и развитие более сложных архивных систем в частном секторе⁷.

Принимая во внимание, что документы хранились и в европейских, и в американских архивах и были упорядочены и каталогизированы на основании общепризнанных исторических авторитетов, архивисты с легкостью могли претендовать на мантию хранителей самой истории. Они в буквальном смысле защищали важные материалы, историческую ценность которых сами же и определяли. Более того, вверенные им документы со временем становились все ценнее на основании уже одного того, что архивисты сохраняли их для истории. Иначе говоря, архивисты превратились в стражей определенного толкования национальных историй, поскольку авторитеты, которые они привлекали, обрабатывая прошлое, формировали представления об учреждениях и других субъектах, участвующих в создании образа исторического настоящего и будущего.

Исторические авторитеты и «режимное»⁸ управление архивами: американская парадигма

В XIX веке, да и в другие периоды, у царей, китайских императоров и прочих высших государственных деятелей была распространена практика назначать придворных историков, дабы те описывали их свершения, обеспечивая таким образом своему патрону желаемое место в истории. Российские и китайские правители в пред- и послереволюционные периоды превратили эту практику в своего рода искусство, однако примерно то же самое происходило и происходит и в менее автократических обществах. Один из самых крупных архивных скандалов XIX века случился во времена Второй французской империи, когда один известный историк и поклонник Наполеона Бонапарта резко раскритиковал санкционированную Наполеоном III официальную публикацию якобы полной переписки своего дяди, которая, как надеялся Луи Бонапарт, укрепила бы его собственные притязания на власть. В так называемом «деле д'Оссонвиля»⁹ французский граф показал, что опубликованная переписка Наполеона вовсе не полная, и подробно описал пре-

пятствия, с которыми он столкнулся, пытаясь получить доступ к открытым, казалось бы, материалам. Подчеркивая, что его выводы всецело подтверждены авторитетными архивными рукописями, граф д'Оссонвиль нацелил свою критику на главное притязание Второй империи — ее историческую легитимность. Также он раскрыл политически тенденциозные практики самого Национального архива Франции¹⁰.

«Дело д'Оссонвиля» внесло свежую струю в профессиональный опыт растущего сообщества американских историков, особенно тех из них, кто к тому времени замкнулся на деятельности недавно образованных исторических кафедр. Многие из них играли активную роль в управлении местными или региональными историческими собраниями, а их студенты были вовлечены в скрупулезную работу по анализу и хранению документации. Историческое образование становилось наиболее прямой дорогой к карьере архивиста. На IX ежегодной встрече Американской исторической ассоциации (АНА) в 1893 году, проходившей в Чикаго одновременно со Всемирной Колумбийской выставкой, такие доклады, как, например, «Роль национальных архивов в жизни нации», привлекли широкую аудиторию. Автор доклада, Элен Хардин Уолуорт (*Ellen Hardin Walworth*) из Нью-Йорка, выдвинула такой постулат: «Государственный архив для историка — то же самое, что Библия для теолога или закон для юриста»¹¹. Вскоре после этой встречи Дж. Франклин Джеймсон (*J. Franklin Jameson*), известный историк из Брауновского университета и редактор журнала «Американское историческое обозрение» (*American Historical Review*), подал в Исполнительный совет АНА предложение о «систематическом сборе, организации и выборочной публикации материалов по истории Америки»¹². В результате АНА создала Комиссию государственных архивов, члены которой должны были ежегодно отчитываться перед Ассоциацией об «объемах и состоянии общественных документов страны»¹³.

Довольно быстро выяснилось, что, в отличие от Европы, государственная документация США находилась в весьма плачевном состоянии. Многие материалы федерального правительства хранились в его министерствах без какой бы то ни было системы. Отсутствие должной организации и пожары тоже наносили немалый ущерб, особенно в условиях резкого увеличения документооборота. В 1877 и 1881 годах огонь уничтожил важные собрания министерства внутренних дел и военного министерства. Расследование выявило, что, с тех пор как конгресс принял решение

о сохранении государственной документации, в хранилищах произошло более 250 пожаров, в которых погибло множество федеральных документов.

Ассоциация получила поддержку конгресса. После того как она выработала резолюцию, призывавшую конгресс обратить внимание на «ценность архивов для истории Америки», сенатор от штата Массачусетс Генри Кэбот Лодж (*Henry Cabot Lodge*), сам будучи историком, приступил к работе над законопроектом о создании национального архива, взяв за образец Акт 1833 года о Государственном архиве Великобритании. Лодж высоко ценил британский архив как институт, который «утвердил славу исторической науки в Лондоне», и вместе с Дж. Франклином Джеймсоном заручился поддержкой президентов Теодора Рузвельта и Уильяма Тафта, благодаря чему и был создан Национальный архив США¹⁴.

Архивная комиссия АНА активно способствовала созданию систематической коммуникации между официальными источниками документации — государственными учреждениями и научным сообществом, нуждающимся в такой документации. Таким образом, формирование Национального архива в США в немалой степени было обусловлено общепризнанными авторитетами американского исторического понимания, а также очевидной необходимостью широко его распространить. Сбор документации под крышей Национального архива должен был, по замыслу его создателей, означать появление инструмента валидации для аутентичной истории нации, непререкаемого авторитета для прошлого. Хотя упомянутые выше отчеты и законодательные инициативы действительно способствовали созданию систематического и надежного способа сохранения важных исторических документов нации, Джеймсона больше заботили практические аргументы. Используя популярные в то время идеи прогресса, президент Ассоциации подчеркивал, что хорошая архивная система, наряду с прочим, позволит правительству страны работать эффективнее.

Джеймсон, как и другие ведущие историки того времени, хорошо знал европейские архивные практики. Оценивая состояние государственной документации в США, он и его коллеги стремились следовать европейским моделям архивных институтов, которые поддерживали научные изыскания в области национальной истории. В 1906 году Джеймсон отправился за границу, чтобы встретиться с руководителями крупнейших европейских архивов, и вернулся из этой поездки еще более воодушевленный идеей сделать все возможные документальные источники — «первейшие инстру-

менты для создания научной истории страны» — доступными для американских ученых¹⁵. Несмотря на то что различные исторические общества США были готовы и стремились поддерживать научные исследования, Джеймсон считал их принципы отбора и накопления рукописей местечковыми, «слабыми и близорукими»¹⁶. Для него было неприемлемо, что такие уважаемые институты, как Нью-Йоркское историческое общество — одно из старейших и наиболее известных частных хранилищ, — превратились в закрытые учреждения, чьи библиотеки занимались в основном генеалогической валидацией старых аристократических фамилий.

Архивисты Германии, Франции и других стран Европы, напротив, стали уделять большое внимание сохранению правительственной документации для будущих научно-исторических изысканий и не уничтожали ее ради краткосрочных практических целей. В первой трети XX века процесс кодификации профессиональной архивной практики интегрировал идею о том, что «следует с самого начала консультироваться с учеными-архивистами и оставлять решения за ними в том, что касается как сохранения ценного, так и уничтожения бесполезного»¹⁷. Немецкие руководства по архивной работе стали подчеркивать важность возраста, содержания и места документальных собраний в административной иерархии для оценки их исторической ценности.

Позиция Джеймсона также отражала зарождавшуюся в Европе концепцию «режимного» архивиста, впоследствии детально разработанную в трудах английского архивиста Хилари Дженкинсона (*Hilary Jenkinson*). Дженкинсон твердо придерживался мнения, что профессиональным архивистам пришлось играть пассивную роль, встать на позицию невмешательства, когда дело касалось передачи и архивации текущих документов учреждений. Эта роль заключалась в том, чтобы гарантировать аутентичность процесса создания вверенных архивистам документов и попросту охранять их, обеспечивая в интересах государства порядок при «производстве» и сохранении документов. Решать, какие документы создавать и сохранять, было не обязанностью архивиста, а прерогативой учреждений — «авторов» документов. В итоге Дженкинсон, который служил хранителем в Государственном архиве Великобритании, а также читал лекции в Кембридже и в Университете Лондона, свел все свои идеи о «режимной» роли архивиста в новом «Руководстве по управлению архивами». Вскоре оно приобрело не меньший авторитет, чем его предшественник — «Голландское руководство»¹⁸.

Однако авторитетный труд Дженкинсона был не просто административной инструкцией. В нем защищались специфические, уникальные и, по мнению автора, высокоморальные представления об архивном нейтралитете и о профессиональной идентичности, независимой от убеждений и исторических оценок. Архивист «не должен быть историком». Его роль — быть «в первую очередь слугой своего архива»¹⁹. Вместо того чтобы, опираясь на принципы дипломатики, учиться оценивать материалы и таким образом гарантировать их аутентичность, архивисты в условиях расширяющейся бюрократической среды вынуждены были служить простыми «приёмщиками» документов, аутентичность которых обуславливалась органическими отношениями с породившими их бюрократическими процессами. По мере широкого распространения этой концепции пассивная, «охранная» роль архивиста стала символом профессиональной архивной практики, даже в исторических архивах.

Хотя эти перемены положили начало отходу профессиональных архивистов от исторического анализа, они по-прежнему сосредотачивались на вопросах развития и роли государственных институтов и персоналий и, следовательно, на центральных исторических вопросах своего времени. Причина изменений лежала не в новом понимании истории, а в осознании того, что объем административной документации стремительно растет и что работа по ее сохранению, упорядочению, описанию и особенно поиску требует более сложных и точных методов. Таким образом, развитие справочно-поисковых средств придавало еще больше авторитетности документам, выявляя их связи с назначением и деятельностью учреждений-фондообразователей. (Более детальные вступительные описания²⁰ с подробными «историями фондообразователя», анализом содержания и рамок документов ввела в практику в основном американская архивистика середины XX века.) Вскоре были изобретены «описания фондов», классифицирующие документы в соответствии с их физической организацией в офисах фондообразователей, а «папочная» структура с ее конкретными заголовками папок и единиц хранения стала отражать процесс создания уже самих материалов. Ключевое преимущество «пассивного» подхода Дженкинсона состояло в том, что он препятствовал реорганизации этих структур, сохраняя ясную, на первый взгляд, историческую картину, в них явленную. Устоявшиеся формы организации и поиска легко можно было распространить и на новые материалы²¹.

Такой подход препятствовал и уничтожению документов, и ограничению доступа к ним. В идеале все записи, созданные государственным ведомством или частной организацией, следовало попросту передать от фондообразователя архиву. Несмотря на то что из-за увеличения объема документации проблема отбора материалов для архивирования и разрешения доступа к ним стала особенно актуальной, ответственность за такие решения по-прежнему возлагалась не на архивистов, а на фондообразователей. Историки могли найти все доступные материалы в архиве, на доступ к которому фондообразователи не налагали никаких ограничений.

Сформулированная Дженкинсоном концепция «режимной» роли архивиста вскоре получила в США широкое распространение как основа современного управления архивами, правда, не столько в качестве теории архивистики, сколько в архивной практике²². Безусловно, в США историки все так же активно были вовлечены в управление архивами, причем настолько, что Американская историческая ассоциация стала проводить отдельную ежегодную конференцию для архивистов-членов ассоциации. Весьма скоро конференция переросла в независимое Общество американских архивистов (SAA). В то же самое время, к 1933 году, когда в фундамент Национального архива США был заложен первый камень, в американской архивистике сложилась модель архивного управления, в которой архивист и историк решали профессионально разные задачи, но абсолютно совпадали при этом в своих целях, работая бок о бок над сохранением значимых исторических документов. Президент Герберт Гувер с большим воодушевлением приветствовал такое сотрудничество в своей речи на закладке здания Национального архива в 1933 году:

Здесь обретет себе пристанище романтизм нашей истории — в рукописях государственных людей, солдат и всех остальных, мужчин и женщин, — всех тех, кто возвел великое здание национального бытия. Этот оплот нашей истории станет одним из самых прекрасных сооружений Америки, выражением американской души. Он пребудет в веках — как символ американского характера²³.

При такой атмосфере всеобщего энтузиазма в научном сообществе неудивительно, что Исполнительный комитет АНА

решил рекомендовать на пост архивариуса Соединенных Штатов известного историка. Следуя рекомендации АНА, президент Франклин Рузвельт назначил на эту должность Роберта Коннора (*Robert D. W. Connor*) — профессора истории Университета Северной Каролины и секретаря Государственной исторической комиссии штата. Из трехсот человек, приглашенных Коннором для совместной работы по управлению архивом и отбору документов согласно их исторической ценности, семьдесят четыре имели степень магистра, а тридцать два — доктора наук. Сто шестьдесят человек окончили колледжи и имели за плечами хоть какое-то историческое образование²⁴.

Изменения «режимной» модели

К середине 1930-х годов американская архивная практика, обслуживавшая историков, строго ориентировалась на «режимную» концепцию роли архивиста. Это можно увидеть, если взглянуть на фасад величественного неоклассического здания Национального архива США в Вашингтоне. Высеченные на известняке надписи гласят: «Здесь хранятся слава и романтизм нашей истории — в хрониках тех, кто замыслил и воздвиг здание нашей нации», «Прошлое есть пролог», «Изучайте прошлое», «Наследие прошлого есть семена [будущего]». Когда в здание архива переносили два самых священных для истории США документа — Конституцию и Декларацию независимости, их сопровождал полный военный эскорт, а помещены они были в контейнер, которому больше подошло бы название алтаря вечности²⁵.

Однако с того самого момента, когда Национальный архив США открыл свои двери, архивисты-историки, ответственные за управление архивом, столкнулись с серьезными препятствиями, вставшими на пути их амбиций, которые они лелеяли, переезжая в столицу. Новый архивариус США Коннор и его коллеги хорошо понимали, что грандиозный «Храм Клио» на Конститьюшен Авеню соберет под своей крышей рутинные, прозаические документы государственной администрации, а не просто будет служить «постоянным хранилищем исторических материалов американской истории», как выразился Рузвельт, поздравляя Коннора со вступлением в должность²⁶. Но, как и в других монументальных проектах, воплощение которых длится слишком долго, задачи, сформулированные в начале создания архива, сильно расширились и услож-

нились. Работа по организации и учету огромного и стремительно растущего потока документации, создаваемой бюрократическими процессами, пугала своими масштабами. Бремя этой ответственности быстро сказалось на ежедневной работе по идентификации, отбору, систематизации, упорядочению и сохранению даже самых обычных материалов.

Более того, в отличие от европейских коллег, американские специалисты не имели стандартизированных руководств, на которые можно было бы опереться. Напротив, Джеймсон и его сторонники долгое время подчеркивали, что «авторитет истории» сам по себе направляет архивные процессы отбора и хранения²⁷. Тем не менее перенести функции хранителя исторических документов на систематизированное управление тоннами материалов, которые государственные ведомства всех уровней теперь передавали на попечение архива, оказалось весьма нелегкой задачей. Возникла и еще одна проблема: надо было как-то обеспечивать должное хранение исторически ценных собраний, находящихся у отдельных фондообразователей. Также требовалось убедить наиболее важные государственные подразделения передать в архив документы, которые некоторые государственные лица считали конфиденциальными.

С другой стороны, сам факт открытия Национального архива укрепил в США 1930-х годов авторитет истории и подстегнул интерес — как на местном, так и на национальном уровне — к документированию «жизни великой американской нации». Управление развития общественных работ (WPA) в ряду других своих проектов устроило опрос по историческим документам, что явилось широкомасштабной попыткой собрать информацию об исторических записях по всей стране, во всех возможных местах. В ответ они получили множество отчетов о материалах, хранящихся в церквях, местных администрациях, исторических обществах, у известных частных лиц и так далее. Эти отчеты, в свою очередь, в значительной мере способствовали распространению информации о документальном наследии страны. В новом Национальном архиве Коннор со своими сотрудниками начали работать над подробными указателями по захоронениям на кладбищах, военной службе, газетам и прочим корпусам данных, а также по национальным переписям населения, результаты которых все еще хранились на местах.

Таким образом, трансформация архивов из склада бумаг в доступное хранилище оказалась делом сложным, требующим

кардинально новых подходов к систематизации и описанию. Возникли и другие препоны. Очень скоро стало очевидно, что бурный поток документации, хлынувший в Национальный архив, принес с собой трудности — столь же грандиозные, сколь и само здание архива. Этой «чудовищной проблемой управления документами» больше всего был озабочен и Солон Дж. Бак (*Solon J. Buck*), пришедший в 1941 году на смену Коннору²⁸. К 1943 году имелось уже более 450 тысяч кубических метров государственных документов, лишь половина которых хранилась в Вашингтоне.

Вследствие Второй мировой войны это количество выросло в геометрической прогрессии, даже после принятия Акта об уничтожении документов. В этих условиях к 1945 году уже стало невозможно, по мнению Бака, адекватно управлять данными, накопленными Национальным архивом²⁹. По красноречивому замечанию Дэвида Ловенталя (*David Lowenthal*), архивисты начали тонуть в «хаосе собраний»³⁰. С точки зрения помощника Бака Филиппа К. Брукса (*Philip C. Brooks*), проблема управления архивами «является для современного архивиста тем же, чем для архивистов прошлого было изучение дипломатики, и даже более того... Сложность административной документации нашего времени добавила хранению данных столько новых аспектов, что многие считают архивирование магическим культом»³¹.

Итак, по каким критериям следует судить, достоин ли документ хранения? Какие вопросы нужно ставить перед собой, работая с целыми собраниями? В частности, какова была роль самого исторического понимания в формировании критериев экспертизы ценности документа? Можно ли вывести новые архивные авторитеты из исторических исследований, чтобы руководствоваться ими при отборе и архивировании, учитывая стремительный рост объема материалов? Исторические авторитеты, давшие большинству собраний категориальную идентификацию, носили локальный характер и были несистематизированными. Они не могли обеспечить концептуальные рамки для упорядочения содержания огромного массива бумаг, вверенных теперь Национальному архиву. Техническое понятие «авторитета» нуждалось в уточнении, чтобы его практическое использование было более эффективным.

Если пролистать выпуски журнала «Американский архивист» (*American Archivist*) тех лет, можно увидеть, что архивисты работали сразу на нескольких концептуальных фронтах. В 1944 году Хилари Дженкинсон поставил вопрос о ценности архивов как «убежищ» для «свидетельств», в надежде на то, что в суматохе

поствоенного мира все же отыщется достаточно ресурсов, чтобы и реконструировать архивы и повысить их статус как «источников знаний»³². В апрельском номере журнала за 1944 год был опубликован примерный закон для американских штатов о создании департаментов архивов и истории. Согласно формулировке департаменты должны были «стимулировать исследования, обучение и деятельность в области истории [название штата]»³³. В 1950-х годах архивисты начали исследовать природу документации в свете новых интересов развивающейся исторической науки. Например, Пол Левинсон (*Paul Lewinson*) из Национального архива представил в журнале анализ документов, связанных с современным рабочим движением³⁴. Фриц Эпштейн (*Fritz Epstein*) составил обзор исследовательских ресурсов Вашингтона, имеющих отношение ко Второй мировой войне³⁵. Оливер У. Холмс (*Oliver W. Holmes*) написал статью об изменениях в формировании исторических собраний американского коммерческого сектора, а Элдон С. Козн (*Eldon S. Cohen*) и Сеймур В. Коннор (*Seymour V. Connor*) опубликовали материал о французских архивах в Индокитае и об американских юридических документах как новых исторических источниках³⁶. Страницы «Американского архивиста» стали играть роль моста между историками, изучающими новые области, и теми, кто имел хоть какое-то представление об исследовательском потенциале документов.

Одновременно с этим начали складываться новые формальные, бюрократические представления о роли архивов в рамках государственной системы. Под влиянием европейских понятий о фондах и фондообразователе (*provenance*) как категориях бюрократической структуры и деятельности архивисты, такие как Маргарет Кросс Нортон (*Margaret Cross Norton*) — главный архивист Иллинойса — и Теодор Шелленберг (*Theodore Schellenberg*) из Национального архива США, считали, что архивные структуры в Америке должны унифицировано и систематически отражать свои связи с институтами, создавшими документы³⁷. Хотя их взгляды на свою профессию не совпадали в весьма важных пунктах, оба они, вслед за англичанами и французами, видели в национальных архивах бюрократическую функцию власти, поставленную на службу государству и его институтам. Иначе говоря, архивам отводилась в основном роль «держателей» документов-свидетельств государственных транзакций и решений, а также репозитория информации, тщательно собранной в процессе деятельности государственных структур.

При таких условиях оценка документов являлась определением не столько их исторической значимости, сколько статуса создавшего их учреждения или полноты собранной информации. Другими словами, материалы следовало хранить по причине их важности для понимания институционального контекста собрания. В результате архивы должны были отдавать предпочтение институциональному перед историческим. Историю же они обслуживали косвенно — лишь в той мере, в какой институты, документы которых поступали на хранение, были активными «производителями» знаний о прошлом.

Эта модель также подразумевала необходимость существования независимой архивистики, дисциплины со своим собственным языком и процедурами, которые учитывали сложность современного государственного документооборота. В этих обстоятельствах исторические авторитеты не были отвергнуты явно, однако их статус по большей части обуславливался тем, что главным объектом внимания историографии оставались правительственные документы. Следовательно, большинство историков считали, что должная архивная практика обеспечит сохранение материалов, значимых для сферы интересов ученых. По крайней мере для таких архивистов, как Нортон и Шелленберг, главной задачей было разработать самую гибкую из возможных систему управления документами. Способов достичь этого было два: либо отправлять сотрудников Национального архива в ключевые правительственные офисы, либо поставить дело так, чтобы эти офисы нанимали собственных высококвалифицированных архивистов для управления своей документацией. По сути, руководство архивами превращалось в функцию американского правительства.

Развитие менеджмента документов (*Records Management*³⁸⁾³⁹

Идеи, описанные выше, получали все большее распространение. К концу 1940-х годов сам Национальный архив стал частью вновь созданного Управления национальными архивами и документами (*National Archives and Records Administration*) в рамках структуры государственного Управления служб общего назначения (*General Services Administration*). Попав под контроль учреждения, задача которого заключалась в менеджменте государственных административных и архивных инфраструктур, архив утратил если

не административную автономию, то, во всяком случае, институциональную независимость. К смятению большинства архивистов и историков эта перестановка понизила научный уровень архивов в угоду эффективности государственной машины. Хотя за архивом все еще сохранялись громкие названия «храма истории» и «священного места исторической памяти», ему теперь все чаще приходилось сталкиваться с весьма приземленными потребностями бюрократического архивного менеджмента.

Как вскоре выяснилось в ходе дебатов о подобных подходах, само понятие «управление документацией» содержало в себе логику, далекую от сути исторического архива. Более того, дебаты проходили в местах, которые историки посещали редко, и, хотя они непосредственно касались практик, влияющих на работу ученых, в историческом сообществе эти обсуждения получили (если получили вообще) лишь слабый отклик. Ни одна из ключевых работ по историческому методу, опубликованных историками в 1950-х годах, не затрагивала суть отношений между системами архивирования и исторической ценностью архивных материалов. Жак Барзён (*Jacques Barzun*), Луи Готшалк (*Louis Gottschalk*), Марк Блок (*Marc Bloch*) и другие крупные ученые, похоже, считали само собой разумеющимся, что архивы предназначены для историков и не могут иметь собственных проблем ни в плане рабочих практик, ни в плане отношений между архивами и формированием исторического понимания. С одной стороны, эти предполагаемые связи между хранилищами, практикой их администрирования и историческим пониманием не подвергались пересмотру и изучению⁴⁰. С другой же, история как дисциплина, посвященная исследованию и интерпретации прошлого, все дальше и дальше расходилась с архивистикой, нацеленной на работу с институциональной документацией.

Вследствие этих обстоятельств Общество американских архивистов (SAA), отделившись от Американской исторической ассоциации, быстро трансформировалось в крепкое профессиональное сообщество. Создавалось SAA с целью широкого внедрения в архивную практику профессиональных принципов управления документацией и организации сотрудничества между различными архивами. Журнал, выпускаемый обществом, — «Американский архивист», — с 1960-х годов уделял основное внимание развитию новых профессиональных стандартов управления сложными массивами данных. По мере расширения SAA на страницах журнала стали появляться самые разные точки зрения на то, как должно быть организовано управление документами. Связанные с этим

вопросы мыслились как «архивные», и решать их должны были те, кто целиком посвятил себя архивистике, несмотря на свое историческое образование⁴¹.

Как показало «дело Лоуенхейма», озабоченность ситуацией в системе управления документами продолжала расти и среди историков. В 1968 году историк Фрэнсис Лоуенхейм (*Francis Loewenheim*) обвинил сотрудника библиотеки Франклина Рузвельта в том, что тот придержал шесть писем, крайне важных для его исследования, с целью использовать их для своего собственного проекта. В ответ Организация американских историков (ОАН) и Американская историческая ассоциация совместно образовали следственный комитет, проигнорировав Общество американских архивистов. Несмотря на то что историки в конечном счете оправдали библиотеку, члены SAA были возмущены тем, что их отстранили от дела, которое в первую очередь, по их мнению, должны были рассматривать именно профессиональные архивисты⁴².

Возмущение архивистов вполне отражало меру их разлада с историками, и стремление к профессиональной независимости после этого инцидента только усилилось. Секретарь SAA Роберт Уорнер (*Robert Warner*) в 1972 году со свойственной ему сдержанностью отметил в своем отчете, что «в этом деле было много прискорбных моментов, однако с архивной точки зрения самым серьезным из них оказалось отстранение архивистов от принятия решения... Говоря по справедливости, я не вижу здесь умышленного оскорбления нашей профессии. На мой взгляд, это лишь досадная оплошность. Они по большей части просто не знали о существовании нашей профессиональной ассоциации, а те, кто знал, не посчитали это дело достаточно важным, чтобы ее привлекать»⁴³. Вместе с Филиппом Мейсоном (*Philip Mason*) — историком и архивистом, управляющим архивом трудовых отношений Государственного университета Уйэна — и историком Германом Каном (*Herman Kahn*) — заведующим отделом архивов и рукописей Библиотеки Йельского университета, — совместно с ОАН и АНА Уорнер организовал обсуждение с целью реструктурировать следственный комитет, включив в него и Общество архивистов. В результате SAA получало возможность участвовать в решении всех вопросов, касающихся исторических архивов.

Как и другие члены SAA, Уорнер надеялся укрепить статус архивистики как независимой дисциплины. Он был твердо убежден, что быть архивистом вовсе не означает быть историком, не говоря уже о библиотекаре или хранителе. В профессиональном плане

архивисты имели свои собственные, специфические ценности, методологии, теорию и особенно практику. SAA надлежало стать влиятельной, активной и эффективной силой в деле развития уникальной идентичности архивиста.

Таким образом, и создание нового объединенного комитета, и «дело Лоуенхейма» сделали еще более явным институциональный раскол, наметившийся между профессиональными историками и архивистами. Однако возмущение архивистов и вынесенное по делу решение также ясно показали, что, несмотря на междисциплинарные трения, SAA, АНА и ОАН разделяли взгляды на миссию архивов, которая, в числе прочего, заключалась в служении истории и в формировании исторического понимания. Уорнер подчеркивал, что, несмотря на разные профессиональные роли и идентичности, как историки, так и архивисты признают за архивами центральную роль в работе историка⁴⁴.

Новое архивное мышление

Вследствие широких обсуждений, имевших место в 1970-х годах, ощущение профессиональной исключительности в архивной среде только обострилось. На своих ежегодных встречах и на страницах специализированных журналов архивисты начали формировать новую концепцию профессиональной независимости, которая все дальше и дальше уводила природу и цели архивистики от потребностей историков. Эта независимая позиция не только обозначила более четкие границы профессиональной идентичности архивистов, но и способствовала переопределению их профессиональных ролей. Например, Ф. Джеральд Хэм — архивист Висконсина, защитивший также докторскую диссертацию по истории в Университете Кентукки, стал утверждать, что огромные массивы документации, поступающие в государственные и национальные хранилища, заставляют архивистов выходить за рамки их роли «стражей» прошлого, обслуживающих нужды истории. Резкое увеличение объемов документов требовало, чтобы архивные процессы были направлены не на сохранение документов, а, скорее, на сокращение их количества. Другими словами, именно архивисты вынуждены были принимать решения, уничтожать или хранить документы.

Поэтому Хэм призывал архивистов изучать новые технологии хранения информации, изобретать комплексные подходы к оценке материалов и новые системы определения сроков хранения и передачи

материалов в архивы, а также решать проблемы, связанные с «правом народа знать правду» и с другими законами о конфиденциальных данных. В целом же Хэм стоял за радикальный интервенционизм, в рамках которого задачи архивиста определялись не какими бы то ни было историческими соображениями, а исключительно планом — архивным по сути и разработанным сугубо для удовлетворения потребностей архивного менеджмента⁴⁵.

Неудивительно, что позиция Хэма вызвала споры в архивном сообществе. Полемизуя с Хэмом, Фрэнк Г. Бёрк (*Frank G. Burke*), специалист Национального архива США по информационному поиску, бывший глава отдела рукописей Библиотеки конгресса, тоже имевший степень доктора истории, выступал за сохранение историко-ориентированного подхода в архивистике. По его мнению, архивы и вверенные им документы следовало понимать в контексте сообществ, создавших эти документы, несмотря на резкое увеличение объемов фондов. Хотя Бёрк был одним из первых администраторов Национального архива, который ратовал за применение новых технологий для хранения и поиска информации; делал он это, в отличие от Хэма, четко ориентируясь на исторический и социологический аспекты. «Что в природе общества заставляет его создавать документы, которые оно создает?» — такой вопрос, по мысли Бёрка, должны задавать себе архивисты. «Каковы социологические аспекты управления документами, какова природа истории, исторического факта и исторического образа мышления?» И, наконец, должны ли эти вопросы влиять на процесс оценки документов⁴⁶?

Бёрк считал, что архивисты должны концентрироваться на этих теоретических и аналитических проблемах, дабы подготовленные ими архивные собрания могли осветить прошлое. Отправной точкой Бёрк избрал концепцию, которая и подвергалась критике, а именно: по своей сути, считал Бёрк, архивный менеджмент входил в тот же ряд социальных интересов и потребностей, что и сама история. Фактически Бёрк указывал в направлении нового архивного историцизма. Он настаивал на том, чтобы архивисты интегрировали историческое понимание в фундамент любой новой архивной теории. Хэм же, напротив, провозгласил конец «режимной» эры для архивов: вместо того чтобы думать об истории, архивистам следовало сосредоточиться на крайне сложных технических вопросах управления документацией, хранения, отбора и описания, отбросив историографические понятия на периферию интересов.

Эти споры затем обострились еще сильнее вследствие резких изменений в политиках, связанных с бумагами официальных лиц

в деле о документах Пентагона⁴⁷ и об Уотергейте⁴⁸. Оба скандала затрагивали проблемы, находившиеся в центре дебатов об управлении архивами. Какие материалы архивы должны собирать и сохранять, и когда (и кому) следует предоставлять к ним доступ? Как и кем, по сути, должны приниматься такие решения? Для большинства историков центральными проблемами в обоих случаях стали доступ к «полной» исторической информации и отношения между архивной политикой конфиденциальности и целостностью демократического государства. Большинству же архивистов, особенно тем из них, кого убедил новый подход Хэма к управлению документами, эти обсуждения о расширении архивных политик казались наивными. Для них задача заключалась в том, чтобы найти эффективные способы справиться с трудноразрешимой проблемой количества поступающих материалов.

Дистанция между архивной и исторической дисциплинами только увеличивалась, и неудивительно, что позиции Хэма и Бёрка и бурные дебаты в архивных журналах не привлекли особого внимания историков, которые продолжали считать, что отношения между архивами и историческим знанием были и должны быть «под управлением истории». Они все так же придерживались «режимной» модели, которую архивисты теперь отвергали как устаревшую. Хотя историки в какой-то степени и стремились понять новые проблемы, вставшие перед архивистикой, те представлялись им по большей части техническими, организационными и, вообще, весьма скучными — одним словом, далекими от границ исторической науки и академических интересов.

Возможно, по этой причине голос известного историка вызвал столь сильную реакцию в среде архивистов. В язвительном обзоре вопроса в журнале «Американский архивист» Лестер Дж. Кэппон (*Lester J. Cappon*), редактор переписки Адамса и Джефферсона⁴⁹ и научный сотрудник библиотеки Ньюберри в Чикаго, открыто высмеял историзм Бёрка. В высокомерном тоне, который отнюдь не располагал к себе читателей, Кэппон настаивал на том, что теоретические выкладки Бёрка являются сугубо «компетенцией этого историка» и не имеют никакого отношения к архивистике. История, по его мнению, была и остается «тем, что делают историки», и не заслуживала внимания архивистов. Ссылаясь на Хилари Дженкинсона, классического защитника «режимного» подхода к архивам, Кэппон заявил, что «архивы были созданы не в интересах потомков и не к их сведению». Они всего лишь хранят документы, которые институты или частные лица захотели сохранить, и должны делать это «беспристрастно»,

оберегая их «аутентичность». Эти две характеристики и представляли главную ценность для архивистов. Документы должны были «говорить правду». Исторические же задачи могли лишь «скомпрометировать статус архивистики как отдельной дисциплины, главный принцип которой — обеспечивать целостность документов»⁵⁰. Иными словами, это была современная версия уже изрядно обветшавших к тому времени представлений Дженкинсона об ученом-историке, которому пассивно помогает «объективный» архивист, озабоченный лишь сохранением «аутентичной» документации.

Выпады Кэппона, однако, не привели к доминированию идей Дженкинсона, чьи понятия об объективности архивиста опирались на безоговорочное принятие историками того факта, что именно хранители получали, каталогизировали и берегли материалы, которые посылала им «история». Реакционная позиция Кэппона не учитывала коренным образом изменившийся контекст, на который отвечали Хэм и Бёрк⁵¹. И хотя потребность в определенном восприятии исторической составляющей по-прежнему была неотъемлемой частью профессионального образа мышления архивного сообщества, архивисты постепенно склонялись к точке зрения Хэма. Они полагали, что их главным приоритетом является выработка эффективных принципов и стратегий для формирования нового архивного подхода, который неизбежно приобрел интервенционистский, а не «режимный» характер, — подхода, угрожавшего отодвинуть историографические авторитеты еще дальше на периферию⁵².

Как ясно показали многочисленные работы по этому вопросу, ощущение необходимости перемен сложилось в архивном сообществе в результате трех факторов: трудноразрешимой проблемы роста документооборота, значительного расширения круга клиентов архивов и изменений в среде частных архивов.

Рост документооборота: неразрешимая проблема

К концу 1970-х годов американские архивисты, наряду с коллегами из других стран, признали практическую невозможность сохранять то огромное количество разнородных материалов, которые общества теперь выдавали на-гора, описывая самих себя. Для такой массы бумаг просто физически не хватало места. Должностные лица и государственные служащие производили все больше и больше документов. Эверет Дирксен (*Everett Dirksen*) за свои восемнадцать лет в Сенате США написал более 85 погонных метров текста, а за

президентство Рональда Рейгана было создано более 4000 метров текста. Менее чем трехлетнее пребывание Джеральда Форда на посту президента потребовало больше документации, чем семнадцать лет президентства Франклина Рузвельта. Эти цифры — всего лишь намеки на те горы документов, которые теперь производили государственные должностные лица и их офисы в США и по всему миру. Даже в относительно небольших по сравнению с госаппаратом организациях, таких как университеты и компании, процесс создания документов бюрократизировался все сильнее.

Что сохранять? Что отвергать? И на основании каких критериев принимать такие решения, даже если средства и место для хранения документов найдутся? Чтобы решить эти вопросы, нужно было не просто осознавать потенциальную историческую ценность материалов, но и иметь в своем арсенале ряд авторитетов, которые могли бы направлять архивистов при отборе документов, наиболее ценных социально и исторически. А затем еще нужно было создать адекватные структуры и процессы для хранения, организации и поиска отобранного — другими словами, ключевые элементы архивного пострежимного «интервенционизма».

Фильтрация материалов стала, таким образом, зависеть от конкретных ситуативных факторов: от наличия места, размера бюджета, а также от институциональных политик, обычно в весьма нестабильной их комбинации. Когда публичные организации передавали свои материалы в архивы, не проводя предварительного отбора, архивистам ничего не оставалось, как полагаться на свои собственные представления о том, каким социальным или институциональным потребностям эти материалы могли служить. В подобных обстоятельствах признанные исторические авторитеты замещались, так скажем, банальными соображениями о практичности. В результате для архивистов научное сотрудничество с историками свелось лишь к предположениям о том, что архивные документы, возможно, как-то пригодятся историкам в будущем.

«Расширение клиентуры» и перемены в частных архивах

Умаление исторических авторитетов при формировании архивных собраний было вызвано и еще двумя причинами. Во-первых, от архивов стали требовать, чтобы они расширили круг своих клиентов. Вторая же причина кроется в изменениях,

затронувших среду частных хранилищ. Кому должны служить архивы? Государственные хранилища могли бы, вероятно, получать больше средств, если бы их воспринимали как службу, предназначенную для широкого круга пользователей. Поэтому многие государственные архивы все дальше уходили от потребностей академической истории в сферу интересов более широкого круга клиентов — частных лиц, организаций и социальных групп.

Движение архивов в этом направлении ознаменовалось частичными изменениями в архивной терминологии. Документы, имевшие важное значение в долгосрочной перспективе, теперь обрели статус не «исторической», а «архивной» ценности — термин, предложенный Ларри Хэкманом (*Larry Hackman*), находчивым архивистом штата Нью-Йорк⁵³. Архивная среда быстро усвоила новое слово: оно очень удачно выражало миссию архивов по отношению к расширившемуся кругу клиентов. Концепция же «исторического» отодвигалась еще дальше на задний план, поскольку это лингвистическое нововведение демонстрировало связь, скорее, между системами хранения документов и текущими политическими, административными и культурными потребностями институтов или архивов, а не между архивами и их академическими пользователями.

В сложившейся ситуации заметно выросло влияние взглядов Маргарет Нортон и Теодора Шелленберга: оба они, хотя и несколькими разными путями, пришли к выводу, что архивы, по сути, являются функцией правительства, таким образом подчеркнув статус архивов как учреждений, тесно связанных с государственными процедурами и законодательными требованиями к информации. В итоге архивы получили социокультурное обоснование, которое, по мнению канадского ученого-архивиста Терри Кука (*Terry Cook*), коренилось в продвижении политики публичности и доступности, а не в расширении исторического видения или круга ученых-пользователей архивов⁵⁴. Переиздание в 1975 и в 2005 годах собрания эссе Маргарет Нортон, несомненно, означало, что эти представления теперь непосредственно связывались с текущими проблемами архивистики.

Концепция, согласно которой архивы должны служить институтам, а не истории, подкреплялась и тем, что ученые и сообщество исследователей в целом официально не играли никакой «спонсорской» роли в архивной практике. Как неоднократно подчеркивала Энн Морган Кэмпбелл (*Ann Morgan Campbell*), первый официально нанятый исполнительный директор SAA, чтобы архивы могли

развиваться, им придется взять на себя полную ответственность за то множество не принадлежащих научным кругам клиентов, в которых превратилось подавляющее большинство «покровителей» архивистов, прямо либо косвенно оплачивающих счета последних.

В результате архивам пришлось учитывать интересы этих новых пользователей наравне с авторитетами, от которых зависели процессы сбора и сохранения документов. Например, в США генеалогия стремительно вышла за рамки валидации исторических связей с ранней Американской республикой, превратившись в довольно широкое движение, занятое отслеживанием социальных корней и воссозданием «идентичности». Эти исторические процессы сохранения и воссоздания информации способствовали также привлечению архивных данных для подготовки планов реконструкции старых зданий. Гражданская война и другие «катализаторы» популяризировали локальные исторические собрания и предъявляли новые требования к государственной документации. Множество новых пользователей, привлеченных в архивы подобными событиями, начали осаждать хранилища, долгое время служившие научными заповедниками.

В то же самое время в больших частных организациях, особенно в корпоративной среде, возникли новые проблемы, связанные с использованием архивных материалов. Растущая конкуренция, необходимость хранить коммерческие тайны, агрессивность и противоречивость юридической среды, а также сложные процессы государственного надзора — все это настойчиво подталкивало держателей частных и корпоративных документов присоединяться к созданной в 1955 году Ассоциации специалистов по управлению документами (ARMA)⁵⁵. К концу 1980-х годов Ассоциация включала уже 10 000 архивистов государственных и частных хранилищ и архивных менеджеров примерно из 30 стран. Профессиональная идентичность членов ARMA имела строгое определение: это были менеджеры, служащие институциональным интересам исключительно в рамках управления информационными потоками. Выходящий дважды в месяц журнал «Управление информацией» (*Information Management Journal*) стал ключевой площадкой для развития международных стандартов управления документами, а также для обсуждения новых технологий. Исторические аргументы уже никто не принимал во внимание.

Глава 3

Архивные авторитеты и новые технологии

Как это обычно и происходит с революциями, полномасштабная революция в информационных технологиях принесла с собою целый ряд непредвиденных последствий. Радикальные перемены начинались весьма неторопливо — в 1960-е годы с использования «машиночитаемых данных». Затем последовало стремительное формирование сложной компьютерной среды, и вскоре новые технологии управления информацией хлынули в сферу производства документации. Эти перемены повлияли на все без исключения аспекты архивной работы и изменили понимание документа.

К 1990-м годам почти все новые государственные и институциональные документы изначально стали создаваться в цифровой форме. Однако головокружительная скорость, с которой электронные процессы внедрялись в делопроизводство, вовсе не способствовала уменьшению количества бумажных носителей информации, а, напротив, привела к резкому его росту. Простота создания электронных документов только подхлестнула производство копировальных аппаратов и принтеров. Увеличение документооборота в разных форматах чрезвычайно усложнило процессы оценки и хранения во всех их аспектах.

Имели ли исторические авторитеты хоть какое-нибудь значение в этом непростом мире с его уже теперь электронным делопроизводством, или же их пришлось дополнить либо вообще заменить чем-то принципиально новым? Достаточно ли было архивистам освоить сугубо технические стороны новых технологий, чтобы успешно управляться с материалами, или же эти материалы требовали еще и радикальной трансформации архивного менеджмента и самой «режимной» роли архивиста? Новорожденный электронный мир оказался по большей части внеисторическим,

формально-техническим и сложным конструктивно. Неудивительно, что архивисты были вынуждены переосмысливать подходы к своему образованию, практике, да и к самой природе хранилища, а также свою профессию и себя в ней.

Первые шаги

По иронии судьбы самые первые изменения в архивных технологиях, связанных с архивированием машиночитаемых данных, были ответом на научные потребности социальных историков, заинтересованных в организации и анализе статистических расчетов. Задолго до развития цифровых процессов схожие проблемы уже занимали умы некоторых архивистов. Когда выяснилось, что большие ЭВМ способны хранить и анализировать громадные массивы информации, стало очевидным, что правительства и крупные институты и организации вскоре будут обладать внушительными банками данных, крайне важными для работы их архивов и, безусловно, для понимания принципов функционирования хранилищ.

В США Мейер Фишбейн (*Meyer Fishbein*) и другие сотрудники Национального архива начали работу над развитием систем хранения документов в «машиночитаемых архивах»¹, как они это называли. Главные исследовательские учебные заведения страны тоже стали все активнее искать возможности сохранять и архивировать электронную информацию, которая накапливалась в процессе их научной работы. Создание электронных архивов могло бы избавить хранилища от необходимости раз за разом повторять затратные во временном отношении процедуры сбора и кодирования количественной информации. Вдобавок правильно выбранные технологии позволили бы соотносить вновь поступающие данные с уже существующими. Поэтому изначально работа над созданием электронных архивов все еще опиралась на авторитеты, обозначенные историческими исследованиями, особенно на те, которые привлекались в «количественной» истории. Прочтение историками этих данных и формировало авторитетные практики кодирования, а те, в свою очередь, создавали категории для архивации и поиска данных.

Одним из шагов на пути к созданию систем хранения нового типа было образование в 1962 году Межуниверситетского консорциума политических и социальных исследований (*Inter-University*

Consortium for Political and Social Research; ICPSR) с целью «обеспечить будущим поколениям ученых доступ к источникам информации». В результате его деятельности был создан, по сути, большой архив электронных материалов, предназначенных для работы ученых из сферы общественных дисциплин. Университеты — члены Консорциума передали в архив информацию, собранную в своих собственных исследовательских проектах, получив за это широкий доступ к архиву². Собранный в итоге исторический архив не содержал ни одного бумажного документа. Его фонды включали только электронные объекты, которые хранились на компьютерах и могли быть прочитаны только этими компьютерами. В то время архив Консорциума казался весьма специфическим, полностью отделенным от царства бумажных документов, доминирующих в архивном деле. Как архивировать большие статистические базы данных и как ими управлять — не было для архивистов основной заботой. Многие из них даже считали эти материалы «не-документами» — в том смысле, что они не были связаны с институциональными транзакциями и, следовательно, не входили в круг архивных интересов³.

Вскоре первый значительный шаг на пути к цифровизации изменил эти взгляды. Обстоятельства вынудили архивистов задуматься над тем, какими могут стать их хранилища, если вычислительные машины окажутся столь же эффективны в работе с текстами, как и с числами. Именно в тот период, когда многие историки озаботились проблемой архивных свидетельств социальной и культурной истории, гендера, расы, этничности, дискурса, колониальных исследований и других аналитических подходов, архивисты стали задавать вопросы совсем иного плана. Должны ли они теперь разработать системную организацию архивов, содержащих только электронные данные? Если да, то какова будет их природа? Как они встроятся в систему традиционных архивов и в архивные практики? Каковы их потенциальные достоинства и ограничения? И, что важнее всего для ученых, как это все скажется на исторических собраниях настоящего и будущего, а также на процессах хранения неэлектронных материалов? Иными словами, что ждет историков, если архивисты будут видеть свою задачу в управлении архивными системами, которые необходимо регулярно и полномасштабно чистить от документов, а не в том, чтобы оценивать и сохранять материалы, имеющие потенциальную историческую ценность?

Новые компьютерные системы доступа: «библиотечная модель»

Вычислительные машины принесли с собой потрясающие возможности, что стало очевидно с появлением первых сложных программных обработчиков текстов, а затем и уже привычных в наши дни настольных компьютеров. Внезапно оказалось, что все трудности, с которыми столкнулись современные архивы и системы управления документами, так или иначе связаны с цифровыми технологиями. Поначалу вполне логично было предположить, что трансформации подвергнется сама природа архивного документа и способы его описания и оценки. Также представлялось, что электронные архивы способны хранить любое количество данных любого типа, а все ограничения в этом плане сводятся лишь к физическому объему диска и отсутствию «умных» программ управления метаданными.

Вдохновленные новыми технологическими возможностями, архивисты в скором времени написали целое море работ по архивной теории и практике «в наш электронный век», пытаясь по-новому оценить и определить свою деятельность. Размышления на эти темы шли в двух направлениях. Одни авторы сосредоточились на вопросе, как можно использовать компьютерные мощности для создания системы архивного доступа с поиском по многим учреждениям, прорвав тем самым замкнутость концептуальных и дескриптивных методов, которые исторически сформировали архивы как индивидуализированные и уникальные собрания. Других воодушевляла идея полностью оцифрованных архивов. Однако они понимали, что электронные документы требуют электронных же средств и решений для упорядочения, описания и длительного хранения. Особенно интересными в связи с этим были работы Маргарет Хёдстрем (*Margaret Hedstrom*) и Дэвида Бирмана (*David Bearman*)⁴.

Первые попытки наиболее крупных библиотек поставить новые технологии на службу книге послужили своего рода моделью для архивистов, заинтересованных в компьютерных системах доступа. Читатели еще и мечтать не могли о ноутбуках в своих рюкзаках, а библиотекари уже переходили с каталожных систем с их индивидуальными индексными карточками на машиночитаемые идентификаторы. В конце XIX века они начали создавать фиксированные форматы, используя для своей карточной системы ограниченный и жестко заданный словарь, — подход, который

впоследствии кодифицировала Библиотека конгресса. Веком позже эта работа обеспечила концептуальную базу для создания интегрированных онлайн-каталогов.

Как известно любому библиотекарю, в 1980-х и 1990-х годах в онлайн-каталоги были введены миллионы отдельных библиотечных карточек, сделанных за предыдущий век. И хотя разработчики компьютерной программы, которая справлялась бы с разными и многочисленными «полями» данных, столкнулись с достаточно сложными техническими проблемами, ее внедрение стало возможным благодаря унифицированной и контролируемой структуре и языку описания. Жесткая терминология позволяла читателям переходить от библиотеки к библиотеке посредством интегрированных каталожных структур, наподобие базы данных исследовательских библиотек (*Research Libraries database; RLIN*) и центра сетевой компьютерной библиотеки (*Online Computer Library Center; OCLC*).

Неудивительно, что архивное сообщество серьезно заинтересовалось возможностью внедрить схожую интегрированную систему доступа к информации в архивах и архивных собраниях. Многие сочли это начинание крайне важным, с той оговоркой, что архивы, рукописи и документы по самой своей природе являются уникальными и разнородными собраниями, доступ к которым обеспечивается справочно-поисковыми средствами или шифрами, принятыми в каждом конкретном учреждении. В отличие от библиотек, где одна и та же публикация поступает в несколько мест, а электронная каталогизация осуществляется централизованно, через Библиотеку конгресса, архивы с их уникальными коллекциями должны были тестировать применимость этих библиографических принципов каталогизации и классификации к архивным задачам обработки и описания фондов. Чтобы создать компьютерную базу данных, архивные практики следовало кодифицировать, то есть сделать их форматы и интерфейс предсказуемыми. Они должны были служить средством решения множества задач по сохранению и каталогизации данных, независимо от времени и места. Могли ли архивисты создать унифицированный набор категорий, которые охватывали бы огромное разнообразие документов? В отличие от книг, упорядоченных на основе широко принятых и четко определенных предметных категорий, для архивных материалов требовался целый ряд новых понятий, каталожных структур и даже словарей. В противном случае было бы невозможно объединять сходные виды документов из разных ти-

пов хранилищ, а также обеспечить к ним доступ посредством общих практик и процедур.

Иначе говоря, ключом к системе общего архивного доступа была стандартизация⁵. На первых порах единственной моделью для стандартизации служили системы, которые опирались на базовые характеристики, регулирующие доступ к печатным материалам: имя, название, дата и тематический рубрикатор. Однако архивисты и делопроизводители, обрабатывая и описывая документы, повсеместно ориентировались на критерий происхождения. Собрания архивных документов описывались не с помощью стандартизированных тегов (меток), а так, чтобы описание отражало уникальные организационные структуры и виды деятельности, в рамках которых они были созданы. В противоположность библиотечным системам, здесь доминировало понятие «архивного фонда» — «совокупности документов, объем и характер которой позволяет производить ее описание и систематизацию»⁶. Стандартные библиотечные каталоги архивистам не подходили.

Пытаясь создать электронную систему доступа, архивисты в первую очередь взялись за справочно-поисковый аппарат — базовые документы архивного описания. Как подчеркивал Фрэнк Бёрк, внесший весомый вклад в обсуждение этого вопроса, дескриптивное «вступительное описание» в актовых книгах и описях, которое историки и другие пользователи считали столь нужным, как правило, говорило больше о контексте, а не о деталях собрания:

Контекст — это жизнь и эпоха человека, или происхождение документов, или физические параметры, такие как измерение или материальная форма, предворяющие фактический анализ содержания материалов. Именно это вступительное описание помещает документ в его естественный контекст и именно в нем исследователю нужно искать функциональные характеристики, авторитеты, межинституциональные и межличностные взаимоотношения, структуру, массу, хронологию и политики⁷.

Таким образом, базовый принцип «предметного поиска» архивных материалов определялся функцией офиса или учреждения. Если известно, какой деятельностью занимается офис X, то можно с уверенностью сказать, что его корреспонденция будет иметь к этой деятельности отношение⁸.

Развитие стандартизированных категорий поиска заставило архивистов перенести центр внимания со своих традиционных фондов с их индивидуальными характеристиками на более структурированные системы описания, которые могли бы представлять все собрания в унифицированном виде. Однако как можно было настолько стандартизировать этот подход, чтобы компьютерная система надежно работала в сотнях разных и нередко уникальных хранилищах с бесчисленным количеством разнородных документов?

Компьютерная стандартизация: развитие эссенциальных архивных категорий поиска

В 1977 году Общество американских архивистов поставило эту задачу перед рабочей группой организации «Национальные информационные системы». Изначально даже сама по себе идея машинно-совместимой стандартизации была встречена с изрядной долей скептицизма. Большинство архивных учреждений имели свои собственные, весьма специфические методы описания и поиска, базировавшиеся на уникальности собраний, их истории и источниках. Тем не менее рабочая группа, в немалой степени вдохновленная новыми технологиями, разработала для системы контроля архивов и рукописей (*Archives and Manuscript Control; AMC*) так называемый машиночитаемый формат каталогизации (*Machine Reading Cataloging format; MARC*). По сути, члены группы придумали шаблон, позволяющий систематизировать различные виды информации, присутствующей обычно в справочно-поисковых системах⁹.

В целом MARC-AMC представлял собой вариант системы библиотечной каталогизации. «Автор» стал теперь «источником происхождения», «название» — «названием серии документов¹⁰», даты охватывали большой, но всегда ограниченный период времени. Была возможность добавить и дополнительные машиночитаемые поля, например размер собрания или доступность новых или уже существующих поисковых средств. Язык описания контролировался специальными структурами Библиотеки конгресса. Учреждения, желавшие присоединиться к этой системе, должны были привести все свои каталоги в соответствие со структурой полей в MARC-AMC. Эффективность MARC, безусловно, зависела от способности и желания архивистов изменить дескриптивную инфор-

мацию в соответствии с рядом жестких стандартов, так как система могла работать, только если все ее участники следовали одному и тому же набору правил и использовали одни и те же языковые структуры¹¹.

Изначально самым главным в этой системе было то, что она опиралась на так называемые «ключевые», сущностные идентификаторы. В их роли выступали имена, названия мест, учреждения-фондообразователи, дата создания и другие существенные и неотъемлемые характеристики, имевшиеся у любого документа, которые могли использоваться в унифицированном виде учреждениями абсолютно разных типов. По мере развития системы тезаурус предметных заголовков, разработанный Библиотекой конгресса, получил статус образца для назначения тегов, которые позволили бы вести поиск по различным архивным материалам, охватывающим множество отдельных тем.

Иными словами, ключевые идентификаторы носили редукционный характер. Они упрощали тематическое многообразие документов, сводя его к ограниченному ряду предметных рубрик и сокращая таким образом количество дескриптивных тегов. Для архивистов такое упрощение не несло отрицательных последствий, поскольку аналогично системе «каталогизации перед публикацией»¹² Библиотеки конгресса избавляло библиотекарей от необходимости просматривать большинство новых поступлений, чтобы решить, к какой рубрике их отнести. Однако, с точки зрения историков и других ученых, эти идентификаторы оказались крайне негибкими и плохо подходили для решения многих исследовательских задач. Все хранилища, присоединившиеся к системе, должны были уместить свои категории в рамки понятий и категорий исторического знания, определившего, в свою очередь, тематические категории Библиотеки конгресса.

Хотя этот сдвиг в сторону прямого следования библиотечной системе при определении новых архивных авторитетов произошел еще до полномасштабного внедрения компьютеров (когда многие исследователи по старой привычке противились даже самой идее создания текстов на компьютере, не говоря уже о поиске источников в интернете), архивисты быстро осознали важность тегов как средства доступа к своим фондам. Одним явным преимуществом этой системы, несомненно, была систематичность и наличие ключевых категорий, подходящих для компьютерной обработки и использования в интернете. В то же самое время повышенный интерес архивистов к «сущностным» критериям, отраженным

в стандартах MARC-AMC, сильно приблизил архивистику к библиотечному делу, с его понятиями библиографических авторитетов, тем самым уведя ее от узкоспециального архивного образования и практик, от замкнутых профессиональных организаций и строго очерченной профессиональной идентичности, а также от сотрудничества с историками и другими специалистами из сферы общественных наук. Это было весьма парадоксально, учитывая стремление архивного сообщества к профессиональной независимости. Теперь «архивные авторитеты» указывали не на присущие самим документам потенциальные исторические смыслы, а на элементы, которые позволяли в цифровом формате обмениваться общей информацией о фондах между архивами, институтами и отдельными пользователями.

Кодированное архивное описание (EAD) и стандартный обобщенный язык разметки (SGML)

Следующей задачей после разработки и внедрения в практику общих поисковых категорий стала интеграция самого справочно-поискового аппарата в системы поиска материалов. Здесь, как и на предыдущем этапе, возникла необходимость разработать новые унифицированные стандарты. Однако теперь в них следовало заложить возможность более детального описания документальных собраний, не утратив при этом системы перекрестного поиска как в пределах архива одного учреждения, так и между разными архивами.

Для этих целей была разработана система «Кодированное архивное описание» (*Encoded Archival Description; EAD*), предназначенная для стандартизации базовых отношений между документами и создавшими их учреждениями. Разработка системы началась в 1993 году, когда в Университете Калифорнии (Беркли) стартовал проект, целью которого было «исследовать необходимость и возможность создания общедоступных стандартов кодирования для машиночитаемых справочно-поисковых средств, таких как описи, актовые книги, указатели, и прочих документов, создаваемых в архивах, библиотеках, музеях и рукописных собраниях для обеспечения доступа к фондам»¹³. Рассмотрев все возможные варианты, авторы идеи решили взять на вооружение стандартный обобщенный язык разметки (*Standard Generalized Markup Language; SGML*), который гарантировал бы совместимость коди-

рованных архивных описаний с системой электронной коммуникации, а также отражал бы внутреннюю логическую структуру документов, тем самым «позволяя программными средствами контролировать поиск и структурированное представление документов». Используемое в SGML понятие «определение типа документа» (*document type definition; DTD*) помогло дальнейшему упорядочению системы, так как набор SGML-тегов дал возможность кодировать части документов схожих классов (типов)¹⁴.

Необходимость столь высокой точности EAD сместила акценты в дискуссиях по проблемам архивистики. Технические требования таких систем и их адаптация под специфику отдельных хранилищ и документов стали (и остаются поныне) предметом обсуждений и споров. Понятие «общих» баз документальных данных оказалось отнюдь не простым. Сложности вызывала и сама система EAD. В обоих случаях нужно было принимать серьезные и времязатратные решения о том, как «уместить» собрание в уже существующую понятийную структуру.

Одно из самых интересных обсуждений этих проблем прошло в 1995 году в Энн-Арборе под эгидой программы исследовательских стипендий «Изучение современных архивов» библиотеки Бентли¹⁵. «Команда Бентли» под руководством Даниэля Питти (*Daniel Pitti*), ведущего исследователя проекта EAD в Беркли, попыталась сформулировать ряд принципов, которые включали бы все существенные характеристики архивных документов, тем самым обеспечивая полноту и систематичность информации для справочно-поисковых средств и одновременно связывая документ с его фондом. В своей работе группа Бентли опиралась на мнения ведущих специалистов отдела сетевого развития Библиотеки конгресса, группы исследовательских библиотек, сетевого центра компьютерной библиотеки, Государственного архива Великобритании и крупных американских центров информационных технологий¹⁶.

Сочетание дескриптивных и общих элементов архивного документа стало концептуальным основанием для всей дальнейшей работы над системой кодированного архивного описания. Также оно подчеркнуло значение стандартизации: в условиях бурного развития компьютерных технологий она обрела статус чуть ли не нового модуса жизни. Потенциальные преимущества для архивистов, безусловно, были очевидны и внушительны: возможность перекрестного поиска материалов, объединение фондов небольших и географически удаленных хранилищ с крупными собраниями, слияние разрозненных фондов — все это теперь стало доступно.

Также объединенный справочно-поисковый аппарат позволял находить имена папок и другие указатели, тем самым предоставляя исследователю более широкие возможности, отсутствовавшие в традиционной поисковой системе. В общем, EAD помогала выйти на новый уровень поиска, который не был напрямую связан с ключевыми дескриптивными категориями фонда или серии документов как целого.

Однако эта новая технология зависела (и зависит) от лексического поиска и, следовательно, от жестко заданных лингвистических структур. Сама природа этого языка такова, что не допускает понятийных сдвигов, например, от «женщины» к «гендеру», от «правительственных институтов» к «властным отношениям» или от «идентичности» к более широким концептам культуры, социальных связей, групповой психологии или категории «разнородности». Система же EAD базируется на терминах и языке, используемом в файловой структуре фондообразователя. Однако теперь архивисты справедливо возражали (и споры эти начались еще в 1970-х годах с обсуждения позиции Кэппона), что выявлять актуальный историографический потенциал какого бы то ни было архивного собрания, не говоря уже о составлении прогнозов относительно его будущей научной ценности, больше нет никакого практического смысла. В центре внимания архивистов оставались сущностные отношения между документами и деятельностью, в результате которой они появились. Актуальные вопросы технической строгости и системности взяли вверх над детальным анализом того, как историки и другие ученые смогут сейчас или в будущем использовать архивные коллекции и фонды.

Определение атрибутов электронных документов

Появление новых информационных технологий также освободило архивистов от большей части физической работы, связанной с бумажными документами и иными артефактами, заменив ее электронными процессами, которые перемещали документы по этапам — с момента создания до передачи в архив. К середине 1990-х годов хранилища, состоящие из гигантских массивов оцифрованных текстов, стали реальностью. Архивные методики, казалось, превращались во вспомогательную функцию «безбумажного» делопроизводства. Таким образом, цифровые технологии поставили перед архивным сообществом вопросы, схожие с теми, которые

пришлось решать библиотекам в связи с появлением электронных книг и журналов. Однако для архивистов трудность представляли не только процессы сбора или описания, но и комплексные проблемы, связанные с сущностными и контекстуальными атрибутами самих электронных документов. Именно они и привлекли внимание двух групп архивистов, занимавших разные позиции.

Первая группа сформировалась вокруг архивистов Дэвида Бирмана и Адриана Каннингема (*Adrian Cunningham*), выдвинувших идею «контекстного контроля», призванного заменить традиционные архивные авторитеты при назначении атрибутов электронным документам¹⁷. Бирман опирался на традиционную концепцию происхождения, рассматривая, однако, отдельные документы и серии документов под совсем иным углом зрения. В то время он занимал пост заместителя директора службы управления информационными ресурсами Смитсоновского института и был редактором журнала «Архивная и музейная информатика» (*Archives and Museum Informatics*). (Видя растущий спрос на свои услуги, он потом создаст собственную консалтинговую фирму.) Его инновация заключалась в том, чтобы анализировать электронные материалы с учетом их контекстных связей с различными системами, в которые они были помещены, — то есть в каком-то смысле Бирман предлагал «высокотехнологичную» версию старого подхода к «традиционным» (бумажным) документам как к элементам административных структур и систем, обуславливающих их понимание.

Бирмана интересовало сохранение свидетельств административных процессов и транзакций в отрыве от исторического значения этих свидетельств. Такая система представлялась ему новым медиатором между субъектами и производимой ими информацией. По сути, ключевыми ее компонентами были не традиционные звенья институциональных транзакций, включая их статус, определенный общепризнанными историческими авторитетами, а электронные и административные элементы, обеспечивающие функционирование системы. Элементами служили аппаратная и программные части, эксплицитные политики и процедуры и, не в последнюю очередь, определенная квалификация и опыт, необходимые для того, чтобы поддерживать систему в рабочем состоянии и обеспечивать слаженную работу всех ее частей при поиске информации (свидетельств). Следовательно, в первую очередь архивист должен был понять административные контексты, формирующие систему, и «работать» с ними, дабы оценить значимость производимых системой документов. Тогда архивисты могли бы решить, какие

системы следует отбирать в архивы, — по мнению Бирмана, это был единственный способ сохранять их документацию и обеспечивать к ней доступ¹⁸.

Бирман также подчеркивал, что крупные организации всегда нуждались в структурированной по своим внутренним правилам письменной коммуникации и указывал на важность взаимоотношений между документами и институциональными процессами принятия решений. Необходимость сохранения природы ключевых институциональных процессов требовала, чтобы основные формы и структуры, их представляющие, были переведены в электронную версию. Иными словами, функция электронной документации внутри институтов повторяла функцию бумажной коммуникации, несмотря отступление бумаги перед «цифрой». Хотя архивисты уже давно говорили о важности отношений между организацией и ее документами, Бирман считал, что этот базовый элемент современного архивного процесса фактически еще недостаточно развит, поскольку в стандартных современных справочно-поисковых аппаратах редко когда можно было увидеть систематизированное представление полного контекста, в котором «обрабатывались» материалы¹⁹. В свете этого огромное преимущество электронной среды заключалось в том, что она остро выявила необходимость полного и всестороннего описания, так как понимание контекста создания материалов играло главную роль в их сохранении и использовании.

Идеи Бирмана стимулировали новые попытки стандартизировать саму контекстную информацию. При поддержке Международного совета архивов (*International Council on Archives; ICA*) был разработан международный стандарт архивных авторитетных (нормативных) записей для организаций, частных лиц и династий (*International Standard Archival Authority Record for Corporate Bodies, Persons and Families; ISAAR (CPF)*), предназначенный для отделения дескриптивной информации от данных о происхождении, что позволяло подробнее концептуализировать контекст. Началась работа и над созданием системы кодированного архивного контекста (*EAC*), которую следует отличать от атрибутов кодированного архивного описания (*EAD*). Появились проекты новых международных стандартов описания деятельности и функций организаций (*Standard on Activities/Functions of Corporate Bodies; ISAF*)²⁰. Кодификация стандартов управления документами, в частности электронными, происходила под эгидой Международной организации по стандартизации (*International Organization for Standards; ISO*). Од-

нако разработка комплексных дескриптивных категорий, которые на практике присваивали бы организационные контекстуальные атрибуты конкретным документам и группам документов до сих пор остается весьма проблематичной. Все доступные модели категоризации были основаны на теории организации, истории управления и структурном анализе целей, функций и политических «реалий» организационного поведения — элементах, трудно поддающихся практической идентификации в организациях разного типа, не говоря уже об архивах²¹.

Вторая группа архивистов сфокусировалась на характеристиках самого документа, что отражено в работах Лючианы Дюранти из Университета Британской Колумбии (Канада). Получив классическое архивное образование, изучив палеографию и дипломатику в Университете Рима, Дюранти пыталась связать структуры данных из крупномасштабных цифровых систем документов с базовыми категориями, взятыми из этих дисциплин. Однако ее усилия были направлены не на возврат к традиционным архивным методам, а на поиск способов применения этих категорий на практике, чтобы лучше понять природу электронной среды.

Позиция Дюранти начала формироваться в 1990 году, после исследовательского проекта ООН, призывавшей своих членов обратить внимание на проблемы долгосрочного хранения электронных документов и систем. Наряду с другими наблюдениями, авторы исследования подчеркивали, что, в отличие от бумажных материалов, электронную информацию нередко создавали сами компьютеры. Раз электронные записи в любом случае нельзя получить без компьютеров, только создатели самих электронных систем могли решать, какой тип документов будут генерировать их детища. Более того, коль скоро электронные документы управлялись электронными информационными *системами*, а не архивистами, и их невозможно было отделить от этих систем, кроме как программными средствами, встроенными в саму систему, архивистам и делопроизводителям пришлось присоединиться к разработчикам этой системы. Так же пришлось поступить и создателям документов. Только их активное участие позволило сделать материалы, проходящие через электронные структуры, понятными с точки зрения их роли в учреждении-фондообразователе²².

В итоге родилась новая, «цифровая» версия концепции происхождения. Цифровые системы документов следовало передавать в архивы не как собрания разрозненных, индивидуальных документов, аутентичных в силу места своего происхождения

и породивших их процессов, а как отдельный цифровой «объект», нередко содержащий громадное количество файлов. Оценивались электронные поступления как целое, поэтому значение (и смысл) каждого отдельного документа зависел от структуры той системы, в которой он находился. Конкретные электронные документы можно было отыскать, лишь активно внедряясь в систему с помощью специальных технических протоколов, которые, однако, непременно были связаны с процедурами и политиками — технического и иного плана — учреждений-создателей документов. Таким образом, они были присущи самому документу. Следовательно, архивам приходилось отбирать и оценивать систему документов как целое, не разбивая ее на отдельные единицы или группы, так как только сами системы активно и по существу определяли процессы создания и использования информации в учреждении. Для эффективной обработки цифровых данных архивистам нужно было получить доступ к технической информации, обуславливающей требования каждой системы и параметры — то, что они не могли независимо контролировать²³.

Особое внимание Дюранти и ее коллег привлекла проблема проверки аутентичности электронных документов. Отдавая дань традиции, они полагали, что если бы архивисты поставили акцент на целях создания документа и на том, как документы отражают транзакционные и административные процессы фондообразователя, они могли бы идентифицировать ключевые компоненты и функции документа. Такой подход фактически предполагал решать проблемы архивистики с помощью традиционных европейских архивных концепций, взятых из дипломатики. Электронный документ, аналогично своим бумажным «собратьям» традиционных исторических архивов, считался надежным (*reliable*), если его аутентичность можно было подтвердить тем фактом, что он «есть то, о чем заявлено в нем самом», а не его отношением к какому-либо историческому процессу:

Подлинность — вот наиболее близкое здесь понятие. Во всех образованных культурах считается, что документы достоверны (то есть надежны) тогда, когда они имеют завершённый характер, процедура их создания контролируется, а сами они не подвергались изменениям и являются тем, о чем заявлено в них самих (то есть *аутентичными*). Здесь, однако, мы имеем строго правовое определение аутентич-

ности. При условии контроля над процедурами передачи и сохранения документы можно считать правдивыми (то есть *подлинными*) в плане содержания. Таким образом, для тех, кто создает и сохраняет документы (records), ключевыми остаются два понятия — надежность и аутентичность, так как подлинность присуща им внутренне²⁴.

Дюранти и ее коллеги полагали, что архивистам следует обратиться прежде всего к сущностным и неизменяемым отношениям между документом и его создателем — к связям, которые и обуславливали «архивную ценность» документа как транзакционной записи и, следовательно, как потенциального исторического источника. Иными словами, они стремились найти предсказуемый системный набор авторитетов, который не зависел бы от временных характеристик, а подбирался исходя из аксиоматических отношений, определенных, как это было и прежде, значимостью самой транзакции.

Сильнее всего эти идеи повлияли на архивистов государственного сектора: круг их обязанностей как управляющих потоками электронной информации в рамках госструктур сильно расширился, и неудивительно, что они, пытаясь справиться со всем этим, быстро усваивали новые архивные концепции. Их открытость новым идеям отчасти объяснялась необходимостью внедрить новые технологии в процесс создания государственной документации, а отчасти тем, что технологии могли помочь архивам удовлетворить потребности пользователей, которых становилось все больше, и сократить связанные с этим затраты. В США государственные архивы вскоре отделились от Общества американских архивистов, создав свою собственную Национальную ассоциацию государственных архивов и специалистов по управлению документами (*National Association of Government Archives and Records Administrators*; NAGARA). Создана она была исключительно с целью «помочь государственным архивистам и управляющим документами», а также усовершенствовать государственную систему управления документами и информацией на федеральном и местных уровнях. Во главу угла была поставлена производительность, «эффективное использование государственной информации и управление ею... [и] повышение качества документов и информационного менеджмента на всех уровнях власти»²⁵, а также «облегчение доступа к нашему документальному наследию»²⁶.

Причина появления этой новой организации заключалась не столько в стремлении ее членов дистанцироваться от SAA, сколько в их попытках разобраться в сложных политиках, требованиях, технологиях и законодательных вопросах, влияющих на природу и создание государственной документации и на задачи в сфере государственного управления информацией. В формулировках, явно носивших «современный и корпоративный», а не «традиционный научный» характер, NAGARA заявила в числе своих приоритетных ценностей «производство практичных, специфических и рентабельных продуктов, отвечающих потребностям наших членов»²⁷.

«Дебаты об оценке документов»: переосмысление архивных авторитетов

Новые теоретические и концептуальные перспективы сместили проблему архивных авторитетов — критерий, как мы уже писали выше, необходимый для присвоения документу статуса «архивной ценности», — непосредственно в область организационных структур и поведения. Ценность материалов все чаще стали рассматривать как отражение значимости создавшего их субъекта в структуре своего института. Одни участники этих дискуссий²⁸ брали на вооружение методы социологической статистической выборки, и тогда авторитеты, регулирующие хранение документов, выбирались на основании валидационных параметров статистического исследования²⁹. Другие больше обращали внимание на контекст создания и использования документов³⁰.

Что особенно поражало в этих обсуждениях, так это практические трудности, с которыми столкнулись архивисты из-за резкого роста объемов поступающей в архивы документации. В решении этих вопросов большую роль сыграли архивисты Фрэнк Боулз (*Frank Boles*) и Джулия Юнг (*Julia Young*): они попытались связать теоретическую проблему оценки документов с практикой. Боулз и Юнг подчеркнули важность таких факторов, как затраты на хранение, состояние документов и потенциальную заинтересованность пользователя в принятии решения об их ценности. С помощью тщательно продуманных диаграмм они показали около пятидесяти различных факторов, которые, по их мнению, должны учитывать архивисты и управляющие документами при утверждении новых архивных авторитетов. С одной стороны, как они полагали, задача

управления внушительными массивами информации просто-напросто выходила за границы традиционного архивного мышления. С другой, интервенционизм «пострежимного», электронного мира требовал даже еще более радикальных перемен в практике и стандартах архивного менеджмента³¹.

Настало время, когда в архивистике широко распространилась тенденция выбирать архивные авторитеты на основании сугубо архивных потребностей и проблем. Нелегким путем проб и ошибок архивисты были вынуждены вычерчивать новые концептуальные рамки и разрабатывать методы анализа и решения сложных проблем, пришедших вместе с цифровыми технологиями. Их профессиональные размышления об авторитетах, которые направляли бы архивную работу, теперь сводились к практическим соображениям, чрезвычайно далеким от исторических ориентиров, когда-то определявших процедуры оценки. Традиционные историко-ориентированные авторитеты были отодвинуты еще дальше на задний план, поскольку интересы историков и историческое понимание мало что могли добавить к авторитетам, определявшимся объемами документации и новыми технологиями. Взрывной рост количества как бумажных, так и электронных материалов, значительное расширение круга клиентов, не принадлежащих научному сообществу, сложные технические программы и системы, усложнение организационных и институциональных политик — все это вместе взятое вынуждало архивистов все сильнее расходиться со своими бывшими коллегами — историками — при определении ценности документа. В дебатах об экспертизе материалов эта проблема представляла как сугубо архивная, решать ее предлагалось исключительно в рамках архивной теории, а обсуждать — в «архивных» терминах.

Глава 4

Отход от архивных авторитетов в исторической науке

В то время как рост объемов документации, как бумажной, так и электронной, поставил архивное сообщество перед лицом новых проблем, связанных с отбором и сохранением материалов, историки продолжали считать, что их дисциплина требует сохранения любых документов, имеющих потенциальную историческую ценность. Многие так полагают и поныне. Когда в 2008 году, в ходе очередной бурной дискуссии на встрече историков в Санкт-Петербурге, был поднят вопрос о том, что же следует сохранять, один из ведущих ученых почти выкрикнул: «Всё!». Его коллеги согласно закивали. Как же это воплотить, их попросту не волновало. Даже сама мысль о том, что архивисты, возможно, больше заняты списанием ненужных документов, а не отбором нужных, была (и остается) за гранью их понимания.

Несомненно, когда архивисты после Второй мировой войны начали осознавать необходимость новой, «пострежимной» парадигмы, авторитет архивов и архивной истории в академической среде, по сути, укрепился — благодаря стандартизации научно-исследовательских процедур (протоколов), установленных для академической исторической монографии. Хотя, как мы уже видели, эти практики уходят своими корнями в научно-исторические методы XIX века, они теперь широко распространились в академическом мире. То, как ученые применяли эти стандарты, повлияло на их карьеру, на кадровые решения в университетах и на более широкое восприятие истории в социальных науках в целом.

Однако, как и в случае с архивистикой, историческое сообщество — в результате разрушительных последствий Второй мировой войны — тоже менялось. Многие историки сочли необходимым пересмотреть традиционные взгляды на причины и пути развития обществ, а также уместность понятия «прогресс» при описании

более широких исторических тенденций. Новые вопросы и концепции уже не вмещались в существующие границы исторической дисциплины. С одной стороны, перед историками открылись дополнительные возможности доступа к архивам, которые стали более мобильными и могли удовлетворять растущие потребности в исторических знаниях, а с другой, традиционные авторитеты, присущие историческим документам, теперь подвергались переосмыслению вследствие переориентации интересов и расширения тематики запросов. Некоторые из этих запросов поколебали само понятие исторического авторитета.

Доступ к архивам, протоколы исследования и законы истории

Стандартизация протоколов академических исследований была связана с практиками доступа к архивам — животрепещущей проблемой для историков, что подтвердит любой архивист. Хотя в Европе и Северной Америке принцип открытого доступа уже повсеместно признан в качестве гражданского права человека, в практике существуют значительные расхождения в том, что касается природы материалов, принципов их каталогизирования и, безусловно, предпочтений архивистов, причем к историческим архивам, для которых открытый доступ не является обычной практикой, это относится далеко не в последнюю очередь. Сегодня посещение архивов историками часто все еще напоминает о XIX веке и Леопольде фон Ранке с его крепкими личными связями в архивной среде, необходимость которых он, а впоследствии и его студенты, культивировал и на которые всецело полагался. «Благодаря любезности... мне был открыт доступ...» — нередко писал Ранке в стиле, весьма знакомом тем, кто читал почтительные благодарственные послания современных историков. Несмотря на концептуальные изменения образа архивов, выступающих теперь как публичные институты, отражающие общественное доверие, большинство из них до сих пор требуют предоставить в той или иной форме подтверждение статуса, прав, рекомендации или иные свидетельства компетенции и надежности. Даже в общедоступных хранилищах, таких как Национальный архив или Служба документации в США, или Национальный архив Франции, архивисты и сейчас могут отказать в доступе к определенным видам исторических материалов просто на основании своей роли «стражей» прошлого. В более за-

крытых частных или в отдельных государственных хранилищах, таких как советские исторические архивы, открытость которых официально не гарантировалась, слово архивиста было законом.

Таким образом, как и веком ранее, для историков и их работ доступ к архивным материалам продолжает ассоциироваться со статусом и законностью. Он служит общепризнанной верительной грамотой ученого, удостоверяя достижения. И здесь читатель распознает знакомую претензию, звучащую во фразах «документы из недавно раскрытых архивов» или «эти материалы до настоящего времени не были изучены», которые наделяют историческое знание авторитетностью и статусностью. Поскольку публичные архивы, даже в США, теперь объединились вокруг ведущих социополитических институтов правительства и государства, в глазах архивистов историк, получивший доступ в архив, в определенной степени заслуживает доверия.

Доступ укрепил и авторитет архивной истории — благодаря крайне специфическому языку сносок и цитирования. Как показал Энтони Графтон в своем замечательном исследовании, традиция референции¹ уходит корнями далеко в прошлое², но примерно до первой трети XVII века цитаты служили, скорее, ссылками на сами авторитеты, а не на источники, положенные в основу конкретной аргументации³. В ее современной форме референция, однако, отсылает, как правило, не просто к авторитету (как только что сделали мы, сославшись на Графтона), а к источнику, на котором основывается собственно авторитетность текста. Другими словами, речь идет о ссылке на оригинальные документы, выступающие в роли верифицируемого доказательства того, что данный исторический нарратив исходит из аутентичных и индентифицируемых источников.

Изменения в традициях цитирования Графтон относит к XVII веку. Вследствие влияния таких авторитетных фигур, как Бэкон, Декарт, Бейль и других родоначальников идей Просвещения, референция приняла форму критической рефлексии, которая позволяла через анализ альтернативных точек зрения формировать новые смыслы и, следовательно, новое понимание⁴. К тому времени, когда методы Ранке и его университетский семинар стали базовыми элементами исторической дисциплины, а сами архивные документы превратились во что-то вроде фетиша для ученых, протоколы референции получили статус маркера аутентифицирующей «правды», даже когда не имелось никаких признаков того, что сама эта правда подвергалась критическому осмыслению.

Эта трансформация принесла с собой и то, что можно назвать «грамматикой объективности» — стиль представления свидетельств, который уже сам по себе наделял архив статусом источника актуальных исторических авторитетов. Под «грамматикой объективности» мы имеем в виду структурную форму архивной референции, в рамках которой потенциально спорные факты или любая новая информация «объективно» подтверждаются ссылкой на конкретный архивный источник. В ответ на имплицитный вопрос читателя «Откуда это известно?» научный язык референции так же имплицитно отвечает, что представленный текст «верифицируется», если читатель не сочтет за труд собраться, захватить доказательства своей благонадежности и отправиться в архив, где эти документы можно увидеть воочию.

Хотя здесь и присутствует научное допущение, что историческая правда сама по себе объективна, референция фактически «подтверждает» не источник, а текст историка. Подтверждение же источника оставлено на откуп архивисту; при этом подразумевается, что ученый критически его анализирует, способен выявить любую подделку или фальсификацию, случайно пропущенную архивистом, и цитирует источник со всей тщательностью. В середине XX века достаточно было изучить соответствующие архивы, чтобы тема научного исследования уже считалась «раскрытой». Студентов поощряли брать «новые» темы, архивные документы по которым еще не изучались. В США, как, впрочем, и во всем мире, эта тенденция привела к увеличению количества исследований, посвященных отдельным аспектам политических институтов и политик государственного и регионального уровня.

Безусловно, границы таких допущений известны каждому историку. Жаркие дискуссии о некорректном и тенденциозном цитировании всегда являлись одной из живейших форм научного взаимодействия. Несмотря на это (или даже, возможно, в силу этого) архивные референции со временем придали исследованиям статус объективного (научного) процесса выявления правды. Сам факт отбора и хранения этой правды архивами наделял ее в глазах общества аутентичностью, за исключением, конечно, случаев очевидных подделок. Ассоциируясь с верификацией, референции сами по себе указывали на объективность и точность. Поскольку степень доверия историков к фактам зависела от того, занесены ли эти факты в архив, то можно согласиться и с историком Стивеном Шейпиным (*Steven Shapin*), который заметил, что архивная оценка «правдивости» документов тоже зависела от того, какие из них

были отобраны на хранение и «открыты» в процессе архивных изысканий⁵.

К 1940–1950-м годам, когда объемы делопроизводства резко возросли, стандартизированные протоколы исследования с их аутентифицирующими процедурами уже не только представляли собой универсальные элементы исторической науки, они также образовали фундамент исторического понимания природы и истоков модернити. После Второй мировой войны они тесно сконцентрировались вокруг двух, очень разных, типов широкого исторического нарратива, каждый из которых служил актуальной формой поиска исторической правды. Сильно различаясь своими историческими описаниями, оба они тем не менее развивались в прямой зависимости от доступных архивов, отбиравших материалы на хранение и выдвигавших на первый план то одни, то другие институциональные политики и политические силы.

Один нарратив связал историческое будущее послевоенного мира с традиционными субъектами, идеологиями, институтами и социальными формациями западноевропейского и североамериканского либерализма. Вторым являл собою мощный оппозиционный нарратив прогрессивных социалистических достижений. Эти достижения были убедительно продемонстрированы триумфальным входом Советской Армии в Берлин и служили для большей части не-западного мира интерпретационным ядром концепций модернити. Чертежи будущего здесь чертили не институты либерального капитализма, а рациональное планирование и распределение социальных ресурсов. Однако в обоих случаях научная история, как и ранее, являла собой общие исторические закономерности, выведенные на основании архивных источников. В более крайней марксистской версии, легшей в основу официальной советской историографии, динамические модели социальной эволюции неизбежно содержали те же элементы регулярности и порядка, которые мы наблюдаем в природе, хотя распознать первые было значительно труднее. Их представили как теорию в том же смысле, в каком считались теорией Ньютоновы «Начала»: предполагалось, что тщательное (научное) изучение истории предоставит исследователю те же самые виды верификации, которые можно получить из экспериментальной физики. Западный исторический канон был куда более условен в своем понимании исторического порядка, однако и он, причем столь же закономерно, являлся историей рационального прогресса на пути в светлое будущее.

Таким образом, по своей сути оба этих широких нарратива частично представляли собой поиск исторического смысла. Нарративы, формировавшиеся как дополнение к событиям и политикам, повествовали о направлениях и целях, которые, как казалось, и отражала история. В этом процессе модернизи возникла в качестве научно детерминированного временного пристанища, места, куда явно и естественным образом двигалась история. В результате нарративы, основанные на архивных данных, имплицитно превратились в образы не только прошлого, но и будущего, даже при том, что архивные документы не могли подтвердить столь широкий масштаб прогресса и развития, который рисовался в интерпретациях многообещающих политических модернизаций.

Вместе взятые эти доминирующие в то время направления поиска исторических смыслов завладели воображением историков почти всецело, поскольку объясняли, почему и как одни нации пошли по неверному пути, а другие, наоборот, нащупали верный. Мало того, несмотря на различия в интерпретациях, модернизи в обоих нарративах была больше, чем просто отдельное историческое направление или период. Она знаменовала собой достижения позитивистской мысли, включая уверенность в том, что архивное исследование может выявить и продемонстрировать естественные законы исторических перемен. Поэтому, несмотря на различия в содержании и методах, оба нарратива почти во всех своих многочисленных формах опирались на грамматику, которая обеспечивала бы аутентификацию посредством архивных референций. Безусловно, советские тексты почти всегда содержали больше архивных цитат, чем западные, так как научная историческая правда, с которой ассоциировалась эта грамматика, служила еще и опорой советской политической легитимности. Ограничения на доступ к архивам практически исключали возможность верифицировать эту правду (хотя ученые и предпринимали такие попытки), однако в данном контексте это имело мало значения. Парадоксально, но советские читатели были вынуждены верить своей научной истории, что называется, на слово.

«Анналы»: критика

В этот период, по мере того как ученые критически анализировали использование их телеологий в политическом поле, два соперничающих понимания исторического прогресса, упомянутых выше, стали подвергаться основательному пересмотру. Новое

историческое мышление начало переосмысливать «аутентичность» истории, сконцентрированную сугубо на великих событиях, политических институтах и выдающихся личностях (мужчинах), независимо от наличия или отсутствия ее архивных обоснований. Отчасти это было вызвано тем моментом, который некоторые считают кризисом модернистской как таковой, получившим отражение в истории Германии, Италии, сталинской России, имперской Японии и даже «западного» мира как целого. Например, выдающийся французский медиевист Марк Блок, являясь членом французского движения Сопротивления, лично и непосредственно переживал военный катаклизм в период, когда писал черновик своего авторитетного (незаконченного) труда «Апология истории, или Ремесло историка». Книга вышла в свет уже после смерти автора, в 1953 году (Блок был арестован гестапо и расстрелян за год до окончания войны) и произвела своего рода сенсацию. «Модернисти» институтов и институциональных абстракций, разошедшаяся с ежедневными реалиями, поставила под угрозу, по мысли Блока, сущностные отношения между смыслами истории и жизнью человека. Ученым, ищущим исторической правды, пришлось сфокусироваться на факторах и силах, от которых зависела жизнь простых мужчин и женщин, и на том, как эту зависимость можно понять и представить с точки зрения реальной жизни людей⁶.

Принимая во внимание реакцию читателей на книгу Блока и обстоятельства его смерти, неудивительно, что модернистское историческое мышление подверглось в послевоенной Франции критике, инициированной коллегой Блока историком Фернаном Броделем (*Fernand Braudel*) и другими авторами журнала «Анналы» (*Annales. Histoire, Sciences sociales*)⁷⁸. Их подход, отчасти унаследованный из работ Блока, затрагивал и более широкое проблемное поле, в котором работали Клод Леви-Стросс (*Claude Lévi-Strauss*), Жан-Поль Сартр (*Jean-Paul Sartre*), Люсьен Февр (*Lucien Febvre*) и прочие исследователи и интеллектуалы того времени, а именно — глобальную динамику развития человечества, взятую в социокультурном и социальноэкономическом отношениях. «Анналы» воплощали собой широчайшее историческое видение. Полное название издания, «Анналы. Экономика, общества, цивилизации»⁹, указывало на подход, согласно которому конкретные события и исторические фигуры — традиционные объекты внимания ученых — помещались в гораздо более широкий контекст движения истории и времени. Знаменательными трудами по этой теме стали работы самого Броделя — книга «Средиземное море и средиземноморский мир в эпоху Фи-

липпа II», впервые опубликованная в 1949 году и переизданная в 1966 году, и статья «История и общественные науки: историческая длительность»¹⁰, написанная для «Анналов» в 1959 году, — глубокое эссе, которое заметно подтолкнуло пересмотр традиционных моделей исторической мысли и научного исследования¹¹.

По заявлению Броделя, в «общественных науках царил всеобщий кризис». Причина его крылась в сильной дисциплинарной и академической узости, которой объяснялось obsessive стремление описывать события до малейших подробностей, как будто это могло объяснить пути развития обществ. Бродель не критиковал «архивную» историю за то, что она опиралась на архивные документы, однако его взгляды имплицитно подрывали ее фундаментальное основание, а именно установку на то, что авторитетные архивы хранили наиболее важные материалы, необходимые для серьезных исторических интерпретаций.

Вместо этого Бродель, вторя Блоку, предложил расширять сотрудничество между «экономистами, этнографами, антропологами, социологами, психологами, лингвистами, демографами, географами и даже специалистами по социальной математике и статистике», чья работа дополняла историческую науку и обеспечивала ее информацией. Он резко оспаривал посылки «традиционной истории, с ее недальновидностью и излишним вниманием к фигурам и событиям», которые «приучили нас к бурному, драматическому, стремительному потоку ее нарратива». Эта *l'histoire événementielle*¹² характеризовалась искажающей реальность фиксацией на моменте, «обманчивый дым» которой загораживал «пламя, которое его порождает»¹³. Расхождение с традиционными формами истории означало не игнорирование краткосрочной перспективы, а встраивание ее в более широкие тенденции исторических перемен. Политику, политическую историю, историю отдельных людей и событий — как раз все то, что собирали и хранили архивы, — можно было понять лишь в их взаимоотношениях с более медленными и глубокими течениями в социальной эволюции: человечество в отношении к окружающей его среде.

Главными объектами внимания приверженцев школы «Анналов» стали психология, экономическая и культурная антропология, проблема языка (или, по Броделю, коммуникации), а также задача выявления масштабных исторических моделей человеческого опыта, с которым были связаны эти области. Психология имела важное значение для исторического понимания не столько в плане индивидуальных представлений или поведения (хотя они в большой

степени обуславливают действия индивида), сколько в качестве средства увязать особенности мышления и деятельности с культурными ментальностями и социально-историческими переменами. Научная проблема здесь заключалась не в том, что, согласно известному высказыванию Маркса, «люди сами делают свою историю, но они ее делают не так, как им вздумается»¹⁴, а в том, чтобы на глубинном уровне объяснить ряд процессов и структур, которые марксистская историография свела, по сути, к социальной и политической экономии классов.

Вопрос опять же состоял не в связях материальной (экономической) базы с политическими, культурными или социальными сверхструктурами. Усилия исследователей сосредоточились на сложных и разнообразных путях долгосрочного развития отношений между моделями товарообмена, социальных ценностей и форм политического контроля. Здесь было особенно заметно влияние Клода Леви-Стросса — в том, что касается роли в этих моделях коммуникации как их критической составляющей. Леви-Стросса и его коллег сильнее всего интересовало формирование и передача смыслов через язык, в том числе фонематические структуры, или, по выражению Броделя, «целое, лежащее в основе бессознательной реальности языка» и его отношение к историческому времени¹⁵.

На первых порах эти дискуссии, казалось, не были напрямую связаны с видами документов, которые отбирали архивы. Понимание Броделем *longue durée*¹⁶ отличалось к тому же крайней политизированностью. Тем не менее его концепция природы истории и исторических перемен была сфокусирована на сложных отношениях между событиями и историческим временем. Глубинные процессы и структуры не помешали разрушительным действиям гитлеров и сталиных, но вписали их роли в более масштабную систему причин и следствий. Эту систему и следовало рассмотреть в первую очередь, чтобы попытаться предотвратить катастрофы, подобные которым пережил мир в тот период. «Многие наши современники были бы счастливы убедиться в том, что все является результатом соглашений в Ялте и Потсдаме, сражения при Дьенбьенфу¹⁷ или бомбардировки Сакиет-Сиди-Юсеф¹⁸... Неосознанная история простирается за границы этих толкований и их кратких озарений»¹⁹.

«Децентрация» события как исторического объекта (если пользоваться постмодернистским понятием) являлась способом признать ограничения традиционных толкований политики и политических нарративов. Понятие влияния тоже расширилось:

единство социальных формаций, география и климат, менталитет и политическая культура, как и собственно инструменты власти — все они рассматривались как факторы влияния. Пытаясь понять, «что же произошло», и не сосредотачиваясь при этом на центральных институтах и процессах, столь значимых для прежних поколений, Бродель и его соратники вышли здесь далеко за рамки архивов. Отношения контроля и субординации в их системе координат не находили явного отражения в традиционных архивных собраниях.

Это не означало, что последователи школы «Анналов» отрицали значение «события» для исторических перемен. Также не умаляли они и центральную роль архивного исследования, считая его важным инструментом серьезного научного анализа и способом определить масштаб, а также специфические элементы и формы хода истории. «Анналисты» представляли отношения между историей-*longue durée* и историей-политическим событием как «конъюнктуру»: моменты в историческом времени, когда краткосрочные и долговременные процессы пересекаются и взаимодействуют друг с другом, изменяя таким образом исторические «направления». Понимание этих моментов требовало тщательных архивных изысканий, поскольку внимательное изучение институциональных и личных документов помогало выявить конфликты, ставшие причиной событий. Следовательно, задача историка заключалась в том, чтобы понять не только эксплицитно выраженный смысл документа, но и прочесть между строк.

В то же самое время эти взгляды неминуемо повлекли за собой определенные последствия для материалов, отобранных архивами на хранение как «исторически ценные». Некоторые из элементов нового исторического понимания сформировались благодаря строгому (научному) и скрупулезному исследованию информации, хранившейся, как правило, в частных собраниях или библиотеках, а не в государственных архивах. В большей степени это касалось той информации, которая отвечала новым запросам социальной истории: о торговле и коммерции, о влиянии климата, процессах урбанизации и, что было особенно актуально в конце 1960-х — начале 1970-х, о природе и формах социального протеста. Париж вскоре стал для историков центром новых видов количественных аналитических исследований, тесно связанных с США через историков-социологов, таких как Чарльз Тилли (*Charles Tilly*), интенсивно работавший в обеих странах, а также с Советским Союзом — через Бориса Ананьича, Ивана Ковальченко и небольшую когорту

клиометристов, которым удавалось время от времени посещать Париж для изучения закрытых банковских документов или работы с другими данными. В Москве и Ленинграде научные статистические исследования и количественный анализ способствовали критическому переосмыслению традиционной историографии на основании политически безупречной методологии, особенно это касалось финансовой сферы, развития рыночных отношений, демографии и природы деревенской России. Таким образом, ряд впечатляющих перемен в исследовательском процессе, спровоцированных деятельностью «анналистов» в конце 1960-х — начале 1970-х годов, по-прежнему оставался научно ориентированным. Как говорил своим ассистентам Жорж Лефевр (*Georges Lefebvre*), «если вы хотите стать историком, вы должны уметь считать»²⁰.

Претензии, которые школа «Анналов» предъявляла традиционному историческому мышлению, изрядно дополнили поток более широкой критики, буквально взорвавшей в 1960–1970-е годы историческое сообщество. В первую очередь эта критика была направлена на концептуализацию западного «прогресса», ценности которого для многих теперь выглядели менее очевидными вследствие террора, войн и других разрушительных деяний «современного» мира. В частности, для парижских исследователей, таких как Мишель Фуко, чьи эссе и критические обзоры начали регулярно появляться в конце 1950-х годов, центральной стала проблема власти. В 1963 году Фуко поднял в журнале «Тель кель» (*“Tel Quel”*) вопрос о языке и репрезентации, присоединившись к Жаку Деррида и другим мыслителям, которые занимались проблемой власти в рамках структур мышления и «ментальностей» с позиции психолингвистики. С выходом в свет знаменитой книги Фуко «Слова и вещи. Археология гуманитарных наук»²¹ вопрос об истории и общественных науках как части тех самых технологий социального контроля, которые они сами же и призваны объективно изучать, оказался предметом широких обсуждений.

В общем, вопросы, заданные «анналистами», напрямую вели к новому пониманию культуры и политических ролей языка и символической репрезентации, которое разрабатывали Теодор Адорно (*Theodor Adorno*), Клиффорд Гирц (*Clifford Geertz*), Юрген Хабермас (*Jürgen Habermas*), Хейден Уйат (*Hayden White*) и другие. Работы Адорно, опиравшиеся на масштабное переосмысление Маркса, содержали прямую критику позитивистских установок, внутренне присущих социологии и «жargonу аутентичности» (*jargon der eigentlichkeit*)²². Гирц обратился к проблемам ритуала, социальных

перемен и отношений между символами, символической коммуникацией и картинами мира. Ввод понятия «насыщенное описание» в стремительно расширяющийся лексикон новых концепций и идей продемонстрировал важность конкретизации социальных и исторических реалий и процессов, которые в противном случае оставались бы размытыми и трудными для понимания. Уайт (в своих первых эссе) и Хабермас также пытались критически переосмыслить «описание», хотя и с разных позиций: Хабермас — с точки зрения политического использования языка, Уайт — историографически, как текстовый элемент наррации. К началу 1970-х годов «Жаргон подлинности» Адорно, «Интерпретация культур» Гирца и объемные эссе Хабермаса о технологиях, науке и о самом понятии «модернити» как идеологии уже являлись важными вехами «поворота» к социальной истории, языку и лингвистике как фундаментальным аспектам понимания настоящего и прошлого²³.

Архивы и новая социальная история

Для многих европейских историков ключевые проблемы социальной истории, поднятые школой «Анналов», оказались в центре внимания в 1963 году, после выхода в свет книги Эдварда Томпсона (*E. P. Edward Palmer Thompson*) «Становление английского рабочего класса»²⁴ — возможно, самой влиятельной англоязычной работе по новой истории в послевоенный период. Для исследователей истории России таким катализатором послужила статья Леопольда Хеймсона (*Leopold Haimson*) «Социальная стабильность в России накануне Первой мировой войны»²⁵, опубликованная в журнале «Славянское обозрение» (*“Slavic Review”*) вскоре после появления книги Томпсона; ее и поныне многие считают одной из самых значимых аналитических работ о позднем имперском периоде. С разных, но дополняющих друг друга точек зрения оба историка предложили радикально новое историческое понимание проблем, которые уже давно считались решенными. Также они предложили критически пересмотреть доминирующие метанарративы того периода — нарратив либерализма и прогрессивного социализма, оба тщательно выверенные, сфокусированные на нации-государстве и населенные героями и негодьями с противоположными идеологическими перспективами, «победителями» и «проигравшими» в соревновании интерпретаций исторического прогресса.

Из-за холодной войны метанарратив либерального капитализма, безусловно, оказался к 1960-м годам на переднем крае сражения с телеологиями советского социализма. Его героическая логика опиралась на «конец истории», как позже назовет это Фрэнсис Фукуяма (*Francis Fukuyama*), — в том смысле, что мировая борьба за стабильность и порядок неминуемо придет к успешному и триумфальному (либеральному) завершению²⁶. В тесной связи с ним находился мощный и дополняющий его нарратив непрекращающегося конфликта — результат глобальных амбиций Советов и коммунистического заговора. Взятый в самом общем виде, он имел регрессивную историческую направленность против либерализма, рациональности и демократического правления. Его притягательность для многих объяснялась тем, что он привязал страдания отдельных людей и целых сообществ к конкретному и тщательно выстроенному сюжету, обрисовав стремление Советов распространить свою власть, тоталитарное господство и представить конец истории в собственном, утопическом измерении.

Состязание между этими двумя нарративами быстро распространилось на многие сферы: споры о гражданских правах и гражданстве, напряжение в вопросе о деколонизации, конфликты из-за социального неравенства; особенно жесткой была борьба за право определять будущее Африки, Ближнего Востока и, конечно же, Вьетнама и Юго-Восточной Азии. То, как каждый из нарративов работал с историей, определяло будущее «лица» гражданства, национальности, социального порядка и самой по себе модерни. Вместе с тем мощное вооружение, которое оба нарратива — либеральный и социалистический — могли пустить в ход, подвело мир к «крайней точке» современности, как ее видели некоторые, — а именно к реальной возможности того, что научное творчество разрешится тотальной атомной катастрофой. В этих обстоятельствах историческое понимание было не просто предметом интеллектуальной или научной гордости. Оно скрывало в себе реальные возможности политического посредничества, основанного на знании того, как и почему риск глобального конфликта достиг столь высокой точки.

В данном контексте серьезный вызов сюжетным линиям обоих нарративов заключался в том, что революционные тенденции теперь были представлены не как исторические следствия политической воли или коммунистического заговора, а как реальное несоответствие между общими социокультурными ценностями, ментальностями и отношениями, с одной стороны, и контролиру-

ющими их политическими системами, с другой. Ключи к пониманию прошлого лежали в малопонятной и заброшенной области массового сознания и моделей социального поведения и в их расхождении с представлениями политически доминантных групп о самих себе и друг друге, а также в оценке результатов взаимодействия этих групп, особенно в нестабильных обществах. Другими словами, историческое объяснение событий, даже таких крупных, как «борьба за свободу» во Вьетнаме, могло быть найдено в области человеческого поведения и отношений, которые находилась в стороне от официальных и уже знакомых политических институтов высшего уровня. Однако в метанарративах такие факторы были представлены редко. Они выстраивались в сложные модели поведения и отношений, которые не были отражены в архивах и которые вскоре получили маловразумительный и спорный ярлык «социальных».

Если Хеймсон призывал серьезно переосмыслить в данном ключе научную историю позднеимперской и ранней советской России, развивая «ревизионистские» взгляды на Россию этих периодов как на системный феномен социокультурных отношений и фокусов власти, то авторитетный труд Томпсона был направлен на восстановление исторического присутствия и влияния тех, кого проигнорировал высокомерный взгляд метанарраторов, если перефразировать его известный афоризм. Томпсон выдвинул на рассмотрение две разных по сути, но дополняющих друг друга проблемы. Обсуждение первой из них трудностей не вызывало: требовалось понять, как социальные группы осмыслили и репрезентировали себя в рамках более широкой социокультурной среды и как это осмысление и репрезентация влияли на политики и политические институты и, в свою очередь, каким влияниям подвергались сами. Вторая носила аналитический характер и поддавалась анализу куда труднее. Здесь в центр внимания были поставлены искажающие тенденции национальных метанарративов и история национальных идентичностей как таковая, то есть те самые нарративы, которые лежали в основе организации и дефиниции государственных архивов и «назначали» авторитеты, структурировавшие архивные собрания. В результате традиционный архивный подход к «изложению истории» подвергся прямой критике.

Исследования Томпсона, Хеймсона и других ученых США и Европы побуждали новое поколение социальных историков изучать «внутренние» социальные пространства и культурные отношения,

а именно то, как мужчины и женщины, крестьяне и землевладельцы, менеджеры, управляющие и рабочие, офицеры и солдаты, коммерсанты и производители, чиновники и граждане, лидеры и ведомые — все эти и прочие социальные формации — взаимодействовали, осмыслили и представляли себя и других и каким рисовали свое будущее через интерпретации своего прошлого.

Социально-исторический подход значительно расходился со школой «Анналов», сосредоточившейся на более глубоких социальных структурах. Воодушевленные новым взглядом на историю, молодые ученые жаждали исследовать в заданном им русле заметно расширившийся ряд исторических субъектов, опыта, процессов и смыслов²⁷. Новая социальная история говорила о том, как прошлое, рассказанное «с низов», соотносилось с более привычными сферами — политикой, идеологией и структурными аспектами «модернизации», то есть со всем тем, что традиционно считалось «кухней», где «делается» история. Эти научные интересы раздвинули границы исторических смыслов и знания. Работа, с ними связанная, безусловно, требовала архивных изысканий, однако в архивах, сформированных политиками и институтами, отыскать необходимые источники было подчас нелегко. Не менее важно и то, что новые научные запросы и подходы изменили саму концепцию архива и принципы отбора материалов для этих «крепостей» прошлого.

Проблема исторической наррации

Новый подход выдвинул на первый план и более масштабные проблемы исторической наррации как таковой, в частности их активно разрабатывал Хейден Уайт. Однако вопросы о том, как наука и нации использовали разные виды исторической наррации, не входили в число тех, которые историки тесно связывали с социальными целями, искажением фактов, секретностью, ограниченностью источников или недостатками системы архивной верификации. Вместо этого исследователи сосредоточились на влиянии «глубоких структур исторического воображения», согласно определению Уайта, на изложение истории²⁸.

Сейчас уже появилось много литературы, касающейся «мета-исторической» роли нарративных техник, тем не менее еще недостаточно изучен вопрос, как это отразилось на архивах. Наиболее значимым здесь является влияние работы авторитетных ученых-архивистов на восприятие архивных материалов. Иначе говоря,

умело изложенная история может обрести авторитет сама по себе, всего лишь благодаря убеждающей силе своего голоса, то есть, как отметил Уайт, стиль наррации как таковой, представленной в разных формах, способен породить у читателя доверие к тексту. Доверие может быть вызвано привычными читателю языковыми характеристиками текста, логикой наррации, расширенным пониманием предложенного нарративом контекста или иными факторами, нашедшими внутренний отклик у читателя. В любом случае, именно этот отклик, а не источники нарратива, определяет степень доверия читателя к изложенной истории. Героические или драматические сюжеты обычно захватывают нас сильнее, чем что бы то ни было. Эмпатия (или антипатия, или же симпатия) служит отправной точкой исторического понимания и выводов об исторической авторитетности, независимо от того, насколько спорной или внеисторической оказывается их проекция на разные культуры и периоды.

В общем, в исторических нарративах больших форм, как писал Уайт, критически анализируя работы Ранке, Мишле, Буркхардта и других историков XIX века, объяснительная грамматика сюжетных линий, идеологических установок и сама по себе формальная логика могут быть не менее убедительными, чем архивные референции, особенно для читателей, не привыкших критически осмысливать авторитетные тексты. Крупномасштабные обобщения мэтров истории XIX века устанавливали связь между событиями, как они это видели, сосредоточенными вокруг убедительных заявлений о политическом прогрессе и упадке — привычных понятий, которые

ывали знакомые жизненные циклы и опыт. Историзм этих событий был изложен внушительным и убедительным литературным стилем, переносившим читателя в историческое пространство и наделявшим его тем же самым чувством уверенности, которое будили в своих читателях Мелвилл, Мопассан или Толстой.

Другими словами, представление прошлого в искусно рассказанной истории способно взять верх над объективными принципами архивной верификации. Архивы же могут быть сведены, буквально и фигурально, к простой сноске. Даже при самой строгой архивной подготовке в работе историка всегда остается место для воображения. Вместо архивной сноски или, вернее, в дополнение к верифицирующей роли авторитетной архивной референции мы имеем авторитет, получивший свой статус всего лишь благодаря тому, что умело изложенный нарратив «звучит правдиво».

Лингвистический и культурный «повороты»: последствия для архивов

В 1970-х годах, когда «авторитетная» история подвергалась пересмотру, стали набирать силу и различные течения критической мысли и научных изысканий, впоследствии объединенные под названием «постмодернизм». Их широкомасштабная критика была направлена на разного рода признанные авторитеты: политические, социальные, культурные, патриархальные и не в последнюю очередь академические. Университетские сообщества превратились в центры интеллектуальной борьбы, социальной активности и политической конфронтации с «авторитетами». В этом свете институты представляли оплотами извращенного и старомодного («традиционного») мышления и взглядов на пути и причины социальных изменений и, что было особенно актуально для США и Франции, «борьбы за свободу».

С точки зрения «конъюнктур» Броделя 1968 год оказался, несомненно, периодом критическим. Неожиданное и мощное Тетское наступление во Вьетнаме²⁹, подавление СССР попыток ввести в Чехословакии, да и у себя дома, «социализм с человеческим лицом», сворачивание либеральной политики, кампания борьбы за гражданские права в США, убийство Мартина Лютера Кинга и Роберта Кеннеди, победа Ричарда Никсона на выборах вместо Хьюберта Хамфри после ожесточенных протестов в Чикаго на Национальной демократической конвенции, завершение «войны с бедностью»³⁰ в США с возвращением к власти республиканцев, распространение военных действий с территории Вьетнама в Лаос и Камбоджу и марши протеста по всему миру — все эти острые моменты хорошо укладывались в рамки привычной всем истории *événementielle*, сосредоточенной на том, что и почему делали две господствующие в мире политические силы. В разных формах и пределах все они были сконцентрированы на связи между знанием и властью, между уже известным и тем, что можно узнать о прошлом в архивах и за их пределами, на том, как эти знания скрывались и обнаруживались и особенно как использовались. Однако различные ветви нового мышления по большей части изначально не носили политического характера — в том смысле, в каком историки и архивисты традиционно понимали и использовали этот термин. Они возникли из интереса к тому, как и почему социальные отношения, культурные формы, ежедневный опыт и различные формы, локусы

и способы использования власти обуславливали исторический процесс.

Учитывая изменения аналитической среды, неудивительно, что историки живо заинтересовались развитием теории критической лингвистики и «деконструкции», хотя эти дополнительные ракурсы имели и собственную интеллектуальную родословную. То же можно сказать и о всплеске научных разработок темы социальных движений и *mentalités* среди историков и социологов, таких как Эрик Хобсбаум (*Eric Hobsbawm*), Мишель Перро (*Michelle Perrot*) и других, а также о подъеме интереса к «конструкциям» этничности и «изобретению» традиции, например у Бенедикта Андерсона и Фредрика Джеймисона (*Fredric Jameson*)³¹. Каждое из этих направлений, в свою очередь, подпитывало стремление отойти от популярных исторических интерпретаций, источников и образа мышления. Попытка понять умы и сердца — это качественно иная историческая задача по отношению к конструированию национальной истории с помощью институциональных архивов. Она состоит в том, чтобы освободить сам исторический нарратив от телеологий модернити, фильтрующих историю и встроенных в ведущие политические, институциональные и личные нарративы, большие и малые.

Такая проблема была особенно актуальна в 1970-х годах в связи с тем, что власть и историческая наука СССР и США тенденциозно «обрабатывали» прошлое. Идеологии обеих стран связывали власть с трансцендентными представлениями, с институтами и модернизацией, возглавляемой великими людьми и влиятельной социальной элитой. Также обе стороны заявляли, что их истории отражали триумфальное торжество разума и правды. Однако историческую мысль того периода занимали в первую очередь не политические последствия этих аргументов, столь антагонистических в отношении друг друга, а тот факт, что в обоих случаях репрезентации явно и очевидно противоречили широкому пониманию реальной исторической картины. Другими словами, в глазах нового поколения ученых обе истории постепенно теряли достоверность.

Например, некоторые серьезные исследователи теперь убедились, что попытка США «откатить назад коммунизм» в Юго-Восточной Азии так же мало связана с развитием либеральной демократии, как насильственное насаждение советской идеологии в Чехословакии и Восточной Европе — с развитием демократического социализма. Хотя оба нарратива продолжали определять государственную политику и массовое понимание истории, они

все больше расходились с принципами исторического исследования, предложенными новым типом исторического мышления. Эти нарративы в значительной степени утратили авторитет и репрезентативную целостность. Категории социальной, политической и национальной идентичности, которые каждый из них создавал и воспроизводил, стали объектами критического анализа, а не просто субъектами или средствами социальной модернизации. Введение в историческую науку таких подходов потребовало расширить или изменить круг источников — «авторитетов», чтобы новые интерпретации звучали убедительно.

Таким образом, рост интереса историков к языку и культуре — теперь уже всем известные и хорошо изученные лингвистический и культурный «повороты» — стал одной из попыток глубже разобраться в том, как и насколько различные способы представления исторических «реалий» соотносились с описываемыми субъектами, практиками или опытом. Обращение к языку и культуре — областям, активно изучаемым в рамках разных дисциплин, но только не истории, — было продиктовано стремлением понять, как сами по себе культурные и языковые практики могут обуславливать исторические перемены. Этот интерес, помимо всего прочего, поставил под сомнение любые попытки нарисовать какое-то одно всеобъемлющее и архивно подтвержденное прошлое. Цельная «история нации» распалась на множество «прошлых», противореча заявлениям об общем национальном опыте. Одновременно, как заметил Роберт Беркхофер (*Robert Berkhofer*), интерпретативное единство, которое стремились сконструировать адепты «великой истории», стало подвергаться критическому переосмыслению³². Историки «деконструировали» устоявшуюся точку зрения, согласно которой какая-то одна авторитетная система взглядов, сформированная в национальных рамках и основанная на хорошо организованных фондах национальных архивов и государственных собраниях документов, способна заключить в себе единственное, общее для всех соотечественников национальное прошлое. Хотя данная проблема еще не изучена, этот «поворот» имплицитно ослабил традиционные тесные отношения между архивами и историей, считавшиеся «родственными» дисциплинами и опиравшиеся на схожее понимание того, как следует писать авторитетный исторический нарратив.

Понятие «деконструкции», безусловно, ассоциируется прежде всего с провокационным афоризмом Жака Деррида *il n'y a pas d'hors l'texte* (нет ничего, кроме текста), хотя лишь немногие из

молодой когорты мыслителей-постмодернистов понимали его буквально. Для большинства он прежде всего означал, что язык репрезентации сам по себе обладает действенной реальностью. Он создает собственные категории, одновременно манифестируя и обеспечивая их существование. Соответственно, он сглаживает вечное платоновое противопоставление субъекта и объекта, соединяя идеалистический дуализм материального и ментального с рассказами о «прогессе» и «освобождении», которые якобы имеют «реальное» содержание. Другими словами, понимание текста требовало не менее глубокого понимания контекста. Несмотря на то что Деррида и другие представители данной ветви постмодернистской мысли дошли в своих философских рассуждениях до границы, за которой контекст — историческая действительность — практически исчезал, большинство видело в этом просто «правдивое» изложение истории — «как оно все было на самом деле». Обе эти точки зрения, однако, несли в себе серьезные изменения для традиционных методов исторического исследования, а также для понимания и использования истории. И пусть лишь немногие заняли радикальную позицию, считая, что история «закончилась», а прошлое «прошло», и что связи и логика, которые упорядочивали сумбурный поток исторического опыта, были, по сути, фикцией (несмотря на реально проживаемые жизни), теперь историю нужно было осознать, исследовать и рассказывать, используя уже иные подходы.

Один из таких наиболее широко известных подходов сложился на основе работ Клиффорда Гирца, Мэри Дуглас (*Mary Douglas*), Виктора Тернера (*Victor Turner*) и других ученых, которые считали, что надо создавать насыщенные социальные и культурные описания³³. Некоторым казалось очевидным, что «факты», составлявшие фундамент ведущих западных и советских нарративов, были искажены разного рода социокультурными процессами и формациями. Культурные взаимосвязи, благодаря которым политически слабые субъекты получали мощные рычаги воздействия и использовали «скрытые транскрипты»³⁴ сопротивления, становились куда более убедительными объяснениями хода «истории» в том или ином регионе, чем доводы, основанные на официальной политике и политических институтах³⁵.

Анализ показывает нам существенную разницу между изучением культурных локусов и форм как таковых — тенденцией, которая быстро получила название «культурного поворота», и более масштабной попыткой историков подробнее исследовать влияние

культурных форм и отношений на развитие политических институтов и других составляющих социального порядка и социальных перемен. Однако оба эти направления мысли, призванные лучше понять культуру и власть в широком смысле слова, еще сильнее «подвинули» устоявшиеся концепции истории как общественной науки, поскольку оба они пересматривали традиционные понятия власти и автономии политических институтов. Свежие размышления о том, как власть, культура и встроенные в нее экономические и социальные отношения были и могли быть связаны друг с другом, вызвали широкий резонанс³⁶. Также в дополнение к этой поразительной интеллектуально-политической комбинации новые подходы напрямую обращались в рамках американской исторической и социальной мысли к проблеме расы и расовой идентичности, поднятой движением за гражданские права, и стимулировали интерес к еще одной базисной, но до того момента неактуальной для исследователей самостоятельной аналитической категории — гендеру.

Раса и гендер аналитически были связаны не только очевидным их влиянием на политическую мобилизацию и активность, но и тем, что сами термины «раса» и «гендер» понимались как категории, сформированные, скорее, социальной и политической необходимостью, а не генетическими различиями, и выпукло материализованные в языке, который одновременно и создавал, и воспроизводил их специфические культурные смыслы. В результате концепции расы и гендера соединили лингвистический поворот с политикой идентичности, а ее, в свою очередь, с методологической важностью «формирования социальной истории снизу», свободной от телеологий модернизации и прогресса, в которых во главу угла поставлено государство и общество. Нарративы стали рассматриваться как *инструмент создания* расы и гендера. Являясь историческими детерминантами, они эффективно манипулировали зафиксированными в архивах реалиями в зависимости от того, как именно историческое «описание» (то, что под ним подразумевалось) выстраивало эти реалии в виде связанной цепи событий. Как точно заметил Роберт Беркхофер, раса, гендер, а вскоре и этничность были «денатурализованы», вынесены за рамки категории объектов обозримого, реального мира, поддающихся объективному научному исследованию³⁷.

Отныне прошлое включало весь опыт человечества: от высших сфер международной политики до самых распространенных ежедневных актов социального взаимодействия. Для исследований

этих новых областей «народной» истории требовались определенные надежные и систематизированные источники, которые в архивных хранилищах, ориентированных на научные исследования, отсутствовали. В некоторых случаях подборки документов расходились в отдельных аспектах с воспоминаниями и опытом самих историков. Авторитеты, направлявшие архивные процессы, в частности в областях, связанных с гендером, расами, коренными народами и этническими меньшинствами, если и присутствовали в традиционных справочно-поисковых системах, были противоречивыми и маловразумительными.

Авторитет архивов: испытание постмодернизмом

Традиционная нарративная история и исторические архивы, чьи фонды сложились на основе традиционного подхода и способствовали его развитию, все чаще вызывали критику в среде ученых-историков по причинам, выходящим далеко за рамки эпистемологических вопросов о том, как представлять и подтверждать прошлое, — вопросов, которые более-менее обоснованно можно было бы свести к озабоченности научно-исторического сообщества претензиями архивистики на истину. Эта трансформация исторической мысли имела место в основном во Франции и США, вызвав, однако, бурный отклик и в научно-исторических сообществах по всему миру. Дискуссии, которые так взбудоражили кафедры истории в российских учебных заведениях после распада СССР, о чем мы упоминали в начале книги, разгорались не просто вокруг организации новых типов учебных курсов. Для многих российских ученых, заслуживших международную репутацию выверенным анализом различных аспектов европейской и дореволюционной русской истории, проблема заключалась вовсе не в том, что именно следует преподавать в новых условиях. Прежде всего требовалось понять, как сохранить авторитетность архивной науки и установку на то, что достоверную историю возможно написать исключительно на базе научных архивных изысканий, особенно местных, российских. Полные искажений нарративы исторической репрезентации советского извода лишь укрепляли уверенность ученых в том, что архивы остались единственным авторитетным способом воспроизвести реальное прошлое.

Эти эмоциональные доводы с еще большим энтузиазмом были подхвачены западными историческими институтами и кафедрами,

особенно американскими. Как написал в журнале «Прошлое и настоящее» (*"Past and Present"*) в 1991 году историк Принстонского университета Лоуренс Стоун (*Lawrence Stone*), «содержание истории — то есть события и поведение» — теперь подверглось серьезному пересмотру. Изменилось и видение источников и центральной проблемы исторического анализа — «объяснения исторических перемен»³⁸. По мнению Стоуна, постмодернизм таил в себе тройную угрозу: со стороны лингвистики («развивающейся от Соссюра до Деррида и достигшей кульминации в деконструкции, согласно которой нет ничего, кроме текста»), со стороны «влияния культурной и символической антропологии» (приверженцы которой говорят, что «реальность столь же воображаема, как и воображенное») и со стороны «нового историзма» (согласно ему «язык является "медиумом, в котором реальность создается и постигается"»). Стоун завершает свои спорные заметки вопросом, «не превращается ли история в вымирающий вид», и тем самым неосознанно озвучивает одну из ключевых научных концепций XIX века³⁹.

Сознательно ли Стоун сослался на Дарвина или нет, но его нападки на «постмодернизм» являлись прежде всего защитой общепризнанной правды и практик научной истории. Мы заключили здесь слово «постмодернизм» в кавычки отчасти для того, чтобы напомнить о яростной критике, направленной историками против самого этого термина. Термин в его широком смысле сводит целый спектр связанных между собой тенденций и подходов к удобной и часто неверно понимаемой общности: модернизи, как ее обычно трактовал западный мир, сильно ограничена в способности отражать исторические процессы и развитие. «Модерн-» (*modern*) здесь значит набор допущений, коренящихся в индивидуалистическом рационализме Просвещения, независимо от того, относятся ли они к эмансипационной роли науки и критического мышления или же к созданию прогрессивных и антидискриминационных социополитических систем. В этом качестве «модерн» охватывает технологические и научные достижения, появлению которых способствовало Просвещение.

Синдром постмодернизма, назовем его так, ставит эти допущения под сомнение. Однако он оспаривает не содержащиеся в них ценности, а то, как эти ценности функционировали в контексте сложной динамики благополучия человечества и социальных перемен. Связующим звеном для всех ответвлений постмодернизма выступает их противодействие пониманию того, насколько сложно мир развивался, развивается и даже должен развиваться, по-

скольку телеологии разума стали существенной частью западного мышления. Иначе говоря, постмодернизм во всех его проявлениях критикует ценности, технологии и логику модернизации, которые почти повсеместно считаются теперь естественным и универсальным ходом человеческого прогресса, породившего те самые западный и советский метанарративы холодной войны.

Для некоторых это означало прямую конфронтацию с научными допущениями как таковыми. В ее основе лежало сомнение в нейтральности научных запросов и в прогрессивной природе многих научных открытий, особенно в отношении потенциально деструктивных изобретений ядерной физики. Это породило дополнительные вопросы — о культуральном детерминизме и о природе научной объективности, с акцентом на связанных с ней притязаниями на распределение социальных ресурсов и формулирование социальных целей⁴⁰. Один из комплементарных подходов к этой проблеме, в частности в трудах Хайдеггера и Ницше, содержал в себе более серьезный вызов природе самого разума, высказанный с философских позиций. В ряду наиболее продуктивных критиков здесь выступили Фуко и Деррида, у которых аналитическая «линия разлома» идет в параллель проблеме чувств и воли, с их взрывной силой, и тому, что Фуко назвал «микрофизикой власти». С точки зрения Фуко, сущностные структуры социального контроля можно обнаружить и в рутине повседневной жизни, и в очевидных институтах государства. Они включают дисциплинарные системы «хорошего» и «плохого» языка, а также наделение разума и науки особым статусом с целью повысить авторитет системы ценностей, институтов контроля и институционализированных технологий социального «прогресса»⁴¹.

Все эти элементы постмодернизма несли в себе угрозу для авторитета научной истории и традиционных источников исторического знания, а следовательно, и для традиционных представлений историков о том, что и на основании чего они изучают. Иначе говоря, постмодернистский отход от исторической и архивной «науки» оказался проблематичным не потому, что он оспаривал преимущества разума, объективности, верификации и «модернизации» (по сути, их-то синдром постмодернизма затронул мало), а потому, что вынудил историков пересмотреть источники, лежащие в основе их нарративов, а тем самым и авторитет архивов. В целом же нас здесь интересует не столько природа «модерна», сколько то, как он понимает и использует исторические авторитеты, которые традиционно отражали архивы.

Само понятие авторитета тоже оказалось весьма спорным. Историк Брюс Линкольн (*Bruce Lincoln*), один из самых искушенных участников этих масштабных дебатов, выделил три накатанных «колеи», которыми обычно следуют толкователи аналитического и дескриптивного понятия авторитета. Первая — это жажда социального порядка и контроля: в них неолибералы и, особенно, неоконсерваторы видят основу для поддержания естественного курса на модернизацию и прогресс, какими их представляло Просвещение и постпросвещение; вторая, связанная с первой, — это озабоченность последствиями дегуманизирующего (и антигуманистического) «авторитаризма» в его различных и ужасающих формах, знакомых нам по XX веку; и третья, более академическая по сути (но не менее политизированная), — это уверенность в прогрессивном развитии веберианских форм юридического авторитета, встроенного в структуры современных бюрократических государств⁴². Линкольн повернул эту дискуссию в крайне полезном для целей нашего исследования направлении. Он трансформировал каждый из перечисленных подходов в ряд взаимосвязанных вопросов о том, кто и при каких условиях — из индивидов, групп или государств — способен говорить авторитетно, то есть считаться авторитетом.

В указанном смысле архивы всегда «говорили авторитетно» — разными, описанными здесь выше, способами. Исторические нарративы, выстроенные на основе архивной документации, всегда связывали авторитет описаний и интерпретаций с аутентичностью использованных архивных источников. В то же самое время толкования актуальной ситуации и текущих событий конструировались объемными аутентичными архивными нарративами, которые придавали авторитет (или отказывали в нем) институтам и практикам, представленным в архивах. Эта точка отсчета придает авторитету архивов исторический характер, преувеличивая их социальное и политическое значение для понимания исторических перемен. Также она наделяет историческим смыслом постмодернистскую критику традиционной историографии в конкретных условиях «долгих 1960-х», когда действительно начался отход от авторитетов в истории. Эта критика в рамках постмодернистской мысли разветвлялась по нескольким направлениям, одни из которых оказались плодотворными, другие — не очень, но все они ставили под сомнение авторитет архивов как источников исторического понимания и содержали схожие контраргументы, базирующиеся так или иначе на позиции Стоуна.

В середине 1990-х годов Юджин Дженовезе (*Eugene Dominic Genovese*), Гертруда Химмельфарб (*Gertrude Himmelfarb*) и другие уважаемые историки решительно вышли из Американской исторической ассоциации — безнадежно постмодернистской, по их мнению, — и попытались создать новую профессиональную группу, чтобы уберечь историков от них же самих, а историю — от мусорной корзины. Они, вместе с другими коллегами, разделяли страх Стоуна: профессия историка в целом переживает глубокий упадок, как и традиционные стандарты научного исследования. Политически либеральные или левые социальные историки, такие как Брайан Палмер (*Bryan Palmer*) и Элизабет Фокс-Дженовезе (*Elizabeth Ann Fox-Genovese*), считали, что новые исторические подходы умаляют значимость борьбы реально угнетаемых социальных групп за выживание, не говоря уже об их страданиях. Палмер развернул аргументы Эдварда Томпсона против абстрактного теоретизирования, отвергая с позиции марксизма «идеологический проект рационализации и легитимации этого постмодернистского порядка как чего-то такого, что находится за пределами социальных отношений капиталистической политической экономии»⁴³. Фокс-Дженовезе горячо настаивала на том, что «история является чем-то бóльшим, чем “просто одно чертовое событие за другим”... и даже бóльшим, чем прошлое... Историю также следует понимать как то, что действительно произошло в прошлом — социальные отношения и, да, “события”, о которых наши документы дают лишь слабое представление»⁴⁴. Эти обсуждения взбудоражили и более консервативных «традиционалистов», таких как Гертруда Химмельфарб, которая в ряде публичных заявлений назвала эти и другие постмодернистские выкладки политизированным «уходом от фактов». Феминистская история

...осознанно и глубоко подрывала не только традиционную историю, но и более ранние версии женской истории... И вот «поэтика» истории превратилась в «политику» истории. Постмодернизм еще откровеннее марксизма превращает историю, скорее, в текст об истории, чем в историческую практику, — инструмент в борьбе за власть. Современный историк, как раньше пролетариат, является носителем расовой/классовой/гендерной «войны» или, точнее, «войн»... Если «каждый сам себе историк» теперь следует переименовать в «каждый/каждая сам/сама себе историк»... то почему

бы не продолжить: «каждый человек африканского/европейского/латиноамериканского/индейского происхождения»?.. Или: «каждый христианин/иудей/католик/протестант/мусульманин/индус/агностик/атеист»?.. Или: «каждый гетеросексуал/гомосексуал/бисексуал/андрогин/мизогамист/мизогинист»?.. И так далее, перебирая все этнические, расовые, религиозные, сексуальные, национальные, идеологические и иные характеристики, отличающие людей друг от друга?⁴⁵

Здесь мы видим, как подвергается широкомасштабным нападкам позиция архивного историка — независимого, вдумчивого регистратора и объективного интерпретатора прошлого. Однако глубина этой проблемы лишь частично объяснялась серьезными посягательствами новых версий истории, распространившихся в науке и преподавании. К 1980-м годам этничность, наряду с расой и гендером, прочно вошла в исторический, социальный и культуральный анализ в качестве «полезной категории», если перефразировать Джоан Скот (*Joan Wallach Scott*)⁴⁶.

Постмодернизм в истории ушел далеко в сторону от традиционных позитивистских посылок, согласно которым добросовестные историки могли так или иначе воссоздать на основе архивных источников прошлое, «каким оно было на самом деле», возродив мертвое к жизни, как это рисовал Мишле. Вызов авторитетности традиционной истории был также вызовом самой институциональной истории и традиционным способам распределения источников и сфер научного влияния. Когда во многих университетах были введены целые направления женских, этнических и афроамериканских исследований, они круто изменили взаимоотношения между традиционным знанием и иерархической системой карьерных назначений и продвижения, у руля которой всегда стояли академические подразделения. В результате позитивистски настроенные члены научного сообщества, чье мировоззрение с давних пор обуславливало структуру дисциплин в социальных науках, утратили свою ведущую роль и власть в данной сфере.

Таковым было значение официального научного сообщества. Теперь же у нас нет ни единого образца, опираясь на который, можно было бы валидировать историческое описание или толкование или, более прозаически, определить, какая работа заслуживает продвижения в науке. Авторитеты традиционной политической и ин-

ституциональной истории, фундаментальные элементы современной архивистики теперь сами превратились в предмет споров между многочисленными точками зрения, каждая из которых стремилась укрепиться в недрах науки и достичь убедительности в своих противоречивых презентациях и репрезентациях.

Новые истории и традиционные архивы

Итак, в какой степени история могла распространить концептуальную власть на архивы и обрести собственный авторитет, опираясь на содержание архивных ящиков и папок? Например, категории гендера и расы, не имевшие ссылок в традиционных архивных справочно-поисковых системах, трансформировались в авторитеты, которые наделяли историческим смыслом идентичность, память и опыт. В то же самое время они поколебали традиционные институциональные и политические авторитеты, руководствуясь которыми архивы собирали и хранили материалы и на которые опирались в своей структуре сами⁴⁷.

Даже такой беглый обзор свидетельствует о том, что отход от авторитета в истории не был единообразным и последовательным процессом. Его противоречия, которые были вызваны, например, необходимостью писать историю в форме специфического прозаического нарратива и в то же время исходят из ограничений этого типа текстов, подтачивали профессию изнутри, хотя нападки на нее шли в основном извне. Лоуренс Стоун настаивал, что историческая дисциплина переживала «кризис уверенности в себе, в том, что и как она делает». Патрик Джойс (*Patrick Joyce*) резко возражал: историки, утверждал он, были вынуждены просто-напросто «зарегистрировать» главное достижение постмодернизма, а именно то, что события, структуры и процессы прошлого неотличимы от форм документальной репрезентации, концепций, политики и исторических дискурсов, из которых они состоят⁴⁸.

Тем не менее даже Джойс и Стоун сходились в том, что доминирующее понимание авторитета архивных свидетельств и их отношение к исторической логике теперь открыты для обсуждения. По сути, точнее было бы сказать, для обсуждений, так как все эти противоречивые точки зрения сосредоточились не на каком-то одном вопросе, а на целом спектре более масштабных проблем. Что должно выступать единицей исторического анализа? Как соотносятся меж собою исторические тексты и исторические реальности?

Какова внутренняя логика (если она вообще существует) исторических перемен, и как они происходят? И, наконец, какова природа и роль архивных авторитетов в истории, то есть для кого и как история, основанная на аутентичной документации, формулирует социальные, культуральные и, особенно, политические выводы?

Первый вопрос заключает в себе и структуральный позитивизм участников «Анналов», и субъективизм и постструктурализм многих из тех, кто изучает расу, этничность, гендер и идентичности, созданные национальными институтами и традициями. Второй вопрос затрагивает не только деконструкционалистов-дerrидеанцев, но и таких исследователей, как Стоун, Мозес Финли (*Moses I. Finley*) и даже Карло Гинзбург (*Carlo Ginzburg*), который выступал в разных аспектах за репрезентационные преимущества сознательно сконструированного исторического нарратива. Как заметил Ричард Ванн в журнале «История и теория» (*“History and Theory”*), проблема самого языка исторического описания может оттеснить более масштабный вопрос о взаимоотношениях между историческим и научным знанием, однако платоновы элементы лингвистической репрезентации почти повсеместно признаны историографически релевантными, независимо от подхода к текстуальности⁴⁹.

Проблемы, связанные с вопросом о внутренней исторической логике и роли авторитетов в истории, породили масштабные исследования и аргументацию. Специфические выкладки постструктуралистской критики, направленной против теории социальных наук, внесли свой весомый вклад в постмарксистскую переоценку и тщательный (а в отдельных случаях и крайне агрессивный с интеллектуальной точки зрения) пересмотр социальной истории. Постмарксизм заключал в себе критику традиционного марксистского понимания исторических отношений между «базисом» и «надстройкой». Он также подвергал сомнению телеологию прогрессирующего классового конфликта, особенно применительно к различию между историческими репрезентациями и реальным опытом, и выдвигал новое видение культуральных и социоэкономических факторов, определяющих исторические перемены. Постмарксистские обсуждения затрагивали и вопрос о том, как представление реального опыта в исторических нарративах, основанных на архивных данных, коррелирует с образом прошлого, который рисует нам память и другие виды внеархивных свидетельств. Авторитет памяти и идентичности стал еще резче противопоставляться институциональным и политическим авторитетам, структурирующим отбор и хранение архивных материалов.

Наконец, с крахом СССР и радикальной трансформацией государственных систем в Восточной Европе в центре внимания — даже тех историков, которые ранее пренебрегали научными обсуждениями данной темы, — оказался вопрос, для кого и как авторитетная история выводит социокультурные и политические утверждения. Несмотря на явные искажения, фальсификации и вымарывание фактов, советская история вплоть до самого конца СССР продолжала удерживать авторитет в качестве легитимирующего корпуса обоснований коммунистического режима, связывавшего научное историческое прошлое со светлым будущим. Реальный крах лучезарного будущего спровоцировал в науке бурную переоценку роли истории как политического инструмента в руках государства. С тех пор проблема эта обострилась еще больше.

В то же самое время, независимо от взглядов историков на ценность этничности или гендера как исторических категорий, конец советской империи подстегнул пересмотр «ориентализма» и «постколониальности». При этом особое внимание уделялось тому, как авторитетные архивы помогали вписывать конкретные точки зрения в рамки образов прошлого, которые, вопреки официальным заявлениям, в основном представляли собой исторические установки, а не объективные описательные нарративы. По мнению Томаса Ричардса (*Thomas Richards*), архивы, по сути, наделили имперские/колониальные отношения искусственной структурой, придали им кажущуюся ясность и системность, а вовсе не способствовали их историческому пониманию⁵⁰. Как отмечали Джойс Эпплби (*Joyce Oldham Appleby*), Линн Хант (*Lynn Avery Hunt*) и Маргарет Джейкоб (*Margaret C. Jacob*) — авторы книги «Рассказывая правду об истории» — «конец истории», провозглашенный Фрэнсисом Фукуямой и его коллегами, после того как исторические альтернативы западному неолиберализму, на первый взгляд, потерпели крах, оказался концом в том лишь смысле, что всеобъемлющий авторитет традиционной политической истории померк, по крайней мере для ученых-историков⁵¹.

Отход от прежних авторитетов сопровождался в высшей степени продуктивной интеллектуальной революцией 1960-х годов. Однако многочисленные «повороты» и «скачки», имевшие место в рамках этой революции, тоже несли в себе глубинные последствия для архивов. Взгляд на социальную историю «снизу», так же, как на истории, в которых центральными категориями выступали раса, этничность и гендер, требовал такого рода документации, для которой не существовало или почти не существовало понятных,

системных средств поиска. Информацию по таким, например, проблемам, как раса или гендер, приходилось выискивать обходными путями в источниках, которые отбирались, каталогизировались и хранились как совершенно иные виды свидетельств. В этих и других областях устные истории, фотографии, судебные документы, физические артефакты и остальные, менее «традиционные», виды источников обрели повышенную значимость. Тем не менее историки сильно недооценивали архивные системы — словно архивы никак не затрагивали проблемы, волнующие историческую науку. И только после публикации в 1994 году «Архивной лихорадки» Деррида природа и роль архивов в процессе воссоздания прошлого начали привлекать хоть сколько-нибудь серьезное внимание за пределами профессионального круга архивистов и их узкоспециальных журналов.

В целом же «длинные 1960-е» стали, таким образом, периодом интенсивного критического переосмысления и интеллектуальных инноваций, столь же важных для формирования новых типов исторического понимания, как и распространение научного мышления веком ранее. Однако, что самое главное, отход от традиционных авторитетов в истории нисколько не охладил стремление большинства историков к архивной работе. Новые предметы исследований и подходы нуждались в аутентичных доказательствах не меньше, чем уже разработанные темы, независимо от трудностей, с которыми предстояло столкнуться ученым при поиске свидетельств. Даже для многих постмодернистов, несмотря на их сознательное и концептуальное отторжение традиции, тяга к архивной атмосфере, переносающей ученого в прошлое, оставалась такой же сильной, как у Ранке и Мишле.

Глава 5

Архивный эссенциализм и профессиональное размежевание

Пока историки активно изучали множество вопросов, поднятых в эти годы, архивисты тоже стали все чаще обсуждать проблемы, возникшие в результате изменений самой природы документации. В этих архивных дискуссиях историки с их новыми историографическими и методологическими заботами попросту не фигурировали. Концепции, сформировавшиеся в процессе развития таких дисциплин, как управление архивами и информатика, легли в основу экспертизы, необходимой для разрешения трудностей, с которыми теперь столкнулись архивы. В глазах архивистов документы — в «пострежимном», стремительно «оцифровывающемся» мире — обладали архивной ценностью, только не вследствие общепризнанных представлений об их исторической важности, а в основном как результат функционального, институционально-центрированного определения документа и его места в создавшей его системе.

Как обоснованно заметил архивист Пребен Мортенсен (*Preben Mortensen*), такие представления коренились в конкретном, внеисторическом взгляде на основы архивного дела, в рамках которого архивистика носит, скорее, «фундаментальный», а не исторический характер. Хранилища имеют «специфическую природу», «особую сущность» с универсальными чертами, «которые можно найти во всех или почти во всех культурах»¹. Как Мортенсен отмечает далее, этот взгляд также определил и три характеристики современной архивной теории, благодаря которым она не теряет научной ценности и в наш «пострежимный», цифровой век, а именно: универсальность, автономия, внутренняя последовательность и логика². И ничто из этого не имеет отношения к истории и историкам.

Архивистика в объятиях эссенциализма

Выдвижение на первый план «сущности» архива, научная природа архивных процессов, а также необходимость определения ключевых характеристик материалов вскоре заставили архивистов сосредоточиться на проблемах увеличения объемов документации и трудностях, которые принесли с собой новые технологии. Группа архивных исследований австралийского Университета Монаша занялась изучением непоследовательностей и пропусков в синтаксисе и семантике метаданных и их влияния на систему применения и хранения информации. Элизабет Якель (*Elizabeth Yakel*) из Мичиганского университета изучала контекстные факторы записи электронной информации, особенно связанной с проблемами здоровья. Филипп Бэнтин (*Philip Bantin*) из Университета Индианы посвятил свои работы определению информационных категорий, необходимых для создания документов как доказательств, и анализу соответствия информационных систем этим требованиям. Ученые Великобритании направили свои усилия на формулирование функциональных требований для систем управления документами, уделив особое внимание стабильности (системности) доступа и закреплению распространенной в архивистике трактовки «архивной ценности». В центре внимания продолжали оставаться вопросы, связанные с элементами, или атрибутами, необходимыми для разработки цифровых систем³.

Архивистам пришлось вплотную заняться анализом процесса создания документов и институциональными ценностями, приоритетами, целями, практиками и потребностями, которые обуславливают появление документации, — центральными вопросами, связанными с содержанием и циркуляцией материалов в пределах конкретного учреждения. Новые технологии, как ни парадоксально, лишь усугубляли сложности управления большими объемами данных, что изначально и лишило архивистику как профессию ее традиционной «режимной» роли.

Кроме того, профессиональные интересы и заботы архивистов все больше концентрировались вокруг проблемы применения цифровых технологий для описания материалов и обеспечения доступа к ним, а также управления бескрайним потоком электронных документов. Это, в свою очередь, способствовало формированию у современных архивистов новой профессиональной идентичности, далеко ушедшей от исторически ориентированной идентич-

ности прежних «стражей прошлого». Профессиональные архивисты теперь просто были вынуждены сосредоточиться на технических и концептуальных вопросах, связанных с самой природой документа, и, следовательно, на проблемах упорядочивания, описания, доступности и технологий, прочно ассоциирующихся с архивными материалами. В итоге архивы как учреждения, обрабатывающие документы, все больше замыкались сами на себе.

Итак, у современных архивистов сложились совсем иные, чем у их предшественников, взгляды на теоретические характеристики архивной практики. Акценты сместились на сущностные органические связи между документами и их авторами, считавшиеся эссенциальными как для представления объемных фондов, так и для структуры цифровых архивных систем. В этих условиях концепции архивных авторитетов, рожденные изменчивым историческим анализом — «сменными крыльями историографии», как его назвал архивист Ф. Джеральд Хэм, — уже просто-напросто не могли применяться постоянно и последовательно⁴. Подход, взятый на вооружение Лючианой Дюранти (*Luciana Duranti*) и ее коллегами, отодвинул историческое понимание еще дальше на периферию. Наиболее жестко его сформулировала сама Дюранти: принимать решения, основанные на некоем представлении о потенциальной исторической ценности документов, — значит «отвергать объективность, поддерживать идеологичность и сознательно и своевольно изменять значимый для социума документ»⁵.

Таким образом, историки расширяли сферу своих исследований и, находясь под влиянием постмодернизма, все больше склонялись к мысли о том, что нет бесполезных исторических нарративов, ненужных документов и что ни одна концепция перемен не заслуживает привилегированного метанарративного статуса, однако в то же самое время они теряли позиции в оценке исторической значимости документов. С точки зрения обновленной архивистики их слишком широкое понимание прошлого уже не могло обеспечивать существование авторитетных структур и таксономий относительной ценности, в которых теперь так нуждались архивисты для определения того, является ли документ «архивной» ценностью или нет. И, что еще важнее, они не могли предоставить структурированный, последовательный и надежный в долгосрочной перспективе «словарь» для цифровых материалов, необходимый для создания, внедрения и воссоздания электронной информационной системы.

В этом смысле с позиции архивистики постмодернизм в истории можно представить как появление ряда «контравторитетов» — изменчивых и спорных оценок центральных, определяющих элементов истории, причем, следует учесть, что, принимая решение о том, какие материалы собирать и сохранять, последовательно опираться на эти оценки оказалось невозможно. Более того, историки, наблюдая расширение сферы интересов своих коллег, стали неохотно брать на себя ответственность при разработке электронных систем и в процедурах оценки, хотя прекрасно понимали, что нужно делать для того, чтобы новые электронные системы работали правильно. Выбор какого-либо одного дескриптора ведет к умалению роли других дескрипторов. Предоставление приоритета какой-либо одной концепции противоречит идее о том, что прошлое следует понимать с разных позиций и что социальные группы, общества и нации имеют «множественное» прошлое, а во все не одно-единственное. Участие историков в создании архивных дескриптивных систем мешает не только проблема технологической компетенции, но и изменения в самой природе исторического исследования.

Те же проблемы наблюдаются и в вопросе еще более сложном — об уничтожении документов; для историков это была темная сторона проблемы «архивной ценности». Как ученые, учитывая расширение исторических интересов, могут одобрить уничтожение материалов, которые предположительно заинтересуют их коллег в будущем? Ребекка Скотт (*Rebecca J. Scott*) — безусловно, одна из наиболее выдающихся латиноамериканских историков в США — недавно хорошо продемонстрировала, насколько важное значение для понимания природы рабства и договорных отношений на Кубе в XIX веке имела простая квитанция о продаже мула⁶. В конкретные моменты любой документ обладает хотя бы минимальной исторической ценностью, если у самих историков есть хоть какое-то мнение на этот счет. Если любой нарратив, любой голос имеет определенную историческую ценность, то и любой документ может заключать в себе важный исторический смысл.

Тем временем архивисты, даже те из них, кто следил за расширением сферы интересов исторической науки, столкнувшись с практическими трудностями при оценке материалов, утвердились во мнении, что архивы не способны обеспечить заинтересованных лиц всеми необходимыми документами для ответов на все вопросы. Избежать непростых решений об уничтожении документов было невозможно, даже когда речь шла о цифровых системах

(а в определенных аспектах — именно в этом случае), которые выдавали нескончаемый поток документов. В сложившихся обстоятельствах архивисты все упорнее пытались идентифицировать «сущностные» характеристики самих документов и контекста их создания и сугубо на одном этом основании выработать стратегию сохранения и уничтожения материалов.

С учетом всех перечисленных выше условий и обстоятельств, какие документы мы можем считать действительно ценными? Каковы существенные элементы, определяющие, станет ли документ частью исторического документального наследия? И как, с практической, опять же, точки зрения, архивисты и делопроизводители должны оценивать действительно гигантский объем цифровых и бумажных материалов, находящихся на их попечении? Пусть интервенционистские потребности архивной «пострежимной» эры требуют радикально новых стратегий и стандартов, пусть эти вопросы теперь отданы на откуп исключительно архивной теории и информатике, но не следует ли все же при отборе «архивных ценностей» так или иначе учитывать интересы будущих историков?

Вторя Хэму и Дюранти, некоторые особо увлеченные исследователи эмоционально воскликнули в ответ «Нет!». Например, Хелен Уилла Сэмюэлс (*Helen Willa Samuels*), получившая известность среди архивистов после публикации в 1992 году своего исследования об университетских архивах, подчеркивала, что архивисты более не могут полагаться на субъективные догадки о том, чем станут интересоваться историки будущего. И уж совсем трудно им решить, какие материалы имели значение для исторического понимания в противовес синхроническому, то есть, скорее, для дескриптивного анализа будущих «прошлых», а не для исследования современности. Вместо этого Сэмюэлс предложила использовать при отборе материалов «функциональный анализ». Согласно ему, архивисты должны были не вглядываться в магические кристаллы, а выносить решения исходя из феномена или институтов, которые нашли свое отражение в документах. Раз архивисты не могли предсказать будущие сферы научных интересов, им пришлось со всей возможной тщательностью документировать процессы или институты, создавшие материалы⁷.

Признавая, что процесс отбора никогда не бывает абсолютно объективным, Сэмюэлс полагала, что, если помещать документы в функциональный, а не исторический контекст, то они не просто «расскажут» потом об учреждении, в котором они появились и функционировали, а сохранят в себе более четкую картину его

структуры и процедур и, следовательно, более правильное их понимание. Иными словами, организационная система учреждения сама по себе формировала аналитический конструкт для отбора документов. Хотя Сэмюэлс занималась по преимуществу университетскими архивами, ее работа имела большое влияние в архивном сообществе — благодаря тому, что она абсолютно независимо от какой бы то ни было исторической периодизации ясно представила функционирование, структуры, уровни, цели и амбиции, которые отражали и определяли документы, созданные учреждениями.

Вопрос о наделении документов ценностью превратился в проблему понимания того, какие материалы лучше всего будут отражать ключевые характеристики учреждения с учетом всех его административных и процедурных особенностей. Иначе говоря, Сэмюэлс считала, что отбор исторических записей должен начинаться не с чтения «исторических работ» и не с анализа «истории, конкретных людей, событий, структур или документов учреждения», а с понимания функции документации. То есть архивисты и делопроизводители могли бы выстроить оценочную стратегию, согласно которой документы маркировались бы как значимые для конкретных функций и, следовательно, были бы достойны сохранения⁸. Таково было развитие, а для некоторых — и окончательное принятие архивного «эссенциализма», центральным элементом которого оставались базовые — сущностные — организационные отношения между документом и создавшим его субъектом.

Столкнувшись с упомянутыми серьезными трудностями в работе, архивы и околоархивные сообщества с огромным воодушевлением взяли на вооружение логику, рациональность и результаты эссенциалистского подхода. Еще одной привлекательной чертой этого подхода является и то, что он прекрасно вписывается в методологию, с помощью которой архивисты пытаются решать наиболее серьезные проблемы — архивацию электронной информации и создание цифровых архивов. Поскольку все цифровые системы держатся на определенных ключевых элементах лингвистической устойчивости и структурного порядка, то ценные электронные документы представляются с этой точки зрения необходимой и существенной частью архивного процесса как такового, с одной лишь оговоркой: архивисты и управляющие архивами должны хорошо понимать, как отметила Маргарет Хедстром, «конкретные организационные, корпоративные, технологические

и культурные условия, на которые они пытаются повлиять», и использовать подходящие надежные стандарты, системы и механизмы для их воссоздания⁹.

Эссенциалистские взгляды привели также к появлению новых спорных толкований понятия цифрового структурированного архива. По мнению некоторых, торжество эссенциализма ставит под сомнение традиционное место архивного управления и практик. Поскольку решения об архивном будущем документов все чаще стали приниматься в момент их создания, а не в конце «активной» жизни документа в учреждении, возник вопрос о мере участия архивистов в этом процессе и, следовательно, о сохранности, целостности документа и основаниях для его хранения. Если игнорировать эту проблему, документ может быть возведен в статус «архивной ценности» ненамеренно, просто вследствие его сохранения. В этих условиях цифровые материалы вряд ли станут частью какого-либо исторического архива, если только процесс появления файлов не будет тщательно задокументирован, как происходило с их бумажными предшественниками, а сами они не будут перенесены под крышу официального архивного учреждения — автономного, независимого от создателя документа и призванного служить всем слоям общества и не в последнюю очередь — современным и будущим историкам¹⁰.

Однако возродилось и другое представление об архивах — как о подходящих партнерах в выполнении корпоративной и институциональной миссии, каковыми они и были раньше — во времена бурного своего развития — по отношению к политическим институтам и государству. Безусловно, многие архивисты, недавно прошедшие переподготовку, и профессиональные управляющие архивами теперь воспринимают себя ключевыми фигурами, стоящими на пересечении информационных потоков, незаменимыми в работе всех современных организаций, коммуникация и трансакции которых осуществляются в электронной форме. Это представление укрепило концепцию Бирмана и других ученых, которая в целом рисует архивы современными информационными системами — исходя из того, как они встроены в административные структуры и обрабатывают документацию (или «свидетельства») для своих фондообразователей. С этой точки зрения сама природа архивов позволяет при условии их доступности использовать документальные свидетельства для любых видов аргументации, включая историческую, даже если архивы изначально и не были для этого предназначены.

Историки против эссенциализма

Как мы видели, отход от авторитетности истории был сложным и многомерным процессом. Однако в его основу лег определенный взгляд на историю, предполагавший недоверие и критическое отношение к традиционному пониманию историками природы и роли институтов, особенно связанных с государством. В то время как эти знаменитые новшества в «социальной» истории отразили в определенных аспектах укоренившиеся установки исторического марксизма, в частности в Европе, новые инициативы, которые сосредоточились на проблемах гендера и пересмотрели понятие класса как концепции, тоже поколебали распространенные представления о функционировании разных институтов и об их полномочиях.

Вследствие мощного всплеска новой социальной теории историки все отчетливее начали осознавать пути влияния социокультурных факторов, например гендера, на структуры и процессы политических институтов, тогда как социальные институты, например семья, отражали, в свою очередь, всеобъемлющие связи институционализированной власти. Подъем интереса к этничности, формированию идентичности и авторитету опыта совпал с пересмотром понятий о том, почему различные социальные и политические институты функционировали так, а не иначе¹¹. Раса оказалась в центре внимания многих американских ученых, университетские образовательные программы потребовали введения новых курсов по расовым и этническим проблемам, в исследованиях повсеместно доминировали вопросы о природе и характеристиках национальности. Распад Советского Союза — одно из наиболее знаменательных и непредвиденных событий во всей европейской политической истории — еще сильнее подстегнул уже развернутые исследования сложных институциональных отношений между ведущей и подчиненной культурами, между культурным, социальным, а также политическим компонентами институционализированного империализма и тем, что Джеймс Скотт назвал искусством сопротивления институционализированному доминированию.

Таким образом, есть некая ирония в том, что пока архивисты и делопроизводители рассматривали отношения между документами и институтами через призму эссенциализма — как единственный подходящий способ создавать эффективные и авторитетные классификационные категории для ценных материалов, историки

выработали радикально иные пути понимания сути самих институтов. Безусловно, исторические исследования и поныне ставят во главу угла великих деятелей, масштабные события и влиятельные структуры, что больше характерно для популярной, чем для академической науки. Но, несмотря на это, произошедшие за последние двадцать лет перемены в историческом анализе позволили понять одну важную вещь, а именно: фундаментальных и всеми признанных детерминантов исторических процессов не существует. Природу любого исторического события, любого элемента социальных перемен, любого исторического деятеля, независимо от их масштаба, следует анализировать и рассматривать комплексно, с учетом дискретных исторических контекстов, обстоятельств и имеющихся репрезентаций. В наше время даже у самых искушенных историков-компаративистов общее следует искать лишь в том, какие вопросы они ставят и исследуют, но отнюдь не в их эссенциалистских ответах на эти вопросы.

Следует иметь в виду, что архивные описания опираются на жестко контролируемый словарь и фиксированные лингвистические структуры, тогда как многие историки пришли к осознанию того, что сам язык является культурно обусловленным и политически зависимым инструментом. Даже толкование понятия нации-государства — самого, возможно, священного предмета исторического описания — было расширено с учетом его формирования как «эффекта дискурса», творения риторики, отчасти созданного политическими притязаниями. Роль и ценность языка сами по себе являются свидетельством сильной контекстуализации отношений. По мысли Габриэль Шпигель (*Gabriele Spiegel*), одной из характеристик лингвистического поворота в исторической науке было стремление «подорвать нашу веру в инструментальные возможности языка передавать информацию о мире»¹².

Поэтому многие современные историки, особенно академического толка, уверены, что институты, создающие документацию, одновременно являются и чем-то большим, и чем-то меньшим — по сравнению с тем, как они представляют себя внешнему миру. Большим — в том смысле, что транзакции внутри государственных структур или корпораций либо между ними включают ряд процессов и действий, весьма отличных от тех, которые отражены в транзакциях, получивших у архивистов статус аутентичных. Меньшим — потому, что, хотя структуры какой-нибудь очередной корпорации «Энрон»¹³ или министерства обороны всецело ограничены, на первый взгляд, зарабатыванием денег

или, соответственно, военными задачами, способы достижения этих целей в огромной мере обусловлены социоэкономической, культурной и политической средой. С точки зрения историка, пока этот более широкий контекст не станет в архивных учреждениях частью процессов оценки и описания, ценные документы, которые сейчас собирают архивисты, вполне можно считать исторически малозначимыми.

Профессиональное размежевание

Что удивительно, сами историки, похоже, даже и не заметили этой резкой трансформации понятия архива и системы архивного управления. В 1999 году Джон Кэрлин (*John Carlin*), архивист США¹⁴, опытный руководитель (в прошлом — губернатор Канзаса), не имевший, однако, ни архивного, ни исторического образования, выступал с докладом на ежегодной встрече Американской исторической ассоциации. По его словам, архив уже принял около девяноста тысяч файлов, что составило менее десяти процентов ежегодного объема цифровых материалов таких учреждений, как госдепартамент или министерство финансов США, — то есть документов, которые скорее всего «необходимо сохранить». В тот период во всем мире было запущено много важных проектов по оцифровке исторических документов. Эти проекты, несомненно, могли бы сделать материалы еще более доступными для ученых. Карлин же сосредоточился на реальной опасности и «беспрецедентных трудностях», угрожавших историческим документам из-за их огромного объема и, собственно, электронной формы. «Их легко можно стереть, они относительно быстро теряют в качестве и могут стать нечитаемыми из-за устаревания оборудования или программного обеспечения, с помощью которого их создали». Для решения проблемы Национальное управление архивов и документации США заключило договор о сотрудничестве с Суперкомпьютерным центром Сан-Диего (Калифорния). Однако Карлин ни слова не сказал о том, как сидящие перед ним историки могли бы помочь в преодолении этих трудностей, дабы начертанная на стене здания Национального архива надпись «Здесь хранятся слава и романтизм нашей истории» не утратила истинности¹⁵. Безусловно, если бы Карлин и попросил о помощи, вряд ли бы хоть один историк из числа его слушателей знал бы, что делать.

Понимали ли историки эти проблемы или нет, у них, несомненно, имелись очень важные соображения о том, как историки и архивисты будут обходиться с прошлым, концептуально и практически. Пока историки продолжали штурмовать архивы, стремясь отыскать там все виды истории — новые и традиционные, интеллектуальные и административные проблемы, связанные с выявлением, отбором, организацией и концептуализацией архива как исторического источника, чрезмерно усложнились, а исторические изыскания утратили стабильность, лишив нас ясного представления об архивах будущего.

Таким образом, расхождение, возникшее между историками и архивистами, оказалось серьезнее, чем просто ослабление профессионального взаимодействия и разделение обязанностей. Оно стало симптомом более глубокого явления — несовпадений в концептуальном понимании и в принципах использования современной и исторической документации, симптомом разрыва между новым концептуальным полем исторического толкования и понятийным фундаментом системы архивирования документов, между исторической и архивной «обработкой» прошлого.

Раньше это разобщение казалось результатом отсутствия общих интересов, единого профессионального круга, когда каждая группа в информационном плане была ограничена «своими» ассоциациями, практикой и журналами. Профессиональные пути попросту не пересекались. Методологические вопросы архивного процесса редко затрагивались на кафедрах истории, историки почти не интересовались профессиональной подготовкой архивистов. Однако если рассмотреть ряд вопросов, а именно: использование авторитетов для формирования исторического понимания, роль авторитетов в архивных системах, внимание к языку как противоречивому историческому конструкту, важность консервативной природы языка как инструмента доступа, а также оценку потенциала документации с исследовательской точки зрения, ее связи и значение в организационном информационном потоке, то становится ясно, что этот разрыв является не просто одним из случаев расхождения профессиональных дорог. Возможно, к удивлению историков, управление архивом трансформировалось в наш цифровой век в сложную дисциплину, основанную на своем собственном наборе практик, принципов и посылок. На передовой исторической мысли царит, по сути, непонимание процессов технологической обработки прошлого архивистами, которые когда-то были коллегами историков по дисциплине. И, возможно, к удивлению архивистов,

история стала подвижной и быстро меняющейся наукой, шагнула за рамки категорий, приспособленных под стандартизированную дескриптивную терминологию и шаблонные задачи. На переднем же крае архивной мысли нет ни осознания пользы обновленной истории, ни времени, чтобы учесть ее потребности и сложности. Самые важные для подготовки архивистов категории знания теперь формируются на основе организационной теории, сложных систем, информатики, коммуникации и компьютерных технологий — дисциплин новых образовательных программ разных университетов информационных технологий. На взгляд архивистов, в «пострежимный» цифровой век история сдала позиции бюрократическому поведению и императивам технологий.

Разлад между историками и архивистами, следовательно, является глубоким концептуальным расхождением, которое берет свое начало в разных прочтениях отношений между прошлым и настоящим, в разных подходах к обработке прошлого, в прямом и переносном смысле. Однако именно это расширение концептуальных рамок должно заставить архивистов и историков остановиться и задуматься. Споры о природе источников, о сложности проблем «социальной памяти», о новом историческом понимании культуры и власти, а также о том, как даже «пассивные архивисты»¹⁶ участвуют в «производстве» определенных видов знаний, все сильнее вовлекают специалистов обеих дисциплин. Следовательно, вполне возможно, что рассмотрение этих вопросов (см. следующие главы) поможет и той и другой стороне лучше понять, как работает с прошлым ее визави, а значит, и предложить хотя бы какие-нибудь способы перекинуть мост через образовавшуюся пропасть профессионального размежевания.

Часть 2

Осмысление прошлого

Глава 6

Проблема социальной памяти

Как мы уже видели, причиной отхода от архивных авторитетов в исторической науке, имевшего место в «долгие 60-е», послужило частичное отрицание традиционных исторических авторитетов, на которые опирались концепции понимания прошлого. Изучение составляющих прошлого и факторов влияния на историческое развитие затрагивало вопросы, весьма далекие от тех, на которые были призваны отвечать традиционные архивы. Новые исследовательские запросы требовали более гибкого понимания природы исторического источника. Тем временем архивные документы утратили свой абсолютный статус и встали в один ряд со множеством других авторитетных источников, которые могли придать достоверности исторической интерпретации. Всплеск интереса к социальным процессам, конфликтам культур, гендеру, формированию социальных идентичностей и различным забытым формам властных отношений привел к тому, что архивы уже были неспособны удовлетворить исследовательские запросы историков и других ученых.

Новые прочтения истории вывели в ряд актуальных и проблемных так называемой «социальной памяти». Несмотря на размытость этого понятия, вскоре оно стало играть роль валидатора новых исторических описаний и интерпретаций, влиятельного общественного блага, чей авторитет объяснялся той или иной степенью оппозиции к более официальному и традиционному пониманию прошлого. К концу 1980-х годов эпоха постмодерна, как выразился один историк, «помешалась» на памяти¹. Зарождалась целая «индустрия памяти», построенная на способности памяти устанавливать тонкие эмоциональные отношения с различными прошлыми, недавно открытыми². Несколько ведущих научных журналов посвятили этой теме целые номера. В Европе концепция памяти получила статус важного нового элемента в истории понятий

(*begriffsgeschichte*). Спустя десятилетие память все еще оставалась одним из основных терминов культурной истории³.

Социальную память все чаще понимали как совокупность индивидуальных воспоминаний и идентичностей. Ее формирование и воссоздание в различных социальных практиках теперь служило обоснованием исторической интерпретации. Социальную память вместе со связанным с ней концептом «социальной идентичности» начали использовать как способ наделять прошлое смыслами, которые часто не находили никакого подтверждения в архивах. Предисловие Чарльза Диккенса к его роману «Большие надежды» лаконично выражает эту тенденцию: «Я расскажу эту историю не так, как она произошла на самом деле, а так, как я ее запомнил». Прожитый «опыт», таким образом, оказался авторитетным источником исторической валидации, несмотря на сложность и неоднозначность воспоминаний, его репрезентирующих. Отход от доминирующей культуры, смена классово-гендерной принадлежности, восприятие, сформированное личными событиями, полезные чужие примеры — весь этот опыт теперь накладывался на переживания разных «прошлых», что позволяло их использовать различными новыми способами.

Бросив вызов традиционному историческому пониманию, «работа памяти» затронула и представление о традиционном архиве. Подход «памяти» к прошлому как к социальному процессу и аргументы ряда исследователей данной области, касающиеся валидации представлений о прошлом, поколебали устоявшиеся архивные концепции общего и единого прошлого. Архивные практики, лежащие в основе этих концепций, тоже подверглись переосмыслению. В свете расширения понятия памяти в разряд исторических проблем попали уже сами архивы, а точнее, их роль в формировании и обслуживании традиционной историографии и авторитетов⁴. Как и постмодернизм, социальная память создала собственный набор «контравторитетов». Эти процессы поставили под сомнение цель исторических архивов в прошлом и будущем, а также их практики сбора, оценки и сохранения документации. Общепринятые взгляды на архив как официальный источник исторической памяти тоже не устояли. Потребовался пересмотр и роли самих архивистов как хранителей этой памяти. Аллен Уэйнштейн (*Allen Weinstein*), девятый архивист США и глава Управления национальных архивов и документации (NARA), вступив в должность в 2005 году, был вынужден указать на эти проблемы, заверив общество, что «все те, кто работает в NARA, были [и остаются] хранителями национальной истории Америки»⁵.

Таким образом, проблема социальной памяти требует рассмотрения в очерченных рамках. В пересмотре нуждается само понятие, поскольку архивисты должны глубже понять заинтересованность историков проблемой памяти и ее влиянием на архивные аспекты исследований. В то же самое время историкам и другим ученым необходимо разобраться в вопросах, которые проблема памяти поставила перед архивами.

Реактуализация памяти через «исследования памяти»

Проблема памяти, безусловно, так или иначе всегда пересекалась с вопросами исторического понимания. Изваяв на своем фасаде надпись «Здесь хранятся слава и романтизм нашей истории», Национальный архив США напрямую обратился к субъективным переживаниям ностальгии, воспоминаний, поминовения — всем тем феноменам, посредством которых память традиционно связывала историю с архивами. Распространенная установка «помнить историю» давно уже нашла свое выражение в понятиях исторической памяти и исторического сознания. Для мыслителей XIX века, таких как Гегель и Маркс, эти понятия обладали властью по политическим причинам, воплощая «традиции всех мертвых поколений», которые, согласно Марксу, тяготели «как кошмар над умами живых», или же, по Гегелю, заключали в себе всеобщее стремление к свободе⁶. «Историческая память» указывала на те элементы прошлого, которые актуализировались в памяти не через индивидуальные воспоминания, а через исторические исследования.

Социальная память, заместив в 1970-х и 1980-х годах традиционные понятия исторической памяти, выступила в роли «непарадигматического, трансдисциплинарного, разфокусированного проекта», как его критически описали Джефффри Олик (*Jeffrey Olick*) и Джойс Робинс (*Joyce Robbins*)⁷. Она стала отправной точкой дискуссий об идентичности, мультикультурализме, ориентализме и имперском доминировании. В постмодернизме это соотносилось с проблемами объективности, доказательств, истины и нарратива — и все они затрагивали границы между ментальностью и физической действительностью⁸. Социологи вновь открыли для себя работы Мориса Хальбвакса (*Maurice Halbwachs*): «Les Cadres sociaux de la mémoire» («Социальные рамки памяти», 1925 год) и «La Mémoire collective» («Коллективная память»)⁹. Ученые, работающие

в области культуральных исследований, литературы и литературной критики, рассматривали социальную память как важный набор практик, посредством которых репрезентации прошлого могли бы создавать новые кластеры актуальных для современности смыслов. Тем временем вновь вызванная к жизни индустрия наследия напористо продвигала исследования памяти в публичные пространства. Номера автомашин в Квебеке стали украшать надписи «Помню». Такие места, как поле сражения при Геттисберге¹⁰ или «исторические» парки развлечений, привлекли новую волну коммерческого интереса¹¹. По мере развития кабельного телевидения канал «История» оказался одним из самых популярных (и прибыльных) его трансляций. И, что еще важнее, открытие музея Холокоста в Вашингтоне, Берлине и других местах, равно как и впечатляюще фильмы «Шоа» и «Список Шиндлера», настойчиво напоминали посетителям и зрителям о моральных измерениях социальной памяти и об императиве «не забывай»¹².

Все это усложняло для историков и архивистов проблему работы с категорией памяти, особенно в части архивных авторитетов. Хотя память служила средством расширить историческое понимание или подвергнуть сомнению достоверность исторических нарративов, научное сообщество неминуемо уходило все дальше от ее искажений и неточностей. Архивы же претендовали на роль хранителей памяти потому, что различные мемориальные практики признавались законными или же отвергались на основании аутентичности их документов.

Рост интереса историков к социальной памяти в основном вызван теми же причинами, что и критика традиционно авторитетной истории. Выделялись в этой области все те же участники «Анналов», например Филипп Арьес (*Philippe Ariès*), чья книга «Ребенок и семейная жизнь при старом порядке» была посвящена, скорее, памяти и воспоминаниям, а не социальному опыту¹³. Что касается европейской истории, можно назвать работы все того же Э. П. Томпсона, который намеревался «спасать бедного вязальщика, стригальщика-луддита, “старомодного” ткача, стоящего у ручного станка», и другие маргинальные группы от «чудовищного высокомерия потомков». Томпсон привлек внимание, и не только академических сообществ, к разнообразию жизненного опыта, который был невнятно описан, слабо представлен или же вовсе отсутствовал в традиционных архивных собраниях¹⁴.

Новые исследования в данной области сыграли большую роль, потому что, как мы видели, авторитетная история и авторитетные

архивы все еще оставались в поле взаимодействия с официальными институтами власти. Интересы архивных историков сосредотачивались по большей части на исторических концепциях и структурах, лежащих в основе архивных описаний. Это способствовало появлению историй «победителей» и «неудачников» и выводило на первый план соответствующие роли новых и разрушающихся институтов и причины их расцвета и упадка. Документирование истории тех, кто не попал в поле зрения архивов, требовало новых исследовательских ракурсов.

Особенно это касалось респрессивных обществ с хорошо развитой системой архивов, например Советского Союза, где профессиональных архивистов было больше, чем где-либо в мире. Рост интереса к социальной истории в Западной Европе и США совпал с расцветом «нелегальной» альтернативной истории памяти, ходившей в народе как самиздат. Напечатанные своими силами под копирку или на ротаторе самиздатские материалы воплощали собою идею истинности индивидуальной и коллективной памяти, противопоставляясь доминирующему нарративу триумфального прогресса Советов.

Плодотворной в этом смысле стала книга российского диссидента и историка Роя Медведева «К суду истории: генезис и последствия сталинизма»¹⁵, вышедшая в 1971 году. На пятистах страницах он подробно исследует происхождение и последствия сталинизма, в основном через призму сложных и болезненных воспоминаний сотен его жертв, чьи личные письма, дневники и жизни попали в поле зрения автора. Тайно вывезенная из СССР и вскоре переведенная на многие языки эта книга захватила внимание читателей не только полнотой и остротой вошедших в нее воспоминаний, но и тем, насколько разительно картина, нарисованная Медведевым, расходилась буквально со всей официальной советской историей. В обществе, где воспоминания могли быть в прямом смысле опасны, Медведев, по сути, представил память как альтернативную и гораздо более достоверную форму изложения правды. Его работа также показала, что социальная память «живого» опыта может эффективно зафиксировать и манифестировать альтернативное (а следовательно, и многовариантное) прошлое, будь то свежие события или давно прошедшие, реконструированные.

В широких кругах эти вопросы приобрели особую актуальность с выходом в 1976 году книги Алекса Хейли (*Alexander Haley*) «Корни: сага об одной американской семье» (*Roots: The Saga of an American Family*), которая представляла собою весьма противоречивый

взгляд на историю семьи африканцев, оказавшихся в США. В кругах же академических описанные проблемы получили новое освещение после публикации работ Эрика Хобсбаума и его коллег об «изобретении традиции»; в частности, следует отметить великолепную книгу Бенедикта Андерсона «Воображаемые сообщества», вышедшую в 1983 году¹⁶. «Отношения» между социальной памятью и коллективной идентичностью развивались в нескольких взаимодополняющих направлениях. В США с их вниманием к идентичности, но и в остальных странах тоже, особенно в бывших колониях, эти отношения быстро превратились в базисный элемент нового понимания расы и этничности. В Западной Европе они послужили толчком к жестким спорам вокруг социальной ответственности за Холокост, а также к новым исследованиям роли правительства режима Виши и других коллаборационистских режимов. К концу 1980-х годов, во времена Горбачева, в стремительно трансформирующемся Советском Союзе «изобретенные традиции» и коллективная память прошлого стали главным триггером развала второго наиболее влиятельного в мире государства. По всей стране социальные группы начали выдвигать требования, основанные на идентичностях, которые были сформированы памятью об общем историческом опыте, хотя это заново открытое прошлое вряд ли переживалось сообща и притом одинаково, да и «живые» свидетельства сильно отличались от каких бы то ни было архивных данных.

Тогда что же такое социальная память? Как нам следует понимать этот заезженный и нередко клишированный концепт? Более того, как мы можем воссоздать какие-либо воспоминания вне рамок опыта тех, кто является их носителем? Если социальная память есть нечто большее, чем просто аналитическое построение, где и как мы можем увидеть ее авторитетную роль в воссоздании прошлого? И — что для наших целей важнее всего, — как именно поднявшаяся в 1980-х и 1990-х годах волна «обсессии», связанной с памятью, повлияла на архивные практики и авторитеты и отразилась на профессиональном размежевании?

Индивидуальная и социальная память как средства создания «полезного» прошлого

Ответы на поставленные выше вопросы коренятся в сложных отношениях между индивидуальной памятью и «коллективными» воспоминаниями, имеющими совершенно другую природу, — то есть, говоря простыми словами, в том, как социальные группы ре-

презентуют себя и свое прошлое. Индивидуальная память, безусловно, — это область физиологии мозга и неврологии, предмет огромного количества исследований. Большинство работ по этой теме посвящено физиологии воспоминаний и ключевой роли памяти в структурировании мышления и поведения. Для историков и архивистов они важны постольку, поскольку затрагивают различия между активным и пассивным воспоминанием, влияние на память физической или эмоциональной травмы и многослойную природу активного и подавленного сознания. Каждая из этих областей исследования помогает историкам понять и объяснить действия индивида и их причины.

Из литературы по физиологии мы также знаем, что индивидуальная память складывает множество различных частиц информации, хранящихся в разных зонах мозга, в единую картину. Эти частицы являются продуктом обучения и опыта, они все время актуализируются в качестве воспоминаний, непрерывно связывая прошлое с настоящим¹⁷. Этот весьма простой концепт имеет любопытные исторические последствия, относящиеся к доступности прошлого и, следовательно, к реальности накопленного опыта. Также он поднимает ряд основополагающих вопросов о том, как индивидуальные воспоминания связывают информацию, иначе говоря, о времени и наррации. Являясь узловыми точками связи между человеком и его социальным окружением, время и наррация, таким образом, формируют отношения и между индивидами и практиками «социальных воспоминаний»¹⁸.

Время, опыт и наррация — понятия общераспространенные, однако в контексте того, как отдельные люди и целые общества осмысливают свое прошлое, понятия эти гораздо сложнее и проблемнее, чем кажется на бытовом уровне. Время — из них самое каверзное. Люди всегда помнят, что время проходит, но осознают его течение в рамках культурных концепций циклических либо линейных изменений. Индивидуальная память «доказывает», что прошлое действительно имело место в линейном или циклическом отношении к настоящему, причем оно представляется неопровержимым; но в то же самое время, если прошлое забывают, его нельзя доказать, не сославшись на некие внешние источники. Как заметил Майкл Лэмбек (*Michael Lambek*), воспоминания никогда не сводятся только к рассказу о прошлом. Они являются инструментом, с помощью которого нарратор устанавливает взаимоотношения с прошлым и использует с точки зрения прагматики и морали «уроки», преподанные пережитым опытом. Индивидуальные вос-

поминания аутенцифицируют это социальное позиционирование, так как память настойчиво говорит нам, что наши воспоминания отражают реальность¹⁹.

Таким образом, опыт задает рамки отношения индивида к прошлому, превращаясь в историю. Личные воспоминания являются репрезентациями, которые опосредованы понятиями и процессами, придающими воспоминаниям нарративную форму и исторический смысл. Поэтому опыт представляет собой чрезвычайно трудную область исторических изысканий. Следование популярной тенденции видеть в нем краеугольный камень исторической реальности приводит к тому, что в большой степени игнорируется роль нарратива как медиатора и, безусловно, не принимаются во внимание пути, которыми опыт наделяется смыслом через наррацию по мере того, как пережитое в опыте субъективное объективируется в рассказе²⁰. Юрий Лотман отмечал, что само по себе событие может восприниматься его участниками как нечто «неорганизованное (хаотическое) или такое, организация которого находится вне поля осмысления, или как скопление нескольких взаимно не связанных структур. Будучи пересказано средствами языка, оно неизбежно получает структурное единство»²¹. Иначе говоря, упорядочивая опыт в нарративе, люди вспоминают «свою» историю. Нарративы памяти трансформируют живое прошлое в текст, который можно рассказать, истолковать, задокументировать, повторить и, следовательно, использовать множеством различных способов.

Проблемы памяти, которые так или иначе связаны с травмой, включают, в числе прочего, изложение и документирование прошлого. Чтобы травматический опыт обрел постигаемый смысл и его можно было пересказать, требуется найти («раскрыть») всеобъемлющие нарративы. Травматические события — это именно те редкие эпизоды, которые явно выпадают из привычной области дискурса. Пережившие травму нередко в буквальном смысле слова немеют. Они не могут интегрировать свой опыт в какой бы то ни было понятный нарратив, по крайней мере без серьезной терапевтической помощи²². Нарративы, когда они используются или создаются с целью трансформировать такой опыт в осмысленные истории, нередко становятся особенно «влиятельными». Опыт, который они отражают, как правило, является базисной поворотной точкой в личных историях жизни.

В редких случаях концепцию травмы можно использовать, и весьма продуктивно, чтобы описать коллективный опыт, смысл которого тоже трудно постичь или же преобразовать в нарратив.

Травму такого рода мы видим в обширной литературе о Холокосте, осмысление и анализ которого, возможно, всегда будет представлять трудность. Несомненно, его последствия до сих пор сказываются в истории современной Европы и Ближнего Востока²³. Или же, например, травматические события 11 сентября 2001 года в США²⁴: изначально ни представить, ни описать их в этом смысле было невозможно. И только лишь после того, как долгое время этот теракт изображали как атаку на Америку и «Перл-Харбор войны против терроризма», он обрел в общественном сознании определенную ясность. Повествование о событиях 11 сентября как о «последнем великом сражении США против тирании» наделяло трагедию соответствующими реальным и воображаемым значениями и таким образом послужило формой, в которой нарраторы исторически объединили все разрозненные противоречия этого ужасного момента²⁵.

Наррация также стала инструментом, с помощью которого теракт можно было использовать для воспроизведения и укрепления авторитетов исторического прошлого Америки. Память о Перл-Харборе как способ понять сентябрьские события 2001 года не только конкретным образом вписала их в национальный нарратив США, но и выстроила иерархии сравнительной исторической важности событий. В отличие от первой атаки на Всемирный торговый центр в 1993, которая была представлена как криминальное событие, и все документы о нем были переданы обычным полицейским и судебным архивам, свидетельства о теракте 2001 года получили статус важнейших исторических артефактов. Высказывались даже мнения, что для них нужен отдельный архив.

Здесь начинается вырисовываться важное связующее звено между индивидуальными воспоминаниями и тем, что можно назвать социальной, или коллективной, памятью, каким бы размытым ни был этот термин в привычном его употреблении. Морис Хальбвакс много лет назад заметил, что в действительности индивидуальная память не может существовать вне рамок, которые заданы людьми, живущими в обществе, — именно оно обуславливает формирование и актуализацию воспоминаний. По его мнению, чтобы придать воспоминаниям смысл, индивиды нуждаются в социальном взаимодействии. Следовательно, они формируют, распознают и локализуют свои воспоминания в социальном контексте²⁶. Такие взгляды вызвали сильную волну критики, однако можно согласиться с Хальбваксом и его последователями в том, что индивидуальная память является также и социальной практикой, поскольку знания,

которые она порождает, преломляются призмой социальных дискурсов и институтов²⁷. Так как сложные комплексы субъективностей, которые формируются у человека в процессе проживания определенного события, по сути импрессионистичны (то есть предискурсивны), упорядоченные нарративы о них рождаются исключительно во взаимодействии с окружающими их дискурсами, индивидами и институтами. В результате этого взаимодействия нарративы вписываются в рамки устоявшейся логики, толкований и ценностей и наделяются новыми значениями и в личном, и в социальном плане.

Несмотря на существенные разногласия между историками, архивистами и другими специалистами в отношении природы и концептуальной ценности (чтобы не сказать — терминологического значения) социальной памяти, это понятие может быть весьма полезным для анализа. Особенно уместным видится использование данного понятия для описания общепринятого понимания прошлого, которое сложилось в результате взаимодействия коллективных нарративов, институтов и более широких социокультурных практик, определивших и наделивших значением то, что члены конкретной группы считают важным опытом в их жизни.

Как писал Деррида в «Архивной лихорадке», превращение прошлого в полезный инструмент в этом смысле тесно связано со сложными чувствами индивидов, рождающими стремление «знать» или «раскрыть» свое прошлое и таким образом понять настоящее. Лихорадка Деррида — это жажда понять свое происхождение и «корни», найти себя и свое сообщество на картине социальной жизни и обрести ощущение того, кем ты являешься или не являешься, — иначе говоря, индивидуальную и социальную идентичность²⁸. Слова «знать» и «раскрыть», однако, следует заключить здесь в кавычки, дабы подчеркнуть: то, что люди «знают» или «раскрыли», необязательно правдиво отражает прошлое, хотя эти слова несут в себе именно такой смысл. Исторический авторитет памяти опирается на мощную совокупность субъективных толкований, существующих независимо от научного анализа и архивных верификаций. «Общее» прошлое такого рода приобретает собственные моральные, социальные, культурные и даже политические черты — следы современных политических и культурных баталий. В итоге оно выступает свидетельством того, как история определяет либо отрицает роль событий, субъектов и прочих факторов в прошлом, настоящем и будущем.

Социальная память, социальная идентичность и приписывание исторической роли

Отношения между историей и памятью, между тем, что записанные исторические тексты помнят, а что предаются забвению, остаются центральной проблемой обширной литературы по истории и памяти. Согласно Фрэнсис Йейтс и Жаку Ле Гоффу, чьи работы по истории социальной памяти опирались на исследования британского антрополога Джека Гуди и других ученых, роль памяти как истории прошла пять явно выраженных этапов: в дописанных обществах она занимала ключевую позицию, затем, с появлением письменности и письменных воспоминаний, а также в связи с одновременным существованием устной и письменной традиции в Средние века ее роль несколько ослабла. С изобретением печатного станка ее морализаторский устный дискурс был резко отодвинут на задний план, уступив место моральному нейтралитету нового научного знания. Этот последний этап достиг пика в эпоху Просвещения, после выхода в свет французской «Энциклопедии»²⁹. По мнению Ле Гоффа, во Франции и других странах Европы важность памяти вновь была признана только после Французской революции, так как это драматическое событие требовало легитимного объяснения в терминах морали. Последовавший за этим всплеск мемориальных практик, связанных с самоорганизацией сообществ, коренился в потребности социумов оправдать и легитимировать свои институты и власть в рамках моральных принципов общественного благоденствия и нравственности. Правда прошлого опиралась на моральные и легитимирующие связи, которыми память и постоянная мемориализация соединяли прошлое с ценностями и институтами настоящего, в противоположность «научной» истории, чей авторитет был основан на объективно верифицируемом понимании «правды»³⁰.

Могут ли историки быть действительно объективными, — это другой вопрос (и, конечно же, отдельная тема множества исследований). Очевидно, что даже те из них, кто в вопросах морали придерживаются нейтралитета, отбирают материал исходя из собственных соображений и наделяют прошлое конкретным значением, подчеркивая достойные или опуская недостойные, по их мнению, факты и таким образом решая, что нужно знать, а что нет. Верификация тоже служит инструментом для разделения на «плохое» и «хорошее», например в случае истории различных религий, которая показывает, как определенные исторические и социальные обстоятельства

приводят к появлению религиозных институтов. Большинство профессиональных историков согласились бы с Полем Рикёром (*Paul Ricoeur*), что фактически история не может быть объективной в желательном для многих смысле, и даже в самом что ни на есть научном варианте она по природе своей неточна, как и память. Обе практики могут лишь реконструировать прошлое через нарративные структуры, помогающие так или иначе его постичь³¹.

Однако для многих исследователей вопрос состоит вовсе не в точности истории или памяти, а в том, что объективизация истории деструктивна в отношении потребности обществ сохранять и укреплять свою веру и идентичности. Йозеф Йерушалми (*Yosef Yerushalmi*) остро обозначил эту проблему в своей книге «Захор: еврейская история и еврейская память», противопоставив сакральные роли коллективной еврейской памяти десакрализирующим последствиям светской современной еврейской историографии. На кон была поставлена не точность национальной историографии, а духовное единство еврейской истории. В названии книги слово «захор» (*помни*) само по себе было заповедью еврейской религиозной и культурной традиции, призванной предотвратить разрушение нации, которая долгие века была скреплена «мистическими струнами» памяти (по выражению Авраама Линкольна из его первой инаугурационной речи) и чья идентичность теперь оказалась неразрывно связана с беспокойной жизнью политического государства. История, которую сам Йерушалми выстроил в «Захоре», для евреев означала десакрализацию избранного народа, не говоря уже о роли Бога в определении его судьбы³².

Эта угроза еврейской культурной и политической идентичности, пришедшая из светской историографии, свидетельствует о том, каким образом приписывание истории тех или иных значений отражает стоящую перед историками проблему морали — традиционно ключевого элемента символических и нарративных структур социальной памяти. Когда Йерушалми, Жак Ле Гофф, Пьер Нора (*Pierre Nora*) и другие проявляли озабоченность тем, что история узурпирует функцию памяти, они имели в виду попытки академической исторической науки подходить к прошлому без эмоций и объективно, избегая морализаторства. Профессиональные историки осознают, что их задача носит как дескриптивный, так и интерпретативный характер, и что эта интерпретация и анализ всегда будут вызывать споры. Также они понимают, что, как писал Мишель де Серто (*Michel de Certeau*), убедительность их нарративов частично является следствием их же писательских умений, что

нарративы сами по себе «обрабатывают» и синтезируют сложные «реальности» прошлого, о которых повествуют, вуалируя при этом самым своим письмом аналитические и нарративные практики, породившие эти тексты. В то же самое время при анализе прошлого даже самым осторожным из историков не удастся избежать оценочной призмы настоящего. Исторический анализ неминуемо отражает образ мысли — инструмент, которому оценочность присуща внутренне. От честного историка это требует осознанных попыток не применять к прошлому ценностные системы своего времени. Интеллектуальная трудность для исследователя заключается здесь в том, чтобы выводить из прошлого моральные уроки непосредственно на основании объективного изложения, а не личных убеждений.

Распространенное понятие об истории как о социальной памяти является, таким образом, некорректным. Письменные тексты могут сильно повлиять на коллективное понимание прошлого, а официальные историки разного толка, отдельные из которых имеют привилегию доступа к секретным документам, заняты постоянным закреплением конкретных исторических установок. Неудивительно, что «популярную» историю, например «Величайшее поколение» Тома Брокау (*Tom Brokaw*), иногда вызывающую пренебрежение академических ученых, с охотой читают те, кто ждет от историков воссоздания своих собственных воспоминаний и ценностей, укрепляющих самоидентификацию и чувство социальной принадлежности³³. Популярная история задействует, равно как и создает, социальную память, потому что согласуется с устоявшимися и широко меморализованными социальными и культурными нарративами, что, по большей части, и делает ее популярной.

Критическая история, однако, вызывает горячие обсуждения и споры не только вокруг исторических фактов, но и вокруг их значений. Мало что в исследовательском сообществе обсуждалось столь же бурно, как, например, жизнь при сталинизме и нацизме, хотя вряд ли кто обвинил бы участников дебатов в нежелании выявить правду о тех временах. Идея о том, что сталинизм, пусть и частично, коренился в социальных возможностях, культурных склонностях, индивидуальных стремлениях или народной поддержке столь же сильно оскорбляет так или иначе разные чувства современников, как и мнение, что Гитлер правил страной добровольных палачей³⁴. В отличие от доминирующих нарративов социальной памяти, которые почти всегда в той или иной форме предназначены для выведения моральных императивов, научное

сообщество или отдельных его авторов вряд ли можно описать как моральных или аморальных. Серьезные историки, возможно, и наделяют исследуемый материал смыслами, которые служат целям морали, и надеются сформировать у круга читателей понимание, скажем, добра и зла или неоднозначности, нюансов, сомнений, притязаний, безразличия — всего того, что читатели могли бы оценить с точки зрения морали. Тем не менее эти исторические изыскания скорее могут бросить вызов нарративам социальной памяти, имеющим «объявленную ценность», чем служить источником морали.

Так, серьезная биография «Бомбардировщика Харриса»³⁵, идеолога союзных бомбардировок Дрездена и других немецких городов, чей памятник как героя стоит в центре Лондона, может не столько подкреплять свидетельства о смелости и самопожертвовании, сколько показать степень равнодушия к отчаянию гражданского населения в военное время. Смерти индейцев в боине на ручье Вундед-Ни³⁶ могут быть интерпретированы как запланированное последствие американского «Предначертания судьбы»³⁷. Тщательный анализ «Нанкинской резни»³⁸ может вывести социальную память нескольких обществ из амнезии, в которой они в той или иной степени пребывают³⁹. И, наконец, попытка представить бомбардировщик Энолу Гей⁴⁰ символом ужасающего опустошения, так же как и американского героизма, в «правильной» атомной бомбардировке Японии может повсеместно всколыхнуть чувство социальной добродетели. Поскольку различные практики коллективной, или социальной, памяти обычно служат для легитимации и укрепления социокультурного и политического уклада, в научной истории, отличной от масштабных нарративов памяти, часто, не долго думая, вычитывают попытку подорвать основы порядка, особенно (но не только) при более авторитарных режимах.

Социальная память и социальная идентичность

Проблемы социальной памяти и социальной идентичности являются особенно острыми, так как имеют отношение к «нарративам идентичности» — практикам социальной памяти, которые наделяют конкретным смыслом принадлежность человека к той или иной социальной группе и репрезентацию ее прошлого. Такие связи между идентичностью и памятью неминуемо вписывают индивида в какую-либо группу, а также структурируют отношения между

различными сообществами. Кем и чем стала социальная группа, как она исторически развивалась и почему, — все это постигается главным образом через репрезентации коллективной памяти, рисующей характер группы в исторической перспективе. В этом русле историческая память также легитимирует индивидуальные и коллективные притязания на признание. В повествовании и его пересказе практики и репрезентации социальной памяти подтверждают более широкие представления о себе и коллективной реализации. История социальной группы, подтвержденная нарративом в качестве истинной, неминуемо становится базисным элементом групповой идентичности, по аналогии с тем, как индивидуальная память конституирует и определяет «я». Безусловно, когда в 1970-х и 1980-х годах Хобсбаум, Андерсон и другие исследователи начали прорисовывать черты изобретенных, или воображаемых, сообществ⁴¹, связи между социальной памятью и социальными притязаниями тоже стали отчетливо проявляться. Джонатан Боярин (*Jonathan Boyarin*) даже предположил, что социальная идентичность и коллективная память, по сути, одно и то же, ибо «жизнь» группы, как и ее «память», являются антропоморфными метафорами органического коллективного «я»⁴². В любом случае, коллективные репрезентации исторических мифов и реальностей с очевидностью выступают конструктивными элементами политики идентичности, на что указывали Хобсбаум и другие ученые. Исторические нарративы, составляющие коллективную память прошлого, — это ключевые элементы всех коллективных политических репрезентаций. Они позволяют эффективно использовать «унитарное» прошлое в самых разных презентистских притязаниях⁴³.

И здесь тоже мы находим скрытую историческую власть политики идентичности, чей расцвет в 1970-х и 1980-х годах еще яснее обозначил отход от традиционного понимания исторических авторитетов и, следовательно, от авторитетов, привлекая которые, архивисты традиционно выстраивали иерархии значений для своих архивных документов. Формулируя новые понятия сходства и гомогенности, социальная память одновременно создавала спрос на лояльность и преданность, а со стороны архивов — и на полезные свидетельства. Чем глубже коллективные идентичности могли пустить корни в архивную память об исторических «правдах», тем выше был коллективный спрос на лояльность, а правовые притязания группы — сильнее, будь то преследуемые национальности распадающихся стран Восточной Европы, или ущемленные в правах этнические и расовые группы, или индивиды,

маргинализированные и дискриминируемые на основе цвета кожи, религии, языка или сексуальной ориентации. В этих случаях архивы, являясь единственным источником доказательств или валидации, играли роль поддержки. Однако отсутствие архивных свидетельств могло оказаться столь же влиятельным инструментом верификации, как и их наличие. Конструктивная борьба за права задействовала не только те воспоминания, в сохранении которых группа была заинтересована, но и то, что ее антагонисты «забыли» как в социальном, так и в архивном смысле⁴⁴.

Мемориальные практики и социальная амнезия

«Забычивость» сообществ и ее формы тесно связаны с тем, какими способами группы обеспечивают надежное сохранение памяти об определенных аспектах прошлого. Создание и интернализация доминирующих нарративов — самый очевидный и убедительный из способов, но церемонии, памятники, празднование годовщин и другие семиотические практики тоже конституируют и воспроизводят социальную память, иногда в менее очевидных и тем самым более влиятельных формах, чем официальные нарративы⁴⁵. «Места памяти», как назвал их Пьер Нора, служат инструментом социальной идентификации, опирающейся на тщательно отобранные интерпретации прошлого. В отличие от нарративов, они редко допускают даже возможность альтернативного понимания, не говоря уже собственно об интерпретациях, противоречащих взглядам создателей таких мест. Кладбища, шествия, здания государственных служб, монументы и даже бывшие поля сражений, сохраняемые нетронутыми, создают связь между индивидами и конкретным прошлым, исключая при этом появление каких бы то ни было сомнений. Специфическая власть памятных мест в большой степени обусловлена тем, насколько личный опыт человека, связанный с данным местом, помогает вписать его воспоминания в опыт, хранящийся в памяти сообщества как целого, «срифмовать» личные и общественные переживания. Все, что остается за рамками мемориальных практик, таким образом, социально «забывается». В результате сознательное или непреднамеренное игнорирование фактов в репрезентациях, составляющих социальную память, может «изменить» прошлое не менее действенно, чем коллективная «память», бережно хранимая. Пьер Нора, как и Хальбвакс, уделял этим проблемам большое внимание. Его труд «Места памяти»

был в буквальном и переносном смысле монументальным, представляя собою попытку выявить конкретные места, которые символически репрезентировали бы значение прошлого Франции, а также очертить в этом ключе значение настоящего и наметить его развитие. Как мы видим, он повествовал именно о французской нации, об органичной общности, которая обладала не только способностью помнить, но и умением выбирать, что она должна помнить и почему.

Нора назвал это «нация-память». В своих «Местах памяти» он стремился очертить те памятники и артефакты, в которых нация воплощала себя, включая такие места, как Национальный архив Франции, и, следовательно, сохранение которых была крайне важно для будущего. С одной стороны, фундаментальная работа Нора имела целью наделить историей саму память французской нации, обозначив пути развития мемориальных практик, которые сначала легли в основу *La République*⁴⁶, а затем стали средством консолидации и сохранения *La Nation*⁴⁷. Здесь Нора выступил историком культуры, работающим всецело в рамках тех научных традиций, которые, и автор сам это осознавал, были направлены в противоход важной, по убеждению Нора, исторической роли мемориальных практик Франции. С другой стороны, как общественный мыслитель и интеллеktуал Нора стремился сохранить культуру памяти, определявшую суть «французкости» и вошедшую в противоречие с официальной историей. Он писал: «Память всегда подозрительна для истории, истинная миссия которой состоит в том, чтобы разрушить и вытеснить ее»⁴⁸. Эти процессы модернизации свидетельствовали о «бесперывной секуляризации» общества, *La France* трансформировалась в *Les France*⁴⁹, утратив ощущение цельности себя и общности своего прошлого.

К удивлению, эта фундаментальная проблема с историей заключалась в ее объективированном отношении к источникам:

Прежде всего, эта трансформированная [современная. — Примеч. перев.] память <...> является архивной. Она вся основывается на том, что есть самого отчетливого в следе, самого материального — в останках, самого конкретного — в записанном на пленку, самого зримого — в образе. Движение, начавшееся с появлением письменности, находит свое завершение в высокой точности фиксации и в магнитной записи. Чем меньше память переживаема внутренне, тем более она нуждается во внешней поддержке и в осязаемых

точках опоры, в которых и только благодаря которым она существует. Отсюда типичная для наших дней одержимость архивами <...>⁵⁰.

Архивной «памяти» и архивной науке Нора противопоставил важность для *La France* («французскости» как таковой) повторного переживания субъективного опыта, представленного самыми типичными объектами французского национального наследия. С этой точки зрения у Франции «нет никакой реальности, кроме мемориальной», так как Франция существовала бы как нация, только если коллективная память подтвердила бы ее притязания. Своим известным афоризмом Нора подчеркивал, что память была жизненно важна для Франции именно потому, что от нее так мало осталось. Хищные привычки модернисти, зафиксированные архивной памятью, поставили под угрозу единство и будущее французской нации:

Разве не достаточно мы упрекали наших предшественников за уничтожение или утрату свидетельств, необходимых для познания, чтобы избежать такого же упрека от наших потомков? Воспоминание превратилось в свою собственную тщательную реконструкцию. Записанная на пленку память предоставила архиву заботу помнить ее и умножать знаки там, где она сбросила, как змея, свою мертвую кожу⁵¹.

Как показал Нора, роль мемориальных практик в создании социально единой нации официально была признана конституцией Франции еще в 1791 году. Конституция предписывала проводить национальные мемориальные празднества в ознаменование памяти Французской революции. В США официальный день памяти впервые был введен после Гражданской войны, а в 1882 году получил название «День поминовения». Если ранее мемориальные практики использовались в основном как одно из средств поддержания религиозных и других базовых социальных институтов, то к концу XIX века они повсеместно стали к тому же еще и значимым элементом в фундаменте современного государства.

И все же широкомасштабные попытки зафиксировать в памяти и мемориализировать «общие» события прошлого как способ создать и поддерживать социальное и культурное единство — это относительно недавнее расширение описанных практик, порожденное, в частности, многочисленными социальными травмами

Первой мировой войны⁵². И здесь, в отличие от религиозного поминовения, можно заметить очевидную и, так сказать, банальную ностальгию, выражающуюся в том, как именно память создает конкретные виды сообществ, внутренне связанных, казалось бы, общим опытом.

Мемориальные практики в этом смысле почти всегда являются попыткой сохранять «живую» память, вписав прошлое, если использовать типологию Хейдена Уайта, в романтический сюжет, где добродетель торжествует над злом, всякая смерть достойна уважения и памяти, а совместные испытания сводят на нет индивидуальные расхождения⁵³. За редким исключением, вроде мемориала ветеранам Вьетнама в Вашингтоне, во всех них неоднозначности и противоречия разрешаются в почитании и вере, объединяющих всех участников⁵⁴. Также они формируют социальный контекст «индустрии наследия», по удачному определению Дэвида Ловенталя. Речь идет о поразительном изобилии стимуляторов ностальгии — товарах, фирмах и практиках, которые создают и воспроизводят память о прошлом посредством коммерциализации артефактов и памятных мест (что особенно характерно для США), вновь и вновь актуализируя опыт прошлого, например Гражданской войны⁵⁵.

Так называемые исторические фильмы тоже играют здесь немалую роль, поскольку пленка способна восстановить прошлое в самых мелких деталях. Джей Уинтер (*Jay Winter*) в книге *"Sites of Memory"* («Места памяти») анализирует фильм Абеля Ганса (*Abel Gance*) *"J'Accuse!"* («Я обвиняю!», 1919 год), где главный герой призвал павших воинов восстать из могил, вернуться в свои дома и вочию убедиться, не напрасно ли они жертвовали собой⁵⁶. Похожий вопрос, с некоторыми нюансами, задает и режиссер Стивен Спилберг (*Steven Spielberg*) фильмом «Спасти рядового Райана»⁵⁷. В этой и иных формах подобные продукты «индустрии памяти» (очень успешной) одновременно возбуждают и удовлетворяют стремление людей установить связи с прошлым, приписывая ему конкретное историческое значение.

Социальная память включает в себе множество эпистемологических и моральных проблем, то же справедливо и в отношении амнезии. Раз при помощи политики идентичности можно создать память как моральную практику, питающую политическое, культурное и социальное поведение, то, по замечанию Майкла Лэмбека и других исследователей, сопротивление практикам памяти — не менее мощный детерминант их морального, политического

и социального использования, особенно если сопротивление поддерживается архивами⁵⁸. Ряд антропологов культуры считают коллективную амнезию ключевой точкой так называемой этнографии памяти, в которой закрытые архивы и другие инструменты коллективной амнезии являются существенной частью попыток социума наделить прошлое определенной оценкой, чтобы сделать его пригодным для использования в своих целях. С точки зрения этнографии устройство общества зависит от того, как именно прошлое других становится реальностью индивидов, не переживших сопоставимый с этим прошлым опыт. И «забывание» здесь отлично срабатывает, потому что индивидуальные воспоминания не содержат никаких противоречащих свидетельств, недоступны такие свидетельства и в архивах⁵⁹.

Социальная амнезия в этом смысле может быть весьма плодотворна в политическом разрезе, поскольку она призвана скорее объединять общество, чем служить платформой для заявления прав или каких-либо еще форм политических действий. Умеренные формы социальной амнезии могут служить и основанием ностальгических жалоб на настоящее. Однако более серьезную проблему представляют здесь те коллективные реконструкции прошлого, которые намеренно и агрессивно «забывают» и уничтожают противоречащие им свидетельства. Как правило, к ним относятся оценка жертв как врагов с целью легитимировать — через практики социальной памяти — свои ценности. Балканские войны 1990-х годов вызвали к жизни «синдром врага» в социальной памяти: политически инспирированные этнические чистки были социально и культурно узаконены агрессией и конфликтами, якобы имевшими место в прошлом, а опровергающие это документы целенаправленно уничтожены⁶⁰.

Менее радикальные, хотя нередко и столь же кровавые примеры можно найти в большинстве обществ и культур, где коллективные воспоминания создают идентичности и традиции конкретной государственности: позиционирование коренных американцев как «краснокожих» и «дикарей», извращенная демонизация евреев и турков в Европе, отношение японцев к корейцам и китайцам и, наконец, Советский Союз с его репрезентацией и судьбами кулаков, «буржуев» и других «врагов народа». Публичные обвинения 1930-х годов, наряду с другими ужасными последствиями, способствовали искажению прошлого и тем, что переводили установившиеся отношения между людьми, даже между детьми и родителями, в глубокие социальные конфликты⁶¹.

Социальная память и архивы

Когда частное «повествование» превращается в законченную социальную «историю», а конкретный прожитый («исторический») опыт уже вписан в историческую ретроспективу, предметы личных воспоминаний становятся социальными объектами. Они обретают категориальное значение и, следовательно, переходят в разряд исторических авторитетов для архивов как признанные элементы важного прошлого. Представлены ли эти предметы в официальных архивных институциях или нет, спрос на архивы есть всегда: они обеспечивают валидизацию «совместной» истории.

Говоря просто, социальная память приобрела, таким образом, особую значимость для современных архивов и архивных практик отбора и представления документов. Архивные практики, конечно же, в разных учреждениях отличаются, но в целом, когда документальные собрания уже сформированы и идентифицированы, «множественность» прошлого получает иной, специфический смысл. Возникающие при этом категории могут отражать потребности в идентичности, виктимизации, триумфе, героизме и поражении, равно как и политические стратегии. Тем не менее «хранимые» и «забытые» обществом события могут, по большому счету, иметь мало отношения к свидетельствам, собранным и описанным в архивах, особенно в тех, которые представляют доминирующие институты власти⁶². Дневники и подобные им мемориальные материалы, обнаруженные в недавно открытых архивах СССР, оказались не «на своих местах»: нашедшие их исследователи при поиске руководствовались совсем иными причинами, чем те, по которым они были взяты на хранение.

С похожим столкнулись американские историки, отыскивая материалы о коренных американцах, которые были собраны и хранились в Бюро по делам индейцев, так как военные операции администрации резерваций имели статус важных. В свете роли архивов в этом процессе вопрос о цели отбора и принципах категоризации и описания документов следует отделять от самого факта хранения документов. Архивные практики влияют на память через актуальные авторитеты с их привилегией определять, какие материалы хранить и как. Здесь потребности или задачи социальной памяти могут быть упорядочены в жестких описательных системах, утрачивающих ценность с переменной контекста. Например, во многих советских архивах «враги народа» были авторитетной категорией классификации документов. В других хранилищах эту

же роль выполняли (и выполняют) «еретики», «подрывные элементы», «контрреволюционеры» и — относительно свежее определение — «террористические организации»⁶³.

Социальная память оказывает влияние и на «амнезию» в архивах. В какой-то степени это можно уподобить амнезии в медицинском смысле — как групповому способу осознать опыт, слишком драматический для осмысления: его, следовательно, невозможно встроить в уже знакомые социальные нарративы. В этой ситуации амнезию можно представить своего рода социопсихологической адаптацией сообществ, их способом справляться с обстоятельствами, подобно амнезии у отдельных людей, которая позволяет избежать разрушительных последствий травмы. Однако, опять же, роль архивов в обработке материалов о социальной травме напрямую обуславливает процесс адаптации. Так, решение закрыть документы по немецким концентрационным лагерям более чем на пятьдесят лет обосновывалось, в числе прочего, тем, что немецкое общество просто-напросто не было готово «обрабатывать» последствия событий, описанных в этих материалах.

Социальная амнезия в архивах также напоминает, хотя и в другом ключе, попытки индивидов «пере-вспомнить» агонии, страхи и мучения травматических моментов, заменив их «причесанными» героическими картинками. «Пере-вспоминание» в этом смысле не равнозначно амнезии: опыт не забывается совсем, однако его подменяют более приемлемыми нарративами. У ветеранов боевых действий страхи, связанные с гибелью в бою, нередко оборачиваются отчаянной храбростью. Красивые военные фотографии вычищают запачканные одежды реального военного опыта⁶⁴. В обществах подобных американскому эта форма социальной амнезии весьма эффективно помогала сохранять понятия расовых различий и официальных институтов дискриминации. Например, коллективной памяти о линчеваниях было отказано в ее моральных основаниях. Эти элементы маскарада вуалируют индивидуальные или социальные конфликты для тех участников или даже просто свидетелей ужасных событий, которые терзаются муками совести, а для их жертв это способ затушевать драму своего опыта ради выживания в обществе.

Роль советских и других архивов в оформлении социальной амнезии поднимает еще один вопрос: как коллективные социальные репрезентации и их архивные категории связаны с актуальными задачами управления. Не будет преувеличением сказать, что в Советском Союзе коллективное «пере-вспоминание» явля-

лось ключевым элементом коммунистического режима. Почти сразу после захвата власти большевиками личные воспоминания стали социально опасными. А с укреплением сталинизма в конце 1920-х годов риск достиг абсолюта. Советское общество, по замечанию Луизы Пассерини (*Louisa Passerini*), «принудили к амнезии», ибо притязания сталинизма на легитимность существенно зависели от «пере-вспоминания» индивидами того, что было, в пользу того, что должно было быть, и, особенно, в пользу светлого будущего, которое, согласно логике и самой природе официальных нарративов, вот-вот готовилось наступить. Прошлое могло структурировать и легитимировать будущее только в той мере, в какой официальные конструкты советской социальной памяти были по меньшей мере молчаливо одобрены, если не тотально усвоены. Чтобы обеспечить адаптацию этих конструктов, привлекалось множество институциональных ресурсов и тратилось огромное количество энергии. В итоге сталинистская социальная память в буквальном смысле превратила личные воспоминания, не говоря уже о дерзких попытках отыскать им архивное подтверждение, в преступление⁶⁵.

Таким образом, социальная память во всем разнообразии ее практик — это не некая магически образованная совокупность идей или образов, а социокультурный артефакт сам по себе, воображаемая «реальность» прошлого, которая социально и культурно озвучивается и сохраняется⁶⁶. Следовательно, ее элементы можно и должно сохранять в ряду других социально значимых материалов. Однако, поскольку социальная память в лучшем случае является производной лишь небезупречно зафиксированного прошлого и отражает процесс приобретения социальными группами антропоморфных черт (или навязывания им таковых) в репрезентациях, ее сущностные качества невозможно проверить архивными способами. За исключением личных чувств привязанности или социальной принадлежности, социальная память очевидно не физиологична. Она включает создание артефактов коллективной памяти с помощью прескриптивных практик, связывающих, говоря в терминах Бахтина, внутренне убедительное с социально авторитетным⁶⁷.

Однако можно ли использовать эти авторитеты, чтобы задавать конкретное направление деятельности архивных практик? В качестве органической метафоры социальная память проецирует на индивидов и группы некий набор социокультурных значений, обладающий авторитетом и объединяющей силой. При этом она

обосновывает и легитимирует социальные структуры и институты, которые отражают и выражают ее значения. Архивы могут стать опорой такой валидации, если практики отбора и репрезентации фондов в том или ином смысле наделяют аутентичностью доминирующие тропы мемориальных нарративов.

Так произошло со старыми архивами, например советскими, и с недавно организованными хранилищами, такими как архив Южно-Африканского национального конгресса (*African National Congress; ANC*), который был создан отчасти для того, чтобы сохранять память молодого государства Южной Африки о прошлом, легитимирующим его образование⁶⁸. В этих и других случаях может оказаться, что личным воспоминаниям крайне трудно открыто конкурировать с памятью, зафиксированной — в прямом и переносном смысле — в архивах. Если индивидуальные свидетельства, выдвинутые архивными способами на первый план, придают форму коллективным смыслам и пониманию, то коллективные смыслы, не подкрепленные архивной «верификацией», требуют от индивидов «знать», что «значил» их прошлый опыт. Следовательно, историческая правда (будь она коллективная или индивидуальная, документально подтвержденная или нет), явленная нам через призму коллективной памяти, опирается на веру, чувства и — не в последнюю очередь — на сам факт принадлежности. Если индивиды настаивают, что прошлое, каким они его помнят, рисует им иную реальность, чем та, которую архивы коллективной памяти преподносят как истинную, это не только подрывает саму общность, но еще дальше загоняет несогласных индивидов в психологическую, социальную и, часто, политическую изоляцию, иногда со смертельным исходом.

В авторитарных обществах, да и в более открытых тоже, этот конфликт, безусловно, влечет за собой уничтожение конкурирующих воспоминаний, но не только ради сохранения режима. Индивиды не способны управляться с социальными институтами и системами своего общества, если их воспоминания о том, «как это было на самом деле», кардинально расходятся с общепринятыми социальными представлениями, получившими, как считается, архивное подтверждение⁶⁹. Тем не менее верификация социальной памяти в архивах проблематична по самой своей сути. В основе практик социальной памяти лежит «общий» опыт изобретенных традиций, независимо от его «правдивости». «История» мобилизована в архивах социальной памяти в презентистских и научных целях, то есть политически чувствительна.

«Правды» социальной памяти могут, таким образом, иметь большое архивное значение. Они способны влиять на социальные и исторические авторитеты, причем это влияние нередко противоречит заданным иерархиям архивных описаний в части обработки документации. Если репрезентации коллективной памяти создают какое-то «полезное» прошлое и в архивах обнаруживается их документальное подтверждение, они вполне могут оказаться исторически недостоверными с иных точек зрения. В то же самое время сохраненные в социальной памяти идентичности, которые лежат в основе авторитетов, используемых для отбора и описания архивных материалов, легко забываются, если в ходе архивной обработки не получают надежного подтверждения. Именно так архивы косвенно определяют, что индивидам и группам помнить, а что забывать.

Однако в отличие от амнезии у людей архивы «забывают» прошлое не потому, что их подводит память. Провалами памяти они не страдают. Но у них есть процедуры ограничения доступа, которые в крайнем случае можно изменить так, чтобы затушевать неудобные аспекты прошлого или косвенным образом вымарать их вовсе⁷⁰. Например, в архивах послевоенной Германии на удивление подробные материалы об ужасах фашистских концлагерей были «забыты», поскольку публичный доступ к ним был закрыт долгое время, — так власти пытались ослабить послевоенный социальный конфликт и помочь восстановлению государства.

Здесь встает еще один вопрос, тесно связанный с предыдущими: как доступ к архивам может сказаться на самой репрезентации социальной памяти. Проблема с прошлым в социальном плане заключалась, согласно бородатой антисоветской шутке, в том, что оно всегда такое непредсказуемое. Роль архивов в этом разрезе является одной из самых запутанных проблем, потому что сама по себе память — это веское притязание на правду. Для историка, как и для архивиста, социальная амнезия поднимает масштабные вопросы социальной идентичности и политической легитимности, а также вопросы базового характера — об исторических свидетельствах и значениях.

Есть еще один аспект проблемности социальной памяти для архивов и архивистов — это их причастность к созданию и утверждению в обществе доминантных мифов и коллективного сознания. Любой архив существует постольку, поскольку удовлетворяет потребности своих учредителей, независимо от общественного или частного характера этих потребностей. Однако в то же самое время,

несмотря на зависимость от учредителя в плане финансирования или иных форм материальной поддержки, архивист не свободен от ответственности принимать ключевые решения по указанным вопросам. Даже в авторитарных обществах архивная оценка и отбор документов непременно оставляют архивистам определенную степень свободы выбора. Они имеют возможность собирать, каталогизировать, откладывать в запасники или даже уничтожать материалы или ограничивать к ним доступ, пока не поступит прямого указания этого не делать. Документы политических диссидентов или оппозиционных движений изначально разыскивались из соображений слежки, но решения об их дальнейшем хранении обязательно учитывали возможность появления в будущем альтернативных нарративов. В более демократичных режимах, где государственные архивы официально служили публичным интересам, понимаемым весьма широко, архивистам пришлось столкнуться с куда более серьезным вопросом: что лучше удовлетворяет потребности общества — государственные архивы или разнобразие частных архивов, представляющих разные точки зрения на прочтение прошлого.

И в данном контексте тесная связь между социальной памятью и политикой идентичности превращается в проблему для архивов, особенно для исторических, претендующих на более широкую, объективную политическую роль. Архивы могут создаваться и развиваться в силу причин, не имеющих почти или совсем ничего общего с использованием и формами социальной памяти. Поэтому, конечно, важно, чтобы практика формирования документальных и других фондов никак не зависела от того, кто и как их впоследствии прочитает. Хотя историкам предписывают «держаться в стороне от страстей политики идентичности, даже если [они] их разделяют», дабы максимально сохранить объективность, которой требует академическая историческая наука, серьезные историки лучше других осознают редуктивную в историческом плане природу национального или этнического мифов или мобилизирующую роль мифотворчества как такового, даже в разгар конфликтов вокруг социальной, этнической или национальной идентичности⁷¹.

Новые исторические парадигмы, возникшие в связи с проблемами расы, этничности, гендера и, например, империи в тот момент, когда историки отошли от традиционных понятий исторического авторитета, опровергали историческую редукцию имплицитно и делали это весьма явно, когда серьезные историки соткали из своих собственных архивных свидетельств убедитель-

ные альтернативные истории. К сожалению, даже самые успешные из этих попыток временами пресекались аутентифицирующей силой памяти, независимо от точности воспоминаний. Заявление «я там был, я знаю» почти всегда оказывается более весомой заявкой на правду, чем самая основательная оппозиционная грамматика архивных ссылок.

Архивы и архивисты, следовательно, являются ключевым и одновременно спорным звеном между историей и памятью. На их территории материализуются абстракции социальной памяти, а их практики подтверждают и узаконивают конкретные виды коллективного понимания. Служат ли они обществу, государству или частным интересам, их практики отбора и описания неминуемо влияют на концепты и категории, которые привлекают «хозяева» архивов, придавая форму коллективной памяти и повествуя о прошлом. Эти практики в буквальном смысле создают и воссоздают прошлое, как посредством решений, связанных с документами, так и с помощью собственно содержания этих документов. И здесь явно и в обязательном порядке берется на вооружение селективное «забывание», равно как и селективное «вспоминание», потому что выбор и решения архивиста определяют, какие именно сведения о прошлом будут задокументированы или канут в Лету. Когда «мистические струны» памяти вступают в противоречие с ведущими нарративами, а новые интерпретации уходят от общепринятого понимания природы прошлого и утвержденных исторических оценок, значение самих архивных источников ставится под сомнение.

Учитывая практики социальной памяти, архивы во всех упомянутых смыслах не более инертны и не менее избирательны, чем воспоминания отдельных людей. И у тех и у других, по мнению Деррида, лихорадочное стремление открыть правду постоянно борется с тенденцией к ее сокрытию. Архивы, подобно личным воспоминаниям, часто содержат информацию, резко отличающуюся от доминирующих исторических представлений, и это только еще больше утверждает их важность как институтов, которые направляют коллективное понимание прошлого, обоснования настоящего и (не в последнюю очередь) образы будущего. Следовательно, едва ли удивительно, что спорные нарративы памяти и истории естественным образом выводят нас к спорным источникам и к спорным авторитетам самих архивов.

Глава 7

Оспариваемые архивы и оспариваемые источники

В начале 1993 года Национальный музей авиации и космонавтики Смитсоновского института в Вашингтоне начал готовить выставку, на которой планировалось продемонстрировать “Enola Gay” — бомбардировщик, сбросивший первую атомную бомбу на Японию. Выставка должна была открыться в 1995 году. Директор музея Мартин Харуит (*Martin Harwit*) и его коллеги хотели при помощи архивных документов описать, какое влияние оказала эта бомбардировка на окончание войны, на ее последствия и на начало «холодной войны». Завершилось это начинание весьма спорно. Буквально через несколько месяцев “Air Force magazine”, журнал Ассоциации ВВС США, получил от летчиков, служивших на бомбардировщиках В-29, обращение, где излагалось, как, с их точки зрения, должна быть представлена бомбардировка Хиросимы. Вскоре в музей была направлена петиция с более чем 5 тысячами подписей, в ней требовали, чтобы самолет демонстрировался «с гордостью»¹.

Дальнейшая дискуссия об “Enola Gay” разворачивалась вокруг описательных и аналитических текстов, которые Смитсоновский институт готовил для своей выставки. Стремясь к сбалансированной интерпретации, создатели выставки включили в нее материалы, касающиеся опустошительных последствий этой бомбардировки, а также ее последствий для истории послевоенного мира. Члены конгресса затребовали копии этих текстов. Затем тексты стали доступны и для прессы. Вскоре ряд влиятельных организаций, в числе которых были Ассоциация ВВС и Американский легион, выступили с резким осуждением планируемой выставки. Двадцать четыре члена конгресса выразили «глубокую обеспокоенность» по поводу того, что на этой выставке Япония будет представлена «скорее невинной жертвой, чем жестоким агрессором». В свою оче-

редь, на защиту музея встали ряд американских историков, но это лишь усугубило разногласия. Научные усилия кураторов выставки, стремившихся воссоздать «полную» и «непредвзятую» версию прошлого, натолкнулись на мощное политизированное презрение.

Многим попытки кураторов «децентрировать» доминирующее понимание этой бомбардировки, продемонстрировав ее ужасающие последствия, казались чем-то выходящим за пределы современной и исторической морали, толкуемой как «обязанность» государства чтить память своих солдат. В сентябре 1994 года сенат единогласно принял резолюцию, в которой планируемая выставка называлась «ревизионистской и оскорбительной». Таких уважаемых ученых, как Бартон Бернштейн (*Barton Bernstein*), Роберт Джей Лифтон (*Robert Jay Lifton*) и Мартин Шервин (*Martin J. Sherwin*), обвинили в том, что они «ревизионисты», оскверняющие память о жертве, принесенной американским народом. Гар Алперовиц (*Gar Alperovitz*) из Мэрилендского университета был объявлен «отцом ревизионистской теории». Вскоре после этого, в январе 1995 года, 81 член конгресса потребовал отставки Мартина Харуита. Спустя неделю выставка была отменена².

Обвинения были сопряжены главным образом с вопросом о том, насколько моральна «беспристрастность» позиции Смитсоновского института. Требования широкой общественности чтить героическую память столкнулись со столь же неколебимой уверенностью ученых в необходимости блюсти историческую объективность и демонстрировать наличие разных пониманий и интерпретаций. Для нас в этом эпизоде также важен тот момент, что здесь ясно видно, как репрезентации социальной памяти закрепляют господствующие нарративы с их способностью сопротивляться самой идее «множественности» прошлого. С точки зрения организаций, особенно ветеранских, и их сторонников в конгрессе, эта выставка извлекла основанные на архивных документах интерпретации бомбардировки из этической и политической определенности 1945 года и перенесла их в аморальность и нестабильность 1990-х.

Таким образом, выставка Смитсоновского института подняла ключевые вопросы концепции архивов. Здесь проявилось то, что, по мнению некоторых, является упадком постмодернизма, и в ярчайшей форме было продемонстрировано, как исторические артефакты сами по себе (а равно и их хранилища) могут превратиться в крайне спорные объекты³. Одним из результатов этой полемики стало создание нового электронного архива, посвященного

“Enola Gay”, который спонсируется и поддерживается Ассоциацией BBC. Этот архив был создан для того, чтобы в соответствии с собственным нарративом Ассоциации о бомбардировке продемонстрировать «настоящий» героизм и рассказать, как все «было на самом деле»⁴. Эта выставка, таким образом, отразила и еще более глубокие и сложные вопросы, касающиеся источников и архивов и характеризующие этот «архивный раскол».

Насколько, например, «нейтральны» любые архивные источники с точки зрения способов продуцирования знания? Насколько незначим в этом смысле архив как таковой? И самое главное — в какой мере знание о прошлом создается непосредственно «обнаружением» документов? Иными словами, в какой мере справедлива мысль, что смысл и ценность источников создаются заинтересованным историком и деятельным архивистом, а не являются имманентным свойством источника, которое просто должно быть открыто?

Эти и другие сложные вопросы возникли особенно остро в связи со стремительным ростом числа «архивов идентичностей» (*identity archives*), организованных вокруг определенных нарративов или социальных групп. Подобно архиву “Enola Gay”, эти новые хранилища преобразуют сущность самой концепции архива, который из незаинтересованного заведения для хранения документов превращается в оспариваемое и даже спорящее пространство. Помимо углубляющегося «архивного раскола», все более существенной темой разногласий среди историков и архивистов становится природа документирования и его значение, а равно значение самого архива как института со своей специфической историей, своей политикой и своей деятельностью, определяющими итоговый состав собрания. Хорошие историки и архивисты всегда осознавали, что споры о том, как должно описываться прошлое, — это споры в том числе и о природе и значении источников; новым в этой дискуссии явился вопрос о том, каким образом историческое исследование может поколебать представление об архивах и архивистах как о «нейтральных» инстанциях.

Дискуссия вокруг “Enola Gay” продемонстрировала, что оспариваемые архивы — это значит и оспариваемые источники, и подняла вопрос об архивах как «агентах» и даже «авторах» своих документов. Кроме того, в рамках этой дискуссии были вновь подняты вопросы по центральной для «архивов идентичностей» проблеме: к каким авторитетам традиционно прибегали при оценке и классификации документов и требуют ли теперь новые и мно-

жественные истории своей собственной системы авторитетов и источников. Это, в свою очередь, породило дополнительную полемику о том, как могут и должны использоваться архивные источники: данный вопрос к тому времени уже поднимался в рамках дискуссии о работе с архивами принстонского историка Дэвида Абрахама (*David Abraham*). В основе всех этих вопросов лежит проблема, которая может считаться самой главной в дискуссии об «архивном расколе»: не должны ли архивы как институты быть «прочитаны» и осмыслены с точки зрения того, как и почему они собирали свои материалы, и не должно ли такое прочтение уделять внимание не только непосредственно документам, но и институциональным формам.

Чтение архивов: текстура архива

В «постхранилищную» (*post-custodial*) эру, когда профессиональные потребности и интересы архивистов и историков в существенной степени разошлись, исследование в любой исторической области требует от ученого усилий по выяснению того, как и почему были собраны источники, которыми он пользуется, о чем они свидетельствуют как прямо, так и косвенно, какие социально-культурные и социально-политические нормы стоят за их возникновением и, наконец, что может значить их молчание? «Архивный раскол» развел сферы интересов историков и архивистов. Хотя оба этих научных сообщества неоднородны, и хотя отдельные голоса по-прежнему стремятся быть услышанными по другую сторону пропасти, сам дискурс управления документами имеет мало общего с постколониальными и гендерными исследованиями, изучением повседневности и социальной идентичности, с «новой политической историей», в рамках которых местоположение власти порой имеет не меньшее значение для интерпретации, чем ее применение.

Таким образом, вполне очевидно, что архивный раскол оставил многих историков и архивистов с совершенно разным пониманием того, что такое архив и каковы значение и природа архивных источников: как институций и как свидетельств, как суммы практик и как источников смысла. Историки обычно приходят в архив с намерением рассказать некую историю или подкрепить какую-то интерпретацию. Их исследование направлено на то, чтобы поместить документы, которые они ищут, в какие-то более широкие

нарративные и концептуальные рамки, пусть даже эта концептуализация часто не вполне продумана и не вполне ясно выражена. Добросовестные историки исходят из того, что история должна оформляться не исходя из некоего представления, а в ходе изучения материалов, то есть, в первую очередь, в ходе архивных изысканий.

Именно в свете такой позиции многие историки согласятся с замечанием Кэролин Стивдман (*Carolyn Steedman*) о том, что архивы сами по себе остаются, в общем-то, инертными и нейтральными, пока историк не вплетет их документы в ткань исторического повествования. С ее точки зрения, то, что документы открывают о прошлом, «не является *частью* событий, о которых рассказывается. Рассказывание — это всегда нечто отличное от того, *что произошло* (что бы это ни было)»⁵. Однако, с нашей точки зрения, Стивдман, как и многие другие, игнорирует здесь тот факт, что доступ к источникам дает возможность выявить их смысл только в том случае, если историк понимает, чем собственно занимались архивы и архивисты, и представляет себе исторические контексты, в которых сформировались эти архивы и хранящиеся там источники⁶. Хороший историк, работая в архиве, особенно государственном, может понять, что архивные жанры и конвенции влияют на то, какие источники будут ему там доступны и какая информация будет там представлена. Другой вопрос: поймет ли он архивные практики, вызванные к жизни этими конвенциями, «динамику» архива?

Например, историки понимают, что отсутствие каких-то документов в архиве точно так же производит знание, как и их наличие. Однако интерпретацию структурирует не только отсутствие документов как таковое, но и более широкий набор процессов и институциональных установок, определивших то, каким образом формировался этот архив. Сама природа архива характеризуется не только формами документации, спецификой доступа и особенностями хранящихся в нем документов, но и его внутренними процессами и политикой. Хотя доступ к архиву уже предоставляет ученому, способному критически использовать источники, привилегированные условия для интерпретации, но исследователь, кроме того, должен осознавать, каким образом эти источники собирались, оценивались и описывались, если он рассчитывает прийти к выводам, отличным от тех, ради трансляции которых это собрание создавалось.

Архивы во всех этих отношениях ничуть не более инертны и несколько не менее избирательны, чем личные воспоминания или

отдельные ученые с их предпочтениями. В обеих этих сферах дерридианская «лихорадка обнаружения» (*fever to uncover*) ведет непрестанную борьбу со склонностью «упорядочивать» прошлое и с соответствующими институциональными практиками. Архивы так же, как отдельные ученые, очерчивают возможные способы понимания прошлого, пусть даже архивный «нарратив» куда сложнее прочитывается. То же можно сказать и о том, как документы оцениваются и обрабатываются архивами: архивы, как и отдельные историки, приписывают своим источникам какие-то конкретные смыслы и организуют документы таким образом, что возможные вопросы и даже возможные ответы оказываются заложены в саму структуру фондов.

Антрополог Энн Стоулер (*Ann Stoler*) описала этот процесс как формирование «текстуры архива» — так сказать, «текста» развития архива, который должен быть прочитан так же внимательно, как и сами документы. Внимательное чтение *вдоль* текстуры — единственная возможность для историков действительно понять те более широкие смыслы, которые архивы привносят в свои источники, то знание, которое производится непосредственно развитием архива. Аналогичным образом чтение *поперек* текстуры — путь к тем знаниям, которые скрывались или искажались при создании этого архива⁷.

Стоулер разрабатывала идею текстуры архива в пространстве колониальных и постколониальных исследований, где она вместе со своими коллегами пыталась выявить и проинтерпретировать те аналитические категории, которые имперская власть навязывала своим колониальным подданным, а следовательно, и администрации колониальных архивов. Томас Ричардс (*Thomas Richards*) и Николас Деркс (*Nicholas Dirks*) использовали предложенную Стоулер концепцию, чтобы продемонстрировать, как под влиянием «ориенталистских» представлений сформировались категории, лежащие в основе создания и организации документов⁸. Одним из существенных достижений этих исследователей является то, что им удалось описать политические и культурные условия, в которых происходило создание определенных типов колониальных документов. Кроме того, они продемонстрировали, что в архивах, посвященных управлению колониями, собрание редко бывает случайным, даже если кажется таковым, когда архивы и сами собрания никак не упорядочены. Формы передачи, обоснования, объяснения, презентации, оценки, компиляции, категоризации, обобщения — все эти повсеместные атрибуты ведения документации — вырастают из

конвенций и ожиданий, укорененных в культурах, к которым принадлежат индивиды и институты, как ведущие записи, так и обрабатывающие и хранящие документы. Другими словами, архивные записи, равно как и сами архивы, создаются на базе укорененных в культуре конвенций и ожиданий.

Текстура архива легче всего может быть прочитана в том случае, когда исследователь разделяет базовые конвенции рассматриваемого архива и интересуется ими как частью контекстов, в которых они возникли⁹. Когда ученые обращаются к архивным материалам с вопросами, идущими вразрез с этими конвенциями и допущениями, процесс становится сложнее. Здесь исследователь должен более ясно представлять себе, что разделяемые им конвенции могут отличаться от тех, которые лежат в основе анализируемого архива, а также понимать, каким образом и вследствие каких процессов архив отражает разные и противоборствующие исторические и современные конвенции. Такого рода чтение «поперек текстуры» особенно сложно в тех случаях, когда исследователь стремится обнаружить смыслы или голоса, противоречащие концептуальным предпосылкам данного архива.

Николас Деркс прекрасно демонстрирует эффективность такого рода усилий в своей работе *“Castes of Mind”* («Касты духа») — исследовании изменений, происходивших в культуре ведении документации в Британской Индии. Дерксу удалось продемонстрировать, как первый этап этого процесса отражал культуру Ист-Индской компании, интересы и практики которой наложили ряд корпоративных конвенций на производство и организацию информации. Эти конвенции впоследствии были вытеснены конвенциями колониального государства, которое изначально возникло для поддержки торговых монополий, но впоследствии стало нуждаться в видах и формах знания, отвечающих его собственным амбициям, и которое было вынуждено установить систему общественных норм для империи, «подчинившей историю соблюдению морального кода метрополии»¹⁰. В ходе этого процесса сложился особый вид бюрократии, призванной поддерживать представления о суверенитете колоний, вместе с их архивами, разумеется. Эти концепции и категории задействуются, когда архивисты оценивают, соответствуют ли документы той или иной категории информации, которая считается нужной, а значит, «важной». Деркс определяет этот процесс как одно из проявлений колониальной «правительственности архива»¹¹.

Деркс продолжает исследовать то, каким образом Британская империя впоследствии пришла к осмыслению своей индийской

колонии через категорию иерархии, созданную ею и затем отраженную и воспроизведенную в архивных собраниях. В ходе этого описательные категории, накладываемые на архивы, заглушают голоса, которые предполагалось фиксировать, поскольку при этом колонизаторские представления об устройстве и структуре общества подменяют собой понятия, возникшие в рамках местной истории и социальной системы. Деркс сосредоточил свое внимание на коллекции «ориентальных рукописей, посвященных жизни и литературе Южной Индии», собранной Колином Маккензи (*Colin Mackenzie*) и в настоящее время хранящейся в Государственном архиве (*Public Records Office*) в Лондоне. В своем анализе этой коллекции Деркс отмечает, что когда местные документы собираются и помещаются в архив, они не только оказываются под влиянием интересов и ценностей местных агентов, «но и переносятся из местного контекста в колониальный. Все те разнообразные голоса, силы и модусы авторизации, которые были задействованы в создании архива, заглушаются, а потом совсем утрачиваются, когда входят в состав нового колониального архива»¹².

Будучи достаточно специфическим типом институционального хранилища, Британский колониальный архив тем не менее отражает тенденцию, свойственную всем архивам, заранее создавать картину как настоящего, так и будущего. В ходе обработки материалов эти подспудные предпосылки и представления создают категории, в свете которых источники и обретают свое историческое значение. Мишель де Серто пришел к аналогичным выводам относительно исторического повествования. С его точки зрения, исторический дискурс придает себе правдоподобия за счет реалий прошлого, которые он пытается репрезентировать, но эта «узаконенная иллюзия “реального”» лишь прикрывает собой повествовательные конвенции, допущения и практики, определяющие то, как этот дискурс производится и понимается¹³. Учтя роль архивной текстуры в этом процессе, мы сможем глубже понять, что нарративные структуры, используемые историком, также отражают те, что в какой-то мере создаются самим архивом, с его способами обработки и презентации источников. В случае с государственными архивами сам архив дает привилегию тем властным отношениям, политическим принципам, структурам и деятельности, документы которых он как государственная институция счел достойными сохранения. Но негосударственные архивы в этом отношении ничем не отличаются от государственных. Они тоже призваны создавать (или абсорбировать) концептуальные

категории, вносящие смысл, и определять то, каким образом может быть проанализировано то прошлое, о котором они свидетельствуют. Соответственно, архивы как институты должны читаться столь же критично, как документы, которые в них хранятся, и нарративы, создаваемые теми, кто этими архивами пользуется.

Накладывает ли это на архивиста какие-то специальные ограничения, вроде требования научной объективности, которому якобы подчиняются историки? Должны ли архивисты обеспечивать многообразие памяти и понимания, прибегая к стратегиям, идущим вразрез с текстурой архива? Должна ли вся концепция *происхождения документов* быть переосмыслена как препятствие на пути к сохранению прошлого в его разнообразии? И если государственные архивы, закрепляя практику приобретения и сохранения источников определенного типа, по-прежнему служат тому, чтобы представлять некие варианты понимания истории как «естественный» путь развития общества, то не должны ли они противостоять этому упрощению и прилагать систематические усилия по минимализации его последствий? Идет ли речь просто о понятии человеческого фактора, нашедшем отражение, например, в Президентских архивах США, или о естественной и прогрессивной концепции в развитии американской историографии?

Наш ответ на вопрос, должны ли государственные архивы бороться со своим устройством: не обязательно. Что действительно необходимо, так это чтобы историки и другие исследователи, работающие с архивом, были способны адекватно его читать. Например, ученые, занимающиеся исследованиями угнетения, подобно Энн Стоулер и другим историкам колоний, особенно остро ощутили ту проблему, которая создается текстурой архива, и достигли исключительного мастерства в преодолении создаваемых ею препятствий. Флоренция Мэллон (*Florence Mallon*), исследовавшая развитие постколониального государства в Мексике и Перу, подчеркивает, что понимание этих процессов требует «выкапывания их из-под господствующих дискурсов, подавляющих их», с опорой в первую очередь на местные муниципальные архивы и другие региональные хранилища, а не на архивы, близкие к центральной администрации¹⁴. Исследователи, занимающиеся историей коренного населения Америки, изучали и официальные источники и сборники, выявляя голоса, заключенные в официальных документах¹⁵. Аналогичным образом такие историки Латинской Америки, как Джеймс Сэндерс (*James Sanders*) и Ребекка Скотт исполь-

зовали, на первый взгляд, вполне конвенциональные источники, но внимательно читали их *поперек* текстуры и обнаруживали в них значимую информацию, которую никто не намеревался в них закладывать. Кроме того, для такого рода историков нередко более ценными оказываются не вполне упорядоченные, менее «обработанные», а потому несколько отстоящие от архивных конвенций документы: работать с такими документами сложнее, но усилия окупаются¹⁶.

Во многих случаях исторически важные голоса вообще никак не отражаются в архиве, порой это происходит вследствие сознательного утаивания. Эти проблемы вполне очевидны, когда речь идет о закрытых архивах, созданных при недемократических режимах, однако в таких открытых обществах, как США, где принципы классификации документов куда менее прямолинейны, они стоят в каком смысле еще острее. Например, в Советском Союзе западные историки обычно получали документы после того, как архивисты тщательно проверили, использовались ли уже эти документы официальными советскими учеными. Документы выдавались в специальных читальных залах для иностранцев, и исследователи в такой ситуации практически всегда понимали, что перед ними результат выборки, и тщательно изучали эти тексты, чтобы понять, насколько достоверны эти свидетельства.

В якобы открытых архивах более свободных стран причины, по которым те или иные материалы скрываются, куда менее очевидны. Хотя сама идея может показаться несколько парадоксальной, однако в свободных обществах ограниченный доступ к источникам, засекреченным в целях государственной безопасности, такая же обычная практика, как в обществах авторитарных, где лишь некоторые ученые имеют возможность работать с архивами. На архивные документы, опровергающие национальные мифы или ключевые элементы коллективной памяти, могут накладываться ограничения, не имеющие никакого отношения к тайне личной жизни или государственной безопасности. В советских архивах документы считались «особо ценными», если в них хоть как-то упоминались Ленин и Сталин или содержался неоднозначный материал, и допуск к ним ограничивался. Огромные фонды, посвященные, например, таким оппозиционным партиям, как партия меньшевиков, или устранившимся лидерам большевиков — Троцкому или Бухарину, — были просто закрыты. В США полное засекречивание документов, имеющих отношение к государственной безопасности, и трудоемкость выявления материалов, действительно

требующих ограниченного доступа, в ряде случаев привели к тому, что устоявшиеся интерпретации никак не корректируются новыми документами. По этим причинам засекречивается огромное количество недавних документов госдепартамента, хотя их содержание может уже вовсе не быть сколь-либо секретным. В выпущенный в 2010 году Национальным архивом США (NARA) «Приоритетный план работы Национального центра по рассекречиванию информации» (*“National Declassification Center Prioritization Plan”*) вошел ряд фондов, ожидающих рассекречивания, в их числе фонды ЦРУ, армии США и Совета национальной безопасности. Девизом этого начинания стало: «Открывать все, что можно, беречь все, что нужно»¹⁷.

Многие историки, ища поддержки в разнообразных декларациях о свободе информации, обнаружили, что выявление источников, ставящих под сомнение господствующие национальные нарративы, в большей степени подтачивает доверие к правительству, чем угрожает безопасности государства. Вашингтонский архив национальной безопасности — пример учреждения, в задачи которого входит обнаружение такого рода контрнарративов¹⁸. После развала Советского Союза аналогичные законы о «свободе информации» были приняты в России, на Украине и в ряде других постсоветских республик, но еще важнее оказались парадоксальные последствия авторитаризма для советских архивов: там сохранилось огромное количество материалов, которые, вероятно, были бы уничтожены, если бы власть предрасполагала предположить, что архивы когда-нибудь откроются, — и эти документы вдруг оказались доступны полчищам ревностных исследователей. Однако открытие советских архивов и повсеместное расширение доступа к документам вследствие принятия законов о свободе информации не разрешили один из ключевых конфликтов, связанных с источниками. Многие самые интересные исследования, посвященные социальной и культурной истории, по-прежнему строятся на базе источников, которые прежде игнорировались и по большей части или даже полностью отсутствовали в традиционных системах каталогизации.

Историки порой пытаются «прочитать» это замалчивание в терминах социального и политического стирания — как проявление тех способов, при посредстве которых режимы и учреждения создают и отражают практики социальной, культурной и особенно политической маргинализации. Хотя тщательный анализ такого толка может быть плодотворным, однако более продуктивный (но и более трудный) путь — непосредственно исследовать контексты

и процессы, в рамках которых создавались архивы и архивные стратегии, и выяснять, как это сделала Энн Стоулер применительно к архивам Индии и Шри-Ланки, «какие категории оказались привилегированными и устойчивыми, а какие девальвировались или игнорировались»¹⁹. Как отметила Патриция Гэллоуэй (*Patricia Galloway*), принципы исключения и включения работают не только при составлении архивного собрания, но и при составлении самих документов, что требует «не меньшего понимания контекста, в котором они создавались»²⁰.

Подводя итог, следует отметить, что текстура архива, рождающаяся в результате всех этих процессов, устанавливает и воспроизводит определенные категории, в рамках которых происходит понимание истории и современности. В ходе формирования архива, как традиционного, так и электронного, строится концепция и самого архива, и учреждений, которые он поддерживает и которые его поддерживают, и воплощаются те категории, в свете которых осмысляются архивные материалы. Хотя эти категории могут казаться малопонятными историкам и другим пользователям архива, они тем не менее подводят исследователей к тем нарративам, которые заложены в целях и внутренних процессах этого архива. Эти нарративы определяются не только источниками как таковыми, сознательным исключением тех или иных документов, ограничениями доступа, но и разного рода допущениями, концепциями и установками, лежащими в основе формирования и процессов развития архива.

«Монументальные» архивы: споры об их назначении

То, каким образом формируется архив, — сущность его «текстуры» — часто отражается и в его внешнем виде, и в способах, которыми он получает источники того или иного типа. То, как архив собирает, обрабатывает и описывает документы, отражает определенную систему ценностей и утверждает определенное социальное и политическое устройство. Как сформулировал это Николас Деркс применительно к государственным архивам, «архив, являющийся в первую очередь строительной площадкой для государственной монументальности, — это институция, которая канонизирует, кристаллизует и засекречивает знания, необходимые государству, и в то же время делает эти знания доступными

последующим поколениям в культурной форме нейтрального хранилища прошлого»²¹.

Репрезентативные смыслы монументальных государственных архивов, таким образом, представляют собой в высшей степени спорную территорию, поскольку получение и сохранение определенного типа документов в конкретные моменты времени может существенно укрепить ту или иную систему социокультурных или политических ценностей. Например, когда Государственный архив Российской Федерации посылает грузовики к горящему зданию парламента, обстрелянному танками Бориса Ельцина в 1993 году, то таким образом русское Управление архивами публично выступает в поддержку постсоветской демократизации, несмотря на то, что документы были спасены в первую очередь потому, что правительство предполагало, что они могут пригодиться в тот момент, когда будут судить восставших депутатов. В США поступления в Президентские библиотеки, происходящие под административным контролем Национального управления архивов и документации и представляющие собой документы, отобранные для сохранения непосредственно Управлением, формирует устойчивое мнение о том, что все американские президенты как один достойны мемориального музея, как бы избирательны ни были сохраняемые документы²².

Начиная с середины XIX века самой важной концептуальной рамкой, структурирующей организацию и реорганизацию архивных коллекций, стал *принцип происхождения документов* (*provenance*) — система, устанавливающая связь между документами и процессами, разворачивающимися в современном национальном государстве. До этого исторические архивы были складами самых разных документов, содержание которых было известно преимущественно их хранителям. Во Франции в 1841 году было принято министерское постановление, которое архивист Мичиганского университета Нэнси Барлетт (*Nancy Bartlett*) тонко охарактеризовала как «прототекст» современного фондообразования. Постановление обязывало все государственные учреждения архивировать свои документы и предлагало схему организации и каталогизации материалов «для упорядочивания и классификации департаментских архивов»²³. Французы таким образом намеревались создать стандартные практики, которые бы сделали стремительно разрастающуюся государственную бюрократию более упорядоченной, эффективной и, возможно, более контролируемой. Стандарты, разработанные для хранения уже наличествующих

документов (управление которыми было изъято из юрисдикции французских местных архивов), также требовали нового поколения профессиональных архивистов, наученных работать с документами нового государственного устройства. Активно развивавшийся Французский национальный архив не только способствовал упорядочению государственного управления, но и укрепил современное представление о нации²⁴.

Французская практика стала моделью построения архивов в других странах. Архивисты в Европе, а впоследствии и в Северной Америке все чаще говорили о документах как о первичных источниках осознания нации, как о том «сырье», которое укрепит единый национальный нарратив²⁵. По мере того как государственные архивы стандартизировали свои практики и закрепляли свое владение материалами, широкое распространение, по аналогии опять-таки с Францией, получило намерение «опубликовать национальную летопись». В Германии, Франции, позднее в Советском Союзе публикация аннотированных сборников документов превратилась в основную функцию архивной и исторической науки, своей эрудицией поддерживавшей господствующий национальный нарратив. Того же толка научное знание приобрело еще большее значение в России после развала Советского Союза в 1991 году, когда новый поток тщательно подготовленных документальных публикаций, которые вновь якобы «говорили сами за себя», заложил основу для альтернативных национальных нарративов²⁶. Содержательно очень богатые и представляющие исключительную ценность для широкого круга исследователей, эти публикации по-прежнему обнаруживают институциональные эффекты дипломатии и принципа происхождения в используемых ими социальных и политических категориях.

Физическое отделение Президентских библиотек от Национального архива США тоже буквально физически создало агиографический архивный монумент. Мифы (то есть «наследие»), которые президенты и их команда достаточно сознательно пытаются создать, в последние годы разрослись, причем не только в количественном смысле, но и в том, что касается отношений между грандиозностью места и подразумеваемой значимостью документов: здание само по себе повышает ценность того, что в нем содержится²⁷.

В Советской России Центральный государственный архив Октябрьской революции явным образом возвеличивает момент создания государства, причем способами, не имеющими ничего общего с живым опытом, — наделяя научными полномочиями усилия

партии поместить нарратив исторической неизбежности в центр советского коллективного восприятия. В рамках этого архива специальные собрания по «истории заводов» помогали создать нарратив о героической борьбе и социальном освобождении. Советская историография и социальная память, сформировавшаяся вокруг такого рода искажений, среди прочего, служили и тому, чтобы подавлять память и понимание другого толка, опираясь при этом на значимость архива как составного элемента советской власти и вообразимую нерелевантность в этом отношении исторической правды.

В постсоветской России тоже можно обнаружить характерный пример архивного монументализма, сопрягающего физическое существование архива с политической легитимностью. В течение долгих лет архивы царского режима хранились в историческом здании Правительствующего Сената и Святейшего Синода на набережной Невы. К моменту распада Советского Союза это здание уже находилось в довольно скверном состоянии. Бесценные коллекции исторических материалов хранились на ветхих деревянных стеллажах. Хотя историки всего мира беспокоились о том, что собрание содержится в ужасных условиях, что подтвердила и экспертная оценка ЮНЕСКО, однако правительство сослалось на то, что у него нет средств на реконструкцию архива, и предпочло просто перевести собрание в другое место. Многие подозревали, что это связано не столько с беспокойством ельцинского правительства по поводу сохранности документов, сколько со стремительным ростом стоимости исторического здания, где располагался архив (набережная Невы — отличное место для дорогой гостиницы).

Однако Владимир Путин, судя по всему, в полной мере осознал связь между монументальными архивами и теми легитимирующими эффектами, которые они оказывают на социально-политически институты и ценности. План перевести архивы в пустующее здание банка на окраине города разросся до полного преобразования этого места в современное хранилище. Старое здание банка было полностью преобразовано и включено в комплекс из трех совершенно новых строений, соединенных друг с другом на разных уровнях. На возведение архива была потрачена масса средств, как и на тщательную упаковку в специальные контейнеры и перевозку миллионов документов. Грузовики с документами сопровождались эскортом полиции. Новое здание было оборудовано по последнему слову техники. Например, в лаборатории обеспечения сохранности документов поддерживается стерильность, как в опе-

рационной, и установлено лучшее в мире оборудование. Качество воздуха в самих зданиях контролируется специальным оборудованием, которое обслуживается отдельным штатом сотрудников. Просторные читальные залы, библиотека и конференц-залы — все это построено без оглядки на расходы и создает визуально эффективное и чрезвычайно функциональное рабочее пространство. Сами здания отодвинуты вглубь двора, окружены оградой и украшены большой золотой надписью, гласящей, что перед нами новый дом для Российского государственного исторического архива.

Впрочем, формальная сторона истории реновации Государственного исторического архива была наименее важным из смыслов данного мероприятия — просто меткой. Как подчеркнул и сам президент Путин на торжественном открытии архива, куда более важна та связь между современной Россией и ее историческим (до-революционным) прошлым, которая этим зданием создается. Новое здание символизирует преемственность. Оно физически демонстрирует почтение к русской истории. Оно ясно обозначает, что новое государство не пожалеет денег на то, чтобы создать физическое и символическое пространство для своей истории, и будет относиться к нему так же почтительно, как к восстановленному Храму Христа Спасителя в Москве, месту погребения бывшего президента Ельцина и ежегодному благословению президента России патриархом. И действительно, единственное, чего не хватало этому великолепному новому архиву в тот момент, когда над его фасадом засияли золотые буквы, — это пользователей. В государственном бюджете не было средств на зарплаты, которые могли бы вновь привлечь людей в катастрофически низко оплачиваемую архивную работу. Через два года после открытия этот комплекс представлял собой эффективное хранилище, функционирование которого поддерживалось горсткой администраторов, которые наверняка были довольны тем, что великолепный порядок архива не особо нарушается фактическим использованием его материалов.

Так, организованные архивы представляют собой не только специальное место для исторических источников, природа и значение которых могут стать предметом противоборства, но и сами являются частью спорной истории. Как продемонстрировал историк Фредерик Купер (*Frederick Cooper*), архивы играли в этом отношении определенную роль не только в таких вполне сформировавшихся государствах, как Россия и США, но и в новых государствах постколониальной Африки²⁸. Архивы, описывая и организуя документы, в первую очередь освещают историю тех институтов, ради

увековечивания которых они были созданы и «важные» документы которых они и должны были хранить. В этом смысле можно согласиться с Жаком ле Гоффом (*Jacques Le Goff*) в том, что «документ — это не объективный, невинный сырой материал, в нем выражается власть общества прошлого над памятью и будущим»²⁹.

К вышесказанному хочется добавить, что так происходит не только потому, что архивы мыслят свои источники как ссылки на определенное прошлое, но и из-за того, что источники обычно помещаются в монументальные структуры на вечное хранение. Сам архив (особенно это касается государственных архивов, но также и других хранилищ) придает документам элементы своего рода исторической закреплённости, маркируя таким образом конкретные документы, как основную базу для «общей» исторической летописи.

Виды документов, устойчивость источников и споры вокруг использования архивных документов: случай Абрахама

Еще до отхода исторической науки от концепции авторитета и натиска электронных документов вопрос значения и ценности определенного рода источников сам по себе был спорной территорией. Проблема сохранения документов, лучше всего отражающих «исторический опыт», заставила задуматься над тем, какого рода документы должны сохраняться. Должны ли фотографии, фильмы, устные свидетельства и другие артефакты разыскиваться, сортироваться, сохраняться и описываться архивами так же тщательно, как и письменные источники? Какого рода источники нужно стремиться приобрести и сохранить — это не только вопрос руководства архивом, хотя в этом плане он тоже остается весьма неоднозначным. Более сложная полемика развернулась вокруг проблемы устойчивости источника и вопроса о том, в какой мере и в каких случаях традиционные архивные записи представляются менее полезными, чем такие неписьменные документы, как фотографии и устные свидетельства.

Одним из преимуществ указания происхождения источника как свидетельства его аутентичности было то, что вопрос о его авторстве при этом подчинялся вопросу о его институциональной принадлежности. И хотя определение автора документа во всех случаях желательно, однако авторитетность источника подтверж-

дается в первую очередь надежностью его институциональной идентичности. Для устных свидетельств единственной проверкой на подлинность является авторство. В случае с фотографиями и фильмами подлинность зависит от обстоятельств создания изображаемой ими реальности. Если архив намеревается хранить устные или визуальные свидетельства, приходится принимать серьезные решения относительно важности того предмета, которого данные свидетельства касаются, а также определять, насколько все это отвечает социальной и научной цели самого архива. Актуальным тут становится и комплекс вопросов, касающихся социальной, культурной и политической репутации человека, предоставляющего свидетельства запечатлеваемого на пленку предмета, а также процесса фиксации материала. Решения относительно хранения тех или иных материалов не могут приниматься только на основании в большинстве своем разрозненных принципов, которыми традиционно руководствуется администрация архива.

Вопрос о подлинности фотографий и фильмов актуализирует ряд специфических архивных проблем. С первого взгляда может показаться, что фотографии и фильмы не нуждаются ни в каком доказательстве подлинности, поскольку являются визуальной фиксацией некой части фактического прошлого. Установление личности фотографа или режиссера никак не влияет на ценность изображений, хотя и может быть важным для других целей. Однако сама «актуальность» изображения замутняет момент артефактности, для архива центральный. Этот кадр постановочный или настоящий? Устанавливал ли фотограф или режиссер оборудование для того, чтобы запечатлеть определенные аспекты происходящего, чтобы передать настроение, а не только обстановку, или чтобы выразить некую мысль в творческой форме? Или, может быть, он пользовался своей камерой как открытым и непредвзятым регистратором исторических событий?

Письменные документы могут обосновывать те или иные утверждения, а также общие воспоминания, но визуальные представления воздействуют мгновенно, непосредственно и часто сенсационно. Печально известные фотографии, на которых засвидетельствованы пытки заключенных в тюрьме Абу-Грейб, сконструировали некоторые элементы американской и иракской идентичности куда более непосредственно и мощно, чем это мог бы сделать какой-то документ, причем вопрос об их подлинности не играет в данном случае существенной роли. Они расшевелили старые арабские воспоминания об «империалистическом иге»

и одновременно столь же остро вошли в конфликт с ностальгической американской концепцией хорошего демократического народа, вновь ведущего совершенно справедливую войну. Как отметила Бонни Шон Смит (*Bonnie Shawn Smith*), распространение этих фотографий в интернете создало мощный «контрархив», противоречивший той информации о ходе войны, которую предоставляли официальные американские источники, и очень быстро вышедший из-под американского контроля. С точки зрения Дональда Рамсфелда, Джорджа Буша-младшего и других официальных лиц США, сместивших внимание с реальности насилия на артефакты, о нем свидетельствующие, «вред нанесен» именно фотографиями. В каком-то смысле они правы, поскольку это фотографии, а не сами факты насилия сыграли ключевую роль в конденсации американской и иракской (или арабской) идентичности вокруг оценочных позиций угнетателя и угнетенного и раскачивании хорошо задокументированной традиционной альтернативы, где стороны выступали в ролях освободителя и освобождаемого³⁰.

Архивисты и другие люди, сталкивавшиеся с этими проблемами, понимают, что не существует нейтрального или однозначного видимого мира. Как сформулировал это У. Дж. Т. Митчелл (*W. J. T. Mitchell*), «не существует видения без установки <...> никакой голой реальности, не облеченной в систему представлений»³¹. В этой перспективе фотографии и фильмы представляют собой самые обманчивые артефакты. Кажется, что они воспроизводят живое, объемное прошлое, а на деле оказывается, что это плоская выжимка, конденсирующая опыт прошлого и редуцирующая сложность исторических нарративов ничуть не меньше письменных документов, а также игнорирующая такие важные для истории и памяти субъективные вещи, как индивидуальные точки зрения, позиции, чувства и менталитет. Как и в случае с письменными артефактами, все это требует специальной работы по выявлению обстоятельств происхождения визуальных свидетельств и куда более тщательной аргументации, чем может показаться с первого взгляда.

По этим причинам кинематографические и фотографические архивы традиционно отделяются от других хранилищ и функционируют в соответствии с другими протоколами и стандартами. Обычно в них содержатся большие и часто недифференцированные собрания, организованные тематически или хронологически. Между тем визуальность оказалась очень сложной (и все еще плохо очерченной) — особенно в сравнении с текстualityю — сферой

исторического исследования, поскольку различные смыслы и области применения образов анализировать куда труднее, чем смыслы и области применения текстов³². Кроме того, сложность работы с кинофотоархивами состоит и в том, что обилие источников в данном случае лишает архивиста тех внимательности и скрупулезности, с которыми обычно подходят к письменным источникам, особенно в отношении контекстуального понимания их происхождения и использования. Так, с точки зрения Джоан Шварц (*Joan Schwartz*), ведущего фотоархивиста, тотальное распространение фотографий и фильмов обязывает архивное сообщество более тщательно исследовать природу, характер производства и назначение фотографий, особенно когда фильмы и фотографии прямо или косвенно отражают государственную политику, идеологию, конструируют идентичность, участвуют в формировании коллективной памяти и разными небесспорными путями определяют представление о себе и о культурном «другом»³³. То же самое можно сказать и по поводу методологических обязательств, которые фотографии и фильмы возлагают на работающих в архивах ученых³⁴.

Еще более трудноразрешимой проблему источников делает отсутствие определенного подхода к вопросам авторства и подлинности происхождения у самих историков. Помимо прочего, исторические архивы, как государственные, так и частные, могут быть рассмотрены как институализированные попытки отделить настоящее от прошлого, поскольку документы, хранящиеся в них, обычно в течение какого-то периода времени остаются недоступными для использования. Некоторым исследователям, особенно тем, кто занимается вопросами социальной памяти, для того чтобы актуализировать роль архивов в разнообразных процессах познания и формировании социальной памяти в рамках этих традиций, зачастую приходится отстаивать концепции, от которых отказались в свое время противники идеи авторитета, в том числе и представления о социальной памяти как таковой. Даже политика приобретения новых документов, ориентирована ли она на сохранение определенных знаний, или на сохранение множественности и разнообразия социальной памяти, неизбежно зависит от предубеждений архивиста и от институциональной принадлежности архива. Отход от идеи авторитета поднял вопрос не столько о *ценности* документирования, сколько самой о его природе.

Для некоторых ученых такой подход превратился в попытки более пристально изучить традиционную концепцию самого исторического времени, а также актуализировал идею, что множественность

исторических прошлых может быть восстановлена лишь в самых романтических представлениях об индивидуальной и социальной памяти. История же, напротив, становилась не более чем полем столкновения версий и представлений. Так, в концепции множественного прошлого она отражает хитросплетенность разного опыта, а не некое единственное, «истинное» прошлое. С этой точки зрения архивные документы могут оставаться авторитетными источниками, никак при этом не конституируя истинную «память нации». Архив в этом случае тоже становится полем представлений.

Этот новый комплекс проблем нашел отражение в сборнике, вышедшем под редакцией Джонатана Боярина *“Remapping Memory: The Politics of TimeSpace”* («Реорганизация памяти: политика пространства-времени»), где под сомнение ставится сама *устойчивость* архивных документов³⁵. Вместо того чтобы считать, что архивы представляют собой устойчивые институты и что хранящиеся в них документы являются подлинными вследствие этой устойчивости, авторы предлагают альтернативу: оценивать документ как авторитетный на основании того, что он был помещен в архив; то есть, по мнению авторов, к архиву следует относиться как к активной силе, участвующей в создании исторически обусловленных представлений о линейном времени. Сам Боярин утверждает, что традиционные представления об историческом времени также имеют отношение к тому, как социум понимает социальную и индивидуальную память, а именно — как связь с актуальными прошлыми, а не как нечто организующее настоящее или дающее предписания относительно исторически приемлемых будущих. С его точки зрения, тот факт, что открытия Эйнштейна, касающиеся понимания пространства и времени, не были усвоены историческим и архивным мышлением, обрекли исследователей на то, чтобы оставаться в выработанных еще XVIII веком рамках позитивистской мысли и интерпретации. Попытки архивов устанавливать подлинность в том числе и маргинальной социальной памяти могут лишь усилить тесную связь между современными представлениями об абсолютном (линейном) времени и властью современного национального государства³⁶. Райнхарт Козеллек (*Reinhart Koselleck*), крупнейший специалист по теории исторической науки, сформулировал ту же проблему несколько иначе. С его точки зрения, историческая реальность должна пониматься как центральный элемент современной социальной реальности — как «внутренне дифференцированная структура функциональных отношений, в которой права и интересы одной группы сталкиваются с правами и инте-

ресами других групп, что ведет к конфликтам». И борьба здесь разворачивается по большому счету именно вокруг источников. Поражение той или иной группы в вопросе о том, какие источники становятся доступны в архивах, воспринимается и переживается как искажение исторической правды. Очень часто это преподносится и как моральное падение, поскольку источники не привлекаются к тому, чтобы должным образом проиллюстрировать, «что пошло не так». Прошрое «выбивается из ритма», его связи с настоящим затемняются³⁷.

Здесь мы можем увидеть еще одну грань конфликта, развернувшегося вокруг “Enola Gay”, а именно тот его аспект, который касается природы и стабильности свидетельств. Как мы видели, эта выставка показалась многим оскорбительной не только из-за того, что именно там собирались демонстрировать, но и потому, что кураторы выставки использовали архивные свидетельства, дабы расшатать уверенность в смысле определенных исторических событий. В ответ многие сочли, что такого рода использование документов само слишком «шаткое»: документы для экспозиции были подобраны и «обыграны» таким образом, что ввели простого зрителя в заблуждение, скрывая социальный и индивидуальный героизм их участников, который и придавал той бомбардировке ее «истинное» историческое значение. Даже некоторые ученые, с симпатией относящиеся к постмодернизму, обвинили своих коллег в том, что те сами спровоцировали разразившийся конфликт, так как вышли за границы внятных современных понятий и обратились к новомодным парадигмам множественных прошлых и к жаргонному языку, который не признается широкой публикой и с трудом воспринимается за пределами академического сообщества (а порой даже и внутри него).

Особенно разгневала всех дерридианская идея, что «нет ничего кроме текста». Многими эта идея воспринимается как отрицающая важность реальных чувств, реального героизма, реальных трагедий и реальной боли реально проживаемого опыта, а особенно опыта реальных войн. В результате попытки «децентрировать» авторитет и заменить черно-белую героику более нюансированным и тонким историческим пониманием оказались оскорблением, нанесенным тем смыслам, которые исторический опыт приобрел в данном социуме. В этом контексте конфликт вокруг “Enola Gay” стал отражением других, более глобальных споров, происходящих в США, о том, как именно должны помнить о прошлом страны и что должно об этой памяти свидетельствовать:

примерами тому могут служить конфликты вокруг резкого дизайна Мемориала ветеранам Вьетнамской войны и вокруг решения конгресса США построить новый, выразительный военный монумент в память об американских (и только американских) потерях во Второй мировой войне.

В действительности соображение, что нет ничего вне текста, несколько не умаляет значение архивной документации в ее текстовой форме. Скорее оно возвращает вопрос об историческом авторитете к его авторскому корню, заменяя вопрос о содержании (*что* говорит документ) вопросом о том, кем он написан и как. Сам Ранке, конечно, мучил своих студентов именно этим вопросом, но с иной целью — сделать содержание вразумительным и убедиться в том, что ему можно доверять. Новейший интерес к текстуальности документов (наподобие того, который в более общей форме мы видим в «новом историзме» в литературоведении) трактует источники как артефакты их создателей, а не свидетельства о фактическом прошлом.

Пожалуй, в рамках интеллектуального восстания против телеологии модернизма ничто не практиковалось исследователями так часто, как это выступление против источников как свидетельств о реально прожитом прошлом. И даже такие вдумчивые исследования, как “A Social History of Truth” («Социальная история правды») Стивена Шейпина и “A History of the Modern Fact” («История факта Нового времени») Мэри Пуви (*Mary Poovey*), были проигнорированы (а возможно, просто остались неп прочитанными) многими, кто вместе с Гертрудой Химмельфарб рассматривают даже весьма глубокие и взвешенные исследования представлений о правде как свидетельство безудержного интеллектуального нигилизма. Как говорит Шейпин, «они исходят из того, что правда не меняется со временем, что у нее нет ни истории, ни социологии. Все то, что несет на себе печать коллективного производства, не может быть правдой...»³⁸. Однако вполне здравый анализ исторических «истин» в целом ряде ответных статей и книг не удержал одних историков от того, чтобы вообще отказаться от архивных раскопок как эффективного пути выявления следов прошлого, а многих других от нового скептицизма относительно того, как архивные источники в действительности используются и применяются. В конце концов, архив явным образом является не более чем «коллективным производством» если не правды, то, по крайней мере, определенного рода знания и утверждений, претендующих на истинность. В 1991–1995 годах в журнале “Critical Theory” было опубликовано более

сорока статей, посвященных вопросу о свидетельствах в исторической науке.

Печальная история, случившаяся с Дэвидом Абрахамом, подлила масла в огонь этого спора. Молодой принстонский историк Абрахам опубликовал в 1981 году отлично документированное исследование, посвященное отношениям между немецкими промышленниками 1920-х годов и зарождающимся нацистским движением³⁹. Книга была хорошо встречена как коллегами по кафедре, так и ученым сообществом. Положительные рецензии на нее были опубликованы во множестве журналов — и Абрахам был выдвинут на должность пожизненного профессора, однако администрация университета отклонила его кандидатуру после того, как с обвинениям в адрес Абрахама выступил йельский германист Гордон Тернер (*Gordon Turner*), утверждавший, что Абрахам некорректно обходится с источниками. В довольно грубом письме, вариант которого был опубликовано в “*American Historical Review*”, Тернер обвинял Абрахама практически в подлоге. Тернер вместе с Геральдом Фельдманом (*Gerald Feldman*) из Беркли начали яростную кампанию, имевшую целью дискредитировать работу Абрахама, которую в какой-то момент Тернер назвал «ограблением Бринкса по отношению к немецкой истории». Фельдман утверждал, что Абрахам ссылаясь на несуществующие документы и прилагал «систематические усилия для сокрытия правды»⁴⁰. Впоследствии Принстон отменил планировавшееся исправленное переиздание книги, а сам Абрахам, несмотря на то, что его горячо поддерживали многие выдающиеся историки, покинул профессию.

Согласно статье с первой страницы “*New York Times*”, этот неприятный эпизод заставил историков и других ученых задуматься, не делает ли недействительными «многие современные исторические труды» то, как в них используются источники⁴¹. Более аккуратно и менее провокационно будет сказать, что этот эпизод укрепил общее для многих историков ощущение *относительности* архивных источников как неизбежно отобранных материалов и сделал общеизвестным то, что большинство архивных историков всегда знали: отбор и использование архивных документов в реальности далеки от того представления о строгом научном исследовании, которое создает объективированная грамматика архивного цитирования. Сам Абрахам признал, что еще в бытность студентом он восемнадцать месяцев работал в немецких архивах, и тогда он «совершил досадную ошибку, делая заметки слишком

торопливо и скупое. В результате цитаты в моих записях порой оказывались неполными и неточными»⁴². Его принстонский коллега Лоуренс Стоун (который и сам способствовал разжиганию этих культурных войн, когда в “Past and Present” предупреждал, что «деконструкция» представляет собой серьезную угрозу для истории) очень хорошо сформулировал проблему: «Когда ты работаешь в архиве, ты далеко от дома, ты скучаешь, ты спешишь, ты конспектируешь, как сумасшедший. Ты обречен делать ошибки. Я не верю, что хоть у кого-то из западных ученых мы найдем совершенно безупречные комментарии. Архивное исследование — частный случай общей неразберихи нашей жизни»⁴³.

Как сформулировал это Стоун, а впоследствии должным образом развили в своей книге “Telling the Truth about History” («Говорить правду об истории») Джойс Эпплби, Линн Хант и Маргарет Джэкоб, для большинства историков «истина» архивных документов (если пользоваться эпистемологическими терминами) не является главным вопросом. Вместо того в центре внимания оказывается вопрос о том, насколько аккуратно историки и другие ученые (но не архивисты) используют источники. Эпплби, Хант и Джэкоби провели ценное разграничение между правдой и смыслом. Как бы трудна ни была задача обнаружения прошлого опыта, выявления истории через ее документы и другие следы, большинство историков реагируют на существенные противоречия не отказом от дальнейших усилий, а умножением аргументации и достоверности⁴⁴. В то же время справедливо будет сказать, что понимание *смысла* самой историографической деятельности существенным образом изменилось. Телеология разума и модернизации уступила место новым подходам и уровням понимания, по крайней мере среди академических историков; то же самое произошло и с той научной предпосылкой: архивные источники *сами по себе* придают авторитетность тому, о чем сообщают.

Решения в рамках «архивов идентичностей»: авторство, деятельность и новые архивные авторитеты

Уже к 1970-м годам такие известные архивисты, как Ф. Геральд Хэм, государственный архивист Висконсинского общества архивистов и президент Американского общества архивистов и другие, начали жаловаться на то, что новые исторические подходы, судя

по всему, не способны как-либо взаимодействовать с архивной практикой. Раскол, который обнаружился между тем, как многие архивисты и историки теперь работали с прошлым, не только ослабил связи, на протяжении долгого времени делавшие официальные архивы главными помощниками в деле написания официальной истории, но и поставил перед учеными фундаментальные вопросы касательно того, как архивы получают хранящиеся в них исторические материалы, насколько они объективны и как и то и другое соотносится с новым предметом архивного исследования. Появившись в момент, когда проблема идентичностей стала вырисовываться как потенциальная политическая сила, это растущее разделение послужило толчком для развития «архивов идентичностей», организованных вокруг новых представлений о том, что является исторически важным исходя из примата идентичности.

В современном мире подвижных связей новый акцент на идентичность расширил далеко за пределы существующих национальных государств вопрос об отношении архивов к устоявшимся национальным нарративам. Афроамериканская история включает в себя африканские, карибские и латиноамериканские материалы; национальные истории Украины (и других восточноевропейских стран) включают в себя архивы диаспоры и украинские материалы, вышедшие из-под подчинения советским архивным категориям; иудаика и гендерные исследования вообще не имеют никаких национальных границ.

В то же время под вопросом оказалась и демонстративно объективная и незаинтересованная роль архива в поддержании утвердившихся национальных нарративов, а равно и исторические авторитеты, на которые традиционно ориентировались при оценке и архивации документов. Авторитет архива и профессиональная объективность архивиста в дженкинсонской традиции базируются на конвенциональном понимании прошлого, ориентированном на определенные процессы и институты, в том числе и на архивы, вследствие их очевидного доминирования в производстве и поддержании нормативных социальных и политических систем. Профессиональные способности архивиста свелись главным образом к умению устанавливать подлинность источников, выяснению, как они были созданы, и обеспечению функционирования системы классификации и описания, предоставляющей пользователям возможность понять контекст их происхождения. При этом рассуждения о связи между характером источников и их потенциальной

ценностью для историков к задачам сохранения документов были фактически неприменимы.

Более сложное понимание идентичности и сопряженной политики немедленно подорвало эти старые установки и практики. «Воображаемые сообщества», связанные с подчиненными этническими и национальными группами, и реконструируемые общественные формации, основанные на предполагаемой общности расы и гендера, создали свои собственные иерархии исторических авторитетов, радикально отличающиеся от тех, что лежали в основе установившихся практик исторических архивов. Каково было место авторитета гендера в понимании властных отношений? Если существующие национальные архивы представляют доминирующие национальности, то у подчиненных этнических и национальных групп должно быть право собирать «собственные» исторические материалы, если не в рамках своих собственных государств, то хотя бы в своих собственных архивах.

Организация архивов идентичностей, как и любых других хранилищ, конструирует и реконструирует свои собственные типы знания, опирающиеся, как и традиционные архивы, на необсуждаемые допущения относительно исторического авторитета; допущения эти имплицитно присутствуют в архивных практиках оценки и приобретения новых документов, а также в новых структурах организации и каталогизации. Архивная проблема в случае с такими хранилищами, как Центр Шомбурга в Нью-Йоркской публичной библиотеке, Институт Лео Бека и Архив ЛГБТ в Сан-Франциско, таким образом, состоит не в том, что они были организованы заинтересованными группами. И не в том, что эти новые хранилища выборочно приписывали смысл определенным типам документов. Проблема их коренится в двух сферах: во-первых, в несистематической природе концептуальных авторитетов, которые структурируют архивы идентичностей; во-вторых, в очевидном изменении роли архива как формально нейтрального получателя документов, создаваемых институтами, отдельными людьми или организациями, которым этот архив подчиняется.

Вопрос об «авторитетах» идентичностей был (и остается) особенно дискуссионным. В теоретическом плане изучение идентичностей подразумевает существование множественности прошлых — противоборствующих нарративов о том, кем некто был (и есть) и в рамках каких нарративных представлений. Но могут ли архивы быть сколь-либо эффективно соотнесены с этими множественными прошлыми? В соответствии с какими принципами

должны оцениваться материалы, «касающиеся идентичностей»? Годится ли для архива женской истории *все*, что касается женщин? И следует ли хранить вечно *все*, что касается жизни определенных этнических групп? Являются этничность, национальность или расовость сами по себе достаточными основаниями для того, чтобы некие материалы были собраны и сохранены?

А что будем делать с разного рода артефактными документами? Получается, что этот тип документов, вокруг которого традиционно организовывались исторические архивы, теперь уже не годится для исторического представления национальных прошлых? Можно ли сказать, что традиционные источники в своей традиционной бумажной форме в каком-то смысле устарели? Должны ли архивисты просто предоставить собирающим инстанциям возможность решать проблемы, которые ставит меняющаяся природа источников? Могут ли архивы идентичностей собирать *любые* свидетельства или только те материалы, происхождение и подлинность которых могут быть определенным образом доказаны, а формы создания которых отвечают определенным методологическим требованиям?

Одним из важных эффектов, произведенным уходом исторической науки от авторитета институтов, было одновременное обращение других гуманитарных дисциплин к тому, что некоторые сегодня называют «новой историей». Нарративность, культура и казуальность теперь привлекли внимание социологов. «Антропологический опыт» истории заострил внимание ученых на вопросе, как традиционное антропологическое полевое исследование пытается «вычитать» историческое прошлое из наблюдаемого настоящего. «Стабилизирующая и дестабилизирующая» функции истории обозначили актуальность постановки вопросов о том, как закон осмыслялся и как конструировались юридические доводы. Политика для некоторых политологов стала «гуманитарной наукой», а изучение верного и неверного использования историзации широко распространилось в литературоведении и обсуждениях западного канона.

Если новое понимание дискурсивных форм, культурных практик и локализации власти еще больше освободило историков от снисхождения «традиции» Э. П. Томпсона, «историчность» точно так же освободила их коллег от дисциплинарной изоляции, которая традиционно создавалась социальными науками. Причины, по которым новое мышление настаивает на исследовании контекста самого историка, а не только предмета его исследования,

коренятся не в специфики исторического знания в противовес антропологическому и социологическому, а в претензиях на естественнаучность. Саморефлексия в среде историков, вызванная новым подходом к предмету, не только распространилась среди социальных наук в целом, но и возбудила новый интерес к «проблеме» истории в таких областях, как историческая социология, вытесненная на какое-то время технологиями обработки числовой информации.

Все это создало потребность в новых типах источников, особенно таких, которые содействуют созданию «правильных» воспоминаний и воспроизведению опыта людей «без истории» или тех, чья история «была забыта». Как продемонстрировал в своем эпохальном, опубликованном в 1982 году труде *“Europe and the People without History”* («Европа и люди без истории») Эрик Вольф, новая история «снизу» требует такого рода документов, которые либо вообще отсутствуют в государственных исторических архивах на всех уровнях, либо не могут быть там обнаружены никаким прямым и систематическим способом⁴⁵. Эти обстоятельства становились все более очевидными и для историков, работающих над проблемами национальности, расы и гендера. Практически любая институциональная история или биография, сохраненная в архиве, могла быть доступна для анализа, тогда как материалы для истории нового типа должны были хитрыми способами выискиваться среди источников, которые были собраны, каталогизированы и сохранены в качестве совершенно иных свидетельств. Современные сербы, литовцы или украинцы могут «разделить» живой опыт своих предков, вспоминая его формы и воображая себе его субъективное содержание, — создавая то, что, по идее, призваны предоставлять историки и архивисты. То же можно сказать и об афроамериканцах, индейцах и других народах, для которых память служила целям мобилизации против реальных или воображаемых зол.

Следующая проблема архивов идентичностей — это поиски ответа на вопрос, как многие из них оказались — активно и вполне добровольно — вовлечены в создание новых или альтернативных исторических нарративов. Если нейтральность более традиционных исторических архивов была уже скомпрометирована процессами организации и описания, определяющими текстуру архива и воспроизводящими лежащие в их основе нарративы, и если разные местные хранилища часто собирали отдельные «отверженные» материалы, то архивы идентичностей вообще оставили вопрос

о нейтральности далеко позади. Их непосредственной целью стало поддержка такого рода исследований, которые бы способствовали формированию нового понимания их предмета — как в прошлом, так и в настоящем. В действительности они создавали свои собственные истории, хоть и в обобщенной и часто спорной форме.

Архив как автор

Вопрос об архивах как «авторах» не нов. Например, Патрик Джири (*Patrick Geary*) довольно подробно изучил процесс отбора и организации средневековых документов и текстов в картулярии, провокационным образом применяя фукианскую задачу к современным представлениям об авторстве⁴⁶. Тот факт, что монахи-архивисты IX–X веков активно изменяли документы, которые они переписывали, обращает наше внимание на то, что многие документы, хранящиеся в современных архивах, тоже являются скорее результатом коллективного творчества, чем авторским продуктом. Не нужно быть фукианцем для того, чтобы понимать, что у многих архивных документов «нет автора» — в том смысле, что они не могут быть атрибутированы конкретному, идентифицируемому автору. Для ученого ценность документа определяется не только непосредственно самим текстом, так или иначе скомпилированным, но и зависит от того, как архив выполнил свои задачи по приведению этого текста в некую пригодную для использования форму. То, что архивы помещают текст в какой-то архивный фонд, придает документу дополнительное «авторство», не менее важное для науки, чем изначальная структура этого текста.

Хороший пример такого авторства появился после того, как в конце 1980-х годов были открыты советские архивы. Историки обнаружили настоящую сокровищницу до того момента засекреченных материалов, свидетельствующих о «настроении» обычных граждан еще в 1919–1920 годах, на пике Гражданской войны в России. Эти материалы были собраны в рамках развивавшейся системы тотального надзора, постепенно расширенного НКВД и его наследниками до центрального компонента социального контроля. Изначально эти материалы казались свидетельствами того, что именно думали и чувствовали обычные люди, — свидетельствами, исходящими от огромного количества информантов, о том, как реальность индивидуального опыта противоречила формам ее фиксации в советской историографии. Однако по мере исследования

ученые осознали, что многие из этих текстов писались с самого начала и переписывались в ходе движения «наверх» таким образом, чтобы предоставить властям ровно те свидетельства, которые те хотели получить. В конечном счете архивы оказались «авторами» не альтернативного нарратива о народных настроениях, а отчета госразведки.

Китай предоставляет нам другой полезный пример архивного авторства — проект «рационального», выдержанного в западных терминах описания китайской истории и культуры, который Джеймс Хевиа (*James Hevia*) назвал декодированием и перекодированием Азии. Хевиа утверждает, что осмысление даже повседневных архивных и административных процессов необходимо для «понимания отношений между реальным и вымышленным, между архивами и грезами империи». В Китае XIX века чиновники и архивисты работали над тем, чтобы собирать документы в конкретных центрах — узловых пунктах архивного накопления, которые, с точки зрения Хевиа, кроме того, «давали полномочия на сбор». Однако в конечном счете эти архивы не только «стали авторами» нарративов о китайском предприятии Британской империи, но и определили существенные элементы британского самосознания⁴⁷. По мысли Томаса Ричардса, архивы здесь выступали не столько как конкретный институт, сколько как целый эпистемологический комплекс, репрезентирующий знание в контексте империи, «иллюзию знания, собранного и объединенного во имя государства и Империи»⁴⁸.

Эти источники включают в себя и другие типы нарративов, которые Хевиа остроумно называет «имперским» знанием Китая⁴⁹. Он демонстрирует, например, что в вышедшей в 1913 году книге “*Trade and Administration of the Chinese Empire*” («Торговля и управление в Китайской империи») ее автор Осия Б. Морс (*Hosea B. Morse*) объединяет статистические таблицы и документы в нарратив экономического прогресса, используя при этом документы, сбору которых он способствовал, состоя на службе в Императорской морской таможне. Самые основательные компиляции Морса — это “*The Chronicles of the East India Company Trading to China, 1615–1834*” («Хроники торговли Ист-Индской компании с Китаем, 1615–1834»), в 5 томах, и “*International Relations of the Chinese Empire 1834–1911*” («Международные отношения Китайской империи, 1834–1911»), в 3 томах⁵⁰. Эти книги в результате стали стандартным архивным окном в понимание Китая западом, очерченное практиками индексирования и каталогизации, которыми и была создана систе-

матика исторической значимости. Как и в случае со средневековыми картуляриями Джири, архивисты и каталогизаторы типа Морса не только создавали определенные категории понимания, как это было с другими колониальными архивами, они активно подключались к созданию многочисленных документов, продуцирующих нарративы вовлеченности, преобразования и прогресса.

Архивисты и архивы, не только в Китае, но и повсеместно, отбирают определенного рода документы из многообразия бюрократических интеракций на базе собственного самосознания как административной власти в процессе, который всегда определен более общими тенденциями во власти и администрации. Эти отношения отражаются во внутренних процессах любого архива, но особенно это касается разного рода архивов идентичностей, где такие отношения часто явно выражены. Соответственно здесь архивные процессы могут аналогичным образом становиться «авторами» материалов⁵¹.

Для серьезных историков, таким образом, документы могут «говорить сами за себя», но архивисты сами создают этот «голос», поскольку представления об исторической правде постоянно вращаются вокруг заранее заданных архивных категорий отбора и сохранения. Соответственно в руках хороших ученых документы могут дестабилизировать не только социальную память, которую они якобы отражают, но и те исторические нарративы, в создании которых участвовал сам архив. Это утверждение опирается на ту нередко оспариваемую идею, что исторический смысл не является имманентным источнику. Впрочем, для ученых, сформировавшихся в парадигме постмодернизма, и особенно тех, кто оказался вовлечен в изучение архивов идентичностей, эта идея может показаться аксиоматичной. Организация современных хранилищ, устроенных согласно новым принципам, была вызвана в том числе и потребностью в расщеплении «устойчивых» смыслов, которые закрепились в традиционных исторических архивах за материалами, касающимися идентичностей.

Противоборствующие дискурсы: архивы и история с другой стороны разлома

Новые трудности, которые встали перед историками в деле понимания и обработки прошлого, неизбежно оказались трудностями и для архивов, и их источников. Историзация природы истори-

ческого повествования требует соответствующей историзации как эссенциализма документов, так и собственно архивных практик. Что самое главное, архивный раскол повлек за собой изменения в подходе к некоторым проблемам: так, вопрос о том, как и почему источники должны считаться историческими (в смысле имеющими определенный интерпретационный вес применительно к прошлому, а не просто старыми), стал все больше обсуждаться в историческом сообществе, а не в среде архивистов. И, действительно, определение исторических качеств тех или иных документов уже не является ключевым моментом большинства архивных практик.

В прежние времена историки и архивисты проходили более сходную подготовку, разделяли более или менее общую точку зрения и считали себя идейными союзниками в своем деле, сконцентрированном на великих людях и их политических институтах. Они представляли собой единое профессиональное сообщество, в котором слова «исторический» и «старый» были взаимозаменяемыми. Напротив, современные архивисты уже не готовы распутывать всю многосложность исторических значений, окутывающих сегодня как документы, так и сами архивы. Если оставить историков и перенестись на другую сторону разлома: архивист больше не может с пользой для своего дела применять многочисленные, междисциплинарные, широкие и все более подвижные историографические категории.

Должно ли в таком случае юридическо-административное, базирующееся на концептуализации государства и нации, обоснование архива быть заменено на социокультурное, базирующееся на более широких общественных интересах и возможностях применения, как это было предложено канадским архивистом Терри Куком⁵²? И если так, то ответственно ли государство или государственный архив (типа архива публичной библиотеки) за то, чтобы альтернативные исторические голоса были сохранены и услышаны? Иными словами, следует ли так или иначе обязать архивы бороться с выборочной памятью, которую порождает выборочная архивация? А если вспомнить о государственных архивах многонациональных государств, должны ли они (в силу своих обязательств перед государством) приобретать и хранить материалы, которые уже сами очерчивают противоборствующие самосознания и конструируют конфликтующие социальные памяти?

Одна из распространенных позиций по этому вопросу заключается в том, чтобы предоставить заниматься этими вопросами не государству, а архивам идентичностей, организованным разными

социально заинтересованными группами. Это решение, с нашей точки зрения, может способствовать формированию новых типов понимания, однако оно способствует и выборочному забвению. А если вспомнить о еще более серьезных формах социальной амнезии? Должна ли профессиональная и этическая ответственность обязывать архивы идентичностей сохранять доступ к материалам, фиксирующим альтернативные понимания и объяснения, создавать, подобно фотографиям из Абу-Грейб, «контрархивы» для контрнарративов⁵³? Если историки придерживаются этических принципов, требующих не искажать источники, должны ли архивисты сохранять материалы, которые могут быть разрушительны для мифов, формирующих данную идентичность, или противоречат социальной памяти, лежащей в основе миссии или цели данного архива? Например, должно ли быть место в частном еврейском собрании или в израильских государственных архивах для антисионистских материалов, для материалов, свидетельствующих о мощных нерелигиозных традициях, или даже, применительно к Холокосту, о роли еврейских (и нееврейских) коллаборационистов? Эти вопросы могут быть (и были) поставлены и в связи с режимом Виши, и в связи с движением Квислинга в Норвегии, в связи с любыми коллаборационистскими режимами. Какими должны быть архивы и как они должны работать, чтобы историки смогли обнаружить альтернативные нарративы в документах, уже включенных в институциональную структуру этих архивов? Где находятся источники для альтернативных возможностей? Контрсмыслы могут быть явно включены в эти архивы, только если архивисты подвергают сомнению тот авторитет, который это хранилище отражает, и привлекают дискуссии о том, как этот авторитет структурирует свои практики и исторические интерпретации.

Тут мы, наконец, возвращаемся к началу, к тем сложным вопросам, с которых начали: как прошлое столь по-разному обрабатывается архивистами и историками; какова роль непосредственно архивистов в присвоении источникам определенного рода значений? Чтобы понять, в чем смысл как современных архивов, так и новых электронных архивов настоящего и будущего, нам следует пристальнее рассмотреть те функции, которые в действительности *выполняют* архивисты.

Глава 8

Архивист как активное действующее лицо в производстве (исторического) знания

Наряду с другими последствиями, вызванными появлением в 1995 году “*Mal d’Archive*” («Архивной лихорадки») Жака Деррида, можно отметить, что именно эта книга спровоцировала взрыв интереса к архивам как культурным и социальным артефактам¹. За ней последовал целый ряд междисциплинарных исследований, как в печатной форме, так и в форме семинаров и конференций. Два выпуска британского журнала “*Journal of Human Understanding*” были полностью посвящены архиву, во всем многообразии его форм и обличий². На крупной конференции, посвященной «архивам в контексте модернизма», подробнейшим образом рассматривался вопрос «Что такое “архив”?». На встрече Радклиффском институте, посвященной «открытию архивов», в центре внимания были малодоступные архивы по всему миру и проблемы, связанные с их осмыслением. В 2001 году Кэролин Стидман опубликовала книгу “*Dust: The Archive and Cultural History*” («Пыль: архив и история культуры»)³.

Во всех этих изысканиях архив рассматривается как центральный элемент, определяющий то, как историки и другие ученые понимают прошлое. Говоря на современном жаргоне, архив был проблематизирован как часть более широких историографических и эпистемологических вопросов, сопряженных с тем, как формируется и распространяется историческое знание. Самое же интересное в этих изысканиях (помимо собственно содержания) то, что сами архивисты в дискуссиях практически не участвуют. Понимание тех, кто работает в архивах, тех, кто постоянно имеет дело со сложными процессами создания документов, их сохранения и предоставления к ним доступа, их знания о том, как действительно функционируют архивы, — все это оказалось отодвинутым на периферию, зеркально повторив процесс маргинализации историков

в параллельно происходящих дискуссиях собственно архивистов. Мы сомневаемся, что это было умышленное пренебрежение. Но оно говорит о еще одном аспекте расхождения профессиональных интересов историков и архивистов — о культурных и дисциплинарных элементах архивного раскола.

Эти современные экскурсы в идею архива отражают два различных понимания деятельности архивистов и их роли в производстве исторического знания — в процессе документирования в любой его форме, которое со временем *de facto* становится основой исторического знания. Первая трактовка сопряжена с той абстрактной идеей, что архивы — это место «обнаружения», отражающее, по мысли Жака Деррида, пользовательские практики артикуляции и подавления. Мишель Фуко развил дальше эту идею, рассмотрев архив как сумму процессов, при посредстве которых ученые и другие пользователи архива устанавливают связь между высказываниями, с одной стороны, и «событиями» и «вещами» — с другой. В своей книге “Archaeology of Knowledge” («Археология знания») он осмысляет архивы как элементы социальной организационной иерархии, со своими языками и системами. Как и у Деррида, у Фуко архивы «конструируют» процессы индивидуальной памяти, являясь их суррогатом, а также свидетельствуют о более глубинных психологических процессах личного и социального запоминания⁴.

Здесь опять-таки не идет речь о роли архивиста. Архивист выступает просто как хранитель документов (порой очень назойливый). Хотя Кэролин Стидман нашла для Деррида немало крепких выражений по поводу того, что такое в целом эта «архивная лихорадка» (с ее точки зрения, это скорее вопрос бактериологии, чем психологии), — она пошла еще дальше в отрицании представления об архивистах как об активных создателях знания. Архив — это неподвижное, статичное, пыльное заведение, полное «хлама», как она выражается⁵.

Стидман в своей книге отлично артикулирует первую концепцию: общее устойчивое ощущение, что архивы — это, говоря словами Мишле, «катакомбы» рукописей: «вечной склеп с длинными коридорами, которые были аккуратно обустроены годы назад и с тех пор ни разу не были потревожены. На этих аккуратно перевязанных стопках, папках и пачках лежат слои вполне реальной (а порой и прямо-таки заразной) пыли, которую историк (а не архивист) должен в буквальном смысле сдуть, чтобы открыть столь же физически реальное прошлое»⁶. В самом деле, насколько часто

архивы ассоциируются в сознании широкой аудитории с пылью? И насколько часто пыльный архив ассоциируется с пассивными клерками в роли хранителей? Для Сидман и Мишле, да и, полагаю, для большинства историков, и архив, и архивист представляются чем-то статическим и неподвижным — складом и сторожем часто разрозненных документальных остатков прошлого. По мысли Сидман, оба терпеливо (и часто — вечно) ждут читателей, «не предусмотренных» теми, кто документы создавал, чтобы превратить тексты реестров, служебных записок, отчетов и тому подобного в связанное повествование о некоем воображенном прошлом.

Архивы и архивисты обычно признаются необходимой предпосылкой для исторического исследования, но историк, и только историк, рассматривается как активное действующее лицо в производстве исторического знания. Историки, а не архивисты, приносят в архивные материалы динамизм индивидуального или «национального воображения», если пользоваться терминологией исследователей идентичностей. Историки, а не архивисты, вливают в архивы идеи, воображение и смысл. Написание истории обрабатывает прошлое, находя применение разрозненным, грязным архивным клочкам и бумажкам, — этот процесс мыслится как идеально динамичный, вдумчивый и требующий решений, которые только историк может принять. Сами же архивные материалы, с точки зрения Сидман, просто «лежат там», пока не будут обнаружены⁷.

Вторая, существенно отличная от предыдущей концепция рассматривает архив и архивиста как непосредственные продукты меняющихся культур. Здесь архивы и архивисты мыслятся как представления и представители динамичных социальных, культурных и политических процессов. Что интригует в архивах исторического антрополога Энн Стоулер, так это, например, «манифестация эмоциональной экономии в разрозненных толкованиях того, что выдумывалось, чего боялись, чему были свидетелями и что было подслушано»⁸.

Эта концепция подчеркивает то, что можно назвать «культурно детерминированным» подходом к архивам. Ее достоинством, с нашей точки зрения, является то, что она принимает во внимание роль самих архивистов. И вот он, архив, который создает структуры современного и исторического понимания. Этот подход конструирует теорию архива иным образом, особенно важным и полезным в рамках современных исследований империи, подчинения, колонизации и «постколониальности». Но хотя предлагаемое в рам-

ках данной концепции понимание архивов вызывает симпатию, тем не менее и в этой перспективе архивисты оказываются в роли агентов некоего действия, но отнюдь не его инициаторами. И подобно концепциям пассивности архива, эта концепция по-прежнему не принимает во внимание ту работу, которую в действительности делают профессиональные архивисты.

На самом деле архив обладает собственной динамикой, как и любые другие, даже самые статичные культурные и политические институты (и с этим бы согласились и Деррида, и Стивидман). Попытки понять эту динамику с внешней по отношению к архиву точки зрения ни к чему не приводят не потому, что, как может казаться, архив статичен или архивисты пассивны. Проблема заключается и не в недостатке деятельности со стороны архивистов. Скорее, речь должна идти о том, что человек, не работающий в архиве, не может ясно представить, что именно там происходит. И действительно, архив, увиденный изнутри, вообще не похож на место пассивного хранения, там все время принимаются решения, а архивисты точно так же, как историки и другие ученые, постоянно участвуют в процессах оформления «материала», из которого делается история.

Вдумчивые архивисты сами понимают, какие последствия для ученых имеет то, как архивные рукописи отбирались, организовывались, представлялись и распределялись. Более двадцати лет назад австралийский архивист Энн Педерсон (*Ann Pederson*) написала, что активная деятельность архивистов по сбору и организации рукописей «в каком-то смысле определяет количество и качество документации и таким образом вмешивается в производство ресурсов для будущей истории, которых в противном бы случае не существовало»⁹. Однако, как и другие архивисты, Педерсон не столько признает активность своих коллег, сколько беспокоится о том, что «этот тип вторжения в естественный ход событий недостаточно гармонизирован с традиционными архивными принципами, отстаивающими куда более нейтральную и объективную позицию архивиста»¹⁰. Для нее и многих других архивистов задача заключается скорее в том, чтобы придерживаться профессиональных представлений о нейтралитете, чем решать проблемы, которые ставит перед ними активная роль.

Идет ли речь, таким образом, о том, что архивист принимает активное участие в создании исторического знания? Или, другими словами, создают ли архивисты с помощью своих практик, местонахождения и самосознания определенного рода исторические

миры? Способствуют ли их повседневные практики выявлению параметров, посредством которых производится историческое знание, латентно присутствующее в их материалах? И если да, то осознают ли этот аспект архивного дела сами вчерашние хранители и сегодняшние технически подкованные документоведы?

Ответы на эти вопросы следует искать в двух сферах. С одной стороны, это явный и отчетливо обозначенный набор практик и процедур обработки документов в специфических рамках архивного времени и пространства. С другой — это более широкое и менее явное культурное измерение за пределами собственных границ архивов, которое подспудно определяет решения архивистов касательно того, что в конце концов поступает в хранилище.

Сбор документов: эссенциалистские основания архивной деятельности, архивная практика как посредник

Когда управление архивами обратилось к эссенциализму, специфически исторические авторитеты, в течение долгого времени определявшие процессы оценки документов, уступили, как мы видели, место авторитетам, извлекаемым непосредственно из деятельности, в рамках которой был произведен документ, то есть из его имманентного основания. Эти контекстуальные авторитеты освободили архивиста от необходимости бороться с меняющимися историографиями и представлениями, которыми руководствовались их предшественники-хранители, размышляя о том, что может оказаться «исторически важным» в процессе определения значимости документов. Но если новый эссенциализм сдвинул и архивные авторитеты, и профессиональных активистов в сторону институциональных контекстов, сопровождающих производство записей, то он ни в коей мере не уменьшил их активную роль в сборе и организации материалов. В тысячах архивных институтов по всему миру каждый день принимаются решения по отбору, сохранению и описанию документов, которые в результате станут для историков источниками. Это эксплицитные действия, явным образом включенные в более широкий контекст локальной и национальной культуры создания и распределения документов. Выполняя свои профессиональные обязанности, архивисты руководят процессом формирования архива.

Первый шаг в деле формирования фонда — определить отношения между документами, с одной стороны, и ответственностью

и интересами архивного института, который в конечном счете будет распоряжаться этими документами и хранить их, — с другой. В первую очередь архивист должен решить, какие материалы субсидирующей организации архив должен получать и почему. Аналогичным образом все происходит и в архивах идентичностей и архивах, не принадлежащих конкретным институтам, поскольку даже очень широкие полномочия по сбору материалов должны применяться к каким-то специфическим типам документов.

Например, в США Национальное управление архивов и документации должно ориентироваться на очень широко поставленную задачу по сохранению «документов американской демократии», произведенных в процессе государственного управления. Во Франции, где Национальный архив призван вести «летопись нации», министерство обороны и государственные органы имеют свои собственные архивы, которые, соответственно, ставят перед архивистами свои специфические задачи. В некоторых случаях комплектование может ориентироваться на какую-то стандартизованную задачу, например на получение данных с метеорологического спутника.

Противоречия и сложности в определении параметров этих задач дают о себе знать в тех изменениях, которые можно наблюдать в процессе принятия решений о включении тех или иных материалов в собрание государственными архивистами. В первые годы существования Национального архива американские архивисты интересовались преимущественно правительственными документами в аспекте их текущей и потенциальной исторической ценности. Со временем они начали осознавать тот смысл, который могут иметь архивы для широкой аудитории, а не только для специалистов по все более сложным законодательным положениям и процедурам. Особенно важную роль тут стал играть генеалогический материал, отвечающий развивающимся интересам широкой публики к такого рода сведениям. В Библиотеке и архиве Канады (Library and Archives Canada) задача сохранения документальной базы канадской истории со временем оказалась оттеснена на второй план более широкой культурной миссией, сфокусированной на социальной памяти¹¹.

Принятие решений о включении неких документов в фонд подразумевает и решение вопроса о «владельцах», хотя фактическая принадлежность помещаемых в архив материалов редко является предметом обсуждения. В действительности архивисты тут сталкиваются с претензиями институтов и других инстанций, в рамках

которых эти документы были произведены, на то, чтобы контролировать процесс передачи документов. Государственные органы могут, согласно юридическим обязательствам, передавать свои материалы, потому что их документы официально принадлежат правительству, но какие материалы готовятся к передаче, как они готовятся, и когда акт передачи происходит — все это по-прежнему остается под их контролем. Даже в специфических институциональных условиях архивисты могут работать над фондообразованием, только если знают, как и когда вмешаться: например, опираясь на силу убеждения или на график передачи документов.

В менее формализованных собраниях процесс приобретения документов осложнен отношениями с дарителями. Нет ничего необычного в том, что частные лица, передающие в архив некие источники, склонны преувеличивать ценность предоставляемых ими материалов, которые, как им кажется, архив обязан принять на хранение; особенно это характерно для случаев, когда документы касаются личных данных и опыта и карьеры этих людей. Иногда частные дарители настаивают на том, чтобы архив принял их вклад как нечто цельное и неделимое. Кроме того, следует принимать во внимание, что и институты, и частные доноры могут быть финансовыми спонсорами или по какой-то другой причине иметь влияние на архивные поступления. Таким образом, переговоры о передаче, дарении или покупке документов могут оказаться чрезвычайно трудной частью процесса помещения документов в архив. Общение с дарителями нередко требует от архивиста не только навыков работы с документами, но и навыков работы с людьми. Итак, архивист способен противостоять поступлению документов, поощрять его и даже принуждать к нему, располагая для этого временем, знанием материалов, навыками ведения переговоров, а также — в некоторых случаях — и знанием законов.

Следующий шаг после того, как архивистам наконец удастся заполучить в свои руки документы, выбранные для включения в фонд, обычно подразумевает их тщательный анализ¹². Архивный анализ — первое открытое появление архивиста в процессе поступления документов в архив. Анализ начинается с быстрого обзора корпуса текстов, затем следует оценка их количества и формы, отделение записей, которые архивисты оценивают как рутинные и бытовые, от тех, которые имеют отношение к политике или к другим более широким вопросам (здесь может играть роль и потенциальная важность рассматриваемых документов для ученых, если этот аспект архивиста интересует). Кроме того, в рамках такого

анализа может решаться, будут ли документы сохранены как единое собрание или распределены как иллюстративный материал, адекватно ли они отражают практики той организации, в рамках которой они были созданы (если это какие-то институциональные документы); а также в какой мере эти документы отвечают потребностям архива и целям донора. В случае с электронными документами требуется уделять внимание техническим системам, форматам, стабильности данного текста (или информации) и его полезности и применимости, что особенно важно для собраний метаданных, например, если речь идет о никак не сортированных файлах электронных писем. Тут архивисты могут оценивать лишь крупные категории данных, а не отдельные файлы и документы. Во всех этих областях, на первый взгляд, рутинный анализ документов подразумевает довольно активное вмешательство со стороны архива.

Хотя архивисты как в архивах, так и в менее формальных собраниях должны принимать на этой стадии одни и те же решения, степень вмешательства в том и в другом случае может быть очень разной. То же касается и возможных переговоров, которые способен вызвать анализ документов. Например, в конце 1970-х годов консорциум архивов на северо-востоке США был создан для того, чтобы проанализировать целый склад исторических документов, которые остались от давно почивших Нью-Йоркской центральной дороги (*New York Central System*) и Пенсильванской железной дороги (*Pennsylvania Railroad*) и хранились в Корпорации объединенных железных дорог (*Conrail Corporation*). Этот архив представлял собой 110 000 метров материалов, сложенных в семь смежных ангаров. Через два года работы от них осталось около 6 000 метров. Все остальное, сочтенное в ходе работы второстепенным или вообще не имеющим особой ценности, было уничтожено¹³.

Сегодня архивисты принимают аналогичные решения и в отношении документов, которые уже однажды определили на вечное хранение. Другой пример: в начале 1980-х годов архивисты описывали документы Массачусетского верховного суда за последние 150 лет. Очень скоро они поняли, что не могут определиться, все ли дела, хранящиеся там, должны рассматриваться как одинаково ценные, свидетельствует ли толщина папки о большей ценности или о просто о большей сложности дела, а также — какие дела могли бы быть рассмотрены как характерные примеры политики суда и специфики его работы за продолжительный период времени. В данном случае архивисты прибегли к помощи местных историков.

И хотя участие историков в этом процессе было весьма существенным, оно тем не менее не освободило архивистов от стоящих перед ними трудных задач, поскольку никак нельзя исходить из того, что точка зрения современных ученых может не отражать интересы их коллег, которые в будущем могут обратиться к данному собранию¹⁴.

Следующим шагом после того, как в ходе анализа архивисты устанавливают, что, с их точки зрения, подходит для их архива, является собственно включение этих документов в хранилище. Те документы, которые в архив не включаются, либо возвращаются донору, либо (и этот вариант встречается чаще всего) уничтожаются. Иногда бумажные документы поступают в архив по частям, иногда все вместе. Из практических соображений архивисты, как правило, предпочитают, чтобы донор или непосредственно инстанция, в рамках которой документы были созданы, определили, когда желаемые документы будут поступать в архив и даже какие документы в будущем могут соответствовать тому, что в ходе анализа было признано подходящим для архива материалом. В сущности, архивист передает инстанции, продуцирующей документы, полномочия уничтожать то, что, по мнению архивистов, не нужно архиву.

Архивная оценка: определение ценности документов

Для многих историков это может оказаться неожиданностью, но, если при анализе документов некие материалы были признаны пригодными для архива, это еще не значит, что они точно будут сохранены. Если речь идет о бумажных документах, то следующим шагом будет оценка архивистом отдельных папок и комплектов документов и выяснение, какие именно из них содержат то, что было сочтено важным при первоначальном обзоре собрания в целом. В случае, когда речь идет о поступлениях небольшого объема, а также о небольших архивах, оценка может являться частью первоначального обзора. В больших архивах и с большими поступлениями оценка является более сложным процессом и может требовать участия архивистов, знакомых с аналогичными материалами и имеющих опыт работы с ними. Иногда, когда этого требует характер материалов, архивисты могут прибегать к советам историков или других внешних экспертов.

Именно на этом этапе решение о том, какие документы сохранить, а какие уничтожить, принимают — практически всегда — только архивисты. Чаще всего они пытаются избавиться от дублирующихся и «рутинных» материалов, чтобы будущий исследователь не утонул в однообразных, повторяющихся мелочах. Если при первоначальном обзоре материалы были маркированы как достаточно важные, оценка их производится папка за папкой, документ за документом. Для опытных архивистов этот процесс — хорошо знакомая, даже интуитивная деятельность: то, что в документах может показаться «несущественным» или «повторяющимся», нередко оказывается очевидным и само собой разумеющимся для архивиста, знакомого с аналогичными материалами.

Бывают случаи, когда удаляются целые группы документов, потому что архивисты считают — справедливо или нет, — что аналогичные и даже более качественные материалы могут быть найдены в другом месте. И опять-таки основание для такого рода разделения материалов лежит в сфере эссенциалистской архивной политики и конкретных институциональных определений. Однако, как отметил канадский архивист Том Несмит (*Tom Nesmith*), в процессе уничтожения одних материалов мы можем создавать другие, перегруппируя и помещая в новые контексты остающиеся, таким образом косвенно повышая их значимость¹⁵.

Оценивая отдельные документы, архивист в своей профессиональной деятельности опирается на категории свидетельства и информации, в классической форме сформулированные Теодором Шелленбергом. Понятие «свидетельства» относится к тем данным в документах, в которых заключена информация о специфике административной политики, финансовой системы и законодательства. Понятие «информация» охватывает те материалы, которые содержат данные, считающиеся важными для административных функций, например переписные листы. Так, Национальные архивы США по-прежнему используют слово «свидетельство», дабы подчеркнуть широту своей миссии, несмотря на то, что в последние годы архивисты разработали для оценки новую концептуальную рамку, выходящую далеко за пределы этих традиционных категорий¹⁶.

Именно в этой точке процесса становится совершенно очевидным упадок определенных исторических авторитетов как ориентиров в ходе оценки документов. Вся литература, которая сегодня регламентирует процесс оценки, целиком и полностью опирается

на представление о важности авторитетов, возникающих непосредственно в рамках деятельности по производству документов. Вопрос о том, что может оказаться важным для историков и других ученых в будущем, остается практически или полностью нерелевантным.

Архивистам этот эссенциалистский подход помог, кроме всего прочего, заняться решением проблемы больших объемов, как в бумажном, так и в электронном виде. Здесь вновь обнаруживается своего рода нейтральность позиции архивистов в том, что касается разнообразных исторических вопросов, школ и интерпретаций. Например, в 1980-е годы правительство США ежегодно производило около 3 миллионов квадратных метров разного рода документов; к 2002 году его сотрудники стали производить более 37 миллиардов одних электронных писем ежегодно (не говоря уже об экспоненциальном росте документооборота в целом). В перспективе архива просто не существует никакого другого реального пути оценки и сохранения этих документов, кроме того, который предполагает описание их с точки зрения их значимости для института, в рамках которого они были созданы. Более того, архивисты практически не принимали участия в анализе фактического властного устройства правительственных институтов или исторических изменений в сфере властных отношений между разного рода инстанциями. В результате архивисты вынуждены опираться на традиционные, устойчивые представления о том, что важно, а что нет, и использовать общую информацию о положении той или иной инстанции в более широкой административной иерархии того или иного института.

Таким образом, структура института или организации тоже может оказывать влияние на процесс оценки, причем порой очень хитрыми способами. Например, архивисты могут быть более заинтересованы в документировании «важных» интеракций высокого уровня и склонны не обращать внимания на деятельность подчиненных, как на «рутинную». Аналогичный выбор делается и при решении вопроса о том, какие записи могут с большей вероятностью понадобиться в будущем, и решение в результате принимается исходя из такого рода соображений, а не из представлений о каких-то непреходящих ценностях. Как бы то ни было, именно на этом пересечении ряда условий, влияющих на процесс обработки архивных материалов, создаются «исторические документы» будущего.

Архивисты все время принимают решения. Хотя международные профессиональные стандарты по-прежнему требуют, чтобы

архивисты вне зависимости от собственных интенций оценивали документы с определенной точки зрения. Однако уже само количество современных документов, особенно электронных, требует воистину драконовской политики по отсеиванию материалов, совершенно не принимающей в расчет даже самые лучшие побуждения архивистов. И хотя будущие ученые, пользователи архивов, вероятно, так и не узнают никаких подробностей, вполне может оказаться, что именно это станет главным контекстом, определившим то, какими материалами они теперь имеют возможность пользоваться¹⁷.

Вмешательство на этапах организации и описания

Практики архивной организации и описания — это следующий этап архивной активности, также имеющей существенное влияние на то, как формируется историческое знание. Если оценка — это дискриминационная практика (мы удаляем материал), то организация и описание — это практика репрезентационная и аддитивная¹⁸. Архивисты традиционно организовывали и описывали документы, чтобы обобщенно и точно выразить их содержание. На протяжении долгого времени профессиональные архивисты рассматривали этот этап (а равно и другие элементы процесса) как еще один нейтральный акт, основывающийся на объективных принципах и *respect des fonds*¹⁹. Однако подготовка описания — это еще и акт репрезентации, требующий вдумчивости и творчества. Не имеет значения, насколько профессионально она проводится и насколько беспристрастен архивист при рассмотрении документов, в любом случае — это очередной важный момент в архивном посредничестве.

Описание — это сложносоставная деятельность. В идеале предполагается, что оно должно точно передавать содержание и структуру единицы хранения, однако оно всегда зависит от возможностей и интересов архивиста, а также от тех ценностей, на которых базируется архив²⁰. И, наконец, очень ответственный и сложный момент — осуществление доступа к материалам, точка, в которой пользователи порой в отчаянии заламывают руки. В некоторых архивах описания традиционно подписывались их авторами. В принципе, это, по крайней мере, давало пользователю гипотетическую возможность получить дополнительную информацию от

архивиста, лучше всех знакомого с данной коллекцией. На практике и, особенно, по прошествии времени, пользователь вынужден прибегать к любой доступной помощи, в том числе и к помощи других ученых, работающих в архиве.

Архив Ватикана представляет собой хороший пример, демонстрирующий сложности, встречающиеся в процессе описания. Ученые многократно жаловались на то, что описания здесь очень темные и неудобные для работы. Многие ошибочно полагают, что это свидетельствует о том, что и сами фонды плохо организованы. В действительности речь идет о неадекватности структуры описания. Хотя ученые практически никогда не видят этого, сами материалы Ватиканского архива очень аккуратно организованы. Сходные материалы размещены на полках вместе, организованы хронологически, сгруппированы согласно тому, в рамках какой институции были созданы, и стоят буквально так же, как стояли там, где появились на свет. Некоторые документы стоят так уже более 400 лет. Используя язык, терминологию и протоколы, установленные еще во времена создания этих документов и служившие индексами их содержания, очень подкованный ученый может найти тот или иной документ, хотя некоторые указатели отсылают к материалам, утраченным во время Наполеоновских войн и уже несуществующим. Однако не все пользователи понимают этот специфический описательный язык, выросший на почве ватиканской бюрократии и использовавшийся при подготовке архивных справочников и индексов. Чаще всего ученые вынуждены прибегать к помощи опытных архивистов, если таковые находятся, или старательно прочесывать ссылки, составленные теми, кто пользовался Секретным архивом до них, в надежде получить ключ к потенциально полезным документам.

Если архивисты Ватиканского архива, пытаясь решить эту проблему, составляли все более исчерпывающие и точные списки, то современные архивные указатели содержат очень мало информации о контексте. Характер деятельности той институции, в рамках которой были созданы документы, никак не разъясняется. Не содержится никакой информации и о возможностях использования этих материалов: например, какие документы могут содержать сведения, касающиеся произведений искусства и художников.

Архив Конгрегации доктрины веры (*CDF — Congregatio pro Doctrina Fidei*) в Ватикане представляет собой примечательное исключение из этого правила. Под руководством Уго Балдини (*Ugo Baldini*), историка из Падуанского университета, были приложены

существенные усилия для того, чтобы проанализировать природу и характер документов Конгрегации индекса запрещенных книг, хранящихся в архиве CDF. Хотя эти документы относятся к XVI столетию, они были открыты для исследователей только в 1998 году. Цель проекта — достаточно полно продемонстрировать все разнообразие документов, институциональных процессов и организационных структур, использовавшихся Конгрегацией, так как грамотный анализ источников может быть очень эффективен для понимания интеллектуальной жизни Европы на протяжении последних столетий. Во многих отношениях проект Балдини — исключение, подтверждающее правило, распространяющееся не только на архивы Ватикана, но в равной степени и на все остальные хранилища. К сожалению, создание такого научно-справочного аппарата, в котором нуждаются большинство ученых, серьезно затрудняется масштабностью самой задачи описания, для реализации которой требуются время и знания²¹.

В других местах, например в архивах советской эпохи, историки и другие пользователи сталкиваются с иной проблемой. Здесь уже сами категории архивной классификации определяют, какого рода материалы могут быть найдены учеными. Как написал бывший глава Российского государственного исторического архива, советские архивные каталоги нередко не только помогали, но и мешали ученым в работе, поскольку представленные там описания не являлись исчерпывающими перечнями хранящихся там документов, а, скорее, пытались заранее сконструировать предмет исторического исследования для своих пользователей²². Более того, большинство западных ученых, работавших в советских архивах, вообще не имели возможности пользоваться справочными материалами, поскольку те хранились в специальных помещениях, куда имели доступ только сотрудники архива. Исследователи описывали архивистам, чем именно они занимаются, называли номера фондов и описей, в которых, если верить чужим работам, можно было рассчитывать найти нужные материалы, и надеялись на лучшее.

Кроме того, архивное описание тесно связано с еще одной задачей — физическим размещением документов по конкретным фондам в конкретном порядке. Большинство современных архивистов предпочитают сохранять оригинальный порядок документов: документы физические размещаются точно в том же порядке, в каком размещались там, где были созданы. Папки, изначально организованные хронологически, размещаются в хронологическом

порядке и в архиве; те, что были организованы тематически, сохраняют исходный тематический порядок. И вновь профессиональная объективность архивиста явно противостоит их реорганизации. Однако доверие архивиста к исходному порядку документов при подготовке архивных описаний может порой скрывать их содержание и затемнять их возможную уместность при работе над новыми темами.

Иногда организация документов в архиве отражает их исходный порядок, но часто материалы поступают в хранилища никак не упорядоченными. В этом случае архивист должен попытаться организовать документы таким образом, чтобы подчеркнуть то назначение документов, которое имеет отношение непосредственно к миссии данного архива. И здесь главное подчеркнуть, как и почему это собрание было принято в архив. Итоговые описания вполне могут быть отражением собственных идей архивиста относительно целей данного архива. Даже самые объективные описания и самая объективная расстановка все равно в некоторой степени оказывается культурно-специфической. Помещение документов политических оппонентов в «спецхран», практиковавшееся в советских архивах, или аналогичное сокрытие в отдельных архивах проводившихся ФБР расследований «диверсий», — все это пути производства и воспроизводства культурных ценностей и определения того, что именно является исторически значимым.

Такие проникательные архивисты, как Элизабет Йакель, боролись с последствиями подобного посредничества, доказывая своим порой консервативным коллегам, что научно-справочный аппарат лучше всего рассматривать как «репрезентативную систему, которая одновременно является манифестацией некоей культуры и инфраструктурой для поддержания этой культуры». Подготовка даже самых насущных архивных справочников, таким образом, «далеко не всегда является рутинной задачей. Информация перемещается с места на место, делаются допущения относительно административной и описательной информации, а также позволяют и другие вольности применительно к оригинальному тексту и структуре архивного справочника»²³. И тем не менее архивные справочники — это врата в прошлое. Как они подготовлены — не менее важно, чем их содержание.

Наконец, в сфере оценки и организации документации повсеместно обнаруживается еще одна проблема — проблема, так сказать, «пропускной способности»: просто не хватает профессио-

нальных архивистов, способных справляться со все более монументальными задачами. В последние годы некоторые архивисты попытались решать эту проблему при помощи так называемых заметок о «круге и содержании» — статей, основанных на конкретном знании архивистом некоей коллекции, но не предоставляющих при этом никаких обобщенных описаний или анализа. Такого рода заметки о круге и содержании могут, например, фиксировать, отражают ли записи структуру той инстанции, в рамках которой были созданы, и обнаруживают ли они существенные пробелы в освещении общей деятельности и делопроизводства этой инстанции. Все это вносит некоторую прозрачность в процесс описания. Однако эти заметки не могут связать прошлые и нынешние исследования с теми возможностями, которые предоставляют описываемые документы, не говоря уже о том, чтобы учитывать возможные потребности будущих пользователей архивов.

Посредничество в читальном зале: доступ к источникам и ссылки

После того как собрание организовано и описано, наступает последний этап оценки, на котором документы должны стать доступными для читателей. Однако и здесь архивист должен действовать так, чтобы правила данного конкретного хранилища относительно доступа к документам были приведены в исполнение. Вопрос о доступе в его самой обычной форме включает в себя все те обстоятельства, которые могут накладывать на материалы какие-то ограничения. В некоторых случаях эти ограничения определяются архивными законами и другого рода запретами и сопряжены с тайной личной жизни, со специфическими нормами классификации, а также более подвижными понятиями корпоративной тайны, профессиональной этики и национальной безопасности. Существуют, особенно в правительственных архивах, очень жестко установленные системы классификации, в которых засекречиванию подвергается масса документов, и особенно те, которые считаются — справедливо или нет — имеющими отношение к вопросам безопасности. Кроме того, существуют законодательные ограничения на доступ к документам, такие как американский Закон о правах семьи на образование и неприкосновенность частной жизни (*Family Educational Rights and Privacy Act*)²⁴. Архивы табачных компаний содержат в себе в высшей степени секретные

материалы, касающиеся культивации зависимости, некоторые из них были рассекречены решениями суда в рамках гражданских процессов.

Такого рода вторжение в практики классификации документов может совершаться лишь с известной осторожностью. Слишком решительная ориентация на интересы отдельных личностей или организаций при администрировании документов увеличивает риск возникновения очень закрытого документального пространства. Например, однажды библиотека Уолтера Рейтера при Университете Уэйн в Детройте, в которой содержатся материалы по трудовым отношениям и городскому развитию (*Walter Reuther Library of Labor and Urban Affairs*), ограничила доступ к своим документам, сузив круг читателей до государственных служащих с целью сократить вероятность того, что исследования в области трудовых протестов выльются в судебные процессы. В таких случаях, когда речь идет о доступе к документам, архивист эффективно функционирует как посредник между интересами создателя документа и интересами пользователя архива²⁵.

В период, последовавший за конфискацией советским правительством архивов оккупированной Восточной Европы, русские собрания в Колумбийском университете и в Стэнфорде строго охранялись, дабы их материалы не были использованы «не теми» людьми или каким-то иным способом не попали во «враждебные» руки. Подобного рода закрытость допустима в рамках частной организации, но в публичном контексте такие ограничения обычно являются нарушением прав пользователей архива. С другой стороны, если архив, будь он публичный или частный, кажется донорам слишком либеральным в том, что касается вопросов доступа к документам, то он рискует потерять их доверие. В результате важные и нужные документы могут поступить в другое хранилище, быть уничтожены или даже не созданы вовсе. В очень ответственных и важных обстоятельствах, как, например, в случае с чрезвычайно подробным архивом Международной службы розыска (*International Tracing Service*) в Бад-Арользене, Германия (обширнейшее собрание документов о жертвах нацистских репрессий, открытое для широкой публики только в 2007 году), институциональные ценности и институциональная политика неизменно ставятся выше требований доступа со стороны общества²⁶. То же самое можно сказать и об очень конфиденциальных коллекциях. В частных случаях чем-то могут помочь апелляции в суд, но и тогда деятельность архивиста все равно может быть направлена на

защиту институциональных ценностей и того, что он считает неприкосновенностью документа.

Более того, в контексте электронной документации обнаруживаются новые способы получения доступа к архивным материалам. Современная индустрия поиска и извлечения данных позволяет работать даже с наименее структурированными электронными архивами. В традиционных архивах задача сортировки больших документальных коллекций или административных бумаг была и остается неподъемной для всех, кроме самых целеустремленных и методичных исследователей. Разного рода информация содержится в традиционных архивах в состоянии, которое судья Джон Пол Стивенс (*John Paul Stevens*) однажды назвал «практически неизвестностью»²⁷. Если у профессиональных историков может быть время и желание для того, чтобы просеивать тонны документов, то у других пользователей — журналистов, законодателей и служащих верховного суда — обычно нет ни того ни другого.

Вследствие этого частные коммерческие организации разработали программы, умеющие добывать информацию из огромных хранилищ данных, и комплексы сайтов для хранения информации, соответствующей специфическим потребностям их клиентов. С одной стороны, эти коммерческие сервисы открыли для широкой публики содержимое самых разных архивов. С другой стороны, вероятность злоупотреблений — хищения персональных данных или просто несанкционированного проникновения — обуславливает необходимость работы электронных архивов со стандартами, направленными против недопустимого разглашения личных и институциональных данных. И, естественно, такие меры, противостоящие несанкционированному разглашению информации, могут стать препятствием на пути ученых, которым необходимо получить доступ к архивной информации. Страх юридического преследования за превышение полномочий вынуждает институты ограничивать доступ к их электронным хранилищам.

Наконец, в долгом процессе создания архивного собрания момент медиации возникает еще и в точке предоставления архивистом справок читателю. Это может происходить у стойки «Информация» или «Библиограф» в больших хранилищах с огромным количеством читателей или просто в ходе разговора между посетителем и хранителем. Как знает каждый архивный ученый, качество получаемой при этом информации зависит от образования, знаний, опыта и личного расположения архивиста. Мало кто из ученых, работавших в советских архивах, был не в курсе, что

маленькие знаки внимания всегда ценились в этой культуре, хотя никоим образом не являлись обязательными; и, как мы видели, историки со времен Ранке использовали разного рода личные связи для того, чтобы отпирать по-разному запертые двери.

Из всех посреднических практик архивиста, пожалуй, в наибольшей степени пострадала от архивного размежевания именно эта последняя. Новые архивисты, освоившие технологии менеджмента документов, не всегда могут действовать так, чтобы эффективным образом учитывать импликации новых историографий и других научных знаний. Предметы интереса пользователей в современных архивах уже отфильтрованы в ходе стандартных процессов оценки, организации и описания. Будущие встречи историков и архивистов, судя по всему, не будут подразумевать взаимопроникновения между опытом архивиста, полезностью описания и собственной ценностью документов, — взаимопроникновения, которое традиционно скрепляло историческое знание²⁸.

Деятельность архивиста в культурах производства документов

Работа архивиста представляет собой активную профессиональную деятельность, требующую добросовестного управления документами и записями в рамках реальных ограничений, накладываемых на накопление ресурсов. В этой роли архивист постоянно взаимодействует с документами, определяя, *что* именно будущие поколения будут знать как летопись прошлого. Очевидно, что среди практик архивиста можно выделить те, которые определяют и характеризуют саму сущность архива. Эти функции архивиста являются явными вторжениями активно действующего лица в форму исторического знания. Такого же рода влияние оказывается и на другом уровне, оно менее эксплицитно, но тоже имеет критическое значение для нашего понимания того, как составляется архивный документ. Архивисты работают в рамках специфической, рукотворной вселенной документов и делают из нее выборки. Какова будет эта вселенная, зависит от определенных культурных условий, сопутствующих и способствующих созданию документов. Эти условия также оказывают влияние на создание более широкого контекста работы активного архивиста.

Идея культуры хранения документов не нова и, разумеется, хорошо известна историкам и другим ученым таких ориентиро-

ванных на документирование стран, как Россия, Франция и Китай²⁹. Идейная и практическая миссия государственных архивов, как в демократических, так и в авторитарных странах, включает в себя не только документирование политических процессов, но и их валидацию. Национальный архив США прямо заявляет, что его миссия заключается в том, чтобы все американцы понимали, какое жизненно важное значение имеют для поддержания демократии документы³⁰. Это делает культуру документирования частью политического и социального наследия, влияющей на социальное и культурное понимание гласности и ответственности. Размышляя об истории Национального архива Франции, Люси Фавье (*Lucie Favier*) так же видит его задачу в сохранении *la memoire de l'état*, памяти государства, то есть наделяет архивы более глубокой миссией, связывая их работу с культурным представлением о Франции как о единой нации³¹. Как мы видели, и в советской, и в постсоветской России исторические архивы достаточно осознанно структурировались и репрезентовались таким образом, чтобы легитимировать политические и социальные ценности, отражая культ партии и личности, а также историческую телеологию³².

На более фундаментальном уровне господство текста в архивах отражало преобладающее (по крайней мере до последнего времени) абстрактное культурное понимание документопроизводства. Авторитет был делегирован текстам, состоящим из слов, цитируемым и анализируемым при помощи других слов. Среди прочего, это привело к длительной маргинализации визуальных и устных материалов, находящихся в архивах; хотя визуальные материалы, как продемонстрировала Джоан Шварц, больше уже не могут рассматриваться как чисто «иллюстративные» и, наравне с аудиозаписями и другими устными материалами, сегодня в некоторых архивах считаются такими же важными, как и текстовые документы (а порой даже и более важными). Фотографии, когда-то признанные «правдивыми изображениями, надежными фактами, достоверными свидетельствами некоей внешней реальности», на самом-то деле являются «продуктом социальных практик, собирающих и организующих факты и благодаря этому создающих иллюзию знания и контроля»³³. То же можно сказать и об устных материалах³⁴.

Сбор документов, которые в конечном счете станут «историческими», таким образом, с самого начала делает архивиста медиатором между противоборствующими и подвижными культурными ценностными представлениями. И в демократических,

и в авторитарных обществах нередко требуется посредничество между культурой архива, с одной стороны, и культурой группы или организации, производящей документы, — с другой. Поучительна в этом отношении известная история, случившаяся с магнитофонными записями Никсона. Вплоть до своего внезапного завершения, президентство Никсона оставалось самым хорошо документируемым правлением в истории США. Записывались практически все официальные совещания в Овальном кабинете, из которых особенную ценность для ученых представляют те, в ходе которых участники думали, что это неофициальная встреча и их никто не записывает. С одной стороны, президентский архив практически сразу стал работать над тем, чтобы сохранить эти материалы в рамках своей формальной миссии по сохранению «национального наследия». С другой стороны, архивисты действовали в соответствии с указаниями администрации президента и очень быстро оказались втянуты в ожесточенный конфликт, связанный с вопросом о том, какие именно президентские документы должны поступать в архив.

Окончательная победа гласности в этой борьбе привела в конечном счете к тому, что записи оказались в архиве, но столкновение культур, которое эта борьба отразила, имело для архивов непредвиденные последствия. Со времен Никсона, насколько нам известно, ни один из американских президентов (и, вероятно, не только американских) не допустил подобной ситуации — происходящей в реальном времени и реальном пространстве аудиозаписи. Теперь практически ничего из происходящего в Овальном кабинете (будь то официальные или неофициальные совещания) не записывается, и будущим исследователям мало что достанется для изучения. Аналогичным образом судебное решение, признавшее дневники бывшего сенатора США Паквуда государственными, а не частными документами заморозило старую культуру дневниковых записей³⁵. Даже мемуары и другие достаточно личные материалы, попадающие в печать или в интернет, становятся предметами для культурных, юридических и политических конфликтов.

Схожие ситуации могут наблюдаться и в других контекстах. Голландский архивист Питер Хорсман (*Peter Horsman*) недавно завершил свою работу по изучению городских архивов Дордрехта (Голландия). С XIII по XIX век этот город пережил ряд изменений в характере ведения и сохранения документации. На протяжении указанного периода архивы действительно отражали специфику той организации, которая эти документы производила, то есть го-

родской администрации. Но со временем, в зависимости от «поведения системы производства и сохранения документов», существенным образом изменялось «качество и полнота» архивных записей. Исследователь пришел к выводу, что меняющиеся с течением времени культурные обычаи обязательно влияют на то, что будет включено в итоговый корпус документов.

Его коллега, голландский профессор Тео Томассен (*Theo Thomassen*) идет еще дальше в своем исследовании архивов парламента Нидерландов за 1576–1796 годы. Он обнаруживает, что в течение четырех последних столетий эти архивы «постоянно подстраивались под изменяющиеся идеи и потребности». Чиновники и архивисты неоднократно реорганизовывали архивы, удаляя и добавляя документы в соответствии с политикой того времени. Архивы оказались не только «репрезентацией, но и инструментами власти, как власти собственно политической, власти руководить изменениями в обществе и контролировать их, так и власти над памятью, власти определять, как именно это общество будет запомнено»³⁶.

Таким образом, мы должны признать, что архив представляет собой сложную социальную, политическую и культурную конструкцию, продукт культурно детерминированной политики и порядков, которые вполне могли забыться за то время — десятилетия или даже века, — пока документы стояли на полках или (сегодня) лежали глубоко запрятанные в компьютерах. Активизм архивиста в этом более широком контексте — это активизм человека, борющегося, порой по истине мужественно, за то, чтобы документы создавались, сохранялись и публиковались, выполняющего таким образом свои профессиональные обязанности вопреки культурному сопротивлению. И мы не можем не признать, что даже самые активные из архивистов, принимая профессиональные решения, нередко рискуют своими должностями и постами, особенно там, где архивы созданы спонсирующими их институтами с их специфической институциональной культурой. Как мы знаем, главы национальных архивов в большинстве стран назначаются главами самих государств, даже если формально подчиняются относительно независимым законодательным органам, как это происходит в США. В области индустрии архивисты наподобие тех, кто работает с документами «Форд Мотор», «Джей-Пи-Морган-Чейз» и т. п., имеют свои линии отчетности. Например, архивист концерна «Кока-Кола» подчиняется вице-президенту по связям с общественностью. Форма отчетности в рамках такой иерархии оказывает

непосредственное влияние на структуру архива. Президентские библиотеки в США представляют собой еще более драматичный пример внутриведомственных отношений, несмотря на то, что официально они находятся под якобы политически нейтральным руководством архивариуса США.

Однако, именно изучая государственные архивы, мы яснее всего можем представить себе те трудности и задачи, которые возникали в конкретных культурах в области производства документов. В 2006 году архивариус Соединенных Штатов боролся за то, чтобы администрация Буша не засекречивала вновь те архивные материалы, срок секретности которых уже истек и которые уже стали доступны для широкой публики³⁷. Новая библиотека Клинтона включает в себя около 40 миллионов электронных писем, написанных постоянными сотрудниками президентской администрации. Нельзя быть уверенным, могли ли архивисты, организуя эти материалы, каким-то образом узнать, какого рода отбор уже прошли эти письма, и имели ли они хоть какую-то возможность передать это знание ученым. Исследование Аласдара Робертса (*Alasdair Roberts*) указывает на то, что электронная почта «слишком глубоко вошла в современную деловую жизнь, чтобы самоцензура была сколь-либо эффективна в этой сфере», и занятые чиновники, «борясь со своей все пребывающей почтой, предпочитают писать правду, потому что это проще и быстрее»³⁸. Но откровенность — это далеко не всегда то, что официальные лица хотели бы увидеть в архиве. Простота и скорость электронной почты и других средств электронной связи приводит к столь же простому удалению этих сообщений.

Парадоксальным образом Акт о свободе информации, действующий сегодня во многих странах, оказал влияние на культуру производства документов, приведя в некоторых случаях к последствиям прямо противоположным ожидаемым. В рамках организаций, производящих документы, само наличие закона о свободе информации оказывает влияние на культуру управления и коммуникации — идет ли речь о создании, сохранении или организации документов. Когда документы передаются на хранение внутри или вне архива, нередко за компоновку/цензурирование материалов, передача которых в архив происходит в соответствии со специфическими инструкциями и категориями, сформулированными в законе или из него выведенными, отвечает «специалист по свободе информации» (*FOIA officer*), таким образом осуществляющий посредничество между культурами доступа (кто-то скажет — гласности) и культурами конфиденциальности (кто-то скажет — утай-

вания). Хотя архивное сообщество очень заинтересовано вопросами адекватности документации, архивисты в действительности обладают весьма ограниченными возможностями влияния на процесс создания документов в мире бумажных носителей.

Те же проблемы наблюдаются и в процессах создания электронных документов, где архивисты редко могут добиться того, чтобы какие-то конкретные документы были созданы или переданы в архив. Например, Альфредом Чендлером было описано, как корпоративная документация претерпела эволюцию от деловой информации, связанной с закупками и продажами, к сложным системам, предназначенным для того, чтоб оценивать, анализировать и собирать на протяжении времени сведения о динамике функционирования корпорации. С его точки зрения, культура производства документов в современной индустриальной фирме стала одним из элементов, оказывающих влияние на административное и организационное развитие фирмы, и непосредственным последствием тех изменений, которые этому развитию способствовали³⁹. ДжоАнн Йейтс (*JoAnne Yates*) идет еще дальше в изучении процесса корпоративного документопроизводства и указывает на ту роль, которую играет архивист в формировании и поддержании культуры корпоративного контроля, поскольку документы — это не просто информационные источники, во многих случаях они создаются специально для того, чтобы оформить те или иные элементы стратегии и структуры корпоративной деятельности. В результате появились новые формы аналитической документации, в которых подсчитывался оборот товара в торговле, стоимость перевозки грузов за милю пути для железных дорог, количество часов на единицу продукции в производстве, — причем все эти документы создавались для того, чтобы информировать и рационализировать. Соответственно, документы в результате создаются и используются с учетом специфических осознанных ожиданий⁴⁰. Разумеется, в этой корпоративной среде никогда нельзя твердо быть уверенным, какие из созданных здесь документов окажутся частью общедоступного архива. Закрытые архивы влияют на формирование восприятия исторических процессов и интерпретации действительности.

Таким образом, активизм архивистов оказывается заключен в рамки специфических культур производства документов, и это существенно влияет на принимаемые архивистами решения, поскольку определяет, какие документы могут быть сохранены, еще до того, как архивисты успевают включиться в процесс.

Архивисты в культурах «неформальных собраний»

С вышеперечисленными культурными проблемами сталкиваются не только государственные архивы, документооборот которых в действительности представляет собой крупницу в общей вселенной документов, но и частные хранилища и менее формализованные собрания, в особенности же — архивы идентичностей и местные архивы, собирающие материалы, связанные с определенными вопросами и темами. Такого рода хранилищ особенно много в США, но существуют они и в других уголках мира. В определенном смысле именно в неформальных собраниях более ясно дают о себе знать те культурные силы, которые определяют состав архивов.

Те, кто участвуют в организации местных «исторических» собраний или архивов идентичностей, действуют в контексте специфических ожиданий относительно того, какие именно истории будут рассказываться собираемыми документами. Мы берем тут слово «исторические» в кавычки, чтобы указать на то, что, например, архивисты местных архивов, хранящих документы Гражданской войны, активно собирают информацию в США, а те, чьей задачей является документация определенных — «внешних» — исторических процессов (например, «экспансии американского запада»), практически никак не могут быть принципиально нейтральны по отношению к историям, которые их архивы будут рассказывать.

Иницилируя архивные процессы институтов, собирающих документацию, архивисты руководствуются эксплицитными миссией и целью данного архива. То же можно сказать и о тех высокопрофессиональных архивистах, которые руководят такими университетскими хранилищами, как библиотека Артура и Элизабет Шлезингер по женской истории (*Schlesinger Library of Women's History*) в Радклифском институте или Центр истории в Университете Миннесоты.

Здесь, как и везде, документы и исторические архивы, которые из них формируются, являются продуктами конкретных конструкций истории и памяти в конкретные моменты времени. Решения относительно того, какие исторические материалы передавать в эти институты, чаще всего зависят от специфических историографических концепций данного времени или от конкретных интересов групп в рамках соответствующих сообществ. Эти собрания имеют свои собственные цели, планы и интенции, эксплицитно сформулированные или, что бывает чаще, имплицитно заложенные

в современных культурных практиках, применяемых при сборе этих документов. Даже в тех случаях, когда речь идет об университетских собраниях, наподобие библиотеки Шлезингеров, конкретная академическая среда создает условия для включения одних документов в состав архива и исключения из него других, таким образом оказывая существенное влияние на историческую летопись в широком смысле.

Нередко миссии архивов являются результатом прошлых исторических интересов, переставших быть актуальными для современных исследователей. Например, в музее и библиотеке Хэгли (*Hagley Museum*) в городе Уильмингтон, штат Дэлавер, хранятся впечатляющие архивные коллекции (главным образом документы, относящиеся к периоду до середины XX века) более чем 1000 американских фирм, в том числе деловые и личные документы семьи Дюпон (*du Pont*), материалы по северо-восточным американским железным дорогам, документы, касающиеся производства железа, стали, угля и масла в Дэлавере, Нью-Джерси и Пенсильвании. Хотя идея деловой истории в таком институциональном смысле не вызывает большого интереса у современных академических историков, все же эти собрания были вновь открыты исследователями, поскольку обнаружили новые возможности использования хранящихся там материалов для изучения вопросов, относящихся к таким более современным темам, как технический прогресс, гендер и проблемы окружающей среды. В Ватикане существенную часть коллекций составляют собрания документов, связанные с теми или иными итальянскими семьями и казавшиеся когда-то архивистам очень и очень важными. Когда создавался знаменитый Институт социальной истории в Амстердаме, планировалось, что он будет заниматься в первую очередь социалистическими партиями и движениями. Хранящиеся там сегодня документы имеют огромную историческую ценность, но интересы ученых в рамках данных тем далеко ушли от тех предметов, которые сформировали изначальную концепцию этой архивной коллекции.

Могли ли решения, принятые десятилетия назад относительно включения тех или иных документов в эти и подобные крупные архивы, быть иными? Это культурный вопрос, и, поскольку архивы никак не фиксируют, какие именно документы потенциально могли бы стать архивными, но не стали ими, ответ на него не так-то легко получить.

Историк Гэри Нэш (*Gary Nash*) работал над этим вопросом в контексте изменений, происходящих в культурах собирания в рамках

частных исторических обществ Филадельфии. Он в деталях демонстрирует, как разнообразные местные интересы городской элиты определяли «историческую значимость» и как это, в свою очередь, поддерживало и воспроизводило определенные социокультурные паттерны. Среди прочего, он открывает нам, насколько редко люди, собиравшие материалы в этих хранилищах, осознавали те специфические культурные и идейные влияния, которые определяли состав их собраний. Скорее, они сами были продуктом специфических культурных практик, считающих деятельность одного сегмента местного сообщества «исторической» и явно игнорирующих деятельность других⁴¹. То же самое можно сказать и по поводу таких университетских собраний, как цифровой архив хип-хопа в Гарварде, миссия которого заключается в том, чтобы «способствовать приобретению знаний, развитию искусства, культуры и ответственного управления при посредстве хип-хопа». Здесь мы тоже видим совершенно конкретный и специфический культурный аргумент в пользу исторической значимости этой деятельности. Смогут ли будущие историки увидеть, как это смог увидеть Нэш, продукт специфического времени и специфической культуры в этой эмфазе⁴²?

В некоторых случаях решающую роль в процессе сбора документов играет культурная политика. Архивистам, работающим в таких хранилищах, как Бахметьевский архив (*Bakhmeteff Archive*) в Колумбийском университете или Институт Лео Бека по изучению истории и культуры немецкоязычных евреев (*Leo Baeck Institute for the Study of the History and Culture of German-speaking Jewry*), приходится выступать посредниками при решении вопроса о том, будут включены или нет в состав архива те или иные документы⁴³. В других случаях, особенно в архивах, занимающихся более древними документами, потенциально интересные собрания обладают еще и высокой рыночной стоимостью. Такие моменты, когда встают вопросы о том, что именно продается и покупается, а также кто за все платит, практически всегда будут влиять на решение, что будет включено в архив, а что нет. Подобные нюансы непременно являются составляющими процессов, которые в конкретный исторический период формируют исторические собрания и лежат в основе того, как архив, предоставляющий сырой материал для самых разнообразных исторических нарративов, читается и понимается. И, как отмечает Кристофер Клемек (*Christopher Klemek*), то, что было приобретено по одним причинам, может со временем оказаться «совершенно неожиданно полезным»⁴⁴. Эти культурные и рыноч-

ные обстоятельства должны быть осмыслены как активная часть культурного посредничества в конструировании исторических документов. Каждое историческое собрание имеет свой собственный нарратив формирования.

И в государственных, и в институциональных архивах, а равно и в архивах разного рода «собирающих» обществ, архивная активность является плодом культурного контекста, из которого растет и сам архив. Архивисты неизбежно являются активными агентами этой культуры, поскольку они существуют в рамках ее практик и подчиняются ее силам. Действуя в рамках культур своего собственного времени, они, берясь за свои профессиональные обязанности, неизбежно разделяют имплицитные представления о целях и природе своих собраний. Новый эссенциализм сдвинул и архивы, и профессиональных архивистов в сторону институционального контекста создания документов, однако он едва ли уменьшил их активную роль в деле сбора и организации этих материалов. Особенно там, где речь идет об электронных документах, архивисты оказываются включены в порой сложные юридические, административные и технологические системы и процессы, от которых зависит конечная форма документов и записей задолго до их поступления в архивы. Например, в политическую культуру государственных систем имплицитно включено общее представление о власти в организации и о формах управления, а также ряд предположений относительно иерархических отношений между отделами. Социоэкономические культуры частных и государственных предприятий создают другую систему представлений о значении организационных властей в корпоративных и деловых кругах. То, что архивисты, отбирая «ценные» документы, ориентируются на такие общепризнанные и культурно понятные институциональные власти, еще больше способствует созданию образа профессиональной нейтральности и беспристрастности.

В действительности процесс определения того, что именно в социальном, политическом или культурном отношении, говоря языком институциональных ценностей, «имеет существенное значение», полон разного рода едва заметного опосредования. «Ценностная нейтральность» на самом деле является отражением зависимости архивистов от более широких культурных ценностей и понятий, влияющих на формирование состава архивов. В свою очередь, эта зависимость создает пласт значений, специфическим образом контекстуализирующих значимость документов: архивист в результате «говорит» от лица организации, становится ее

неизменным «голосом» и, следовательно, выступает как не прямой представитель ее интересов.

Активный архивист и историческая летопись

На каком-то уровне очерченное нами посредничество архивиста основывается на его имплицитных или эксплицитных убеждениях относительно того, в чем собственно заключается «непреодолимая ценность» данного документа. Архивисты продолжают вести «оценочные споры», когда дело доходит до рассуждений о ценностях и предпосылках, которые должны тут привлекаться⁴⁵. «Непреодолимая ценность» может быть обусловлена важностью того круга обязанностей и той деятельности, которые в данном случае документируются, а также миссией самого архива и того, какие лица и группы населения эти записи затрагивают. В любом случае при всех этих условиях создаются архивные документы, которые будущие историки будут использовать, чтобы изучать некое конкретное прошлое.

Социальные и культурные измерения этого процесса, таким образом, оказываются совершенно неотъемлемыми его составляющими, поскольку в основе всех аспектов оценки лежат разного рода системы ценностей. Оценки, сделанные в рамках контекста специфической национальной или националистической парадигмы, неизбежно несут в себе очевидные исходные допущения относительно иерархии и степени значимости объекта архивирования. В государствах, где идейное единодушие скрывает существование подобных исходных ценностей и суждений, роль такого рода предпосылок может быть менее очевидна, чем, допустим, в государствах типа России, где происходят революционные трансформации, что, впрочем, никак не сокращает их влияние на создание архивных основ исторического знания. Архивист Ширли Спрэг (*Shirley Spragge*), призывая архивы «документировать национальную идентичность», демонстрирует нам совершенно прозрачный пример возникающих в данном случае проблем. Как отмечал и Терри Кук, и другие, совершенно неясно, в чем именно заключается «национальная идентичность» и как именно архивист может активно способствовать ее документации. Применительно к Канаде Кук называет это «канадским голосом» — голосом, ошибочно наделяющим «документированные истории отдельных групп» привилегией «быть официальными нарративами государства»⁴⁶.

Ненадежные категории социальной памяти здесь также опять начинают играть свою роль. Архивист Роберт Макинтош (*Robert McIntosh*) в своем эссе «Великая война: архивы и современная память» (*The Great War: Archives and Modern Memory*) очень хорошо описал, каким образом он и его коллеги могут выступать «создателями памяти», решая, что заслуживает сохранения в архиве, а что нет. «Во всем диапазоне профессиональной деятельности, — пишет он, — архивисты практикуют политику памяти, определяя, что именно запомнят. Это влияние может реализовываться непосредственно, через документы, которые мы создаем, получаем и уничтожаем. Но наша политика может проводиться и более опосредованно, через те ключи и подсказки, которые мы даем читателям архива. Будучи главным хранителем этой архивной летописи, Национальное управление архивов и документации создало свой собственный нарратив о войне при посредстве своих инклюзивных практик приобретения и того значения, которым оно наделило архивные записи, имеющие отношение к Первой мировой войне»⁴⁷. Терри Кук и Джоан Шварц поставили этот вопрос еще более резко, доказывая, что архивы представляют собой «активные центры, где обсуждаются, оспариваются и утверждаются социальные силы»⁴⁸.

И тем не менее суждения архивистов, которые играют свою роль «на всех этапах сохранения, организации, регистрации, публикации и экспонирования» материалов также, по замечанию Макинтоша, представляют собой оценочные суждения. Именно это подразумевает французский историк Жак Ле Гофф (*Jacques LeGoff*), когда утверждает, что документы не являются «невинным сырым материалом», напротив, они выражают «власть обществ прошлого над памятью и над будущим»⁴⁹. Вследствие обилия современных документов (логического и неизбежного последствия технической революции), возрастающей сложности социального устройства и колоссальной экспансии правительства и собственно процессов управления в XX веке «в работу» к архивистам поступают документы, наиболее востребованные в конкретный момент времени, а документация памяти эффективно скрывается за дескриптивными структурами. Активисты могут аккуратно маневрировать в этой области, строго следуя традиционным требованиям происхождения документов, сохраняя и описывая только официальные транзакции, или поддаться очевидной привлекательности идеи сохранения всего «интересного» материала, который обычно приходит вместе с этими документами. Они могут чувствовать, что их вынуждают идти

навстречу интересам и требованиям пользователей. Для архивистов типа Макинтоша решение выглядит так: не ограничивать свои функции в этом отношении, а быть открытыми и откровенными в том, что касается собственных взглядов, и «признать наше авторство, наше жизненно важное место в создании памяти общества»⁵⁰.

Однако и эта позиция не такая уж беспроблемная. Когда Макинтош и другие его коллеги пишут о роли архивистов в «создании» социальной памяти, они подразумевают, что результаты деятельности архивистов валидны не только потому, что речь идет об индивидуальных воспоминаниях, но и потому, что они (эти результаты) верифицируются документами. Таким образом, архивисты в ходе своей работы конструируют историческое знание. Но, как мы видели, социальная память сама по себе является артефактным элементом социального развития, частью самой истории. Должна ли в таком случае роль, которую играет коллективная память в разные моменты социального развития, быть осознана как собственно архивная категория? Ответственны ли в какой-то мере государственные архивы и архивисты за сбор и сохранение ее репрезентативных форм? Могут ли, наконец, эти формы каким-то образом эффективно архивироваться и каталогизироваться? Или архивисты должны отстраниться от предметов, создаваемых их собственными практиками?

Сегодня архивисты маргинализуют историографию как источник авторитета при работе с большей частью документов, и это, несомненно, повлияет на будущие исторические интерпретации. Наша коллега Нэнси Барлетт совершенно права, утверждая, что посредничество, осуществляемое архивистами, включает в себя многочисленные вмешательства в то, что уже является и когда-нибудь станет историческим свидетельством⁵¹. Формирование и представление архивных документов, таким образом, само по себе является исторической проблемой. Будучи отнюдь не прибежищами пыли и застоя (хотя мы согласны, что и того и другого может быть очень много), архивы представляют собой очень активное пространство, где постоянно совершается выбор — между приобретением и разрушением, культурным детерминизмом и его преодолением, социальным конформизмом и противостоянием, где всегда можно воспользоваться шансом что-то открыть или скрыть и, наоборот, упустить такой шанс, — динамичное пространство, где аккумулируются знания и где архивисты активно готовят то, что является историческими документами или станет ими в будущем. Как отметила Энн Стоулер, пространство архива «распола-

гается в разрыве между предписаниями и практикой, между государственными распоряжениями и теми маневрами, которые в ответ на них совершают люди, между нормативными указаниями и тем, как люди в действительности проживают свою жизнь»⁵². Будущим исследователям придется решать очень трудные задачи, связанные с пониманием институциональных ценностей и контекстов, нашедших отражение в документах и их описаниях. Сколько (и какого рода и какой формы) у них будет материалов, полностью зависит от того, что именно сегодняшние архивисты решат им предоставить, какое бы отношение эти документы ни имели к текущим историческим вопросам — это, наверное, самое важное (как для архивистов, так и для историков) значение многосложного утверждения Деррида, согласно которому «архивизация производит событие не в меньшей степени, чем документирует их»⁵³.

Глава 9

Переосмысление архивной политики: доверие, правда и закон

В феврале 1994 года Национальное управление архивов и документации США собрало конференцию по теме «Доступ к архивам» в конференц-центре в Белладжио (Италия). Вел эту конференцию исполняющий обязанности архивариуса США Труди Хаскамп Петерсон (*Trudy Huskamp Peterson*), присутствовали на ней ведущие архивисты из Западной и Восточной Европы, а также из стран бывшего Советского Союза. Вице-президент по научным исследованиям Американской исторической ассоциации (*American Historical Association*) был приглашен выступить с программной речью на тему «Ожидания историков относительно архивного доступа». На тот момент Американская историческая ассоциация участвовала в ряде судебных процессов против Национального управления архивов и документации США и предшественника Хаскампа, бывшего архивариуса Соединенных Штатов Дона Уильсона (*Don Wilson*). Предметом судебного разбирательства был доступ к тысячам документов, произведенных Советом национальной безопасности при президенте США и скрытых от ученых и широкой публики под предлогом того, что это личные бумаги президента. Сама Американская историческая ассоциация вскоре стала главным истцом по делу о пересмотре договоренности между президентом Джорджем Бушем и архивариусом Уильсоном, касавшейся перевода этих и других материалов Белого дома в Президентскую библиотеку Буша. В своем иске Американская историческая ассоциация оценивала действия Уильсона как архивариуса США в рамках данных событий как «самоуправство, произвол, злоупотребление дискреционным правом и нарушение закона»¹.

Наравне с конфликтом Левенгейма с кураторами документов Рузвельта в Гайд-парке конференция в Белладжио отразила еще один принципиальный аспект в обнаружении архивного размеже-

вания, хотя он на тот момент еще не был вполне очевиден. Эта конференция ориентировалась на традиционные представления об исторических документах и отношениях между историками и архивистами. Программная речь доказывала важность архивных хранилищ для создания истории и социальной памяти нации. Она подчеркивала их связь с формированием коллективных национальных идентичностей, во всей их сложности и противоречивости. Она доказывала, что наименее важной (и наименее интересной) концептуализацией архивов является та, что мыслит их как просто место, где хранится информация. Существенная же политическая и социальная роль при этом отводилась связям между архивными коллекциями и формированием аутентифицированных (пусть даже оспариваемых и конфликтующих друг с другом) национальных нарративов, лежащих в основе представления о политической легитимности и социальном устройстве. Национальные архивы, воспринимаемые с этой позиции, репрезентируют исключительное национальное доверие. Юридически архивные материалы являются собственностью государства, но идея законного владения подразумевает ту ложную мысль, что воспоминания и идентичности, ими сконструированные, также принадлежат государству, и государство, следовательно, имеет право на тайну личного пространства, — право, которое должно бы полностью принадлежать частным людям. Другими словами, презумпция академического доступа к архивам — открытого и беспристрастного, не сталкивающегося с политическими препонами, — должна мыслиться как первый из «фундаментальных принципов», признание которых — формальное или неформальное — было ключевым моментом в борьбе против тенденции политических властей оберегать свои собственные исторические репрезентации, свои собственные вообразимые конструкты прошлого. То же самое справедливо и применительно к негосударственным группам, поддерживающим частные собрания и архивы идентичностей.

Кроме того, был выдвинут следующий ряд принципов, развивавших эту тему: ограничения архивного доступа допустимы только в том случае, если может быть ясно и юридически корректно продемонстрировано, что вред, который публикация этих материалов может нанести общественным или личным интересам, оправдывает нарушение закрепленного законом права общества на получение информации; администрация архивов, а особенно администрация национальных архивов, должна представлять не просто интересы своих владельцев, назначающих ее и поддерживающих,

но интересы академического, исследовательского сообщества, общественную позицию которого она должна защищать; и, наконец, — архивисты в силу своей политической, социальной и профессиональной роли обязаны предоставлять полную и точную информацию об общем характере и содержании своих собраний, включая материалы, специфическое содержание которых могло быть в силу определенных причин на какое-то время изъято из научного оборота².

Как бы ни был доволен главный докладчик своим красноречием, его доклад фактически не был услышан. Большинство участников конференции были немолоды и получили традиционное историко-архивное образование, многие из них были из Восточной Европы и бывшего Советского Союза и учились в престижном Московском государственном историко-архивном институте (МГИАИ). Среди них были действительно выдающиеся ученые. Все слушали крайне благожелательно. Проблема заключалась в том, что все без исключения в этот момент переживали глобальные перемены в архивном управлении, спровоцированные бурным ростом новых технологий и производства документов, изменением юридических оснований публичного доступа, проблематичной природой общественного и частного финансирования и все более сложной политикой поддержания свободного доступа. Но самое главное, что участники конференции — особенно архивисты из бывшего Советского Союза — ясно понимали, что теперь архивы должны функционировать согласно принципам сугубо архивным, не ставя государство выше нужд и интересов ученых и других пользователей архива, а также общества в целом. Вопрос заключался в том, как обеспечить создание юридической базы, которая гарантировала бы равное соблюдение прав всех пользователей.

Природа и формы архивной политики

Для историков, как и для архивистов, политическая составляющая всегда была неотделима от всех важных вопросов, касающихся роли и функции архивов. Базовые архивные процессы оценки, приобретения, сохранения и предоставления доступа имеют важные политические импликации. Многие формы архивной политики очевидны и встречаются повсеместно — и при демократических, и при авторитарных режимах. Как отметил историк Томас Осборн (*Thomas Osborne*), «человек, говорящий из архива, — это

человек, осуществляющий посредничество между секретами и неясностями архива и того или иного рода публикой», — и такое положение дел существует во всех современных архивах и существовало в рамках исторических архивных процессов в те времена, когда архивы были связаны с самодержавными, а не с либеральными формами власти³. В дополнение к этому другой историк, Патрик Джойс, рассматривает архив как «политическую технологию либеральной правительственности», доказывая, что здесь архив тоже не является политически нейтральным и что, следовательно, связанная с архивами деятельность историков также является политической⁴. По крайней мере в том, что касается государственных архивов, Джойс абсолютно прав. Государственные архивы в любой стране мира создаются политической и административной властью и призваны обслуживать интересы государства. Они финансируются государством; те, кто там работают, являются государственными служащими. Правила и порядки этих архивов так или иначе определяются государственными указами и законами⁵.

Однако негосударственные, менее формальные архивные хранилища, сосредоточившие свое внимание на вопросах идентичности, могут также оказаться практически недоступными для исследователей. Эти хранилища не склонны ограничивать доступ к хранящимся у них материалам (если только это не было условием донора), но они и не подчиняются законам о свободе информации. В этих условиях доступ к историческим материалам может быть ограниченным — по усмотрению инстанций, контролирующих эти вопросы. Как мы видели, архивные институты при любых обстоятельствах стараются добиться (более скрыто или более явно) того, чтобы нарративы, создание которых допускают их материалы, соответствовали собственным социальным и политическим ценностям архива, его конкретному институциональному контексту, его пониманию того, что является или являлось исторически значимым. То, как они представляют свои материалы, также может определяться историографическим контекстом, актуальным на момент приобретения этих материалов.

Разумеется, в момент формирования коллекции и описательного аппарата в интересы как частных, так и государственных институтов может входить, по крайней мере в теории, защита права общества на получение информации. Национальное управление архивов и документации США само выдвинуло эту идею в качестве ключевой для «настоящего» национального архива⁶. Однако и здесь

соблюдение прав общества всегда будет зависеть от того, в какой мере представители архива выступают посредниками интересов своей администрации или намерений своих доноров. В этой перспективе архивная политика открытых (и открывающих) сообществ порой может отличаться от политики полностью авторитарных режимов лишь большей утонченностью контроля доступа к документам. Например, положивший начало советским архивам декрет, вышедший по инициативе Ленина в 1918 году, был попыткой гарантировать контроль большевиков над всеми — и историческими, и современными — архивами, распространить государственный контроль на все архивы на территории нового советского государства, исключив даже саму возможность существования независимых или частных собраний⁷. Однако и здесь государственная апроприация прошлого всегда оставалась подлежащей пересмотру со стороны тех, кто участвовал в создании документов, и архивистов, которые знали состав своих собраний.

Даже в демократических странах, где в государственные интересы входит защита объективного знания и разумно ограниченное право граждан на информацию, вопросы, касающиеся приобретения общественных документов и правительственных записей, доступа к ним, сохранения и особенно засекречивания, практически всегда решаются в пользу государства. Являясь государственными институтами, подчиняющимися административной и политической власти, государственные архивы (и государственные архивисты) несут институциональную ответственность за сохранение и защиту доминирующих политических и бюрократических ценностей, идеологий и интересов. Это может находить формальное отражение в таких уполномочивающих законах, как Акт о федеральных документах США (*U. S. Federal Records Act*), или в более жесткой форме, как это было в Советском Союзе, в бюрократических процедурах распределения и — в первую очередь — уничтожения. Хотя это не всегда очевидно, историк, работающий в государственных архивах (особенно над темами, касающимися недавнего прошлого), постоянно в той или иной форме борется с политикой государственной охраны знания. Однако и те, кто работают в негосударственных, менее формальных архивных собраниях, также вынуждены как-то бороться с политическими и социальными нарративами, в соответствии с которыми структурированы эти хранилища.

Возможно, это прозвучит несколько парадоксально, однако самые очевидные аспекты архивной политики могут порой оказываться наименее важными для историков. Когда президент Билл

Клинтон объявил о своем намерении назначить Джона Кэрлина архивариусом США, представители Американской исторической ассоциации и Общества американских архивистов (*Society of American Archivists*) посетили Белый дом, чтобы передать протест от шестнадцати американских профессиональных и исследовательских организаций⁸. Это назначение явным образом нарушало оговоренное в законодательстве условие, согласно которому данную должность мог занимать только профессиональный архивист. Свой протест по этому поводу выразили “Washington Post” и “The New York Times”⁹. Хотя эти возражения были своевременно услышаны Белым домом и получили вполне доброжелательный ответ, спустя три недели назначение все равно состоялось. Оно было единогласно принято конгрессом в 8:30 вечера в составе длинного списка назначаемых президентом должностей. Не было ни дискуссии, ни поименного голосования.

Ни для кого не было секретом, почему президент Клинтон с таким вниманием отнесся к назначению государственного архивариуса. В тот момент как раз обсуждался и разбирался в судах вопрос о президентских документах и путях их архивации. Как и большинство политиков, президент Клинтон хотел быть уверен, что его интересы (а следовательно, его «место в истории») будут представлены в соответствии с его собственными ожиданиями и соображениями по этому поводу. В этом желании он был не единственным и не первым. Честер Артур сжег свои документы в мусорных баках Белого дома. Калвин Кулидж уничтожил большую часть своих президентских бумаг в последние месяцы пребывания в должности, чтобы историки не смогли понять, как именно осуществлялось его правление. По аналогии с тем, как Ричард Никсон добивался, чтобы уотергейтские записи были признаны «частной собственностью», Джордж Герберт Уоркер Буш настаивал на том, что вся электронная переписка Белого дома принадлежит ему, — позиция, имевшая существенные последствия для сохранения документов. И шестнадцать лет спустя вице-президент Ричард Чейни все еще отстаивал право самому решать, какие из его документов являются собственностью правительства.

Эти попытки контролировать историческое понимание и толкование порой даже не пытаются скрыть. Если внимательно проанализировать слова Франклина Рузвельта на торжественном открытии его библиотеки в 1941 году, то можно услышать там смутные отзвуки слов, сказанных папой Львом XIII на открытии Ватиканского архива, а именно — указание на то, что документы

должны сохраняться и использоваться для того, чтобы у людей было «истинное» понимание своего прошлого. Библиотека Джорджа Г. У. Буша документирует его «выдающуюся общественную карьеру» как преданного слуги народа на целом ряде ответственных государственных постов; документы Рональда Рейгана «предоставляют нам физическое свидетельство о его выдающейся жизни». Прошлое и будущее, в которое следует верить, оказываются хорошо прописаны. Когда во Флориде частным коллекционером был открыт альтернативный музей и архив Джона Кеннеди, организованный вокруг тысяч предметов, оставленных на попечении личного секретаря Кеннеди Эвелин Линкольн, Президентская библиотека Кеннеди в Бостоне стала пытаться обрести контроль над материалами, которые она долгое время игнорировала. Не было никаких сомнений в том, что главной целью этих усилий было гарантировать Кеннеди, что его «место в истории» будет «правильно» представлено. Благодаря документам, полученным лишь на запрос в рамках закона о свободе информации, стало известно, что к усилиям Президентской библиотеки оспорить права частного собирателя безосновательно привлекались Национальный архив и ФБР и что сами эти попытки являлись «вопиющим злоупотреблением» делегированными полномочиями¹⁰.

Эти попытки политизировать историческое понимания настолько очевидны, что не требуют дополнительного анализа. Цель их практически ничем не отличается от той, которую преследуют, ограничивая доступ к папским архивам Ватикана, президентским архивам Франции или хранилищам советских и российских руководителей, а также к тем документам, которые в настоящее время называются президентским архивом и хранятся под замком рядом с Московским Кремлем. Кроме того, Джон Кэрлин оказался очень хорошим главным архивариусом США, несмотря на откровенно политический (и даже незаконный) характер его назначения президентом Клинтоном: национальный архив под его руководством процветал.

Действительно интересные аспекты архивной политики сопряжены с тремя куда более сложными вопросами: во-первых, с вопросом «публичных прав» применительно к архивам и архивированию: существует ли что-то, что можно назвать «публичными интересами», которые следует учитывать при управлении архивными материалами, и если они существуют, то как их следует защищать; во-вторых (и эти два момента тесно связаны между собой), с вопросом о том, что достойно хранения как часть исто-

рической летописи, кто должен принимать это решение и какими принципами при этом руководствоваться? Эти две проблемы подводят нас к третьей — к вопросу о роли закона и законности: в какой мере способы обработки прошлого архивами и активными архивистами поддаются юридическому контролю?

Вопрос об общественных интересах и «свободе информации»

Впервые представление об общественных интересах в рамках архива и управления архивом возникло в годы Французской революции. С тех пор оно неизменно играет свою роль в философии архива. Национальный архив был законодательно создан сразу после того, как Французская революция обозначила, что ее целью является благо всего французского народа. Теперь государством (*l'état*) стал не король (*le roi*), а гражданин (*le Citoyen*). Новый архив получил юрисдикцию над документами университетов, больниц, церквей, местных и центральных органов власти, при этом он должен был оставаться открытым для всех, — таким образом был заложен стандарт, который будет символизировать основополагающие, законодательно закреплённые отношения между доступом к информации и демократическим правлением.

Насколько важными оставались эти отношения в качестве ключевой демократической ценности, становится очевидно из серии событий, приведших к развалу Советского Союза и освобождению Восточной Европы. «Гласность» была не только ключевым элементом усилий Михаила Горбачева по демократизации Советского Союза; помимо этого, она выражалась в требовании открытого доступа к советским историческим архивам, который бы выступил гарантией открытого доступа к прошлому, настоящему и будущему. Немаловажно, что самые громкие призывы к такой «переоценке» советского и восточноевропейского прошлого поступали из Московского государственного исторического архивного института (МГИАИ), возглавляемого Юрием Афанасьевым.

Ведущие советские архивисты ясно понимали свою политическую роль как хранителей традиционных исторических взглядов, а также ее последствия для их профессиональной этики как архивистов и историков.

В 1987–1991 годах Афанасьев много писал на эту тему в таких популярных советских изданиях, как, например, «Литературная

газета». Он очень красноречиво говорил о том же в Центре Вудро Вильсона в Вашингтоне, в Мичиганском университете и в других американских и европейских институтах. Дискуссии о том, какое значение архивы имеют для самоидентификации общности вскоре распространились за пределы Восточной Европы и стали центральной темой для целого ряда международных конференций, в том числе для той, что состоялась в Белладжиио. Именно тогда стала очевидна роль архивистов как фигур, обладающих огромной властью «над прошлым» (факт, с которым в советское время сталкивались пользователи архивов). В Советском Союзе и Восточной Европе не только западные историки должны были получать специальные разрешения, чтобы попасть в «святая святых» архива, утверждать свои темы у людей, плохо разбирающихся в самом предмете исследования, и изменять темы согласно требованиям последних и нервно дожидаться, когда архивисты выберут, какие материалы им можно увидеть, но даже очень благонадежные и крупные советские исследователи нередко подвергались самым грубым формам надзора и цензуры со стороны администрации архивов.

Такие выдающиеся советские историки и архивисты, как Н. Н. Болховитинов, Б. С. Илизаров и С. В. Житомирская поддерживали демократические преобразования в области архивистики. В некоторых архивах самые смелые сотрудники даже предприняли собственные шаги «снизу» в направлении «демократизации» доступа к знанию, удовлетворяя таким образом трансформационные потребности позднесоветского государства. Н. Н. Болховитинов в своей статье 1990 года, опубликованной в «Американском архивисте» и, соответственно, ориентированной на западную аудиторию, доказывал, что «катастрофическое снижение профессионального уровня» советской архивной администрации было естественным последствием ее раболепия перед советским государством, и указывал на полное отсутствие выдающихся историков среди директоров архивов. Для той же аудитории С. В. Житомирская подчеркивала неполноту советской архивной документации, являвшейся следствием не столько уничтожения документов, сколько результатом действия принципов, определяющих отбор документов для длительного хранения. Б. С. Илизаров во многом разделил взгляды своей коллеги, указав на то, как дискурс противостояния «врагам» привел к тому, что архивные документы стали засекречиваться «в беспрецедентных масштабах»¹¹: «Этой ситуацией ловко воспользовались самые разные инстанции: от тех, что оставались

верными режиму секретности и поэтому расширяли свой штат или использовали архивные документы для фальсификации правовых вопросов, до тех, информация которых была полностью скрыта от ученых и общества в надежде утаить их ошибки и преступления»¹².

Необходимости нового архивного законодательства в России, естественно, было посвящено очень много публичных дискуссий. Уже в 1988 году В. С. Илизаров и другие сотрудники МГИАИ решительно воспротивились попыткам Главархива переработать архивное законодательство без широкого публичного обсуждения этой реформы. Они выступили против намерения Главархива передать управление архивами Министерству юстиции, что еще больше затруднило бы доступ к историческим материалам (и без того во многом засекреченным), а также способствовало бы закреплению государственного контроля, а не расширению административной автономии и независимости. Как отмечает в статье, написанной для реформистской еженедельной газеты «Московские новости», Юрий Афанасьев, «архивы по-прежнему малодоступны, они превратились в придаток бюрократической системы, фиксируют лишь ту память, которую эта система хотела бы сохранить», — такое положение дел требует полной переработки всех законов и постановлений, регулирующих деятельность архивов¹³. И речь тут идет не просто о доступе к архивам, а о контроле над документами, который сохраняется за различными советскими учреждениями, о политических аспектах засекречивания документов, о неразглашении информации, частном владении, неадекватности справочного аппарата, а особенно — о непосредственном контроле архивистов над тем, кто именно с какими материалами может ознакомиться, — одним словом, о политизированных практиках производства и сохранения документов в советском (и аналогично организованных) обществах.

Сразу после развала Советского Союза все эти соображения вылились в активную деятельность по подготовке одного из самых демократичных и исчерпывающих архивных законов¹⁴. Аналогичные проекты начали продвигаться в других странах бывшего Советского Союза и Восточной Европы¹⁵. Историки и другие архивные ученые с нетерпением ждали выхода новых законов, в то время как новые директора архивов, приверженцы демократических практик, по собственной инициативе открыли доступ к огромному количеству новых документов. Однако в общей эйфории оказалось незамеченным (особенно историками), что не политика сама по себе отличала советское архивное и государственное производство

и хранение документов от аналогичных практик в других странах. В какой бы мере зависимость руководства советских архивов от государства ни отражала собственные авторитарные амбиции режима, проблемы, которые возникали в советских архивах, и те части архивной летописи, которые в результате оказались повреждены, лишь подчеркивали — в большей или меньшей степени — политические проблемы, общие для государственной архивной системы всех стран, а также и для многих негосударственных, менее формальных хранилищ.

Рассмотрим центральную проблему, которая может затрагивать любой архив, — проблему доступа. Вопрос тут не сводится просто к тому, кто куда вхож, но касается специфических и сложных проблем свободы информации, права на неприкосновенность частной жизни и отношений между общественными интересами и защитой конфиденциальной информации, то есть всех проблем, связанных с засекречиванием и рассекречиванием. Большинство архивов в демократических странах не требуют от исследователя специальной аккредитации, прежде чем предоставить ему физический доступ к своим документам. Однако буквально везде доступ ограничивается другими способами, а именно тем, как архивные институты осуществляют посредничество между интересами инстанций, производящих документы, и интересами разнообразных подгрупп общества в целом.

Очевидно, что существуют разнообразные и хорошо всем известные ограничения на доступ к недавним документам, особенно к тем, что были засекречены как конфиденциальные или являющиеся государственной тайной. Тридцатилетний Международный стандарт, принятый в 1968 году и призванный гарантировать доступ ко всем архивным материалам, в том числе и к засекреченной информации, был очень важным шагом вперед для историков, учитывая, что такие государства, как Италия, засекречивали многие правительственные документы на срок до 100 лет. Однако как бы ни были хороши принципы этого стандарта, его можно нарушить даже просто из-за обилия административной рутины.

В Вашингтоне типична ситуация, когда огромное количество уже устаревших материалов из таких организаций, как, например, ЦРУ, не рассекречиваются существенно дольше, якобы дожидаясь некоего рассмотрения¹⁶. А архивы Великобритании и других стран и вовсе не применяют правило тридцати лет ко многим документам Министерства иностранных дел. Некоторые британские документы, относящиеся к Войне за независимость США, по-прежнему

остаются полностью закрытыми. К тому же Международный стандарт допускает исключения, особенно для документов, содержащих разного рода личную информацию о гражданах, причем для таких случаев в стандарте никак не оговаривается возможность предоставлять исследователям хотя бы сведения о характере этих документов. В результате из оборота извлекаются огромные объемы важной социологической информации и информации, связанной, например, с концлагерями. Хотя с точки зрения общественного интереса для этого имеются веские основания, однако решение о предоставлении доступа в таком случае принимается в зависимости от политики и ее интерпретации (и воплощения) архивистами и теми, кто имеет власть над архивными собраниями. В наиболее сложных случаях, связанных, например, с архивами ЦРУ, ФБР или КГБ, такой подход к защите общественных интересов тоже обслуживает определенные политические интересы.

Принципы и практика рассекречивания в архивах также во многом политизированы. Интересы ученых часто вступают в конфликт с интересами государства, причем не только по таким очевидным вопросам, как защита конфиденциальной информации. При любом режиме и в государственных, и в частных архивах решения о предоставлении исследователям доступа к документам принимаются на основе обычного вопроса о том, не содержат ли эти документы какой-либо информации, публикация которой может повредить интересам государства, частных лиц или организаций. В государственных архивах при решении вопроса о рассекречивании в первую очередь проводится проверка на возможный «непоправимый ущерб» — вокруг этого понятия постоянно идут споры, время от времени требующие вмешательства суда. Однако в негосударственном архивном хранилище ситуация может быть еще менее благоприятной для исследователей, потому что их право на получение информации здесь юридически никак не защищено. Например, частная американская корпорация “ChoicePoint”, предоставляющая «бизнесам и правительству помощь в принятии решений с помощью распознавания, извлечения, хранения, анализа и предоставления данных», хранит в своем архиве более 20 миллиардов документов, содержащих разного рода личную информацию — ни на один из них не распространяется американский закон о свободе информации¹⁷. В мае 2007 года Лос-Аламосская национальная лаборатория объявила, что закрывает доступ к своим документам для историков и других исследователей, потому что частная компания, к которой от Калифорнийского университета

перешло руководство лабораторией, не является государственным учреждением¹⁸.

Другими словами, рассекречивание обычно рассматривается как решение, имеющее отношение к содержанию документов, хотя чаще всего оно имеет отношение к тому, в чьем ведении находилась подготовка этих документов. Следовательно, материалы таких организаций, как КПСС или Совет национальной безопасности США, по умолчанию считаются содержащими секретные сведения. Оценка же содержания и позиции, напротив, неизбежно оказывается вопросом интерпретации, которую предлагают архивисты или уполномоченные документоведы и которая отражает институциональную политику, власть и методологию¹⁹. Изредка встречаются примечательные исключения из этого правила. В Москве в 1993 году стремительное рассекречивание более 250 000 тысяч единиц из 5 миллионов засекреченных документов обеспечивалось специальной комиссией историков и архивистов. В США аналогичная комиссия работала над рассекречиванием большого количества материалов, имевших отношение к внешней политике. К сожалению, такого рода совместные усилия являются скорее исключением, чем правилом. Кроме того, их успешность зависит от того, обладает ли конкретная организация и ее архивная часть ясным пониманием значения и важности общественных интересов и готова ли идти им навстречу.

Обсуждение архивной политики в этой сфере легко может быть продолжено и дополнено примерами других хорошо знакомых нам практик ограничения. Министерство обороны, министерство иностранных дел, разведка — все они практически всегда обладают достаточной политической силой для того, чтобы не подчиняться национальному архивному законодательству или подчиняться каким-нибудь ориентированным именно на них законам. Специальные соглашения о передаче материалов, заключаемые между учреждениями, производящими документы, и государственными архивами, по сути, представляют собой бюрократическую транзакцию, в рамках которой интересы учреждений имеют огромный вес и преобладают над интересами ученых и общества в целом, — соблюдение подобных условий необходимо для того, чтобы передача документов вообще состоялась. Целые категории документов могут не поступить в архив, несмотря на самые активные усилия со стороны архивистов. Исследователи редко знают о причинах такого рода исключительных ситуаций и, более того, вообще редко узнают о подобных прецедентах.

Помимо прочего, как бы успешно ни происходило рассекречивание старых документов, новые материалы продолжают засекречиваться, причем этот процесс идет существенно быстрее. В 2003 году правительством США было засекречено более 14,2 миллиона документов, преимущественно электронных²⁰. Учитывая, сколько сил и средств требуется для того, чтобы удостовериться в том, что документы действительно не содержат никакой информации, требующей засекречивания, госучреждения всех стран предпочитают просто полностью засекречивать специфические категории документов, ориентируясь при этом на то, кем и как они создавались, а не только на то, что именно в этих документах может содержаться. Беспокоиться о том, когда и как эти документы должны стать доступными, оставляют будущим архивистам, ученым и судьям.

Проблема во многих отношениях усугубляется в связи с внедрением новых информационных технологий. Хотя мы будем детально рассматривать электронные документы в следующих главах, здесь стоит отметить, что оцифровка данных радикальным образом изменила то, что может быть названо политическим балансом между создателем документов, архивистами и историками. С одной стороны, разумеется, оцифровка данных потенциально может способствовать значительному улучшению архивного доступа при помощи исчерпывающих и даже интерактивных справочников, а также усовершенствованного поиска документов в разных формах. Однако, с другой стороны, проблема доступа усложнилась в разы вследствие того, что компьютерные языки все время меняются, утаить информацию очень легко, переводить электронные записи в более новый формат сложно, а электронные документы легко могут быть изменены. Для архивного измерения хранения электронных документов постоянная смена технологий оказалась особенно проблематичной. Например, в 1990-е годы в Мичиганском университете полностью оцифрованная коллекция административных документов, подготовленная во время полного технологических новаций президентства Джеймса Дюдерштадта (*James Duderstadt*), инженера по образованию, всецело зависела от устаревшего программного обеспечения, когда такие программы, как *Microsoft Word*, совершенно вытеснили ранее широко использовавшиеся программы для обработки текстов — *FinalWord* и *WordStar*. Каждый из электронных документов нужно было кропотливо переформатировать, потратив на это массу денег и времени.

В США, как и во многих других странах, новые государственные законы и стандартные практики, требующие резервного копирования электронных документов, сократили влияние на историю и научное знание всевластной кнопки «Удалить» — шредера нового поколения. Однако постоянно происходят «ошибки». В начале января 2000 года Управление национальных архивов и документации США — организация, ответственная за предоставление всем остальным учреждениям США инструкций по сохранению их электронных документов, — сообщило, что в результате случайного удаления ею было утеряно 43 тысячи ее собственных документов. Хотя, по идее, у Национального архива должна была быть система резервного копирования, но, получается, что работала она плохо. Восстановить утраченные материалы так и не удалось²¹.

На первый взгляд кажется, что все эти случаи свидетельствуют просто о необходимости разработать адекватное законодательство или административные системы и нормы, регулирующие архивные практики. И действительно, за энергичными попытками большинства постсоветских стран создать после 1989 и 1991 годов новое исчерпывающее архивное законодательство стояла имплицитная потребность объективировать эти процессы с помощью тщательно прописанных законов и правил. Субъективные предпочтения, личные интересы и политические мотивы должны были уступить место профессионализму и профессионально регулируемым практикам, которые бы непредвзято защищали потребности «личности, общества и государства», если использовать формулу состоявшегося в 1998 году в честь 80-летия архивной службы России симпозиума²². Так, в основе попыток Москвы согласовать русский архивный закон 1993 года с новейшим законодательством, касающимся свободы информации и государственной тайны, лежали те же тезисы: организация архивных практик должна опираться на демократизацию, деполитизацию, доступность государственных архивов и уважение к имущественным правам других, частных, архивов²³.

Законодательная объективация и деполитизация архивных практик, несомненно, крайне важна для защиты публичного «права на получение информации» во всех обществах, сколь бы ни были развиты их демократические институты. Более того, беспрепятственный доступ к архивам является ключом к общественному самоанализу, который и становится для исследователей средством, позволяющим максимально полно и убедительно интерпретировать прошлое. Признание этих ценностей стало основой для принятия в 1966 году в США первого Акта о свободе информации. За-

тем, после революционных событий в Восточной Европе в 1989 году, аналогичные законы стали стремительно приниматься в Европе и других странах. Маастрихтский договор, создавший в 1992 году Европейский союз, включал в себя концепцию доступа к информации, официально признававшую, что «прозрачность <...> подкрепляет демократическую природу институтов и общественное доверие к [государственной] администрации»²⁴. К 2013 году законы о свободе информации существовали уже в 95 странах²⁵.

Однако даже самые развернутые законы о свободе информации не могут гарантировать полного доступа к документальной продукции общества. Кроме того, подобное законодательство никак не может регулировать то, как архивисты будут его толковать и воплощать в жизнь в ходе выполнения возложенных на них обязанностей. Большая часть законов о свободе информации требует, чтобы специфические документы или папки были запрошены. Если исследователь не знает точно, какие именно папки или документы содержат интересующую его информацию, его запрос вряд ли будет выполнен²⁶. В процессе подведения под законодательную базу работы с архивами и документами важно учитывать и то, что связанные со свободой информации процессы в значительной степени зависят от структуры и специфики доступных для широкой публики и пригодных к использованию справочных материалов и указателей к данным собраниям. В случае с восточногерманскими архивами Штази, где хранятся данные слежки, поступавшие от более чем 170 тысяч информантов, возможность извлечения информации полностью зависела от одного единственного индекса. Если бы он был уничтожен, то шанс получить специфические данные практически был бы равен нулю²⁷.

И опять-таки бурная компьютеризация создала ряд дополнительных проблем и в области хранения документов. Огромное число правительственных и неправительственных документов сегодня хранятся в виде «структурированной» информации в электронных базах данных в очень стандартизированной форме. Доступ к таким материалам часто требует использования специфических программ. В США закон о свободе информации был принят в 1996 году после того, как государственные учреждения отказались сделать общедоступными программы для доступа к электронным документам. В принципе, такие большие базы данных сегодня открыты для внешних пользователей. Однако фактически проблема доступа не исчерпана. В 2004 году министерство юстиции на запрос Центра общественного контроля о предоставлении доступа к его

базам данных по иностранным лоббистам ответило, что эти базы данных стали уже настолько ненадежными, что любое обращение к ним может спровоцировать падение программы и «потерю большого количества информации»²⁸.

В вышеописанных обстоятельствах для историков критическим остается вопрос, в рамках чьей юрисдикции интересующие их документы были составлены и кто в настоящее время контролирует содержащуюся в них информацию. Где эта информация хранится и как? И у кого хранятся ключи для доступа к ней? Даже в самых демократических обществах политикой, сопряженной с архивной практикой, можно эффективно управлять только при условии полного понимания того, как в действительности обрабатываются и аутентифицируются архивные документы, как — опосредованно или прямо — эти процессы влияют на право и возможность получать знания, и это касается как ученых, так и к общества в целом. Если те же самые вопросы волновали ученых, когда ценные бумажные документы запирались в архивах, то сегодня сам объем производимой документации сделал будущий мир исторических документов куда более подверженным политическим манипуляциям и, соответственно, менее доступным для организации и контроля со стороны самих архивистов²⁹.

Проблема «архивных записей»

В нынешнюю, постхранилищную эпоху архивов и управления документами, когда архивные институты обладают очень определенной профессиональной идентичностью и даже лучшие программы обучения архивистов редко включают в себя исчерпывающий курс истории, вопрос о том, «что является историческим», оказался заслонен проблемой, которая, на первый взгляд, может показаться исследователям неинтересной и даже эзотерической: что является «архивной записью»? В действительности от решения этой проблемы зависит, каким именно корпусом исторических текстов будут располагать будущие ученые, — и вопрос этот в настоящее время представляется сложным и нерешенным.

Нынешнее стандартное определение архивной записи очень прямолинейно: документ в любой возможной форме, свидетельствующий о каком-либо действии или взаимодействии. Архивист Дэвид Уоллес (*David Wallace*) расширяет это представление, описывая архивную запись как состоящую из трех компонентов: со-

держания, структуры и контекста, под которым понимаются как текстовые формы (например, отчеты и письма), так и обстоятельства, в которых они были созданы и использовались³⁰.

Таким образом, вопрос о том, что такое архивная запись, непосредственно пересекается с вопросом о том, какие документы будут сохранены, — основополагающим моментом при создании архива. Архивы обрабатывают и хранят записи, отражающие то общество, те организации или институты, которые определили миссию данного архива, поэтому современная тенденция в среде архивистов ставить представление об «историчности» в зависимость от более эссенциалистских концепций, выводимых из сугубо архивных принципов, очевидным образом влияет на то, какие именно свидетельства сохраняются в качестве исторических источников, даже если архивисты уже не рассматривают записи как исторические или не исторические, а только как архивные.

Что касается США, то даже если просто заглянуть на сайт Управления национальных архивов и документации, то станет очевидно, насколько в лучшем случае второстепенным фактором является историческое понимание в общей презентации Национального архива США, вопреки тому, что высечено на его фасаде. Как и другие современные архивы по всему миру, он обращается к аудитории потенциальных пользователей, в которую входят специалисты по генеалогии, учителя разного уровня, просто любопытствующие, а также те, кто нуждается в информации, содержащейся в государственных записях. Чаще всего запрашиваются материалы, касающиеся службы в армии, Декларации независимости и Конституции, фотографии времен Второй мировой войны, а также материалы, связанные с «преодолением бедственных положений» и генеалогическими вопросами³¹.

Нет необходимости вновь перечислять, как именно политика может вмешаться здесь для того, чтобы гарантировать сохранение каких-либо конкретных записей, вне зависимости от их потенциальной исторической значимости. Раньше архивисты испытывали куда меньше трудностей, определяя, достойны ли те или иные документы того, чтобы быть сохраненными в архиве. Например, в США первый полноценный закон, касающийся государственных записей, был принят в 1853 году, и он подразумевал, что *любые* документы, произведенные правительством США, должны быть сохранены; уничтожение такого рода материалов признавалось преступлением. Этому идеальному, с точки зрения историков, миру пришел конец, когда кончилось место на полках архивов.

В начале XX века конгресс США присоединился к главам федеральных ведомств в деле решения вопроса о том, какие материалы могут быть уничтожены, — эта обязанность была возложена на библиотекаря конгресса в 1912 году, а затем — на Национальный архив, который был создан в 1934 году. Более позднее законодательство США уточнило определение федеральных записей, введя новые правила их сохранения и уничтожения. Согласно закону о списании федеральных записей 1943 года, федеральными записями считаются «все книги, бумаги, карты, фотографии и другие документальные материалы *вне зависимости от физической формы и особенностей*, созданные или полученные любой инстанцией в рамках правительства США <...>» [курсив наш. — Ф. Б., У. Р.]³². Записями, «подлежащими сохранению», таким образом, являются те, что «свидетельствуют об организации, функциях, политике, решениях, внутреннем регламенте, операциях или любой другой деятельности правительства, а также те, которые содержат данные, представляющие информационную ценность» [курсив наш. — Ф. Б., У. Р.]³³. Существенно исправленный закон о федеральных записях 1950 года переработал все эти положения, но сохранил их сущность. То же можно сказать и о законе о президентских записях 1978 года, вступившем в силу с инаугурацией Рональда Рейгана в январе 1981 года. В обоих законах ответственность за сохранение материалов возлагалась на Управление национальных архивов и документации, что также подразумевало закрепление права собственности на эти материалы за правительством³⁴.

Архивные записи были осмыслены в этих законах как служащие интересам широкой публики в не меньшей степени, чем интересам государства, и понимались как находящиеся за пределами партийной политики и меняющихся форм и структур администрации правительства. В США и закон о президентских записях, и ряд поправок в закон о федеральных записях выросли из дискуссии о праве собственности на аудиозаписи Никсона, а также о вопросах, касавшихся волнений 1960-х и 1970-х годов. В деле, возбужденном Американским комитетом друзей на службе обществу против руководителя ФБР Уильяма Уэбстера (*William Webster*) с целью предотвратить уничтожение документов оперативного отдела, в которых, как предполагалось, содержалась информация о нарушении гражданских прав, суд прямо подтвердил, что, в соответствии с законом о федеральных записях, решение о том, какие материалы должны быть сохранены, принимается Национальным архивом, и выразил обеспокоенность тем, что архив теряет доверие профессиональных историков³⁵.

В этом контексте с виду бытовой вопрос о том, что такое «архивная запись», становится предметом важных споров. Когда Генри Киссинджер (*Henry Kissinger*) покинул свой пост госсекретаря США, он, несмотря на протесты со стороны Национального архива и Центрального финансового управления, взял с собой официальные, сделанные госдепартаментом расшифровки всех своих телефонных разговоров, утверждая, что это его личные бумаги, а не правительственные записи. Хотя суд первой инстанции и апелляционный суд вынесли постановление, запрещающее ему это делать, верховный суд отменил их решения, подтвердив, что только руководитель учреждения, в данном случае Киссинджер, может решать, что является, а что не является правительственными записями. Если высокопоставленные политики считают, что те или иные материалы не относятся к правительственным записям, то тут уже не действуют ни полномочия Национального архива, отвечающего за сохранение документов, ни закон о свободе информации.

Если подводить итоги, на настоящий момент нет возможности предсказать, что именно останется в архивах в качестве исторических записей и как изменится в будущем представление о том, что является архивной записью. То, как документ в конечном счете оказывается сохранен, является результатом ряда факторов и процессов, в которых политика играет роль порой очевидную, а порой едва заметную. Таким образом, понятие исторической записи, как в прошлом столь убедительно показали наши нидерландские коллеги, и как подтвердил современный опыт, — это многоаспектное представление, обусловленное действиями инстанций, производящих записи, и архивных институтов, — представление, возникшее в результате действия разнонаправленных сил, определивших, что будет сохранено.

Дело о PROFS

С развитием новых технологий электронной коммуникации повсеместно стали вестись споры даже о том, чем же, собственно, является электронное письмо. Например, в Мичиганском университете сначала считали, что электронное письмо не документ, а всего лишь суррогат телефонного разговора. Федеральное правительство присваивало электронным письмам статус документов только в том случае, если они были распечатаны. Таким образом, решение о том, что электронное письмо станет документом,

принималось зачастую совершенно случайным человеком, который — порой в результате сложной цепочки коммуникаций — нажимал кнопку «Напечатать». Эти бумажные материалы собирались, классифицировались и оценивались как традиционные документы, за их уничтожение все так же отвечало Управление национальных архивов и документации. Даже в 1989 году, когда Белый дом перешел от Рональда Рейгана к Джорджу Г. В. Бушу, руководство Управления национальных архивов и документации, в том числе архивариус Дон Уильсон и директор Президентских библиотек, продолжали доказывать, что только документы в бумажной форме могут считаться официальными документами.

Произошедшее в 1980-е годы масштабное внедрение электронного документооборота существенно усложнило все эти вопросы. Впервые активно пользоваться электронной почтой стали в годы правления президента Рейгана, тогда же впервые — в связи с делом «Иран-контрас» — международное внимание привлекли к себе форма и специфика этого нового средства коммуникации. Более 7 миллионов электронных писем были отосланы сотрудниками Белого дома — как в рамках внутренней переписки, так и в другие отделы правительства. Эта переписка осуществлялась при помощи передовой программы, разработанной IBM, которая называлась Professional Office System, или PROFS. В дополнение к тому, что программа делала копии всех писем, она позволяла сохранять приложенные к письму документы, созданные другими программами, давая таким образом получателю возможность редактировать их перед дальнейшей пересылкой или возвращением пославшему³⁶.

В 1989 году представители частной организации, располагавшейся в Вашингтоне, искали информацию о скандале «Иран-контрас» и обнаружили, что все архивные магнитные ленты PROFS, касавшиеся этих событий, было решено стереть и использовать под другие записи, поскольку все, что на них содержалось, уже было распечатано и включено в систему бумажных документов. Поскольку сами ленты документами не являлись, Управление национальных архивов и документации не имело права вмешиваться в этот процесс. Всего за 18 часов до окончания президентства Рейгана федеральный районный суд Вашингтона наложил временный запрет на уничтожение, спасший эти магнитные ленты. Так начался первый этап дела о PROFS, в котором существенную роль сыграли Американская историческая ассоциация, Общество американских архивистов и Управление национальных архивов и документации США³⁷.

Доводы, прозвучавшие в рамках этого дела, и решения, принятые на самых разных уровнях федеральной судебной системы США вплоть до верховного суда, затронули несколько актуальных вопросов. Самый главный для историков результат — признание того, что электронная коммуникация в своей первоначальной форме содержит важную информацию, не воспроизводимую при распечатывании на бумаге, и, следовательно, произведенные в ее рамках записи являются полноправными правительственными документами. А раз так, то на них распространяются все положения законов, касающихся федеральной и президентской документации, требующие — все без исключения, — чтобы документы, обладающие исторической ценностью, сохранялись, вне зависимости от того, в какой форме они существуют. В одном из судебных постановлений федерального суда Вашингтона, выпущенном в январе 1993 года, в самом конце президентства Буша, практики работы с документами, применявшиеся администрацией президента и Советом национальной безопасности, признавались «самоуправством и произволом», допускаящим незаконное уничтожение федеральных документов. Архивариус США был также осужден за невыполнение своих обязательств, установленных законом о федеральных документах. Копии электронных материалов, включая архивные магнитные ленты, было решено немедленно перевезти в архив и передать под контроль Национального архива. Материалы были перевезены с эскортом полиции в час ночи 20 января 1993 года — в день инаугурации президента Клинтона³⁸.

Однако исполнению решения федерального суда отчасти помешали следующие события. Во-первых, последовавшее за ним решение федерального апелляционного суда, согласно которому Совет национальной безопасности, наравне с большинством ведомств, созданных для предоставления консультаций президенту, не подпадает под определение, данное в рамках закона о президентских и федеральных документах, а следовательно, на него не могут распространяться положения этого закона. Кроме того, на Совет национальной безопасности (равно как и на аналогичные президентские ведомства) не распространяется и Акт о свободе информации, несмотря на то, что — как отметил судья Дэвид Тэйтл (*David Tatel*), категорически несогласный с таким решением, — сам Совет национальной безопасности уже применял в своих интересах данный Акт при четырех разных президентах. В результате документы, производимые Советом национальной безопасности, признавались личными бумагами президента, решения по которым

принимаются в соответствии с более мягкими положениями закона о президентских записях.

Во-вторых, согласно договоренности между архивариусом Уильсоном и президентом Бушем, президенту предоставлялся «исключительный юридический контроль над всей содержащейся в этих материалах информацией, касающейся президента, и всей информацией, от нее производной, в какой бы форме она ни была представлена»³⁹. Когда впоследствии выяснилось, что архивариус уже вступил в должность директора Президентского центра Джорджа Буша, Американская историческая ассоциация стала главным истцом в дополнительном судебном процессе, в рамках которого рассматривалась правомерность этих договоренностей с точки зрения закона о президентских документах, который, учитывая дело об аудиозаписях Ричарда Никсона, требовал, чтобы президентскими бумагами владели и распоряжались Соединенные Штаты Америки. В своей записке по этому делу Американская историческая ассоциация называла решение Уильсона как архивариуса США «произволом, самоуправством, злоупотреблением дискреционным правом и нарушением закона». Хотя Уильсон доказывал, что, будучи работником исполнительного органа государственной власти, он должен подчиняться главе правительства, судья федерального районного суда Ричи (*Richey*), ведший весь процесс по делу PROFS, остался полностью солидарен с противоположной стороной⁴⁰.

Исполняющему обязанности архивариуса Труди Петерсону, руководителю конференции об архивном доступе в Белладжии и временному заместителю Дона Уильсона на должности архивариуса США, было предложено приостановить реализацию этого соглашения, дабы гарантировать, если воспользоваться формулировкой из иска Американской исторической ассоциации, что «президентские документы, имеющие историческую ценность, [не] будут изъяты из собственности Соединенных Штатов Америки, уничтожены и/или [не] окажутся недоступны для общественного доступа, что нанесет урон интересам истца в сфере исторических и архивных исследований...»⁴¹. К удивлению и явной досаде нового, назначенного президентом Клинтоном архивариуса США Джона Кэрлина Американской исторической ассоциации в ходе дела о PROFS удалось добиться отмены соглашения Уильсона-Буша. Кроме того, был решен важный вопрос, касавшийся природы самих электронных документов: теперь решением суда они были спасены от уничтожения и переведены — целые и невредимые — в архив.

Как уже было сказано выше, в час ночи 20 января 1993 года — в день инаугурации Клинтона — документы были перевезены в Национальный архив: около 1850 магнитных лент поступило из Совета национальной безопасности, а еще 2843 архивные магнитные ленты — из администрации президента. Кроме того, было еще 32 магнитные ленты, оставшиеся от Рейгана, и 135 жестких дисков с компьютеров Совета национальной безопасности, которые хранились в ИТ-отделе ситуационной комнаты Белого дома и были наспех сложены в коробки и перевезены без специальной упаковки.

Исполняющий обязанности архивариуса США Труди Петерсон передал эти материалы в Центр электронной документации Управления национальных архивов, но у Центра не было оборудования, способного не только прочитать, но даже скопировать эти магнитные ленты. Все материалы были аппаратно и программно зависимыми (что нарушало принципы Центра, согласно которым он принимал документы, которые можно прочитать); кроме того, практически не было никакой документации по этим программам; и ни один из сотрудников архива не имел такого уровня допуска к секретной информации, который позволял бы работать с этими материалами, даже если бы их удалось прочитать⁴²! Историки выиграли эту битву, но хитрое использование современных технологий выиграло войну. Общественные интересы оказались одновременно и соблюдены, и попорчены.

Архивная политика и отношения доверия

Сложности дела о PROFS и связанных с ним процессов ясно свидетельствуют о том, что, сколь бы впечатляющими ни были попытки деполитизировать архивные практики с помощью законов и постановлений, комплексное законодательство даже при самых демократических режимах не может полностью регулировать то, как архивы и учреждения, от которых они зависят, осуществляют свои полномочия применительно к документам, которые находятся у них под контролем. Действующие из самых лучших побуждений архивисты сегодня активно работают над тем, чтобы электронные материалы не зависели от конкретного программного обеспечения, а значит, чтобы их можно было прочитать; новые положения Акта о свободе информации применительно к электронным документам требуют, чтобы в США, а также в других странах учреждения, подчиняющиеся этому Акту, приложили «необходимые усилия по

поиску» документов в электронных форматах за исключением (по крайней мере, применительно к США) тех случаев, когда такого рода усилия «будут создавать существенные помехи для работы автоматизированной информационной системы данного учреждения»⁴³. Новые, усложненные поисковые системы дают возможность внутреннего поиска по архивным документам необходимых исследователю материалов, таким образом создавая условия для возникновения совершенно нового поколения архивных справочников. Стоит все это немало, иногда стоимость обработки одного запроса, поданного под эгидой закона о свободе информации в сфере электронных документов, доходит до \$1000. Проблема устрашающих объемов применительно к электронным материалам оказывается ничуть не менее (а, возможно, даже более) устрашающей, чем применительно к бумажным документам. И тем не менее политика в той или иной форме остается неизбежной частью архивной практики и в постхранилищную эпоху.

Говоря все это, мы ни в коем случае не хотим приуменьшать вопиющую политическую коррумпированность архивов в таких авторитарных государствах, как, например, СССР, или недооценить то влияние, которое открыто политизированные архивы оказывают на историческое понимание, или отказать в поддержке усилиям по демократизации архивного законодательства. Нет, таким образом мы пытаемся показать, что, во-первых, задача адекватного рассмотрения объективных вопросов архивного законодательства (и особенно тех, что касаются его эффективности) требует понимания реальной локализации власти в архивах, а также того, каким образом — субъективно и объективно — эта власть оказывает влияние на административные практики. Во-вторых, что, если никакой закон не способен полностью контролировать эту власть, значит, что архивная политика (то есть управление документальным прошлым данного общества) тоже по существу своему является вопросом этики и предметом пристального внимания заинтересованных сторон. Другими словами, даже под защитой архивных законов, созданных специально в интересах общества, доступ архивных исследователей к прошлому по-прежнему держится преимущественно на отношениях взаимного доверия.

Эти отношения начинаются в тот самый, нередко тревожный момент, когда исследователь входит в читальный зал архива. И беспокойство возникает тут не столько потому, что архив сам по себе незнаком исследователю и он должен найти свой способ в нем

разобраться. Скорее, дело в том, что большинство исследователей, а особенно те, кто приехали издалека, приняли какие-то важные решения касательно своего времени, ресурсов и плана исследований только потому, что доступные им общие описи *дали основание предположить*, что в определенном архиве содержатся документы, которые могут оказаться полезны для их исследования. Историк еще ничего не *знает* наверняка, поскольку общие описи практически любого архива очень редко предоставляют пользователям информацию обо всех документах, там хранящихся, — насколько подробны эти документы, имеются ли аналогичные или дополнительные материалы в других местах и даже доступны ли вполне сами эти документы. Исследователь может только надеяться на то, что его направили в нужную сторону.

Даже подробные реестры и описания конкретных архивных фондов и групп документов требуют от исследователя понимания архивных принципов, определивших их структуру и содержание, а также уверенности в том, что архивисты действительно полностью применили эти принципы к данному материалу при организации логической структуры архива, адекватной и прозрачной. Кроме того, пользователь должен верить, что при описании отдельных файлов материал был представлен верно. Также предполагается, что архивист достиг определенного уровня исторического понимания материала и мог выделить основное содержание описываемых документов, не искажая его. Однако это ожидание основывается на собственном представлении пользователя о том, что является исторически значимым. То, что, с точки зрения архивиста, является вопросом компетенции и исторического понимания, учеными легко может быть увидено как презренная предвзятость — имплицитная или эксплицитная — в процессах, которые структурируют работу архивиста. Опять-таки связь историка и архивиста, а также и мера того, насколько историк и архивист могут в той или иной временной точке разделить общее для них понимание значимости имеющихся документов — все это базируется на отношениях доверия. Никакое архивное законодательство не может ни гарантировать прозрачности, ни создать соответствующий набор исторических категорий, применимых к этой ситуации. Еще важнее, чтобы историк верил, что, если указатели специально не говорят противного, никакие материалы не остались некаталогизированными и каким-то иным образом скрытыми, что все собрание не было искажено еще на уровне инстанции, производящей записи, которая могла удержать важные документы. Необходимо

принимать во внимание и тот факт, что никакая проверка материалов, кроме той, которую могут провести сами архивисты, невозможна, — это обстоятельство также определяет и очерчивает сложную политику, формирующую характер исторической летописи.

Организационная структура группы документов включает в себя дополнительный уровень доверия, поскольку сложный вопрос о том, как документы должны быть организованы, содержит в себе вопрос, как эти документы между собой связаны — особенно это касается электронных материалов и административных требований нашей постхранилищной эры. И здесь мы сталкиваемся с важными эпистемологическими проблемами, поскольку аналитические категории, структурирующие организацию и каталогизацию документов, неизбежно отражают ряд допущений касательно того, что именно следует знать, а следовательно, что познаваемо.

Это всегда было проблемой в процессе создания и сохранения документов, но когда историки и архивисты имели более-менее общую позицию относительно исторического понимания, и когда это совпадение взглядов было первостепенным фактором при определении места документов в архивах, ученые могли быть уверены в том, что материалы были каталогизированы в рамках точно определенных и стабильных категорий. В принципе, это всегда можно было проверить в исторических архивах посредством пересмотра всех документов, но эффективен такой метод мог быть разве что в рамках маленьких собраний — даже до взрывообразного роста количества электронной и прочей документации и расширения миссии архивов. С уходом от истории и исторических авторитетов, ставшим началом архивного размежевания, и с появлением новых электронных архивных справочников и баз данных с возможностью внутреннего поиска историк столкнулся с тем, что он не может найти полезной направляющей информации в этих ценных источниках. «Момент истины» должен быть отложен до того, как будут доставлены и рассмотрены подлинные документы — электронные или бумажные. Но и здесь практически всё, что историк может извлечь из материалов, по-прежнему зависит от ряда фактов, верифицировать которые трудно, а порой невозможно, и среди которых наиболее существенными являются следующие: что при посредстве своих агентов архив собрал такой комплекс документов, который должен доказывать специфическую историческую идею; что никакие документы не были скрыты; что эти документы адекватно представляют деятельность того или иного

человека или учреждения; что электронные и иные копии документов верно воспроизвели оригинал и вообще технологически возможны; и, особенно, что сами документы не были подделаны или каким-то иным способом искажены.

Именно в этой точке пользователь может непосредственно столкнуться с критической проблемой ограниченного доступа, где власть над распространением знания о прошлом в том виде, в котором оно содержится в архивах, проявляется наиболее ясно и наиболее проблематично. И хотя защита тайны частной жизни или государственной тайны — принципиально важные для архива моменты, сам процесс наложения такого рода ограничений создаст своеобразное пространство привилегированного знания, доступного только немногим «благонадежным», имеющим соответствующий уровень допуска. Среди них, разумеется, всегда есть группа избранных архивистов, профессиональная этика и профессиональные обязанности которых требуют от них соблюдения буквы закона и защиты секретной информации, классифицированной как таковая в рамках установленного ограничения доступа. Контроль архивистов над прошлым является не только великой миссией, но и отражает сильные властные отношения. Исследователь, не имеющий доступа к документам, знает, что он не может увидеть «полную картину», то есть понять определенные события и определенное государственное поведение, которые были маркированы как секретные (что нередко понимается как «важные») самим актом наложения ограничений на доступ. Он может лишь довериться профессионализму процесса наложения ограничений — поверить, что материалы скрываются исключительно из соображений национальной безопасности и других установленных приоритетов. Эти процессы могут происходить в рамках учреждения, производящего документы, или могут контролироваться какой-то ревизионной комиссией. Кроме того, должны быть гарантии того, что закон контролирует засекреченные документы и что, если пришло время рассекречивать какие-то материалы, это будет сделано без проволочек.

В государствах, где Акт о свободе информации может быть использован для получения удержанных и не переданных в архив материалов, проблема предстает еще более выпукло. Исследователь обычно получает документ с частично зачерненным текстом, и для получения доступа к этому отредактированному материалу уже не существует никакой готовой юридической процедуры. Этот черный цвет, редактирующий текст, *эксплицитно* превращает юридически

подкрепленный государственный контроль в отношении доверия. Исследователь может только надеяться, что архивист обошелся с предоставленным материалом компетентно, профессионально и ответственно, хотя знает массу причин, по которым все могло быть совсем иначе. В этом случае архивная функция документации может быть делегирована специально обученным сотрудникам, в обязанности которых входит в соответствии с буквой закона определять исключения из Акта о свободе информации.

И здесь мы опять сталкиваемся с фундаментальными практиками, в рамках которых архивная политика, в сущности, отражающая своего рода власть над прошлым, не может быть полностью понята историками, потому что она вырастает из системы ценностей и категорий, вовсе не относящихся к историческим. Если государственный архивариус по сути своей является профессиональным государственным чиновником, то и сотрудники архивных институтов также подчиняются юридическим и понятийным параметрам, регулирующим данное учреждение и его документы. Таким образом, архивист неизбежно оказывается инстанцией, опосредующей интересы спонсирующей стороны, что само по себе является политической функцией. Когда роли архивиста как слуги народа, с одной стороны, и слуги государства — с другой, вступают в конфликт, он обнаруживает себя стоящим перед трудным этическим выбором.

Например, что должен делать архивист, если он знает, что соотношение засекреченных материалов к незасекреченным явным образом искажает общественное понимание какого-то важного события прошлого? Все меры, предусмотренные законом для предотвращения раскрытия засекреченных документов и информации, основываются на допущении, что секретность защищает жизненно важные государственные интересы или тайну личной жизни, а значит, права человека и благосостояние общества в целом. Но никакие законы, даже самые прогрессивные, не предусматривают открытия засекреченных документов с целью продемонстрировать, что государственные чиновники допускают неверную интерпретацию того или иного события, даже если их фальсификация явным образом вредит общепризнанным государственным и общественным интересам.

Чаще всего в этой связи упоминается дело Дэниэла Эллсберга (*Daniel Ellsberg*). Бывший государственный чиновник, незаконным образом опубликовавший секретные документы Пентагона, касающиеся войны во Вьетнаме, Эллсберг спровоцировал широкую

дискуссию о правомерности разглашения государственной тайны и законности публикации секретной информации. Многие одобряли его действия. И действительно, эта публикация оказала огромное влияние на представления американцев о ходе вьетнамского конфликта. Однако, если архивист проявит подобную активность, он столкнется с самыми суровыми санкциями. Его действия будут нарушением институциональной политики, управляющей архивом, а равно и нарушением профессиональной этики, требующей, чтобы запреты и ограничения, наложенные на документы, уважались и последовательно применялись. Попытки взять на себя роль арбитра исторической правды, имеющего намерение делать то, что является этически верным, — задача, полная сложностей и неоднозначностей. Она, безусловно, заслуживает серьезного внимания, однако не может быть никак законодательно формализована⁴⁴.

Более того, в сугубо практическом отношении та мысль, что архивисты способны знать и понимать весь контекст огромных документальных собраний, находящихся под их контролем, это странный пережиток XIX века, когда хранители могли прочитать большую часть рукописей, доверенных их институтам. При том, насколько сложна сегодняшняя бюрократическая документация, воссоздание некой истории и любое расследование требует огромного количества времени и размышлений. Очень редко одного единственного документа из одной единственной папки из одного единственного фонда достаточно для того, чтобы превратить некие аргументы в нарратив, противостоящий выработанной официальной позиции. Такого рода расследование лежит за пределами обычной архивной работы.

Иногда исследование может разоблачить правонарушение, создавая моральный императив, стоящий превыше многих других профессиональных принципов. Применительно к архивистам здесь актуализируется вопрос о том, должны ли верность интересам общества и личная этика заменить собой подчинение официальным представлениям, о которых известно, что они ложные. Для историков этот вопрос представляется наиболее важным, поскольку пособничество правительственной фальсификации в области создания, сохранения и уничтожения документов, выстраивание нарратива на базе проблем или событий, которые были сфальсифицированы или скрыты, принципиально нарушают целостность всего гуманитарного знания. В то же время широкая публика должна верить, что историк тщательно прочитал документы и понял, что архивная летопись является продуктом раз-

ного рода вмешательств — и в процесс создания документов, и в процесс, ведущий к их сохранению в архиве. Сообщество пользователей, то есть читателей и зрителей, имеющих дело с конечными продуктами архивного исследования, ожидает самых высоких стандартов — полной надежности и точности исторических интерпретаций, базирующихся на столь же высоких стандартах создания и сохранения документов⁴⁵.

Говоря об архивном размежевании, следует подчеркнуть, что, если архивист, склонный делать «то, что нужно», в действительности используется в неких конкретных партийных целях, доверие к нему как посреднику между многочисленными противоборствующими интересами будет подорвано, что в результате может привести даже к вымиранию архива. В постхранилищную эпоху, когда интересы и обязанности архивиста и историка стали принципиально отличаться, архивист должен быть особенно внимательным, чтобы поддерживать баланс между интересами института и интересами широкой публики и гарантировать сохранение документов в течение долгого времени и обеспечить надежный доступ к ним будущим поколениям, вне зависимости от конкретной формы этих документов.

Ограничения закона

Сейчас должно быть очевидно, что закон имеет свои ограничения в том, что касается предоставления свободного и открытого доступа к архивной документации: как нам известно, историческая летопись всегда является результатом конвергенции особенностей документов, осознаваемых историком, и тех процессов вмешательства, посредством которых архивист и формирует фонд исторических документов. Стремительный приход эры цифровых технологий способствовал тому, чтобы такие архивисты, как Ричард Браун (*Richard Brown*), Брайан Бротман (*Brien Brothman*), Терри Кук, Верн Харрис (*Verne Harris*), Эрик Кетелаар и др. вполне осознали существование этого взаимодействия, бросающего вызов их традиционным профессиональным претензиям на объективность и нейтральность (а порой и прямо отрицающего их), вне зависимости от того, какие законы и постановления регулируют архивную практику⁴⁶.

В то же время речь не идет о том, что законы и постановления, регулирующие архивы, в каком-то смысле не важны, как раз наобо-

рот. Архивные законы и постановления, обеспечивающие открытый доступ к важнейшим документам и гарантирующие их сохранение, абсолютно необходимы для того, чтобы общество было способно понимать само себя, и являются залогом такого понимания в будущем. Законы воплощают в себе жизненно важные стандарты. Они репрезентируют социальные ценности и предоставляют эксплицитный (а равно и имплицитный) набор административных директив. Вместе с эффективным судебным процессом они могут наложить существенные ограничения на попытки скрывать информацию или каким-то иным образом ограничивать к ней доступ, каким бы затратным в смысле времени и денег ни было порой их исполнение. Эффективные законы кодифицируют процессы, определяют роли, оказывают влияние на ценности и отношения и помогают установить стиль руководства. Они репрезентируют набор стандартов, который дает возможность оценить управление конкретными архивами. Усилия по преодолению недочетов и ограничений архивного закона также предоставляют ценную возможность сконцентрировать внимание на противоборствующих и взаимосвязанных интересах отдельных людей, общества и государства, к которым должны быть чуткими все государственные архивы в демократических странах⁴⁷.

Однако отношения между формальными законами и постановлениями и реальными архивными практиками по-прежнему сводятся к одному: фундаментальные отношения между архивистом и исследователем в том, что касается обработки прошлого, базируются на доверии, а не на законе. Это по сути своей этические, а не юридические отношения. Более того, в контексте архивного размежевания, когда отношения между тем, что называют историческим, и процессами сохранения его документальных фрагментов по-прежнему остаются базовыми (несмотря на дистанцию между историком и архивистом), те, кто создают и сохраняют историческую летопись, несут на себе большую моральную, социальную, политическую и юридическую ответственность, справляться с которой помогает в первую очередь личное осознание того, что от этой работы зависит, как понимается прошлое.

Сложные процессы оцифровки данных, к которым мы обратимся в следующей главе, создали потребность в совершенно другом уровне контролируемости решений, влияющих на архивную практику. В открытых обществах, придерживающихся принципа широкого доступа к архивам, политика оценки, приобретения, доступа, сохранения, копирования документов и даже политика

обучения архивистов и управления ими не может включать в себя политику прямых идеологических манипуляций и утаивания, характерную для авторитарных режимов, но для последней все вышеперечисленное является важнейшими точками реализации и приложения усилий. И неудивительно, что одним из важнейших выводов, сделанных в 1994 году на конференции в Белладжио (с которой началась эта глава), был следующий: даже при самых благих намерениях со стороны хорошо обученных архивистов вопросы доступа — власти над прошлым — всегда и везде остаются по существу своему проблематичными.

Глава 10

Архивы и киберинфраструктура

Несколько лет назад в своем блестящем анализе влияния, оказанного печатным станком на развитие обществ, Элизабет Эйзенштейн (*Elizabeth Eisenstein*) высказала предположение, что, хотя это изобретение и послужило двигателем изменений, его последствия стали очевидны далеко не сразу и не все одновременно, они проявлялись медленно и почти неощутимо. Разумеется, со временем наборный шрифт изменил характер коммуникации, природу и форму языкового общения, а в конечном счете — даже систему властных отношений¹.

Будут ли историки рассматривать Билла Гейтса, Стива Джобса и Майкла Делла как людей, оказавших влияние на распределение власти, покажет время. Однако, в отличие от наборного шрифта, революционное воздействие персонального компьютера на характер коммуникации и языкового общения было внезапным, всеобъемлющим и всеобщим. Как двигатель изменений он включился в структуру практически всей человеческой деятельности буквально мгновенно, обеспечивая запись и передачу информации такими способами, которые еще за несколько лет до того было просто невозможно вообразить. Подобно наборному шрифту, последней великой революции в письменной коммуникации, компьютеры фундаментальным образом изменили способы создания, передачи и архивирования документов.

Даже слово «архив» приобрело применительно к персональным компьютерам специфическое значение. И, несомненно, что миллионы пользователей употребляют его, плохо представляя (или даже не представляя вовсе), что значит архивирование в формальном и институциональном смысле. Однако компьютерная революция оказала огромное влияние и на настоящие архивы, даже если по большей части случившееся оказалось едва ощутимым для

историков. Принципиально изменились представления архивистов о документах, а также представление о том, как «следует» понимать архив.

Ученые лучше осведомлены о влиянии компьютеров на книгоиздание, библиотеки и традиционную культуру печати. Когда Google в 2003 году объявил, что приступает к реализации проекта по оцифровке фондов нескольких самых важных исследовательских библиотек и планирует к 2012 году собрать более десяти миллионов томов, было очевидно, что изменения уже идут полным ходом, хотя их последствия на тот момент еще не были вполне понятны. Ясно было только то, что эта новая «киберинфраструктура» создаст для исследователей принципиально новые возможности и, подобно наборному шрифту, навсегда изменит культуру гуманитарного знания в целом.

Возможности цифровых архивов казались очень многообещающими. На них возлагались огромные надежды в том, что касаясь доступа к документам: историки будут освобождены от необходимости трудных и дорогих поездок; документы будут доступны непосредственно с персонального компьютера; полнотекстовый поиск позволит находить конкретные документы в неочевидных местах и даже ставить перекрестные ссылки между ними. И что самое главное, историки вообразили, будто эта новая киберинфраструктура, специфику функционирования которой они в действительности в большинстве своем вообще не понимали, наконец исполнит их самое главное, самое заветное желание — даст возможность сохранить любой документ и любую запись, которая хоть как-то может пригодиться историкам будущего. Ненавистное уничтожение документов будет наконец отменено раз и навсегда, поскольку проблема «слишком больших объемов» окажется решена! Казалось, все, что для этого нужно, так это ряды серверов и существенные вложения денег.

Эти воображаемые возможности разоблачают основной парадокс новой эпохи кибертехнологий: большее может в действительности оказаться меньшим. На самом деле киберинфраструктуры не способны сохранить некоторые аспекты традиционного научного пространства. С нашей точки зрения, они не только открывают новые возможности и перспективы, но и вполне могут оказывать влияние на традиционные научные постулаты и практики. Хотя торжественное шествие информационных технологий трансформирует информационные ресурсы, тем не менее, как мы видели, возникающие цифровые архивы все так же зависят от дизай-

на системы. Последний же возникает не на основе потребностей и ценностей науки и власти, которая традиционно так или иначе управляла архивными процессами и получением архивных документов. Он структурирован принципами «курирования информации» — новой концепцией архивной практики, основанной на развитии информационных технологий и компьютерной техники. Документы в цифровых архивах являются электронными не только в том, что касается их формата. Процессы их создания, приобретения, оценки, описания и сохранения также технологически осуществляются с помощью дизайна системы управления информацией.

Ученые-гуманитарии в большинстве своем (помимо разве что исследователей, занимающихся историей развития техники) не в курсе исследований и соображений киберинженеров касательно этих и других важных для архивной науки вопросов. Поскольку эти системы разрабатываются в ответ на задачи, связанные с потоком институциональной информации и поддержкой цифровых архивов, историки остаются, по существу, пассивными пользователями новых электронных продуктов и услуг. Разумеется, можно сказать, что уже с тех пор как управление архивами выделилось в отдельную профессию, историки практически не оказывают влияния на то, какие бумажные документы будут сохранены. Однако киберинфраструктура переносит вопрос о невключенности на совершенно новый уровень. Проектирование нового информационного пространства влияет на то, каким образом будущая историческая летопись будет сохраняться, полностью выйдя из-под контроля историков.

Чего в таком случае могут ожидать от киберинфраструктуры историки и архивы, все еще служащие основанием для исторических исследований? Каково ее влияние на архивные институты в том виде, в каком мы их знаем? Что будет означать улучшенный доступ, при котором можно будет пользоваться своим собственным компьютером, а не тем, что стоит в читальном зале архива? Как исследователи и архивисты будут пользоваться этими структурами в своей работе с прошлым? Какие сложности могут возникнуть при сохранении электронных материалов? Эти вопросы обращены к пока еще неясному будущему, но вполне очевидно, что структура и управленческие запросы цифровых архивов почти наверняка еще больше отделят историков от архивистов — историческое понимание от управления архивами, — то есть углубят архивное размежевание.

Киберинфраструктура/киберпространство

Применительно к архивам киберинфраструктура приобрела большую часть своего веса и значения в рамках отчета Национального научного фонда за 2003 год, подготовленного под руководством Дана Аткинса (*Dan Atkins*), профессора технических наук и декана факультета информатики Мичиганского университета. В отчете Аткинса компьютерная обработка информации рассматривалась как революционная сила в науке и технике. Киберинфраструктура определялась как «пласт передовой аппаратуры, алгоритмов, программного обеспечения, коммуникаций, институтов и специалистов», находящийся между «базовыми технологиями — интегрированными электрооптическими компонентами вычислительной техники, систем хранения и передачи данных» — и «программным обеспечением, сервисами, инструментами, данными, информацией, знанием и социальными практиками, применимыми к конкретным проектам, дисциплинам и профессиональным сообществам». Аткинс и его коллеги подчеркнули, что речь идет не просто о том, что компьютеры способствуют исследованиям в области науки и техники. Скорее, эта мощная технология рассматривалась ими как нечто существенным и основополагающим образом трансформирующее все научное знание. Мгновенный доступ к информации (сама скорость доступа) окажет влияние на темпы исследований и открытий, а широта доступа изменит основы исследования и авторитет полученных результатов. Скорость и характер коммуникации изменят само представление о совместном исследовании².

Исследование Аткинса в виде отчета Национального научного фонда США (*NSF*) было с интересом прочитано специалистами в сфере точных наук, инженерии и ориентированной на науку медицины. Кроме того, оно привлекло к себе внимание представителей социальных наук. Однако для гуманитариев оно прошло почти не замеченным, а также практически не вызвало отклика среди архивистов. В это время реализовывались и другие инициативы, которые, как казалось, свидетельствовали о более интересных изменениях. Самым значимым для историков и других гуманитариев был проект *Journal Storage Project (JSTOR)*, начатый по инициативе Фонда Эндрю Уильяма Меллона (*Andrew W. Mellon Foundation*). В рамках этого проекта оцифровывались самые важные журналы, посвященные гуманитарным и социальным наукам. JSTOR был первым крупномасштабным проектом, демонстрирующим совер-

шенно новые возможности, предоставляемые киберинфраструктурой этим дисциплинам. Огромное количество журналов внезапно оказалось доступно для полнотекстового поиска прямо с персонального компьютера.

Как это мог бы сформулировать Аткинс, JSTOR как раз отражает комбинацию аппаратных/программных институций и человеческих сообществ, способную изменить модели науки, коммуникации и порождения знания. Это должно было не только радикальным образом облегчить доступ к поиску отдельных статей или работ конкретных исследователей, но и дать возможность использовать мощные поисковые функции JSTOR для того, чтобы мгновенно обнаруживать работы по другим дисциплинам, голоса, прозвучавшие десятилетия назад, смутные отсылки внутри отдельных статей и другую информацию, никаким быстрым, внятным, а значит практически полезным способом не доступную. Более того, цитируемые работы легко могли извлекаться из базы данных, отправляться коллегам, включаться в конспекты или загружаться в библиографию — и все это с прямыми ссылками на полный текст. Буквально на следующий день многие ученые освободили свои полки от тяжелых желтеющих журнальных подшивок, поскольку отпала необходимость в их физическом наличии под рукой³.

В этом контексте актуализируется вопрос, не имеет ли киберинфраструктура куда более существенного значения для гуманитарного знания и социальных наук? Не является ли она читальным залом будущего, где нет потертых столов, удобных стульев и молчаливых соседей? Этот аспект новых технологий более полно был освещен в отчете по поводу «Нашего культурного благосостояния», подготовленном в 2005 году Американским советом научных обществ. К его чести, это исследование рассматривало киберинфраструктуру как серию широкомасштабных задач и при этом учитывало содержащийся в ней потенциал радикальных изменений, которые она способна внести в базы источников и механизмы доставки, — изменений, способных принципиально трансформировать культуру гуманитарного знания. Эти вопросы рассматривались здесь в терминах публичной доступности, «интероперабельности», стандартов, охраны авторских прав и новых научных методологий, предполагающих, что главной задачей ученых в сфере гуманитарных и социальных наук будет взаимодействие с продуктами и процессами, возникающими в рамках киберинфраструктуры. Однако этот отчет не обращался непосредственно к вопросу о характере

трансформации библиотек и архивов — как институтов и как модусов мышления. Исследование Американского совета научных обществ просто рекомендовало (без особого эффекта), чтобы гуманитарии и социологи принимали участие в происходящих изменениях, но не поясняло как⁴.

Архивы и новые институциональные хранилища

Как именно киберинфраструктура будет вытеснять традиционные «инфраструктуры» гуманитарного знания, остается неясным. Архивы и библиотеки вынуждены приспосабливаться, не вполне даже понимая, к чему именно они приспосабливаются. Трудности, встающие перед ними, имеют как собственно технический, так и культурный характер. Наиболее значимым ответом в этой области в последние годы было создание электронных «институциональных хранилищ» в разных местах, особенно же в университетах. Некоторые из них привязаны к конкретному кампусу, как например DSpace@MIT в Массачусетском технологическом институте и Deerp Blue в Мичиганском университете. Другие — более коллективные и используют такие сервисы электронной архивации, как PORTICO, или программное обеспечение с открытым исходным кодом — например FEDORA⁵.

Отчасти эти новшества являются следствием огромной работы, проделанной наукой в 1990-е годы в сфере использования технологий для поддержки совместного исследования. Университеты начали экспериментировать с новыми формами хранилищ для сбора и введения в оборот, как ими было обозначено, «контента», создаваемого в ходе факультетских исследований. Эти новые хранилища по природе своей были архивными, поскольку вырастали из ключевой функции университета. По словам исследователя в области информатики Клиффорда Линча (*Clifford Lynch*), они были «по сути, организационным решением, направленным на управление этими электронными материалами, в том числе на обеспечение долгосрочного хранения, когда это необходимо, а также организацию и распространение»⁶. Благодаря DSpace, Deerp Blue и другим аналогичным системам академическая продукция уже не ограничивается такими структурами, как журналы и монографии. Она может организовываться и распространяться непосредственно, минуя редакторские и экспертные рецензии, которые на

протяжении долгого времени были обязательной составляющей академической публикации.

Центральной здесь стала идея «управления контентом» (где этим «контентом» может быть текст, звук, визуализация или цифровые данные) — процесс, который поддерживается целым рядом программ и зависит от них. Существовавшие до того описательные и организационные концепции и модели архивов, придававшие особенное значение жанру, происхождению и достоверности, а основное внимание уделявшие интеграции функциональности документов, оказались поставлены под сомнение новыми электронными системами хранения контента. Как и фонды электронных институциональных хранилищ, эти артефакты нового типа оказались в принципиально иных отношениях с традиционными, ориентированными на печатную продукцию представлениями об авторстве, редактировании и неизменности текстов. Они явили собой новый «информационный артефакт» — очень зависимый от системы.

Кроме того, они размыли границу между архивами и библиотеками, поскольку хранилищами для этих материалов стали киберпространства, созданные специально для контента. Разделение на книги и рукописи здесь не играет роли, поскольку эти артефакты не являются объектами, обладающими специфическими физическими характеристиками, и поскольку их форма никак не влияет непосредственно на контент, содержание или формы его презентации пользователям. Фактически в киберхранилищах возникли новые цифровые объекты — электронные накопления, которые — хорошо это или плохо — сформируют исторические архивы, которые будут востребованы исследователями для изучения социальных, интеллектуальных, культурных, политических и других исторических паттернов будущего.

Поскольку информация в разных формах находится внутри такой системы, многочисленные ссылки переносят пользователя к конкретным частям и объектам за считанные секунды. Но, в отличие от бумажных архивов, здесь очень легко теряется понимание структур, связывающих все эти части и объекты друг с другом. В результате объект, появляющийся на экране компьютера, оказывается частным и отдельным «продуктом». Он «освобожден» от связей с другими материалами, если пользователь не пытается намеренно выявить его более широкое контекстуальное значение. В мире бумажных документов контекстная информация исследуемого объекта куда более очевидна — хотя бы просто потому, что

необходимо достать документ из коробки, а коробку с полки, или даже потому, что мы видим этот документ в структурированном архивном справочнике. В случае с электронными институциональными хранилищами вполне можно обнаружить архивный документ с помощью Google-поиска, толком не зная ни даты его выпуска, ни редакции, ни того, как он связан с другими релевантными документами, ни того, насколько достоверна его связь с конкретными административными процессами.

Некоторые из занимавшихся поддержкой таких электронных систем работали над тем, чтобы отобразить сведения так, чтобы контекст документов стал более очевиден. Однако и в этом случае сохранялась опасность, что какая-либо из частей такого электронного хранилища будет куда-нибудь перемещена или вовсе удалена — и ссылки окажутся полностью бесполезными. Бумажные архивы страдают от воров, пожаров и неаккуратности, из-за которой папка с документами может оказаться не на своем обычном месте: все эти проблемы требуют соблюдения определенных мер предосторожности и безопасности. Разумеется, при работе с цифровыми архивами вопрос обеспечения безопасности и соблюдения определенных правил стоит далеко не на последнем месте: эти задачи требуют новых определений, методов применения и процедур. От того, какими они будут, как будут применяться, в какой мере станут частью системного дизайна архива, существенным образом зависит понимание того, что в этих хранилищах содержится. Таким образом, это очень важные вопросы для пользователей цифровых архивов.

Управление традиционными историческими архивами формировалось параллельно формированию самого архивного фонда с небольшим отставанием — спустя некоторое время после создания самих документов, когда общую картину, которую являл собой архив, можно было оценить как бы с внешней точки зрения. Разного рода власть — административная, юридическая, культурная (и даже идеи историков) — могла создавать модели оценки архивных фондов, но эти модели были практически полностью ретроспективными, они включались в самом конце жизненного цикла документа. В новых системах «управления контентом» процесс оценивания идет, так сказать, наоборот, изнутри наружу, опираясь на другие принципы: такие системы в силу необходимости задумывались для фиксации разного рода коммуникаций в различных форматах, и в данном случае важна именно инициальная точка создания записи. В результате бо́льшая часть административных

систем, появившихся к моменту написания этого текста, столкнулась с проблемой огромных объемов аккумулируемой в них информации, что во многом связано с тем, что, в отличие от традиционных архивов, здесь все еще не определились вполне процедуры выявления «непреодоляющей ценности». Это привело к тому, что такие институты, как, например, Университет Огайо, полностью переработали свои административные информационные системы, и даже компания IBM начала работать над проблемой «переполнения» электронных почтовых ящиков. Однако в центре этих усилий оказался эффективный и быстрый информационный поток и эффективная работа компьютера, а не вопросы ценности документации или архивного хранения.

Таким образом, работа «изнутри», несомненно, предоставляла возможность сохранения большего количества контента, однако даже самые лучшие системы не способны обнаружить смысл того, что производится институтами и обществом, и отсеять материал бесполезный. Например, Internet Archive, возникший благодаря огромным вложениям предпринимателя Брюстера Кале (*Brewster Kahle*), содержит около 85 миллиардов веб-страниц, но, по крайней мере на первых этапах развития, его материалы были доступны только пользователям, знавшим конкретные URL-адреса⁷. С одной стороны, обширность этого хранилища являет собой нечто невообразимое в мире печатных документов. С другой стороны, отсутствие какой-либо материальной составляющей создало столь же невообразимые проблемы в сфере решения задач доступа и еще в большей степени — в сфере производства исторического знания, поскольку эти хранилища создавались для неизбирательной фиксации больших объемов контента. И архивисты не играют никакой роли ни в оценке этого контента, ни в процессе извлечения его из архива — по крайней мере в тех формах, которые сделали традиционные архивы основой современного исторического знания.

Будут ли такие проекты, как Internet Archive и Google Books, и дальше трансформировать модели и стиль чтения, заменяя книги и бумажные документы их виртуальными дубликатами? А главное, применительно к проблемам нашего исследования, что эти изменения значат для исторических архивов настоящего и будущего — этих порой грандиозных физических монументов, вечно хранящих артефакты создания исторического знания? Вне всякого сомнения, киберинфраструктура меняет процессы создания документов и авторитет документального свидетельства самым фундаментальным образом.

Хотя многое остается неясным в этом постоянно меняющемся кибермире, можно сказать с определенной долей уверенности, что отдельные ученые и ученые сообщества должны активно стремиться к пониманию (и даже изменению) того, как эти новые электронные архивы будут функционировать, если научное исследование и сама научная коммуникация планируют оставаться относительно прозрачными. Это в равной степени относится и к архивам, существующим в рамках институтов, и к стремительно растущему числу институционально независимых архивов. Архивное размежевание только усугубится, если ученые будут неспособны интерпретировать то, что они находят в этих обширных собраниях электронного контента. Однако ясно, что в каком-то смысле «поезд уже ушел». Практически без всякого участия историков и других гуманитариев формат источников в архивах уже начал меняться: уже установлены или находятся в процессе разработки сложные новые программы и протоколы доступа. Как это повлияет на характер исследования будущих историков — остается вопросом открытым и очень тревожным.

Цифровые архивы и сохранение документов

Трансформации киберпространства имели огромное влияние на архивную мысль и архивную практику. Пусть еще далекая от воплощения сама идея полностью цифрового документооборота подвела архивистов к тому, чтобы пересмотреть традиционные представления о том, как институциональная деятельность и институциональные процессы связаны с документами.

На протяжении всего XX века процессы создания бумажных документов в институциональном контексте подразумевали собственную «инфраструктуру», состоящую из секретарей и делопроизводителей, преобразовывавших тексты в поддающиеся архивированию формат — «письмо», «записка», «форма», «отчет», «протокол». Эти делопроизводители заботились о том, чтобы подготовить нужное количество копий, систематизировать их и создать то, что в конечном счете станет документом бессрочного хранения, если, конечно, его сочтут достаточно ценным. Физическим хранилищем этих записей и ключевым элементом информационного потока был прозаический канцелярский шкаф, «структурный элемент» обработки бумажной документации, в котором обычно находилось место и для менее формальных материалов —

записок, черновиков, справочной литературы и даже каких-нибудь случайных почеркушек, вроде тех, что были обнаружены в шкафах секретаря Джона Кеннеди⁸. В идеальной ситуации активное вмешательство профессиональных архивистов, определяющих долгосрочную ценность документов, гарантированно происходило после того, как содержимое шкафа упаковывалось и отправлялось на постоянное хранение. На этом этапе архивисты могли рассчитывать (по крайней мере, теоретически), что полученная документация полностью или почти полностью отражает процессы и дела конкретного человека, ведомства или учреждения, как они были зафиксированы в документах.

Информационные технологии радикальным образом изменили эту культуру делопроизводства. Канцелярский шкаф как система сохранения документов уже практически анахронизм. В современных офисах «протокольные» документы подготавливаются преимущественно на компьютерах, являющихся собственностью самого института или учреждения и включенных в обширные внутренние информационные системы. Эти системы не только имеют свои собственные форматы и шаблоны, но также и собственный набор параметров и задач. Чтобы с ними разобраться, архивисту нужно было бы присутствовать как при их создании, так и при их использовании.

Все эти договоры, решения, контракты, меморандумы, отчеты и даже важные неформальные документы, создаваемые и распространяемые в электронном виде в рамках таких систем, обладают рядом специфических атрибутов. У них есть авторы, получатели, даты и нередко даже эквивалент фирменного бланка, хранящийся в операционной системе и автоматически применяемый ко всем документам. Личность получателя и его место работы также является функцией электронного справочника этого учреждения, систематическая и качественная поддержка которого, в свою очередь, зависит от технического персонала. Разумеется, во многих случаях документы создаются и хранятся вне этих систем — на ноутбуках, на мобильных устройствах, в личной электронной почте и т. п. По сути, все это, кроме официальных документов, является эквивалентом неофициальных дневников и личных записей, определявших в прошлом историческое понимание. И опять-таки — средства и способы сохранения такого рода цифровой информации очень нестабильны и бессистемны.

Увольнения сотрудников и их уход на пенсию тоже являются проблемным моментом: содержимое личного компьютера

увольняемого сотрудника, как правило, состоит из смеси личных и профессиональных, исследовательских и рабочих вопросов. Сегодня вполне обычна ситуация, когда с одного ноутбука можно открывать десятки тысяч электронных писем и бессчетное количество текстовых и прочих документов, представляющих собой части обязательной документации и доступные только определенным зарегистрированным пользователям. Такие компании, как “Ford Motor”, запрещают своим сотрудникам использовать рабочие электронные ящики для личных нужд. Политика университетов и других институтов менее однозначна. В любом случае, для того чтобы «освободить кабинет», нужно либо просмотреть весь накопившийся материал и решить, что сохранить, а от чего можно избавиться, либо просто отложить все это «на потом» — что, по сути дела, означает игнорировать ту пользу, которая может быть извлечена из архивной оценки. Однако даже нажатие кнопки “Delete” стирает далеко не все следы того, что человек хотел уничтожить.

В информационных системах, работавших с бумажными документами, процесс сохранения последних был далеко не безукоризненной наукой, а уж трудности, связанные с цифровыми материалами, стали для архивов настоящей проблемой, поскольку разного рода элементы, определяющие контекст и авторитетность цифровых записей, располагаются в совершенно отдельных и нередко заточенных под конкретные нужды технологических системах. Последние, в свою очередь, связаны между собой с помощью специфических и тоже очень индивидуализированных компьютерных приложений. Атрибутами же цифровых документов являются, по сути, несистематические «поисковые теги». Они придают документам определенный порядок, позволяя сортировать их в цифровой среде по таким простым категориям, как дата, получатель или тема, поэтому то, что в мире бумажных документов было бы состоящим из нескольких частей меморандумом, теперь, как правило, создается и обнаруживается в виде серии электронных писем, текстовых приложений и другого рода гибких форм. В отдельных случаях копии документов могут поступать ассистенту или секретарю и даже распечатываться и храниться по старинке. Стандарты и такие коммерческие системы, как Documentum, только недавно начали возникать как ответ крупных институтов на трудности, связанные с управлением контентом. Однако независимые авторы или, например, адвокаты работают на своих персональных компьютерах и создают свои собственные архивы, по-

прежнему зависящие от конкретного программного обеспечения и оборудования.

Кибермир подрывает саму идею документа вечного хранения. Специфика индивидуального форматирования и использования стилей применительно к конкретным компьютерам и компьютерным сетям очень эффективно связывает документы с определенными форматами, которые постоянно и зачастую очень быстро изменяются. Дискеты сменяются жесткими дисками; жесткие диски — флэшками; флэшки становятся все меньше, а файлов записать на них можно все больше; а поскольку дырки в карманах еще никто не отменял, огромное количество записей может исчезнуть где-нибудь под сиденьем самолета или такси; хорошо, если они еще куда-нибудь когда-нибудь были скопированы. Сегодняшний школьник вряд ли знает, как выглядела 5-дюймовая дискета; еще менее вероятно, что он сможет найти способ прочитать, что на нее записано. Даже 3-дюймовые дискеты — какое-то время назад бывшие настоящим нововведением — уже стали музейным экспонатом⁹.

В сущности, записи сегодня в основном «архивируются» в большие, относительно недифференцированные и нередко ненадежные папки, предназначенные для потенциально исторически ценных документов, специфичных для одного этого компьютера, жесткого диска или сервера — даже если они систематически, преднамеренно сохраняются на уровне учреждения. Даже резервные копии файлов — это обоюдоострый меч для архивиста. Если их существование подразумевает, что информация, которую в какой-то момент сочли неважной и, как следствие, удалили, может быть восстановлена, то кнопка “Delete” подразумевает, что ненужная или нежелательная информация действительно удалена. Соответственно, восстановление этой информации разрушает более тщательно составленную картину, нашедшую отражение в сохраненных документах. И, наконец, самое главное: пользователи обычно хранят свои документы на компьютерах, которые считают как бы своими, особенно это касается институтов, снисходительно относящихся к использованию их систем не только для рабочих, но и для личных нужд. Это неизбежно создает напряжение между личным и официальным, между тем, что находится в ведении архива данного института, и тем, что сохраняется и уничтожается исключительно по собственному усмотрению сотрудника.

Поскольку киберинфраструктуры стремительно распространяются, вопросы архивирования электронной документации начали привлекать довольно много внимания. Например, датские

разработчики энергично взялись за проектирование таких комплексных систем, которые бы отслеживали и собирали записи, создаваемые в рамках правительственных процессов на городском и национальном уровнях. Национальный архив Дании стал требовать, чтобы содержимое всех правительственных информационных систем полностью передавалось в архив каждые пять лет для рассмотрения и оценки. Разные ведомства далеко не одинаково отреагировали на эту программу, но Дания, по крайней мере, выработала комплексный подход к этой проблеме.

Там, где таких инициатив еще не возникло, трудным вопросом для архивов и архивистов стало отсутствие сколь-либо ясного понимания того, как записи создаются и хранятся, и систематического институционального контроля над этими процессами. По сути, куратором документа сейчас чаще всего становится человек, его создавший. Решение задачи систематического ведения документации — сохранения тех материалов, которые заслуживают стать частью исторической летописи, — зависит непосредственно от того, кто эту документацию создает. В некоторых местах (например, в Национальной библиотеке в Париже) архивисты попытались решить эту задачу сами, потребовав, чтобы те, кто создают документы, «декларировали» их содержание, и особенно отмечали, конечная («официальная») это версия документа или только черновик. Во время «декларирования» документ может быть переведен в центральное «архивное» киберпространство «своего» института в том виде, в каком он существует на данный момент. В результате архивные функции организации и описания официально становятся производными от того, как именно спроектирована конкретная система, в которой они «работают». Остальные, «незадекларированные» документы остаются на личных компьютерах и могут быть уничтожены (или сохранены) по усмотрению пользователя.

Однако и здесь оценка документов становится функцией самой системы, а не делом профессиональных архивистов в момент (и в случае) перевода документов в официальное хранилище. Приписывание документу непреходящей ценности неизбежно базируется на представлениях, условно говоря, разработчика системы, а не зависит, как это было прежде, от архивистов. Даже когда имеются инструкции, определяющие, что должно быть сохранено, а что уничтожено, выполнение этих инструкций все так же зависит от создателя конкретной записи (будь это отдельный человек или собственно системный дизайн), а не от архивиста, осведомленного о задачах и потребностях сохранения документов и профессио-

нально работающего в этой сфере. Если инструкции по сохранению документов интегрированы в саму систему с целью автоматического контроля за тем, что сохраняется, а что уничтожается, то результат в конечном счете оказывается еще в большей степени зависимым от временных систем управления документами, а не от соображений потенциальной будущей пользы.

В других сферах, особенно в рамках корпораций, существуют (или стремительно разрабатываются) системы управления контентом, стремящиеся ограничить или даже полностью исключить возможность личного контроля информации. В США, когда закон Сарбейнза–Оксли (вступивший в силу после скандала, связанного с компанией “Enron”) установил формальные требования, касающиеся корпоративной ответственности, были разработаны системы, способные прочесывать корпоративную электронную почту и другие системы коммуникации, собирать конкретные документы и переносить их прямо в центральную папку, расположение которой было строго фиксировано. Эти системы тщательно продумывались таким образом, чтобы в полной мере отвечать юридическим и административным требованиям, однако они вообще никак не учитывают потребности научного, и, в частности, исторического, исследования. Обычно они структурированы так, что полный доступ к их контенту имеет поставщик системы. В некоторых случаях компании, занимающиеся менеджментом данных, за деньги предоставляют информацию, собранную этими системами, ее же создателям.

Когда собранный контент наконец станет частью исторических архивов будущего, для более полного его анализа архивистам и исследователям потребуется информация, в рамках какой системы эти документы создавались и для чего использовались. Архивная текстура (которая должна отражать, что продвигалось, а что замалчивалось в процессе производства материалов), возникающая в условиях электронного хранилища, с большей вероятностью, чем в случаях с бумажными документами, окажется практически нечитаемой для того, кто не знаком с тем, как именно в действительности работали системы производства документов. В таких обстоятельствах технические руководства, обрисовывающие информацию, которую архивист может получить, могут стать даже более важным «архивным справочником», чем сложные поисковые системы. Создателям же поисковых систем скорее всего придется учитывать природу архивной текстуры при работе над своими программами сбора данных — если они хотят, чтобы получаемые

материалы отражали исторические обстоятельства, при которых они были созданы¹⁰.

Однако даже при наличии самых лучших поисковых систем историки и другие исследователи не могут рассчитывать на то, что киберархивы будут содержать хоть что-то, напоминающее полный свод документов, как не могли они на это рассчитывать и применительно к бумажным архивам. Почти наверняка из архивов уйдут все или почти все вспомогательные материалы, образующие не-пременный культурный контекст, который может оказаться очень информативным для историков, такие как: электронные эквиваленты карандашных заметок, сделанных на собрании; предварительные замыслы и соображения; документы наподобие записок бывшего судьи верховного суда США Франка Мёрфи (*Frank Murphy*), которые он писал на еженедельных совещаниях суда и которые остаются одним из главных источников понимания того, как работала эта инстанция. Даже если создатели документов сохраняли бы все эти черновые заметки, вряд ли бы они оказались «задекларированы» ими самими или системой сбора документов как обладающие непреходящей ценностью. Переводить бумаги, хранящиеся в ящиках рабочего стола, в электронный формат окажется еще более сложной задачей, если вдруг кто-то захочет очистить стол! И если некоторые из этих бумаг могут попасть в архив, потому что кто-то их туда лично передаст, то большинство из них никогда не станет зарегистрированными документами, особенно, если учитывать то обстоятельство, что в новом, цифровом мире проблема больших объемов только усугубилась.

Например, в одном только Мичиганском университете (по данным на 2008 год) каждый день пишется более 12 миллионов электронных писем, и это число экспоненциально возрастает в таких больших и сложных организациях, как правительства и международные корпорации. Когда в 2009 году администрация Буша собиралась покинуть Белый дом, Национальный архив вынужден был выработать запасной план — подготовить резервное электронное хранилище, поскольку чиновники сомневались, справится ли новая, стоившая 144 миллиона долларов компьютерная система архива с 70 терабайтами электронных материалов, которые он получит. Среди этих материалов не обнаружились миллионы электронных писем, написанных в Белом доме в 2003–2005 годах, и восстановить их оказалось невозможно, но и без них архивом было получено более 200 миллионов писем¹¹. Общий объем материалов оказался приблизительно в 10 раз больше, чем объем ар-

хива, оставленного администрацией Клинтона в 2001 году, и приблизительно в 5 раз больше, чем содержимое всех 20 миллионов каталогизированных книг в Библиотеке конгресса¹². Историки и другие исследователи правлений Клинтона и Буша теперь рискуют утонуть в море информации.

Реакция архивного сообщества

Неудивительно, что эти сложности оказались в центре внимания практически во всех крупнейших архивах мира и во множестве архивов поменьше. Когда реальные последствия компьютеризации стали ясны, архивисты Национального архива США, например, начали разрабатывать большую систему управления федеральными электронными документами. Архивисты осознали, что в свете обрушившейся на них — и на архивы по всему миру — лавины электронных материалов главной задачей стало определить, какое именно сочетание программного обеспечения, оборудования и институализированных культурных практик позволит собирать и организовывать цифровые «от рождения» документы, а также предоставлять к ним доступ. Описывая стратегический план на 2006–2016 годы, Национальный архив США в своем «Отчете об эффективности и надежности» за 2006 год подчеркивал, что разработка любой эффективной системы архивирования электронных документов должна включить в себя «комплексные, систематические и динамические средства сохранения электронных записей, не зависящие от специфического оборудования и программ». Кроме того, такая система должна не только эффективно сохранять материалы, но и иметь возможность совершенствоваться в будущем процесс сохранения документов, хранящихся на компьютерах, а также доступ к ним¹³.

Как и с бумажными документами прошлого, главное внимание архивистов сосредоточено на том, чтобы электронный документ был авторитетным и надежным в том, что касается его исходного предназначения, то есть чтобы он был подлинным архивным документом в традиционном смысле этих слов. В то же время новый технологический контекст производства документов заставил архивистов задуматься над тем, что значит «необходимый» и «подлинный» применительно к электронным записям в категориях требований, выдвигаемых самими архивами. Один из важнейших теоретиков, занимающихся

этим вопросом, Лючиана Дуранти назвала определенные отношения между документами электронного архива «архивной связкой». По ее словам,

В основе архивной науки лежит та идея, что каждая запись связана со всеми другими записями в рамках того же собрания целой сетью отношений, находящей выражение в «архивной связке» (archival bond). Архивная связка — первоначальна, потому что она возникает в момент создания записи; необходима, потому что она существует для всякой записи (то есть документ может быть признан архивной записью только и когда он включается в архивную связку); и детерминирована, поскольку обусловлена функцией этой записи в рамках собрания, к которому она принадлежит <...>. С электронными записями такое понимание также позволяет определить способы представления отношений данной записи с другими записями таким образом, чтобы электронная система была способна узнавать их и поддерживать в течение длительного времени¹⁴.

Идея Дуранти имела широкий резонанс. Поскольку «архивная связка» в рамках ее подхода является основой для определения надежности и подлинности; она также служит теоретической базой для конструирования электронных архивов. Например, теория Дуранти помогла Национальному архиву США спроектировать систему управления электронными записями, которая создает описание для каждого типа записи и собирает эти описания в хранилище, которое и становится основой для доступа к информации и ее извлечения. Чтобы гарантировать надежность, целостность и подлинность типизированных и описанных документов, программа Национального архива устанавливает свой собственный контроль над всеми записями, находящимися под его юрисдикцией. Кроме того, она создает специальные протоколы для установления и реализации доступа. Неэлектронные записи могут отслеживаться и находиться аналогичным образом, опять-таки с акцентом на контроле. Оценивая масштабы стоящей перед ними задачи, архивисты Национального архива США пришли к выводу, что контроль стиля написания аннотаций и их использования, конфиденциальности, передачи записей, копирования и особенно контроль графика и форм сохранения записей совершенно необходим для обеспечения работы цифрового архива¹⁵.

Проработав несколько ключевых теоретических проблем, Национальный архив США заключил контракт на разработку системы архивирования электронных документов (*Electronic Records Archive System — ERA*) с корпорацией “Lockheed Martin”, разработками, сопряженными с гуманитарными науками, в общем-то, не занимавшейся. “Lockheed Martin” должна была «предоставить Национальному управлению архивов и документации США первоначальную версию системы архивирования электронных записей, которая бы позволила Национальному управлению архивов и документации протестировать аппаратное и программное обеспечение, на котором будут выполняться все процессы, связанные с электронными записями. Предварительная установка и тестирование инфраструктуры должны гарантировать базовую производительность и функциональность этой системы до того, как сотрудники Национального управления архивов и документации будут в своей работе от нее зависеть»¹⁶. В долгосрочной перспективе усилия Национального архива США вполне могут создать в рамках цифровых архивов ключевые компоненты исторического знания и гуманитарного знания в целом.

Архивисты Национального архива США, предвидя принципиальные изменения в работе с архивными материалами, отмечали в своем отчете 2006 года, что, «как электронные записи навсегда изменили характер деятельности правительства, так и система архивирования электронных документов изменит то, как архив работает с правительственными записями, и то, как широкая общественность получает доступ к фондам архива»¹⁷. Учитывая относительно большие ресурсы, находящиеся в распоряжении Национального архива США, его подход вполне мог бы стать стандартом для электронных архивов — наподобие того, как Библиотека конгресса стандартизировала столь многое в библиотечном мире. Однако важно отметить, что спустя три года после подписания договора с “Lockheed Martin” система архивации электронных записей по-прежнему оставалась в стадии проектирования. В дополнение к “Lockheed Martin” партнерами Национального архива в этом начинании стали разнообразные технологические фирмы, факультеты информатики, инженерные ассоциации и университеты, располагающие внушительными инженерными возможностями, но, несмотря на то, что разработка доступа к электронным документам уже завершается, вопрос о том, какую роль могут сыграть историки и другие ученые — потенциальные пользователи этой системы — в рамках данного проекта, все еще не решен и не озвучен¹⁸.

Другие архивы и архивные собрания также работали над этими проблемами. Система Парижской национальной библиотеки, о которой уже шла речь, по сути дела, собирает свой собственный электронный архив. Хотя поступающие в нее записи создаются всего тремя тысячами сотрудников, эта система может оказывать влияние на более крупные организации. Она не пытается получить всю документацию, создаваемую ее сотрудниками, а выясняет, что собой представляют реальные практики создания электронных записей, официально делегируя задачу конечного отбора самому создателю документа. Чтобы противостоять последствиям бессистемного создания, корректировке, переформатированию и еще одной корректировке в ходе использования электронных записей (что ставит под угрозу целостность объединенной подлинной и авторитетной документации в рамках электронных архивов), французская система авторского «декларирования» самостоятельно определяет, какие именно документы будут переведены в архив. «Декларирование» электронного письма, текстового файла или любого другого документа объявляет его архивной записью. Затем же сама система извлекает метаданные, хранящиеся в этой записи в форме обязательных тэгов: «от кого», «кому», «каким отделом получено», «каким отделом послано» и «дата». Кроме того, создатель документа должен классифицировать каждую запись, чтобы сохранить какую-то связь между документами. Таким образом, аутентифицированный, классифицированный и переведенный в архив документ оставляется там на заданное количество лет, а затем, после проверки, либо уничтожается, либо остается на вечное хранение¹⁹.

И система Национального архива США, и система Парижской национальной библиотеки по-прежнему зависят от создателя записи, а не от архивиста в том, что касается вопросов оценки, — и это существенное изменение в сравнении с установившимися процессами оценки бумажных документов. Деятельность архивиста сосредотачивается здесь на проектировании и разработке системы хранения электронных документов в целом, а также на управлении ею. Но опять-таки у специфических пользовательских сообществ (в том числе у профессиональных историков) нет возможности предоставить какие-то инструкции по сохранению и размещению документов. Более того, вряд ли это было бы реально или даже желательно, учитывая количество разных пользовательских сообществ, заинтересованных в содержимом архива. Однако без такого рода посредничества электронные архивы будут оставаться «системно зависимыми», а не «архивно зависимыми», в том смыс-

ле что авторитетность хранящихся в них записей будет зависеть от того, в какой мере электронные программы, их создающие и хранящие, будут способны реагировать на изменения в базовых информационных потребностях как своих институтов, так и своих пользователей.

В современных обстоятельствах трудно сказать, насколько возможно ясное понимание систем такого рода (называют их архивами или нет) историками и другими исследователями, — понимание, совершенно необходимое как для чтения текстуры архива, так и для исторической контекстуализации сохраненных там материалов. Какие бы большие надежды ни возлагали историки на поисковые возможности электронных архивов и как бы ни рассчитывали на то, что архивы теперь будут доступны любому человеку, у которого есть компьютер, они должны также помнить и о неопределенностях цифрового будущего, особенно в том, что касается авторитетности электронных документов и процессов их сохранения и распределения. Как продемонстрировала Эйзенштейн на примере печатного станка, трансформирующее воздействие новой технологии (вне зависимости от того, насколько хорошо она спроектирована) неумолимо изменяет привычные формы научной коммуникации и сбора информации, а также влияет на самоопределение общества и само производство знания.

Взаимозависимость сохранения и доступа

Мечта историков о том, чтобы сохранять все, разумеется, приятательна для каждого, кто хотя бы однажды пришел, полный ожиданий, в архив и обнаружил, что того, что он ищет, там нет. Когда телефон изменил характер человеческой коммуникации, он одновременно разрушил освещенные веками практики записывания. Если любой элемент электронной коммуникации — хотя бы теоретически — может быть сохранен, это вовсе не значит, что его потом можно будет обнаружить. Даже над очень хорошо спроектированными электронными архивами, где тэги и другая метаданная позволяют опознавать сохраненные материалы, продолжает довлеть проклятие слишком больших объемов. Системы, подобные Google, не очень-то полезны, когда возвращают десятки тысяч ссылок.

Что в таком случае должно сохраняться? Архивирование больших объемов электронных записей разного рода, причем не всегда

простых, требует определенной архивной и технической отзывчивости. Сегодня электронной записью могут быть не только достаточно традиционные офисные документы, но и сложные базы данных, и цифровые фотографии и видео, и космические снимки, и аудиофайлы, и файлы HD, и веб-страницы, и геопространственная информация, и огромные агрегаты данных. Архивисты Национального архива США видят основную функцию системы сохранения электронных документов ERA тесно сопряженной с официальной миссией архива в целом, заключающейся в том, чтобы «охранять и сохранять записи правительства, гарантируя, что народ США будет иметь возможность открывать свое документальное наследие, использовать его и извлекать из него уроки». Для достижения этой цели, признает Национальный архив, необходимо, кроме всего прочего, «гарантировать постоянный доступ к самой главной документации, касающейся прав американских граждан и действий правительства <...>, и облегчить историческое понимание нашего национального опыта»²⁰. Но как можно гарантировать и сохранение, и доступ? Поскольку электронные документы, пока они не извлечены из архива, остаются невидимыми, любая система сохранения остается бесполезной, если не связана с системой доступа, позволяющей увидеть все хранящиеся там документы. Доступ и сохранение теперь стали двумя сторонами одной медали.

Национальный научный фонд (*National Science Foundation*) США активно искал решение, которое обеспечило бы «надежное ие, доступ, интеграцию и анализ потенциальных возможностей применительно к научным и/или техническим данным на несколько десятилетий вперед» электронных документов, а также было бы способно «предвидеть изменения в области технологий, потребности и ожидания пользователя и адаптироваться к ним». Маргарет Хедстром, Симус Росс (*Seamus Ross*) и другие ведущие архивисты, занимающиеся этими проблемами, отмечали, что задача ия документов не исчерпывается вопросами масштабов и вместимости²¹. Главная проблема заключается в том, чтобы сделать архивную метаинформацию эффективной, описывая цифровые объекты при помощи разного рода тегов — набора описательных категорий в рамках языковых структур, используемых в процессах описания. Применяемая при создании этих описаний концептуальная рамка, — в случае если она выходит за пределы ключевых институциональных связей, — нуждается в дополнительном объяснении. Ради обеспечения достаточной прозрачности в системе должны суще-

ствовать и обновляться указатели, способствующие хотя бы минимальной идентификации происхождения тех или иных электронных документов (которые, как и бумажные материалы, являются продуктами социальных процессов и структур знания, существовавших во время их создания), — исторические контексты, помогающие выяснить значение этих документов. Поскольку такие специфичные для конкретного времени дескрипторы, вживленные в киберструктуры метаинформации, будут оказывать влияние на ее организацию и извлечение, они непосредственно затрагивают ключевые вопросы извлечения и доступа, являющиеся базовыми для всех архивных систем²².

Хедстром и Росс разрабатывали эти вопросы в рамках инициативы «Электронная библиотека» (*Digital Library Initiative*); в комиссии, где они председательствовали, в Национальном научном фонде; а также в проекте «Сеть электронных библиотек» (*Network of Excellence for Digital Libraries*) Европейской рамочной программы (*European Framework Programme*)²³. Они рекомендовали автоматизировать метаинформацию так, чтобы можно было изменять ее с течением времени. И хотя технологические сложности здесь вполне могут быть разрешены, все же воплощение этой идеи требует от архивистов глубокого знания того сообщества, в рамках которого разрабатываются и совершенствуются сложные программы искусственного интеллекта.

Следует упомянуть, что неизбежны и потери архивируемой информации. Например, в мае 2009 года газета “New York Times” сообщила об «огромной утере» информации, произошедшей в результате «явного нарушения требований безопасности» в Национальном архиве США, в центре, занимающемся компьютеризованными данными администрации Клинтона²⁴. В связи с этим в отчете Хедстрома и Росса обсуждаются идея «допустимых потерь» и концепция «перепрофилирования архивов». Авторы отчета предлагают рассмотреть вопрос о том, какие потери «допустимы» в киберпространстве. Другими словами, должна ли «системная ошибка» считаться чем-то вроде пожара в бумажном хранилище, или «приемлемый урон» — это вполне разумная идея, которую стоит внедрять при проектировании больших электронных хранилищ?

С рассматриваемыми выше вопросами непосредственно связана проблема сильной зависимости цифровой среды от стабильности самого цифрового запоминающего устройства. Хедстром и Росс предположили, что «будущие сообщества пользователей»

станут «использовать сохраненные фонды», полагаясь на «доступные им аналитические инструменты, способные обнаруживать релевантные информационные модели в данном собрании»²⁵. Эти инструменты позволяют историкам и другим исследователям находить исторически ценные материалы среди всех сохраненных (и даже несохраненных) электронных документов, обращаясь к «киберголосам», как явным, так и скрытым внутри самой системы. Однако опять же — обнаружение этих голосов потребует хотя бы минимального понимания того, как данное цифровое хранилище проектировалось, разрабатывалось и реализовывалось.

Хотя в случае с электронными архивами возможности, связанные с объемом сохраняемых данных, просто огромны, тем не менее проблемы, как мы видим, не исчерпываются здесь только задачей сохранения. Сама необходимость распознавать «релевантные информационные модели» в цифровом архиве имплицитно содержит в себе требование, обращенное к архивистам, историкам и другим исследователям: подключить базовые процессы описания, как это когда-то было сделано применительно к бумажным материалам — в давно ушедшую эпоху общих интересов, общего образования и общих академических обязательств.

Изменение институциональной инфраструктуры как следствие компьютеризации

Большая часть архивов и архивных собраний исторически существовали в рамках официально организованных институциональных хранилищ, основной функцией которых и было хранить документы и предоставлять к ним доступ. Каждый архив существовал и как физическая сущность, и как концепт. Даже их имена — Национальный архив США, Российский государственный исторический архив, Национальный архив в Париже — говорят о том, что в них хранится исторический корпус записей национального значения. Даже местные собрания несут тот же смысл: в Массачусетском историческом обществе хранятся важные рукописи и архивы, что само по себе подразумевает их непреходящую ценность. То же самое можно сказать и относительно таких исторически важных институтов, как библиотека Бейнеке (*Bienecke Library*) в Йельском университете или библиотека Хоутона (*Houghton Library*) в Гарварде, а также о других столь же важных хранилищах и специальных библиотечных собраниях по всему миру.

Каждое из этих собраний связано не только с определенной специализацией, но и с определенным (нередко производящим сильное впечатление) физическим пространством. Таким образом, исследователи устанавливают связь не только с архивными документами, но и с архивными зданиями. Это дополняет тот опыт, который исследователи получают, совершая путешествие до местоположения архива, регистрируясь там, находя удобное место в читальном зале и открывая папки с документами. Держать в руках первые описи Французского национального архива и Ватиканского секретного архива — тоже весьма впечатляющий опыт. Другими словами, в работе с этими хранилищами очень существенной является физическая составляющая, равно как и широкий круг субъективных ассоциаций, которые, среди прочего, устанавливают связи с предыдущими поколениями ученых и углубляют научную ответственность. Те избранные, кто сидят в «первом» читальном зале Российской государственной библиотеки в Москве, по ту сторону Кремля, в великолепных ротондах Библиотеки конгресса и Британского музея или в элегантном читальном зал, могут и не почувствовать связь с опытом, достижениями и трудностями прежних поколений ученых.

Мы не хотим романтизировать опыт посещения огромных хранилищ. Вне зависимости от того, насколько грандиозно здание и насколько важно хранящееся там собрание, архивное исследование всегда сопряжено с определенными сложностями и задачами. Однако значение этих условий для формирования исторического знания никогда не становилось предметом раздумий. Эти условия казались просто неотъемлемой частью научного и культурного ландшафта, сама их архитектура при этом представлялась свидетельством тех непреходящих научных ценностей, которые они отражали, и неизменной важности хранящихся там источников²⁶. Посещение таких мест — сам физический процесс вхождения в их пространство и чувство причастности к институциональной истории и культуре их собраний — служило, таким образом, укреплению гуманистических основ традиционного архивного и библиотечного исследования, придавая определенную значительность исследовательскому опыту.

Даже когда киберпространство еще только зарождалось, уже было ясно, что оно окажет глубокое влияние не только на определение архивных материалов и характер их использования, но также и на ключевые аспекты традиционного научного исследования. Для многих первым знаком грандиозного «цифрового перелома»,

похожего на конец существующих исследовательских миров, была кончина карточного каталога, — приспособления, существовавшего практически во всех библиотеках мира на протяжении более ста лет. Сообщения о том, что информация, хранившаяся на миллионах карточек, будет преобразована в одну огромную электронную базу данных, заставили рвать на себе последние волосы даже самых лысых ученых²⁷. Постепенно обнаружилось, что виртуальная информация, извлекаемая из электронных каталогов, по сути своей осталась той же, что была на карточках, и это принесло некоторое облегчение. Но многие из первых пользователей электронных каталогов считали их профанацией, и им явно не хватало прежнего физического опыта использования настоящих карточек. Особенно несостоятельной казалась функция поиска по новым базам данных в сравнении возможностью совершенно случайно найти карточку, указывающую на неожиданный источник.

Сначала эти библиографические базы данных помещались в том же зале, что и карточный каталог, иногда даже просто бок о бок. (То, каким ресурсом человек пользуется, например, в Мичиганском университете и, без сомнения, во множестве других научных библиотек, быстро стало признаком того, к какому поколению исследователей он относится!) Главное достоинство такого расположения заключалось в том, что новые инструменты помещались в почитаемое, старое место. Кроме того, они требовали такого же физического похода в библиотеку. Но, как мы знаем, все быстро изменилось. Появление доступного интернета и новой технологии распределенных вычислительных сетей вскоре сделало поездку в библиотеку ненужной, по крайней мере для того, чтобы воспользоваться каталогом. Сами физические каталоги вскоре практически полностью исчезли. Затем появилась возможность работать с каталогами тысяч библиотек, не вставая из-за своего рабочего стола.

И тут опять возникла своего рода граница между поколениями: нынешнее поколение студентов и молодых пользователей архивов уже не знает, как работать с карточными каталогами и как они структурировали научное исследование. Что еще важнее — и молодые, и старые посетители архивов плохо представляют себе, какое влияние оказал карточный каталог на структуру и ограничения современных онлайн-систем доступа. В результате пользователи не вполне понимают границы и возможности онлайн-доступа. Качество онлайн-поиска практически полностью зависит от качества электронного каталога и «сопутствующих

обстоятельств». Онлайн-доступ не только стал полностью независим от концептуальных связей с культурой доступа, сформировавшейся во времена карточных каталогов; физическая составляющая этого опыта также практически полностью изменилась, оказавшись фактически поглощенной киберинфраструктурой. В результате наибольшей физической реальностью из всех доступных исследователю взаимодействий обладает взаимодействие с самим собранием. Большие, сложные объединенные базы данных по-прежнему направляют работающего с ними исследователя конкретно туда, где физически хранится предмет его интереса. Хотя существует ряд оцифрованных исключений (и число их все время растет), поиск по архиву по-прежнему фокусируется на обнаружении материальных рукописей, документов, карт и видеозаписей²⁸. Онлайн-системы доступа остаются, по сути, «дополнительными удобствами» для далеко живущих пользователей, создаваемыми для того, чтобы посещение архива было более эффективным. Функции исследовательского учреждения при этом остаются за материальным хранилищем.

А теперь появляется проект компании Google, предоставляющий возможность онлайн-хранения и онлайн-доступа к миллионам библиотечных томов. Ссылки на эти виртуальные тексты (или даже не сами тексты — в тех случаях, когда книга защищается авторским правом) в 2008 году уже появились в некоторых библиотечных каталогах. В результате пользователи могут сидеть со своими ноутбуками в кафешках, просматривать через интернет онлайн-каталоги, находить интересующие их книги, открывать их, если это не нарушает закон об авторском праве, и читать, заказав пару чашек капучино. Параллельно можно вытащить еще кучу всего — от самого обыденного до самого отвратительного, — и все через один и тот же терминал. Что в результате оказалось утрачено, так это то переживание, которое возникает, когда ты оказываешься в определенном рода исследовательском пространстве²⁹.

Как многие знают, те же изменения происходят и с рукописями и архивами. Например, электронная библиотека «Романа о Розе» — проект в рамках библиотеки Университета Джона Хопкинса — собрала вместе цифровые копии редких французских иллюминированных манускриптов и сделала их доступными для удаленного (и существенно более широкого) сообщества пользователей. Значительная часть средневековых манускриптов, хранящихся в библиотеке Моргана, доступны онлайн. Увеличился процент таких электронных рукописей и в собраниях Калифорнийского университета

в Лос-Анджелесе и Оксфордского университета. А недавно библиотека монастыря святого Галла в Швейцарии и Ватиканская библиотека объявили о планах оцифровать значительную часть своих средневековых и ренессансных рукописей³⁰. Порой (например, в случае с проектом «Долина смерти», “Valley of the Shadow”, посвященном Гражданской войне в Америке) можно наблюдать попытки создать нечто напоминающее физический опыт посещения архива. Пользователям онлайн показывают виртуальный план помещения, демонстрирующий «где» и какие материалы хранятся в этом «здании». Здесь артефакты исторического знания были трансплантированы из своего физического местонахождения в реальных, порой имеющих многовековую историю институтов в киберструктуры, не имеющие вообще никаких трехмерных характеристик³¹. Сноски на этой странице книге прекрасно иллюстрируют нашу мысль. Они не указывают на артефакты, физически существующие, хранящиеся где-то на полке, авторитет этого абзаца зиждется на информации, хранящейся в киберпространстве и доступной прямо с ноутбука.

Сейчас, на момент написания нашей книги, все эти цифровые инновации могут по-прежнему казаться просто усовершенствованиями в работе существующих институтов, частью комплексных усилий по улучшению обслуживания пользователей; они по-прежнему играют вспомогательную роль в работе библиотек и архивов, располагающихся во вполне конкретных зданиях и конкретных местах. Онлайн-каталоги упрощают работу с их физическими фондами. Цифровые технологии расширяют возможности доступа. Все это традиционно и вполне справедливо рассматривается как важное подспорье в исследовании — как историческом, так и любом другом. Однако постепенно все более реальной становится проблема, уже просматривающаяся в судьбе карточного каталога. Что произойдет, когда институциональные связи станут менее ясными или даже совсем сойдут на нет, когда интернет-присутствие само станет институтом и физические составляющие традиционного исследовательского опыта совсем исчезнут? Другими словами, что случится, когда получение цифрового контента подчинит виртуальности киберпространства и субъективные оценки, и идентичности, и непосредственно материальность самих институтов³²? Хотя, вне всякого сомнения, киберинфраструктура кардинальным образом, буквально снося все на своем пути, трансформирует характер и культуру ведения дел в рамках библиотек и архивов. Кроме того, она имеет возможность трансформировать

и те исторически сложившиеся роли, которые эти институты сами играли в производстве знания, особенно исторического.

Трансформация артефакта

Изменения в институциональной инфраструктуре исторического исследования также имеют значение для того, как мы осмысляем сам артефакт. Способы работы с прошлым, традиционно практиковавшиеся историками и архивистами, базировались на физическом взаимодействии с физическими же следами этого прошлого. Хотя последние нередко принимали проблематичные формы памяти и опыта, они, кроме того, фиксировались в документах, рукописях, образах и книгах — традиционных артефактах исторического знания. Соответственно, мы должны знать о влиянии, которое может оказать возникающая киберинфраструктура на авторитетность этих артефактов. Уменьшается ли авторитетность их содержания вследствие их переноса из одной среды обитания в другую?

В связи с этим мы должны помнить, что миграция текстов из одной среды в другую сама по себе не является чем-то новым. Современные проекты по оцифровке во многом базируются на существовании реальных книг и на нашем понимании наследия печатного знания. Однако многие, причем самые авторитетные книги (в том числе Библия, Фукидид, Ксенофонт, Платон, Цицерон и др.) были собраны, закреплены и напечатаны огромными тиражами на базе противоречивых рукописей, которые многократно копировались (и повреждались) до того, как печатная дисциплина не зафиксировала их тексты.

Первые исследования, посвященные применимости онлайн-систем к архивам, были сосредоточены на таких печатных, по сути своей библиотечных элементах, как автор, заглавие и страница, поскольку последние не только являются специфическими идентификаторами и каталогизационными маркерами, но еще и обеспечивают надежную ссылку для цитирования. При этом рассчитывали, что можно будет использовать аналогичные характеристики и для архивных материалов. Более новые архивные системы пытались приспособить эти категории к специфическим качествам электронных документов, но основной целью онлайн-архивных систем доступа оставалось максимально эффективное направление пользователя к физическому артефакту и обеспечение возможности использования и цитирования последнего. Как и в

случае с JSTOR и Google books, справочный аппарат некоторых электронных архивов был структурирован таким образом, чтобы предоставлять пользователю сам артефакт в электронной форме, освобождая исследователей от необходимости иметь дело с оригиналом, а также с многолетней архивной пылью и тяготами путешествия.

Но вплоть до момента написания нашей книги все эти проекты так или иначе были сопряжены с пониманием физических свойств артефакта. JSTOR предоставляет содержимое журналов в виде картинок, снимков реальных страниц из отсканированных журнальных номеров. Автор, название, номера страниц, номер тома и дата издания — вся информация содержится в объекте в его печатной форме. Google аналогичным образом предоставляет электронный суррогат книги — с корешком и форзацем. Его новейшие технологии даже пытаются симулировать процесс переворачивания страниц. Хотя Google books редко содержат прямые ссылки на библиотеку, тем не менее заинтересованные исследователи могут найти печать на титульном листе и выяснить, где хранилась эта книга. И тем не менее авторитетность этих свидетельств теперь базируется на их «присутствии» в интернете. Природа, структура, культура, политика и история — да и само существование — института, хранящего бумажную копию, уже не имеет значения для пользователя. Ситуация немного отличается в случае с рукописями, с оригинальными копиями которых можно справиться только в одном-единственном месте. Для великолепных рисунков и текстов из библиотеки «Романа о Розе» или для оцифрованных рукописей библиотеки Моргана существуют маркеры, указывающие на то конкретное хранилище, в котором можно найти и изучить оригинал конкретной рукописи. Авторитетность этих хранящихся в интернете электронных копий, таким образом, базируется на том, что они указывают на материальные артефакты в реальных институциональных собраниях.

Имеет ли это значение для понимания природы артефакта? И даже если да, то важно ли это для пользователей? Бóльшая часть тех, кто читает в интернете оцифрованные документы из Мичиганской библиотеки Бентли (*Bentley Library*), касающиеся интервенции США во время Гражданской войны в России, никогда не придут в библиотеку. Может быть, они даже не знают о ее существовании. Что касается редких рукописей, оцифрованных в рамках проекта «Библиотека “Романа о Розе”», нельзя даже ручаться, что посещение библиотеки предоставит возможность увидеть их оригинал, поскольку получить доступ к этим редким, хрупким и чувствительным к свету материалам очень трудно в любом случае.

Но все чаще существующие в интернете информационные ресурсы не имеют никакой институциональной привязки вообще. Подобно «Википедии», они населены киберсообществом поставщиков информации, которые свободно организуют, вывешивают, редактируют и даже выдумывают информацию. Среди прочего, проблемой является и то, что их материалы с трудом поддаются проверке на подлинность. Кроме того, их трудно (хотя и не невозможно) классифицировать как источники. Будучи совершенно оторванными от дисциплины и, таким образом, от традиционного авторитета печатной культуры, которая фиксирует текст на бумаге в рамках конкретного документа или редакции, они оказываются оторваны от институциональных авторитетов, которые когда-то гарантировали их надежность. Сложная ассоциативная сеть, включающая в себя институты, здания, описательные материалы и даже базовые принципы формирования собраний, в большинстве случаев оказывается полностью отсутствующей.

В том, что касается концепции и авторитетности, создание таких энциклопедий, как «Википедия», представляется чем-то абсолютно новым. Уходит всякое представление о редакции, уходит гарантия стабильности текста, однозначность авторства, экспертный контроль, который традиционно наделял авторитетностью жанр энциклопедии. Что самое главное с архивной точки зрения — постоянно меняющийся контент этих источников не может быть заархивирован никаким традиционным способом. Можно делать фотографии в разные моменты времени и архивировать их в виде последовательности, но то, что получится в результате, все равно будет новой категорией «документов», структурируемых независимо от контекста их создания и даже от их создателей³³.

Разумеется, всегда найдутся люди, которые будут находить «контент», имеющий, с их точки зрения, историческую ценность, и сохранять его для будущего (как это делалось в специализированных исторических архивах). Но архивисты бьются над вопросом, как поступать в подобных ситуациях с цифровым контентом, хранящимся в электронном формате в разных системах и доступным только при наличии интернет-доступа. Имеет ли значение, что каждый элемент контента является частью конкретного собрания? Может ли один элемент существовать отдельно, вне этого контекста? Важно ли, что собрание является частью некоей институциональной программы по сбору определенного рода исторических материалов, базирующейся на определенном понимании прошлого?

И вновь показательным примером может служить Институт Лео Бека и его собрание документов по истории немецких евреев. Может ли письмо, обнаруженное в этом богатом собрании, быть как-то полноценно использовано, если его изъять из контекста этого собрания? Если для исследователей важно понимать цели института, чтобы вполне осознавать историческое значение хранящихся там объектов, не лишается ли документ в результате перемещения каких-то важных составляющих своего исторического значения³⁴?

Печатное наследие, порог адекватности и потенциал киберархивов

В Ватиканской библиотеке хранится около 70 000 рукописных томов, представляющих собой важное документальное свидетельство передачи текстуализированного знания эпохи конца Римской империи эпохе Возрождения. Для большей части тысячелетия, вплоть до прихода печатного станка, эти тома репрезентировали инфраструктуру рукописной культуры — той, что поддерживала маленькие, но мощные центры учености по всей Европе. Эта культура со временем оказалась вытеснена появившимся печатным станком и текстами, доступными в большом количестве экземпляров. Поэтому со временем, — но только со временем, — значение этого ориентированного на рукописи собрания текстуализованного знания сошло на нет. Научное знание все чаще и чаще могло опираться исключительно на печатные источники. Необходимость обращаться непосредственно к рукописным материалам, чтобы получить некую информацию или удостовериться в ее надежности, перешла то, что мы бы назвали «порогом адекватности», после которого печатные источники стали вполне достаточными, чтобы служить доказательством, способствовать исследованию, производить знание и поддерживать его. Многие тексты из мира рукописей «вошли» в мир печатных книг, перейдя в своей печатной форме из одной «инфраструктуры знания» в другую. Те, что не совершили этот переход, остались под чутким присмотром в избранных хранилищах. Хотя по большей части о них мало знают, они тем не менее остаются доступными для ученых и науки.

Возможно, аналогичный процесс происходит и в начале XXI века. Рост электронных архивов даже на заре их существования, в 1990-е годы, был просто невероятным. Электронные фонды На-

ционального архива США росли в 100 раз быстрее бумажных фондов. Можно предполагать, что в какой-то момент гуманитарная наука и научный дискурс вполне могут перейти еще один «порог адекватности», после которого электронные источники вытеснят бумажные и станут адекватной основой авторитета, в том числе исторического. Хотя всегда могут быть опасения, что ли та или иная печатная книга или рукопись содержит какие-то важные детали, которые в электронной копии никак не отобразятся, или что водяной знак, не различимый в электронном документе, может иметь историческое значение, тем не менее корпус электронных суррогатов вполне может играть ту же роль, что и их бумажные предшественники, и быть вполне адекватной базой для большей части исследований. Как и в случае с ватиканскими рукописями, бумажные материалы вполне могут на протяжении многих лет храниться в избранных архивах, но историческое понимание в нынешнем веке и в будущих веках будет базироваться преимущественно на документации, существующей в сугубо электронном формате.

Хорошо ли это? Новая эпоха породила горячие научные споры о наследии печатной эпохи. Что произойдет с научной монографией, часть авторитетности которой базируется именно на ее печатной форме, опознаваемой по ее внешнему виду, весу, а порой даже запаху? Судя по проекту Google и другим подобным ему проектам, значительная часть напечатанных на настоящий момент работ скоро появится в электронной форме. Вполне возможно, что многие старые работы будут «открыты заново», поскольку «полнотекстовый поиск» обнаруживает цитаты, которые традиционный каталожный поиск никак не может выявить. Работы, которые останутся неоцифрованными, вполне могут оказаться полностью недоступными. Несколько самых крупных печатных хранилищ (возможно, по-прежнему называемых библиотеками) сохраняют свое значение для мира печатных текстов, соотносимое со значением фондов Ватиканской библиотеки для мира рукописей, но если фактически их собрания и могут сохраниться, они тем не менее не будут ни столь же доступны, ни столь же востребованы, как их электронные заместители³⁵.

Сложнее оценить влияние цифровых технологий на архивы. На момент написания этой книги не существует никакого ориентированного на архивы и рукописи проекта, сравнимого с проектом Google books. Одна из причин этого вполне прозаическая: для архивов перевод бумажных документов в цифровой формат — процесс более трудозатратный и медленный.

Кроме того, архивы ставят другие, более сложные задачи. По-прежнему нужно как-то обеспечивать связь одних документов с другими, обеспечивать сохранность собраний разного размера и фондов в целом. Хотя все документы уникальны и представляют собой независимые единицы хранения, они являются еще и частью собрания, с его собственными характеристиками и вспомогательными материалами. Технологические успехи микрофильмирования прекрасно удовлетворяли потребности архивов в силу своей имманентной линейности: документы просто фотографируются в том порядке, в каком лежат, с соответствующими маркерами, отмечающими начало и конец папки, отсутствующие страницы и т. п. В случае с электронными архивами, напротив, возникает необходимость специфицировать эти связи и маркеры, присваивая им метаданные параметры, уникальные для каждой единицы хранения. Это задача не то чтобы невозможная, но сложная и требующая времени и пристального внимания со стороны профессиональных архивистов.

Более того, поскольку архивы по природе своей являются уникальными собраниями уникальных записей, невозможна и никакая общая для них шкала эффективности производимой ими оцифровки фондов. Если, скажем, в рамках проекта JSTOR оцифровка журналов допускала отсеивание тысяч старых экземпляров, то трудно представить, как архивный артефакт, сохраненный как обладающий непреходящей ценностью, отправляется в шредер. Здесь мы снова сталкиваемся с вопросом масштабов. Проект Google books может включать в себя более 3 миллиардов изображений, если предполагать, что это около 10 миллионов книг примерно по 300 страниц каждая. Хотя 3 миллиарда — это весьма устрашающая цифра, Национальный архив США полагает, что если оцифровать их бумажные фонды, получится порядка 9 миллиардов изображений. Таким образом, бумажные архивы и архивные собрания еще какое-то время будут с нами. В результате внимание архивистов вынужденно обращается к задачам организации и поддержки архивов, где хранится «от рождения» электронная документация, а также к развитию потенциала трансформации исторического знания, возможности которого мы пока даже не можем вполне представить.

Разумеется, мир бумажных документов никогда не был совершенным. Самые разные люди в прошлом уничтожали письма, сжигали докладные записки и отправляли в шредер целые подшивки документов. Таков материал, с которым работают исторические архивы, да и сама история.

Однако цифровая эпоха несет с собой возможность полного отделения записей от освещенных временем процессов их оценки — основной функции архивов и центральной составляющей архивной профессиональной практики, несмотря на все ее сложные и противоречивые аспекты, о которых шла речь. Кроме того, как отметил в 2007 году директор Национального научного фонда США Арден Бемент (*Arden Bement*), есть вероятность, что все нынешние системы управления электронными документами окажутся совершенно неадекватны потребностям будущего. С его точки зрения, вполне допустимо, что мы «приближаемся ко второй революции в области информационных технологий, способной открыть перед нами новую технологическую эпоху, в сравнении с которой все, что мы испытали в нынешнюю информационную эпоху, просто — в силу качественно новых масштабов и мощности»³⁶.

Эти условия крайне обостряют все те вопросы, которые пристально рассматривались нами в данной книге: авторитетность записи, вопрос о том, как документации приписывается историческое значение, спорные вопросы в сфере доступа и использования архивов и, разумеется, вопросы, касающиеся архивной политики. В будущем наиболее важное для документов посредничество будет осуществляться еще до того, как эти документы будут созданы, и это будет не результат серьезной рефлексии со стороны архивистов и историков, а следствие того, как структурированы электронные системы и как сформулирована политика сохранения записей.

Однако этот шквал новаций дает основания надеяться, что возникнут новые возможности, которые позволят эффективно собирать и хранить архивные материалы, а также обеспечивать доступ к ним. Историки, вне всякого сомнения, извлекут из этого пользу, но полностью все возможности будут реализованы только при условии адекватного понимания того, как эти системы были спроектированы; одного знания о том, какие записи там хранятся, будет недостаточно. Таким образом, общей обязанностью — и для архивистов, и для историков — является понимание технических процессов, определяющих форму сохраняемых материалов, и использование процессов электронного доступа к обоюдной пользе. И у тех и у других должно быть достаточно ясное представление об ограничениях их систем, а равно и об их реальных возможностях применительно к исторической науке. Итак, только если ученые будут хорошо информированы о процессах, задействованных в создании электронных архивов, они смогут вполне осознать потенциал электронных записей в историческом исследовании и в полной мере использовать эти новые методы конструирования прошлого.

Глава 11

История и архивы: можно ли преодолеть профессиональное размежевание?

Многие архивисты остаются преданными помощниками историков в научных исследованиях. Как и раньше, они продолжают работать с учеными, помогая им нащупать связи между природой архивных собраний и сложным историческим анализом. Более того, есть немало примеров, когда историки и архивисты выступали единым фронтом для решения конкретных проблем. Так было, например, в 1980-х годах, когда встал вопрос о независимом статусе национальных архивов США, или в 1990-х — в связи с «делом PROFS»¹. Однако новые концептуальные изменения в исторической науке и архивной практике разделили историков и архивистов, способствуя тем самым формированию профессионального размежевания. Учитывая актуальные проблемы и интересы архивистики и исторических дисциплин, пути развития этих профессий видятся нам концептуально несовместимыми.

В фундаментальном смысле архивисты сейчас подошли к новым профессиональным рубежам. Им пришлось глубоко вникать в процессы создания цифровых документов, а также в институциональные ценности, приоритеты, практики и потребности, обуславливающие структуру и циркуляцию информации в рамках институтов и организаций. Они вынуждены учитывать проблему «перемещенных» документов, поскольку развитие технологий заставляет переводить фонды в новые технические формы, чтобы их вообще можно было прочесть. Не миновала их и проблема компьютерных вирусов (современного аналога архивной пыли у Мишле), угрожающая душевному равновесию архивистов и пользователей, да и самим фондам². Перевод материалов в цифровой формат позволил сохранять в электронных хранилищах все, что имеет хоть какую-то ценность, причем почти в неограниченных объемах, но вместе с тем создал угрозу мгновен-

ного, безвозвратного и иногда абсолютно ненамеренного уничтожения.

Таким образом, для архивистов работа с электронными системами — применение цифровых технологий для описания и обеспечения доступности материалов, наряду со сложностями, возникающими при обработке самих электронных документов, — отодвинула профессиональный дискурс и идентичность современного архивиста на второй план. Важно заметить, что этот сдвиг не ограничил междисциплинарные исследования архивных концепций. Он, скорее, ввел архивистов в круг проблем других дисциплин, таких как информатика в медицине, криминалистическое исследование документов, долгосрочная сохранность данных, музееведение, сложные системы и искусственный интеллект. Принимая все это во внимание, едва ли стоит удивляться тому, что влияние историков на профессиональное управление документами сошло на нет.

К тому же расхождение между историками и архивистами — это не просто ослабление профессионального взаимодействия и разница в специальной подготовке. По мере того как историки расширяли области изысканий, концептуализируя фундаментальные аспекты исторического процесса, сами их аналитические категории далеко ушли от исторических авторитетов, на которые, как мы уже видели, опиралась структура архивов прошлого, и еще дальше — от структурных основ электронных документов, пришедших на смену бумажным. Иначе говоря, профессиональное размежевание отражает разрыв между концептуальным полем понимания и использованием исторической документации. Времена, когда историки и архивисты считали друг друга коллегами, которые вместе занимаются проблемами документации на основе согласия относительно ее исторической значимости, сами уже стали частью архивной истории.

Нужно ли наводить мосты?

Должны ли историки заботиться о преодолении профессионального размежевания? Должны ли это делать архивисты? Можно возразить, что архивы всегда существовали и будут существовать — в той или иной форме. Проблемы доступности, надежности и авторитетности всегда были и остаются частью серьезных архивных изысканий. Тем не менее даже сегодня, в «электронный» век,

именно историки и другие ученые должны, как и раньше, со всей возможной тщательностью изучать материалы, чтобы найти то, что им нужно. Однако настоящая архивная история и, безусловно, серьезное архивное исследование любого толка не сложатся без ясного понимания системы формирования фондов хранилища и управления ими. Другими словами, архивы — это не просто место, где из имеющихся под рукою документов ткут исторические нарративы. Они обладают собственными нарративами, которые сначала необходимо внимательно «прочесть», чтобы потом можно было оценить их по достоинству и эффективно использовать.

Эти архивные «истории» тоже многочисленны и аморфны. Понять, как и почему государственные хранилища отражают самовосприятие государственного служилого люда, относительно легко. Как мы пытались показать, рассматривая советские и российские архивы, это восприятие способно радикально измениться — либо вследствие масштабных перемен в самом государстве, либо, что происходит медленнее, в результате изменения ценностей, практик, законов и понятий о гражданских целях. Документы, которые считались второстепенными в одном контексте, могут внезапно обрести «архивную ценность» в другом. Стоит только вспомнить неустойчивые контексты, в которых в разные периоды оказывались архивы Китая, Японии, Франции, Германии и почти всех государств Восточной Европы, а также бывшего СССР. Архивы Южной Африки — еще один тому пример. Похожие, хотя и менее резкие перемены затронули и архивы США и Канады, когда поворот в сторону политики идентичности и меняющихся концепций, которые провозглашали важность этничности, гендера и многовариантного прошлого, изменил практики оценки и упорядочивания документов³.

Нарративы, вплетенные в структуру архивов, связаны и с конкретными видами социальной памяти, которые могут служить как инструментом забвения, так и способом помнить, сохранять и информировать. Оценочную экспертизу в таких хранилищах следует понимать в свете целей — иногда не оформленных, а иногда — весьма конкретных. Отсутствие видимой динамики в этих архивах может быть следствием практик социальной памяти, тогда как «архивы идентичностей» с их пристрастным менеджментом пристально следят за изменениями, которые с течением времени претерпевает само зафиксированное прошлое, и за тем, каким оно предстает, пройдя через цикл, по определению Джона Рэндольфа (*John Randolph*), «производства, обмена и использования». Роль этого цикла, согласно Рэндольфу, заключается, в числе прочего, и в

том, что благодаря ему «эволюционирующее историческое присутствие» прошлого «делает возможным существование определенных действий и смыслов»⁴.

Мы знаем, что архивы также связаны с конкретными историческими событиями, а их появление подчас вызвано исторически обусловленными установками и авторитетами, которые определяют практики и дискурсы в отдельно взятый период. Авторитеты, привлекаемые архивистами при решении вопросов об оценке и сохранении материалов, носят, следовательно, временный характер — как по форме, так и в отношении концепций. Времена меняются, понятийное поле тоже, и толкование архивного наследия может эволюционировать вслед за ними, но архивный описательный аппарат остается прочно укорененным в том или ином толковании документации, которую архивисты и их учреждения сочли важной — с исторической или иной точки зрения — в период проведения экспертизы. Поскольку динамика этих перемен со временем тускнеет или намеренно замалчивается, неудивительно, что архивы предстают перед нами всего лишь инертными структурами для складирования документов.

Иногда эти концепции обнажаются — вследствие социальной и исторической конфронтации, особенно когда ключевые принципы интерпретации прошлого подвергаются принудительному и целенаправленному пересмотру. Так обстоит дело, в частности, с архивами колониальных властей, как мы уже говорили выше: прочтение «архивной текстуры» становится крайне важным аспектом изучения имперской и колониальной истории. Социальные процессы «истины и примирения» тоже иллюстрируют эту проблему, особенно в архивах Южной Африки, где она крайне актуальна. Здесь лежащие в основе архивов нарративы не только утрачивают свою роль, но даже и сама природа и ценность архивных фондов — обстоятельства и причины их возникновения — может подвергнуться сомнению. Даже в наиболее демократичных обществах, где и государственные, и негосударственные архивы имеют гражданское (публичное) предназначение, необходимо понимать практики, наделившие собрания «архивной ценностью», дабы разобраться в истории, заключенной в их нарративах.

Собственные нарративы архивов, следовательно, всегда являются чем-то большим, чем просто «рассказами». Они составляют фундамент понимания архивной документации во всех ее формах. Даже в случае исторических собраний, существующих исключительно в бумажной форме, эти конструкты почти всегда невидимы

неискушенному пользователю, который приходит, регистрируется и начинает поиски в четко структурированных архивных справочниках. В электронных же архивах они могут быть еще более неочевидны, замаскированные элегантным дизайном электронных указателей и каталогов, «облегчающих поиск». В отличие от традиционных архивов, где архивные нарративы создаются на основе выработанных самими архивистами понятий о ценности и целях, цифровые собрания, как известно, не дают нам ни одного ключа к пониманию принципов и практик, определивших их организацию, — у нас есть только то, что мы видим на экране.

В целом понимание архивных практик, процессов и путей их развития является краеугольным камнем исторического осмысления архивных фондов. Распространенное представление, согласно которому историки способны понять эти практики интуитивно, — верный путь к профессиональной несостоятельности исследователя. Серьезная историческая работа требует наведения мостов между архивами и историей, ученым необходимо преодолеть профессиональное размежевание: глубже вникнуть в специфические архивные процессы, научиться читать не только документы, но и архивную ткань и, опять же, разобраться в том, чем же на самом деле заняты их бывшие коллеги — архивисты. Такой подход закладывает фундамент новой исторической методологии, подразумевающей тщательное рассмотрение и ясное представление «источника источников». Хотя, как мы видели, некоторые антропологи и этнографы уже работают в этом направлении, подавляющее большинство университетских историков все еще не осознали, насколько важно учить аспирантов пониманию концептуального и культурного контекста, в котором создаются, обрабатываются, оцениваются, отбираются и сохраняются архивные источники.

Можно ли сказать то же и об архивистах? Должны ли они задуматься над проблемой профессионального размежевания? Или же она всего лишь закономерное следствие наступления технологий, с их строгими и сложными требованиями к управлению электронными данными? Будет справедливым заметить, что, с тех пор как архивисты отделились от истории и организовали, по крайней мере в США, Европе и России, свои собственные профессиональные сообщества, корпоративное сопротивление распространенному притязанию историков на то, что они лучше знают, как следует управлять архивами, превратилось у архивистов в профессиональную установку. Тогда зачем архивистам прилагать усилия и наво-

дить мосты, коль скоро управление современным электронным хранилищем требует столь специфической подготовки, а постмодернистские задачи, которые ставят себе историки, отвергают простые решения?

Мы считаем, что на то есть две важных причины. Первая заключается в целом во взаимоотношениях архивов и науки и связана с базовой проблемой архивистики — проблемой происхождения документа. Вторая и, возможно, более значимая в практическом плане причина связана с вопросом, как историки и другие ученые могут помочь в решении чрезвычайно важной для руководителей архивов задачи — описать фонды так, чтобы исследователи могли извлечь из них максимальную пользу.

Несмотря на масштабную трансформацию архивных процессов и технологий, понимание и документирование того, «что произошло на самом деле», до сих пор остается для многих архивов стержнем их институциональной миссии. Этому прошлому может быть и год, и два от роду или же оно может носить более «исторический» характер — в плане процессов, функций и давности архивного материала. Как мы уже говорили, управление даже современными документами, бумажными и электронными, подразумевает некий процесс, необходимый для их временного архивирования. Сколько продолжится это «временно», подчас зависит от многих факторов, неподконтрольных архивистам, но, для того чтобы из документов можно было извлечь максимальную пользу, даже самое непродолжительное хранение требует определенного взгляда на их содержание. Иначе говоря, предназначение всех архивных институтов продолжает оставаться историческим, в самом широком смысле этого слова, независимо от степени их близости интересам и потребностям историков.

Многие архивисты, освоившие технологии архивного менеджмента, могут отвергать эту идею, однако историчность, внутренне присущая архивам, приводит нас к мысли о том, что понимать, какие вопросы к документам могут поставить историки, не менее важно, чем уметь оценить свидетельскую и институциональную значимость материалов. Безусловно, именно в таком ключе следует рассматривать электронные документы, коль скоро им суждено обрести не только сугубо прагматическую ценность, но и служить в будущем свидетельством процессов и практик прошлого. Те, кто создает, формирует и контролирует электронные хранилища, вовлечены в эти проблемы не меньше своих предшественников традиционного толка. Более того, архивисты смогут выполнять свою

важную роль гидов, консультантов и кураторов только при условии, если они понимают исторические проблемы, заключенные во вверенных им материалах. Это также могло бы служить гарантией того, что хранилища не утратят, по крайней мере частично, связей с потребностями и культурой всех пользователей, а также гражданской ответственности, которая имеет практические последствия для необходимой их поддержки.

Частные, или «независимые» (негосударственные), архивы несут не меньшую ответственность и вынуждены решать те же задачи, что и ведомственные или государственные хранилища. На ум приходит образ архивиста некой компании — из тех немногих, где есть научно-ориентированные фонды, — почти безразличного ко всем этим проблемам. «Если кто-то захочет увидеть наши документы, пусть приходит» — такое отношение, безусловно, является неписаным кредо для многих архивистов. Однако резкие перемены способны столь же быстро и неожиданно повлиять на мир ведомств и компаний, как они влияют на государство. Ведомственные и корпоративные документы могут внезапно обрести ценность для тех, кто интересуется связями между гендерными предрассудками и продуктивностью, эффективностью и культурными различиями, ментальностью и моралью и способностью компании или организации сохранять кадровый состав.

Различия между хранилищами, сотрудники которых хорошо понимают, для каких исследований могут понадобиться их документы, и архивами, где во главу угла поставлены внутренний порядок и технологии, можно уподобить разнице между историей, написанной учеными, сведущими в архивных нарративах, и учеными, неспособными читать «архивную текстуру». Центральной здесь является проблема происхождения. Оно «помещает» документы в контексты, окружающие их создание, без какой бы то ни было оценки отношений между этими контекстами и кругом вопросов, которые могут, предположительно, заинтересовать ученых.

Преодоление профессионального размежевания

В обязанности архивистов никогда не входило предоставление описательных инструментов поиска, способных всегда давать ответы на все вопросы любого пользователя. Такая степень ответственности выходит также далеко за рамки возможностей бумажных и в меньшей степени электронных хранилищ. Историки, со

своей стороны, тоже не обязаны гарантировать, что исторические архивы будущего смогут перейти на новые технологии, сохранять доступность и отбирать документы, необходимые для серьезных исторических исследований.

Мы считаем, однако, что историки и архивисты могут работать вместе, дабы сделать архивы будущего относительно прозрачными по концепции формирования, форме, тематике и происхождению их материалов. Новые технологии привнесли в эту совместную работу разобщенность, но постоянно меняющиеся области приложения технологий открывают немало новых интригующих возможностей для сотрудничества. Например широкое внедрение «параллельных, но связанных» систем доступа, внутри которых исследователи и научные ассоциации разрабатывали бы собственные стандарты или системы оценки архивного материала или же приводили их в соответствие с конкретными научными концепциями истории. Иными словами, речь идет о разработке принципов, подобных тем, которые взяты на вооружение сайтом Youtube, где доступ к видеороликам основан не только на категориях метаданных, но и на параллельной системе комментариев самих пользователей, выставляющих роликам оценку. Историки и другие пользователи могли бы сыграть похожую роль в разработке и поддержке современных интерактивных поисковых инструментов, в которых ценность документов и фондов, а также их значение для конкретных исторических проблем идентифицировались бы и оценивались профессиональными сообществами с четко определенными характеристиками. Такой подход разрабатывался в Мичиганском университете в связи с проектом по Ватиканскому архиву, а в последнее время некоторые интернет-ориентированные «архивисты», такие как Тим О'Рейли (*Tim O'Reilly*) и Питер ван Гардерен (*Peter Van Garderen*), занялись им в системном ключе⁵. Университет Мичигана сконцентрировался на создании официальной компьютерной дескриптивной системы для архивов Ватикана, используя стандартные архивные категории описания. Однако, не ограничившись потребностями этого архива, он также попытался понять и учесть информационные потребности исследовательского сообщества и улучшить систему доступа к документам, принимая во внимание круг вопросов, которые ученые могут поднять в связи с этими материалами.

В 1990-е годы, когда был запущен Ватиканский проект, Секретный архив Ватикана, выделяя систематические категории и формируя инфраструктуру фондов, все еще опирался на традиционные

концепции происхождения. Для внедрения нового вида доступа к архиву — электронного — занятые в проекте архивисты провели ряд встреч с учеными-пользователями Ватиканского архива, чтобы обсудить, как исследователи работают над своими темами. Многие вопросы касались сфер, напрямую не связанных с историей Святейшего Престола. Исследовательские интересы историков социума, культуры и искусства, а также студентов, изучающих политику и ее теории, вращались не столько вокруг институциональных перипетий, лежащих в основе формирования и развития архивов, сколько вокруг процессов, связанных с культурой, эстетикой и социальными переменами в истории католицизма. Их, например, могло интересовать, как понимать идентичность религиозных женщин XIX века, природу властных взаимоотношений между колониальной администрацией и местным населением или художественное наследие конкретного храма.

Изучать подобные темы, используя существующие категории идентификации и описания, было не так-то просто. Ученые чаще набредали на нужную им документацию в списках литературы из сносок к своей работе, чем с помощью систематического изучения официальных инструментов доступа Ватиканского архива. Затем они изучали эти или схожие источники более подробно или сугубо в разрезе тематики своего исследования. В итоге оказывалось, что они искали не столько определенные документы, сколько исторические «голоса», скрытые в самих материалах, если использовать ранкеанскую метафору из XIX века. «Услышать» эти голоса можно было, только если документы читали вопреки их бюрократическому контексту. Чтобы решить эту проблему, в рамках Ватиканского проекта была разработана система идентификации завершенных исследовательских работ, которые привлекали конкретные виды документов. Используя эти библиографические ссылки, участники проекта подготовили и опубликовали в интернете примечания, касающиеся масштаба и содержания исследований, чтобы помочь пользователям отследить более ранние ссылки на них. По сегодняшним меркам эти попытки были весьма примитивны и основывались на быстро устаревших технологиях. Тем не менее они помогли ввести широкий круг научных интересов в систему архивного доступа и удовлетворить важные базовые потребности научного сообщества.

Электронный доступ, безусловно, послужил шагом к более масштабному развитию сходных видов поисковых инструментов. Исследователи, использующие материалы, не только имели под рукой

официальные актовые книги, подготовленные ответственными архивистами, но и сами могли участвовать в составлении этих интерактивных примечаний. Также примечания содержали ссылки на более известные библиографические источники и позволяли прибегать к поисковым возможностям таких собраний, как JSTOR⁶, чтобы отыскать дополнительные ссылки в различных работах. Это означало, что сами ученые могли участвовать в процессе описания фондов. Ватикан издал библиографию исследований, основанных на Секретном архиве, начиная с 1962 года. Она была организована в соответствии с индивидуальными фондами, которые использовались в работе. Эту библиографию легко можно было сканировать, добавив ее в существующую систему электронных поисковых инструментов⁷.

Цифровые технологии также дают возможность разрабатывать новые способы доступа. Социальные сетевые технологии, например Web 2.0, могут объединить опыт исследователей и архивистов, создав на его основе более формализованные описания системы доступа. Аннотации и даже теги, ведущие к материалам, которые используют исследователи или считают интересными архивисты, могли бы стать частью новых интерактивных поисковых систем. То же относится и к комментариям пользователей. Раз читатели имеют возможность публиковать, например на сайте Amazon.com, свои рецензии на книги, то ничто не мешает разместить поисковые инструменты в таком месте, где исследователи и архивисты могли бы делиться своими открытиями, сообщать об ошибках или проблемах с документами и файлами или добавлять ссылки на документы и цитаты.

Если эти инновационные способы поиска развивать параллельно традиционным, не умаляя авторитета официальных архивных описаний, и тщательно контролировать их силами архивистов, то они не только станут ценным материалом для историков, но и позволят приобщить к поисковой системе целые сообщества специалистов других дисциплин⁸. Развивающаяся технология Web 3.0 — так называемая «Семантическая паутина» — позволит исследователю просто послать в одну из параллельных поисковых систем запрос, который, минуя череду других поисковых инструментов, библиографий и лексических поисковиков, завершится выдачей ряда ссылок на документы с соответствующей запросу контекстуальной информацией. Сколь невероятным нам бы это не казалось сегодня, но, учитывая сложность и многоаспектность технологий и самих архивов, подобные системы вполне могут

получить в будущем широкое распространение, при условии что пользователь будет в состоянии справиться с количеством выдаваемых ссылок.

Если же говорить о преодолении профессионального размежевания, то для максимально эффективного использования возможностей параллельных интерактивных поисковых систем требуется, и это самое главное, чтобы историки и архивисты объединили свои усилия. Поскольку инфраструктуры электронных архивов основаны на технических архивных методиках, архивисты могут использовать их для публикации информации о том, как эти методики влияют на процессы подготовки, группировки разных видов документации и на доступ к ней. Историки и другие специалисты могут предложить ключевые слова или иные поисковые категории, которые кажутся им максимально удобными. Этот список затем будет открыт для дополнений. Хотя технологии создания электронных архивов не предусматривают, как мы уже видели, исторических категорий и авторитетов, концептуальное поле исторического понимания, во всех его новых и традиционных формах, может интегрироваться в такие параллельные дескриптивные системы и более эффективно прокладывать исследователям путь через сложные электронные ресурсы.

Архивисты и историки, особенно специализирующиеся на узкой теме, — в частности сотрудники «архивов идентичности» или других узкоспециальных публичных архивов и архивных учреждений — могли бы участвовать и в разработке разнообразных видов интерактивных поисковых инструментов, основанных на конкретных исторических интересах. Такие историко-ориентированные системы доступа могли бы опираться на понимание специфических дисциплинарных языков, концептуализаций и литературы. Если ученые захотят включить круг своих интересов в одну из онлайн-поисковых систем, они тем самым окажут серьезную помощь другим исследователям, работающим в той же или смежной области. Когда интересы и концепции со временем изменятся, как и сами дисциплинарные рамки, новые пользователи без особого труда смогут изменить и дополнить записи своих предшественников. Создание и поддержка параллельных поисковых систем тогда неминуемо войдет в сферу ответственности сообществ исследователей-пользователей этих архивов, чья работа базировалась на конкретных видах документации либо на конкретных подходах к архивной практике в целом. Таким образом, ученые вновь приобщились бы к историографическим дескриптивным процессам,

которые многие профессиональные делопроизводители и архивисты вынуждены были оставить.

На наш взгляд, это помогло бы сделать большой шаг на пути к восстановлению отношений между историками и архивистами. Чтобы наиболее эффективно участвовать в формировании параллельных систем доступа, историкам придется больше узнать о фундаментальных взаимоотношениях между документом и процессами архивной обработки прошлого. Также им потребуется глубже вникнуть в сложности экспертной оценки, каталогизации, классификации и хранения, невидимые извне в электронных архивах и более заметные в их бумажных предшественниках. Академические сообщества ждут активное участие в обеспечении доступа к архивной информации. Это значительно изменило бы взгляды историков на связи их науки и хранилищ. Однако, учитывая чрезвычайно сложный характер исторических исследований в XXI веке и высокие требования, предъявляемые к архивным институтам, мы считаем, что глубокое вовлечение научного мира в архивные дескриптивные процессы не только существенно поможет будущим историческим разысканиям, но и, беремся мы предсказать, окажется крайне плодотворным в интеллектуальном отношении.

Кураторам этих архивных собраний, с другой стороны, снова придется так или иначе учитывать интересы своих пользователей, иначе они не смогут до конца разобраться в возможностях своих огромных фондов и, как и прежде, играть традиционную роль помощников и консультантов академического сообщества. Некоторые историки могут недооценивать возможности (и преимущества) взаимодействия с высококвалифицированными архивистами в читальных залах архивов и в любых других местах. Однако, хотя со временем вся историческая документация будет, возможно, переведена в цифровую форму и доступна с любого расстояния, архивисты все же не утратят ключевой роли в формировании исторического знания. В этом и во многих других смыслах профессиональное размежевание пока еще представляет собой ряд препятствий, для преодоления которых архивисты и историки должны объединить свои усилия.

Примечания

Введение

- ¹ *Derrida J.* Mal d'archive: Une impression freudienne. Paris: Éditions Galilée, 1995. В английском переводе — *Archive Fever: A Freudian Impression*. Chicago: University of Chicago Press, 1996.
- ² Аутентичность — термин, принятый в англоязычной литературе, где под ним понимается свойство документа быть тем, о чем заявлено в нем самом, его неподдельность, несфальсифицированность. Заключение об аутентичности документа обычно выводится на основании внутренних и внеположных документу свидетельств, его физических характеристик, структуры, содержания и контекста. Аутентичность необязательно подразумевает достоверность содержания. В русскоязычной литературе обычно переводится термином «подлинность», хотя, согласно некоторым исследователям, эти понятия не идентичны. — *Примеч. перев.*

Глава 1

- ¹ История СССР с древнейших времен до наших дней: В 2 сер. В 12 т. М.: Наука, 1966–1980. — *Примеч. перев.*
- ² Как было на самом деле (нем.). — *Примеч. перев.*
- ³ *Krieger L.* Ranke: The Meaning of History. Chicago: University of Chicago Press, 1977. P. 5.
- ⁴ *Ranke L. von.* Geschichte der romanischen und germanischen Völker von 1494 bis 1535. Leipzig und Berlin, 1824. — *Примеч. перев.*
- ⁵ *Ranke L. von.* Weltgeschichte. 9 vols. Leipzig, 1881–1888.
- ⁶ Ibid. P. 4.
- ⁷ Подробное обсуждение см. в: *Ringer F.* Decline of the German Mandarins: The German Academic Community, 1890–1933. Cambridge, Mass.: Harvard University Press, 1969.
- ⁸ Как заметил Мозес Финли (*Moses Finley*) в своей скептической работе о Ранке, Фукидид полагался на устные свидетельства и традицию, однако не меньше Ранке был озабочен достоверностью фактов. Фукидид писал со знанием дела лишь о том, в правдивости чего был уверен сам. Его рассказы могли подтвердить и другие. См.: *Finley M.* Ancient History: Evidence and Models. London: Chatto and Windus, 1985. P. 48 ff.; и его же *Myth, Memory, and History // History and Theory*. 1965. Vol. 4. N 3. P. 281–302. Более подробную дискуссию о связях Ранке с его предшественниками см. в: *Pocock J. G. A.* The Origins of the Study of the

- Past: A Comparative Approach // Comparative Studies in Society and History. 1962. Vol. 4. N 2. P. 209–246.
- ⁹ Encyclopédie, ou Dictionnaire raisonné des sciences, des arts et des métiers. Geneva; Paris; Neufchatel: Chez Briasson [and others], 1754–1772. P. 220–221, 223.
- ¹⁰ См., например: *Posner E.* Archives in the Ancient World. Cambridge, Mass.: Harvard University Press, 1972.
- ¹¹ О необходимости и целях создания документов см., в частности: *O'Toole J. and Cox R.* Understanding Archives and Manuscripts. Chicago: Society of American Archivists, 2006. P. 1–43.
- ¹² См., например: *Clanchy M.* From Memory to Written Record: England, 1066–1307. London: Edward Arnold, 1979; *Posner E.* American State Archives. Chicago: University of Chicago Press, 1964; и, особенно: *Osborne T.* The Ordinarity of the Archive // History of the Human Sciences. 1999. Vol. 12. N 2. P. 51–64.
- ¹³ *Grafton A.* Forgers and Critics: Creativity and Duplicity in Western Scholarship. Princeton: Princeton University Press, 1990. P. 116.
- ¹⁴ *Mabillon J.* De re diplomatica. Paris, 1681. Полное заглавие этого важного труда: De re diplomatica. Libri VI. In quibus quidquid ad veterum Instrumentorum antiquitatem, materiam, scripturam, & stilum; quidquid ad sigilla, monogrammata, subscriptiones, ac notas chronologicas; quidquid inde ad antiquariam, historicam, forensemque disciplinam pertinet, explicatur & illustratur. Accedunt Commentarius de antiquis Regum Francorum Palatiis. Veterum scripturarum varia specimina, tabulis LX comprehensa. Nova ducentorum, & amplius, monumentorum collectio. *Operâ & studio Domni Johannis Mabillon...* Luteciæ Parisiorum, sumtibus viduæ L. Billaine, 1681.
- ¹⁵ В оригинале — The Public Records Office (PRO). До 2003 года был самостоятельным учреждением. Ныне это одно из четырех главных подразделений Национального архива Великобритании (*The National Archives*). Официально название The Public Records Office больше не используется, однако нередко все еще встречается в научных работах, что, вероятно, вызвано стремлением избежать путаницы с национальными архивами других стран. — *Примеч. перев.*
- ¹⁶ См.: *Ducheyn M.* The History of European Archives and the Development of the Archival Profession in Europe // American Archivist. 1992. Vol. 55. N 1. P. 16. Также см.: *Eisenstein E.* The Printing Press as an Agent of Change. Cambridge: Cambridge University Press, 1979. Vol. 1. P. 80–88, 113–126.
- ¹⁷ Ibid.
- ¹⁸ *Blouin F. X., Jr. (general editor), with Coombs L., Yakel E., Carlen C. and Gill K. J.* Vatican Archives: An Inventory and Guide to the Historical Doc-

- umentation of the Holy See. New York: Oxford University Press, 1998. P. XVI–XXI.
- 19 В оригинале — *modernity*. Здесь имеется в виду «модернити» как пост-традиционный *исторический* период (Новое время), с одной стороны, и связанные с ним исторические, философские и социологические концепции и изменения в обществе, с другой. — *Примеч. перев.*
 - 20 *Privacy* (англ.: личное дело, частная жизнь, конфиденциальность) — особая правовая категория в англо-американской правовой системе, означающая тайну и неприкосновенность частной жизни, интимную сферу человека, а также право на частную жизнь и право на ее неприкосновенность. В русском языке аналогов не имеет. — *Примеч. перев.*
 - 21 См.: *Duchein M. The History of European Archives*, а также: *Milligan J. The Problem of Publicité in the Archives of Second Empire France // Archives, Documentation, and Institutions of Social Memory / ed. by F. X. Blouin, Jr. and W. G. Rosenberg. Ann Arbor: University of Michigan Press, 2006. P. 20–36.*
 - 22 *Duchein M. The History of European Archives. P. 14–25.*
 - 23 *Moore L. Restoring Order: The École des Chartes and the Organization of Archives and Libraries in France, 1820–1870 (Ph.D. diss.). Stanford University, 2001. См. также: Ketelaar E. Muller, Feith, and Fruin // The Archival Image: Collected Essays / ed. by E. Ketelaar. Kilversum: Verloren, 1997 (в частности, P. 45).*
 - 24 См.: *Bartlett B. Qing Statesmen, Archivists, and Historians, and the Question of Memory // Archives, Documentation, and Institutions of Social Memory. P. 417–426. См. также: Duchein M. The History of European Archives. P. 22.*
 - 25 *Smith B. G. Gender and the Practices of Scientific History: The Seminar and Archival Research in the Nineteenth Century // American Historical Review. 1995. Vol. 100. N 4. P. 1150–1176.*
 - 26 *Ranke L. The Secret of World History: Selected Writings on the Art and Science of History / ed. and trans. by Roger Wines. New York: Fordham University Press, 1981.*
 - 27 *Ranke L. Autobiography // The Secret of World History... P. 50, 259. Леонард Кригер считает, что страсть Ранке к архивной работе имела чуть ли не сексуальный оттенок. Внимательно ознакомившись с письмами ученого, он обнаружил в них красноречивые образные пассажи, такие как вождение фактов и слияние с материалами. Ранке было уже за сорок, когда он, описывая одну закрытую архивную коллекцию, писал: «Она все еще девственница. Я страстно жду той минуты, когда смогу*

встретиться с ней и признаться в любви, ничуть не заботясь о ее привлекательности». Двадцать лет спустя он все так же утверждал: «Я изучаю архивы с невообразимым наслаждением. В таких штудиях мерцает проблеск молодости или, точнее, свежей и жизнеутверждающей юности: ты каждую минуту узнаешь что-то новое и важное и жаждешь рассказать это миру — чувство, заставляющее тебя забыть о надвигающейся старости». См.: *Ranke L. Das Briefwerk. Hamburg: Hoffmann und Campe, 1949. Цит. по: Krieger L. Ranke: The Meaning of History. P. 441.*

- 28 *Michelet J. Histoire de France. Paris, 1833, 1869 из его Oeuvres complètes / ed. by R. Casanova. Paris, 1974. Т. 4. P. 613–614, 727–736; цит. по: Steedman C. The Space of Memory: In an Archive // History of the Human Sciences. 1998. Vol. 11. N 4. P. 68. См. также: Steedman C. Archival Methods // Research Methods for English Studies / ed. by Gabriele Griffin. Edinburgh: Edinburgh University Press, 2005. P. 21–24.*
- 29 *Anderson B. Imagined Communities. New York and London: Verso, 1991 [1983]. P. 198.*
- 30 *Milner S. J. Partial Readings: Addressing a Renaissance Archive // History and the Human Sciences. 1999. Vol. 12. N 2. P. 101–102.*
- 31 Основополагающие работы по этому вопросу: *The Invention of Tradition / ed. by E. Hobsbawn and T. Rangers. Cambridge: Cambridge University Press, 1984* и *Anderson B. Imagined Communities.*
- 32 *Baxter H. A. Special Methods of Historical Study. Цит. по: Novick P. That Noble Dream: The “Objectivity Question” and the American Historical Profession. New York and Cambridge: Cambridge University Press, 1988. P. 33. См. также: Weibe R. The Search for Order, 1877–1920. New York: Hill and Wang, 1967.*
- 33 *Chadwick O. Catholicism and History: The Opening of the Vatican Archives. Cambridge: Cambridge University Press, 1978. P. 97 and passim.*
- 34 *Letter of August 18, 1883 // Acta Apostolica Sedes III. P. 264–265, цит. по: Chadwick O. Catholicism and History. P. 101–103.*
- 35 *Pastor L. von. The History of the Popes from the Close of the Middle Ages. Drawn from the Secret Archives of the Vatican and Other Original Sources. 40 vols. London: J. Hodges, 1891–1953.*
- 36 Несомненно, Гизо был страстно увлечен историей и полностью погрузился в архивную работу после отставки с поста премьер-министра Франции в 1848 году в связи с падением его кабинета министров. Наряду с другими значимыми работами, он выпустил шеститомную «Историю английской революции» (1826–1856) и начал, но не успел закончить «Общую историю цивилизации в современной Европе», в которой основное внимание уделено, что и неудивительно, Франции.

- 37 *Chandler A. D. The Visible Hand: The Managerial Revolution in American Business. Cambridge, Mass.: Harvard University Press, 1977.*
- 38 «Руководство по организации и описанию архивов». — *Примеч. перев.*
- 39 *Muller S., Feith J. A., and Fruin R. Manual for the Arrangement and Description of Archives. 2nd ed. / trans. by Arthur H. Leavitt. Chicago: Society of American Archivists, 2003, подготовлено под руководством Ассоциации архивистов Нидерландов.*
- 40 См. обсуждение в: *Cook T. Archives in the Post-Custodial World: Interaction of Archival Theory and Practice since the Publication of the Dutch Manual in 1898. Paper presented at the XIII International Congress on Archives. Beijing, 1996; Tekst en Context van de Handleiding voor het Ordenen en Beschrijven van Archieven van 1898 / ed. by P. J. Horsman, F. C. J. Ketelaar, T. H. P. M. Thomassen. Hilversum: Verloren, 1998.*
- 41 Все документы государственных чиновников автоматически становились «государственными», или «официальными», в том числе и те, которые содержательно таковыми не являлись — из-за того места, где они были произведены.
- 42 *Réspect des fonds (франц. досл.: уважение к фондам), точного русского эквивалента нет — один из принципов архивного дела, заключающийся в точном учете и систематизации имеющихся фондов. В российской архивистике соотнесен с понятием о принципе происхождения, или провение-принципе. — Примеч. перев.*
- 43 *Chandler A. D. The Visible Hand.*
- 44 *Bartlett N. Réspect des Fonds: The Origins of the Modern Archival Principle of Provenance // Bibliographical Foundations of French Historical Studies / ed. by Lawrence J. McCrank. New York: Haworth Press, 1992. P. 107–115.*
- 45 См.: *Yates J. Control through Communication: The Rise of System in American Management. Baltimore: Johns Hopkins University Press, 1989.*

Глава 2

- 1 См.: *Whitehill W. Independent Historical Societies: An Enquiry into their Research and Publication Functions and Their Financial Future. Boston: Boston Athenaeum, distributed by Harvard University Press, 1962.*
- 2 Примечательную дискуссию см. в: *Nash G. First City: Philadelphia and the Forging of Historical Memory. Philadelphia: University of Pennsylvania Press, 2002. Близкий сердцу одного из нас достойный пример местной истории такого типа см. в: Farrow J. P. History of Islesborough, Maine. Bangor: Thomas W. Burr, 1893, а ее продолжение см. в издании*

Исторического общества Айлсборо: History of Islesboro, Maine, 1893–1983. Islesboro, Maine: Islesboro Historical Society, 1984. Первая книга почти целиком посвящена известным семьям этой местности, упомянутым в порядке размера их благосостояния и вклада в процветание локального сообщества. Авторы второй сконцентрировались на значимых для местного сообщества видах деятельности и вовлеченных в нее семьях, однако ее шестнадцатистраничный указатель содержит только имена. Обе книги рисуют перед читателем картину хоть и не высказанного словами, но ясно видимого здорового индивидуализма, строящего свободное, щедрое и сплоченное местное сообщество.

- ³ См., например, интересную дискуссию об организации Государственного архива штата Миссисипи: Galloway P. Practicing Ethnohistory: Mining Archives, Hearing Testimony, Constructing Narrative. Lincoln: University of Nebraska Press, 2006. P. 58–60.
- ⁴ См. Smith B. G. Gender and the Practices of Scientific History: The Seminar and Archival Research in the Nineteenth Century // American Historical Review. 1995. Vol. 100. N 4. P. 1150–1176.
- ⁵ Связанные понятия в российской архивистике: провениеи-принцип, фондообразователь. — Примеч. перев.
- ⁶ См. гл. 8. — Примеч. перев.
- ⁷ Chandler A. D. The Visible Hand: The Managerial Revolution in American Business. Cambridge, Mass.: Harvard University Press, 1977; Yates J. A. Control Through Communication: The Rise of System in American Management. Baltimore: Johns Hopkins University Press, 1989.
- ⁸ Custodial management (англ.) — традиционная форма управления архивами, которая отводит сотрудникам архивов пассивную роль хранителей документации и предписывает архивам позицию невмешательства при оценке и отборе материалов. Здесь и далее переводится как «режимное» управление etc. — Примеч. перев.
- ⁹ Граф Жозеф д'Оссонвиль (Joseph Othenin Bernard de Cléron, comte d'Haussonville; 1809–1884) — французский политик и историк. — Примеч. перев.
- ¹⁰ Подробное обсуждение см. в: Milligan J. The Problem of Publicité in the Archives of Second Empire France // Archives, Documentation, and Institutions of Social Memory / ed. by Francis X. Blouin, Jr. and William G. Rosenberg. Ann Arbor: University of Michigan Press, 2006. P. 20–35.
- ¹¹ Цит. по: Gondos V., Jr. J. Franklin Jameson and the Birth of the National Archives, 1906–1926. Philadelphia: University of Pennsylvania Press, 1981. P. 11.

- 12 Ibid.
- 13 Ibid.
- 14 См.: *Guardian of Heritage: Essays on the History of the National Archives* / ed. by Timothy Walch. Washington, D. C.: National Archives and Records Administration, 1985. P. 17; *Gondos V., Jr. J. Franklin Jameson...* P. 17.
- 15 *Gondos V., Jr. J. Franklin Jameson...* P. 15.
- 16 *Guthrie K. The New York Historical Society: Lessons from One Nonprofit's Long Struggle for Survival*. San Francisco: Jossey-Bass, 1996. В частности, P. 12–13.
- 17 *Kolsrud O. The Evolution of Basic Appraisal Principles: Some Comparative Observations* // *American Archivist*. 1992. Vol. 55. N 1. P. 30.
- 18 *Jenkinson H. A Manual of Archive Administration*. Oxford: Oxford University Press, 1922; rev. ed., London: P. Lund Humphries, 1937. См. также: *Procter M. Consolidation and Separation: British Archives and American Historians at the Turn of the Twentieth Century* // *Archival Science*. 2006. Vol. 6. N 3–4. P. 361–379.
- 19 *Jenkinson H. A Manual...* P. 123–124.
- 20 Имеется в виду вступительная часть описания архивного фонда. — *Примеч. перев.*
- 21 *Greene M. A. and Meisner D. More Product, Less Processing: Revamping Traditional Archival Processing* // *American Archivist*. 2005. Vol. 68. N 2. P. 208–263.
- 22 *Boles F. and Greene M. A. Et Tu Schellenberg? Thoughts on the Dagger of American Appraisal Theory* // *American Archivist*. 1996. Vol. 59. N 3. P. 298–311.
- 23 *McCoy D. The National Archives: America's Ministry of Documents, 1934–1968*. Chapel Hill: University of North Carolina Press, 1978. P. 72.
- 24 *Fourth Annual Report of the Archivist of the United States*. Washington, D.C.: National Archives, 1939. P. 5. Цит. по: *Jones H. G. The Records of a Nation: Their Management, Preservation, and Use*. New York: Atheneum, 1969. P. 18.
- 25 *Gustafson M. O. The Empty Shrine: The Transfer of the Declaration of Independence and the Constitution to the National Archives* // *American Archivist*. 1976. Vol. 39. N 3. P. 271–285; *O'Toole J. M. Between Veneration and Loathing: Loving and Hating Documents* // *Archives, Documentation, and Institutions of Social Memory* / ed. by Francis X. Blouin, Jr. and William G. Rosenberg. Ann Arbor: University of Michigan Press, 2006. P. 44–45.
- 26 *Jones H. G. The Records of a Nation...* P. 39.
- 27 *Jameson J. F. The American Historian's Raw Materials; An Address by J. Franklin Jameson ... With the Presentation and Other Exercises at the*

- Dedication of the William L. Clements Library of Americana, June 15, 1923. Ann Arbor, Mich.: William Clements Library, 1923. P. 48. См. также: *Jimmerson R.* American Historians and European Archival Theory: The Collaboration of J. F. Jameson and Waldo G. Leland // *Archival Science*. 2006. Vol. 6. N 3–4. P. 299–312.
- 28 Ninth Annual Report of the Archivist of the United States. Washington D. C.: National Archives, 1944. Цит. по: *Jones H. G.* The Records of a Nation... P. 30.
- 29 *Jones H. G.* The Records of a Nation... P. 32.
- 30 *Lowenthal D.* Archives, Heritage, and History // *Archives, Documentation, and Institutions of Social Memory* / ed. by Francis X. Blouin, Jr. and William G. Rosenberg. P. 195.
- 31 *Brooks P. C.* Current Aspects of Records Administration: The Archivists Concern in Records Administration // *American Archivist*. 1943. Vol. 6. N 3. P. 164.
- 32 *Jenkinson H.* British Archives and the War // *American Archivist*. 1944. Vol. 7. N 1. P. 1–17.
- 33 Редакционная статья A Proposed Model Act to Create a State Department of Archives and History // *American Archivist*. 1944. Vol. 7. N 2. P. 130–133.
- 34 *Lewinson P.* The Archives of Labor // *American Archivist*. 1954. Vol. 17. N 1. P. 19–25.
- 35 *Epstein F.* Washington Research Opportunities in the Period of World War II // *American Archivist*. 1954. Vol. 17. N 2. P. 225–237.
- 36 *Holmes O. W.* Some Reflections on Business Archives in the United States // *American Archivist*. 1954. Vol. 17. N 4. P. 291–304; *Cohen E. S.* French Archives in Indochina // *American Archivist*. 1954. Vol. 17. N 4. P. 313–317; *Connor S. V.* Legal Materials as Sources of History // *American Archivist*. 1960. Vol. 23. N 2. P. 157–167.
- 37 См., например: *Norton on Archives: The Writings of Margaret Cross Norton on Archival & Records Management* / ed. by T. W. Mitchell. Carbondale: Southern Illinois University Press, 1975; *Schellenberg T.* Modern Archives: Principles and Techniques. Chicago: University of Chicago Press, 1956; и *Schellenberg T.* The Appraisal of Modern Public Records. Washington, D. C.: U. S. Govt. Printing Office, 1956.
- 38 Выражение «развитие менеджмента документов» (*Records Management*) в английском языке сегодня стало стандартным термином, называющим большую часть архивной деятельности. В данной главе заострено внимание на «охранной» практике из комплекса практик *Records Management*.
- 39 В оригинале — *records*. В англоязычной архивной терминологии понятия *record* (запись, документ) и *document* (документ) различаются.

В российской архивистике и смежных с нею дисциплинах, особенно в связи с развитием электронного документооборота и влиянием терминологического аппарата ИТ-отрасли, постоянно идут споры о переводе этих понятий на русский язык. Консенсус пока не достигнут, и в официальной архивной практике, согласно законодательным актам РФ, оба понятия чаще всего не различаются и сводятся к понятию «документ». В этом издании, если необходимо подчеркнуть понятие, оно дается также в скобках на языке оригинала. — *Примеч. перев.*

- ⁴⁰ Например: *Barzun J. and Graff H. The Modern Researcher*. New York: Harcourt Brace, 1957, — популярная книга, переиздававшаяся несколько раз в течение многих лет; *Bloch M. The Historian's Craft*. New York: Knopf, 1953; *Gottschalk L. Understanding History: A Primer of Historical Method*. New York: Knopf, 1969.
- ⁴¹ См., например: *Evans F. B. Archivists and Records Managers: Variations on a Theme* // *American Archivist*. 1967. Vol. 30. N 1. P. 45–58.
- ⁴² *Final Report of the Joint AHA–OAH Ad Hoc Committee to Investigate the Charges against the Franklin D. Roosevelt Library and Related Matters*. Washington, D. C.: American Historical Association, 1970. Также см.: *Blouin F. X., Jr. The Two Dimensions of Professional Service: A Reflection on the Life of Robert M. Warner* // *American Archivist*. 2007. Vol. 70. N 2. P. 405.
- ⁴³ *Robert M. Warner Papers*, Bentley Historical Library, University of Michigan, box 29, files: AHA/OAH/SAA.
- ⁴⁴ *Ibid.*
- ⁴⁵ *Ham F. G. Archival Strategies for the Post-Custodial Era* // *American Archivist*. 1981. Vol. 44. N 3. P. 207–216. Эта статья была первой, где говорилось о важности стандартизации архивной практики.
- ⁴⁶ *Burke F. G. Research and the Manuscript Tradition*. Chicago: Society of American Archivists and Scarecrow Press, 1997 и его же *The Future Course of Archival Theory in the United States* // *American Archivist*. 1982. Vol. 44. N 1. P. 40–46. См. также: *Lockwood E. 'Imponderable Matters': The Influence of New Trends in History on Appraisal at the National Archives* // *American Archivist*. 1990. Vol. 53. N 3. P. 394–405.
- ⁴⁷ «Документы Пентагона» (или «Бумаги Пентагона», *Pentagon Papers*) — сверхсекретное исследование предыстории участия США в войне во Вьетнаме, предпринятое по инициативе министра обороны США Роберта Макнамара. Впоследствии документы по этому делу попали в СМИ. Администрация Ричарда Никсона попыталась наложить ограничение на их публикацию, но решением верховного суда на основании права народа знать правду и конституционной свободы слова

и печати правительству было предписано опубликовать, за некоторым исключением, эти материалы. Военный аналитик Даниэль Элсберг, передавший документы в газеты, был отдан под суд, но затем оправдан, во многом благодаря общественной поддержке. — *Примеч. перев.*

- 48 «Уотергейт» — громкий предвыборный политический скандал в США (1972–1974 гг.) с участием администрации республиканской партии. Закончился отставкой президента-республиканца Ричарда Никсона. В предыстории скандала — взлом помещения предвыборного штаба демократической партии, установка подслушивающих устройств, лжесвидетельства, фальсификация магнитофонных записей и т. п. Слушания в конгрессе по этому делу транслировались телевидением. — *Примеч. перев.*
- 49 Переписка Джона Адамса (1735–1826) и Томаса Джефферсона (1743–1826) — второго и третьего президентов США. — *Примеч. перев.*
- 50 Cappon L. J. What, Then, Is There to Theorize About? // *American Archivist*. 1982. Vol. 45. N 1. P. 23.
- 51 Lester J. Cappon and the Relationship of History, Archives, and Scholarship in the Golden Age of Archival Theory / ed. by Richard J. Cox. Chicago: Society of American Archivists, 2004.
- 52 См., в частности: The Society of American Archivists: Description and Brief History. Chicago: Society of American Archivists, 2003 (цитируется на интернет-сайте SAA <http://www2.archivists.org/about/introduction-to-saa>). Booms H. Society and the Formation of a Documentary Heritage: Issues in the Appraisal of Archival Sources // *Archivaria*. 1987. N 24. P. 69–197; Cook T. An Archival Revolution: W. Kaye Lamb and the Transformation of the Archival Profession // *Archivaria*. 2005. N 60. P. 185–234. Обзор развития концепций оценки документов см. в: Cook T. Macroappraisal in Theory and Practice: Origins, Characteristics, and Implementation in Canada, 1950–2000 // *Archival Science*. 2005. Vol. 5. N 2–4. P. 101–161.
- 53 Сравните, например, изменения в языке отчетов Государственного архива Нью-Йорка. В отчете 1984 года везде использовался термин «исторические документы». См.: *Toward a Usable Past: Historical Records in the Empire State: A Report to the Governor and Citizens of New York by the State Historical Records Advisory Board*, January, 1984. Albany, New York, 1984. В отчете же 1988 года используется более широкое понятие «исследовательские источники архивной ценности». См.: *Our Memory at Risk: Preserving New York's Unique Research Resources: A Report and Recommendations to the Citizens of New York by the New York Document Conservation Advisory Council*. Albany, New York, 1988.

- ⁵⁴ Cook T. What Is Past Is Prologue: A History of Archival Ideas Since 1898, and the Future Paradigm Shift // *Archivaria*. 1997. N 43. P. 17–63.
- ⁵⁵ С 1975 года — *ARMA International*. Насчитывает свыше 11 000 членов из более чем 30 стран — управляющих документами, архивистов, библиотекарей, юристов, ИТ-менеджеров, консультантов и т. д. — *Примеч. перев.*

Глава 3

- ¹ См.: *Fishbein M.* The “Traditional” Archivist and the Appraisal of Machine Readable Records // *Archivists and Machine-readable Records: Proceedings of the Conference on Archival Management of Machine-Readable Records. February 7–10, 1979 / ed. by Carolyn L. Geda, Erik W. Austin, Francis X. Blouin, Jr.* Chicago: Society of American Archivists, 1980. P. 56–61.
- ² См. раздел «About ICPSR» на веб-сайте Межуниверситетского консорциума политических и социальных исследований: <http://www.icpsr.umich.edu> (дата последнего обращения: июнь 2012 г.).
- ³ *Cox R. J.* Archives and Archivists in the Information Age. New York; London: Neal-Schuman, 2005). P. 211.
- ⁴ *Hedstrom M. L.* Archives and Manuscripts: Machine-readable Records. Chicago: Society of American Archivists, 1984; *Archival Management of Electronic Records / ed. by David Bearman.* Pittsburgh: Archives & Museum Informatics, 1991.
- ⁵ Одним из первых, кто обратил внимание на важность стандартизации в архивной практике, был Ф. Джеральд Хэм, см.: *Ham F. G.* The Archival Edge: Archival Strategies for the Post-Custodial Era // *American Archivist*. 1981. Vol. 44. N 3. P. 207–216.
- ⁶ *Burke F. G.* Research and the Manuscript Tradition. Chicago: Society of American Archivists, 1997. P. 93. Эта цитата взята из руководства по архивной практике (1941 г.), подготовленного Службой национальных архивов и документов США (ныне — Управление национальных архивов и документации. — *Примеч. перев.*).
- ⁷ *Ibid.* P. 100.
- ⁸ *Ibid.* P. 100–101.
- ⁹ Подробное обсуждение см. в: *Martin L. M.* Viewing the Field: A Literature Review and Survey of the U. S. MARC-AMC in U. S. Academic Libraries // *American Archivist*. 1994. Vol. 57. N 3. P. 482–497. См. также: *Bearman D.* Towards National Information Systems for Archives and Manuscript Repositories: The National Information Systems Task Force (NISTF) Papers, 1981–1984. Chicago: Society of American Archivists, 1987. В то время канадские архивисты тоже работали над этой проблемой;

- см.: *Bureau of Canadian Archivists. Toward Descriptive Standards: Report and Recommendations of the Canadian Working Group on Archival Descriptive Standards*. Ottawa: Bureau of Canadian Archivists, 1985.
- ¹⁰ В оригинале — *record series*. Точного аналога термина в российской архивистике нет. — *Примеч. перев.*
- ¹¹ См., например: *Hensen S. L. Archives, Personal Papers, and Manuscripts: A Cataloging Manual for Archival Repositories, Historical Societies, and Manuscript Libraries*. Chicago: Society of American Archivists, 1989; *Michelson A. Description and Reference in the Age of Automation* // *American Archivist*. 1987. Vol. 50. N 2. P. 192–208.
- ¹² *Cataloguing in publication (CIP)*: 1) система сотрудничества между библиотеками и издательствами, предназначенная для оптимизации каталогизации печатных изданий; 2) результат такого сотрудничества: помещаемая в издании базовая библиографическая информация для библиотечного каталога, которая готовится либо национальной библиотекой страны издания книги (в США — Библиотекой конгресса, каталогизирующей книгу на этапе предпечатной подготовки макета), либо библиотекой издающей организации (например, государственного департамента). Ближайшие российские аналоги — различные варианты централизованной каталогизации и аннотированные каталожные карточки в изданиях. — *Примеч. перев.*
- ¹³ *Berry R. K. Development of the Encoded Archival Description DTD*. Washington, D. C., 2002 на веб-сайте: <http://www.loc.gov/ead/> (официальный сайт EAD; дата последнего обращения: июнь 2012 г.). Также см. два тома журнала *American Archivist*, посвященные обсуждению EAD: *Encoded Archival Description: Context and Theory*. 1997. Vol. 60. N 3 и *Encoded Archival Description: Case Studies*. 1997. Vol. 60. N 4.
- ¹⁴ *Ibid.*
- ¹⁵ Этот проект щедро финансировался Фондом Эндрю Меллона (*Andrew E. Mellon Foundation*), Национальным фондом поддержки гуманитарных наук (*National Endowment for the Humanities*) и Фондом Эрхарта (*Earhart Foundation*).
- ¹⁶ *Pitti D. Encoded Archival Description: The Development of an Encoding Standard for Archival Finding Aids* // *American Archivist*. 1997. Vol. 60. N 3. P. 268–283.
- ¹⁷ *Bearman D. Archives and Manuscripts Control with Bibliographic Utilities: Challenges and Opportunities* // *American Archivist*. 1989. Vol. 52. N 1. P. 26–39; *Cunningham A. Harnessing the Power of Provenance in Archival Description: An Australian Perspective on the Development of the Second Edition of ISAAR(CPF)* // *Respect for Authority: Authority Control, Context Control, and Archival Description* / ed. by Jean Dryden (forthcoming). В не-

- которых аспектах эти идеи не были новыми, так как несколько австралийских архивистов многие годы выдвигали сходные идеи, хотя и вне их связи с цифровыми технологиями. См., например: *Maclean I. An Analysis of Jenkinson's 'Manual of Archive Administration' in the Light of Australian Experience* // *Essays in Memory of Sir Hilary Jenkinson* / ed. by A. E. J. Hollander. Chichester: Moore and Tillyer, 1962. P. 128–152; *Scott P. J. The Record Group Concept: A Case for Abandonment* // *American Archivist*. 1966. Vol. 29. N 4. P. 493–504, обе работы переизданы в: *Debates and Discourses: Selected Australian Writings on Archival Theory 1951–1990* / ed. by Peter Biskup et al. Canberra: Australian Society of Archivists, 1995.
- 18 *Bearman D. Record Keeping Systems* // *Archivaria*. 1993. N 36. P. 35.
- 19 *Bearman D. Archival Principles and the Electronic Office* // *Information Handling in Offices and Archives* / ed. by Angelika Menne-Haritz. München: Saur, 1993. P. 177–199.
- 20 *International Standard Archival Authority Record for Corporate Bodies, Persons and Families (ISAAR(CPF))*. 2nd ed. Paris: International Council on Archives, 2004. См. также: *International Standard on Activities / Functions of Corporate Bodies (ISAF)*. Paris: International Council on Archives, 2007.
- 21 См., например, обсуждение в: *Gilliland-Swetland A. Testing Our Truths: Delineating the Parameters of the Authentic Archival Electronic Record* // *American Archivist*. 2002. Vol. 65. N 2. P. 196–215; *Blouin F. X., Jr. A Framework for a Consideration of Diplomats in the Electronic Environment* // *American Archivist*. 1996. Vol. 59. N 4. P. 466–479.
- 22 *Eastwood T. Introduction* // *Duranti L., Eastwood T., and MacNeil H. Preservation of the Integrity of Electronic Records*. Dordrecht: Kluwer Academic, 2002. P. 1, passim. См. также: *The InterPARES Project: The Long-term Preservation of Authentic Electronic Records (Findings of the InterPARES Project)* / ed. Luciana Duranti. San Miniato: Archilab, 2005; *Reflections on InterPARES 2: The InterPARES 2 Project (2002–2007): An Overview* // *Archivaria*. 2007. N 64. P. 113–121. См. также: *Eastwood T. Introduction* // *Duranti L., Eastwood T., and MacNeil H. Preservation... Passim*.
- 23 *Eastwood T. Introduction* // *Duranti L., Eastwood T., and MacNeil H. Preservation... Specifically Esp.* p. 35.
- 24 *Ibid.* P. 17.
- 25 См. веб-сайт: <http://nagara.org/displaycommon.cfm?an=1&subarticlenbr=1>. (Дата последнего посещения: июнь 2012 г.)
- 26 *Ibid.*
- 27 *Ibid.*

- 28 Эти обсуждения даже получили особое название: «the appraisal debates». — *Примеч. перев.*
- 29 См., например: *Hindus M. S., Hammett T. M., Hobson B. M.* Massachusetts Superior Court Files, 1859–1959: An Analysis and a Plan for Action. Boston: G. K. Hall, 1980; и уточнения Дэвида Бирмана: *Bearman D.* Archival Methods // Archives and Museum Informatics Technical Report. Pittsburgh: Archives and Museum Informatics, 1989. Vol. 3. N 1.
- 30 Например: *Lovett R. W.* The Appraisal of Older Business Records // *American Archivist*. 1976. Vol. 39. N 1. P. 15–20; *Blouin F. X., Jr.* A New Perspective on the Appraisal of Business Records // *American Archivist*. 1979. Vol. 4. N 3. P. 312–320; *Hower R. M.* Problems and Opportunities in the Field of Business History // *Bulletin of the Business Historical Society*. 1941. N 15. P. 17–26; *Proceedings: Conference on the Research Use and Disposition of Senators' Papers* / eds. by Kimmitt J. Stanley and Richard A. Baker. Washington, D. C.: Govt. Printing Office, 1978; *Aronsson P.* Appraisal of Twentieth Century Congressional Collections // *Archival Choices: Managing the Historical Record in an Age of Abundance* / ed. by Nancy Peace. Boston: Heath, 1984; *Chestnut P.* Appraising the Papers of State Legislators // *American Archivist*. 1985. Vol. 48. N 2. P. 159–172; *Yates J. A.* Internal Communications Systems in American Business Structures: A Framework to Aid Appraisal // *American Archivist*. 1985. Vol. 48. N 2. P. 141–158; *Haas J. K., Samuels H. W. and Simmons B. T.* Appraising the Records of Modern Science and Technology: A Guide. Chicago: Society of American Archivists, 1985; *Loewen C.* From Human Neglect to Planetary Survival: New Approaches to the Appraisal of Environmental Records // *Archivaria*. 1991–1992. N 33. P. 87–103; *Pylypchuk M. A.* A Documentation Approach to Aboriginal Archives // *Archivaria*. 1991–1992. N 33. P. 117–124.
- 31 См., в частности: *Boles F.* in association with *Young J. M.* Archival Appraisal. New York: Neal-Schuman Publishers, 1991; *Boles F. and Young J. M.* Exploring the Black Box: The Appraisal of University Administrative Records // *American Archivist*. 1985. Vol. 48. N 2. P. 212–240; *Boles F.* Mix Two Parts Interest to One Part Information and Appraise Until Done: Understanding Contemporary Record Selection // *American Archivist*. 1987. Vol. 50. N 3. P. 356–368. См. также: *Craig B.* Archival Appraisal: Theory and Practice. Munich: K. G. Saur, 2004. Литература по проблеме экспертизы документов обширна. Среди наиболее примечательных работ см.: *Boles F. and Green M. A.* “Et tu Schellenberg?” Thoughts on the Dagger of American Appraisal Theory // *American Archivist*. 1996. Vol. 59. N 3. P. 298–310; *Duranti L.* The Concept of Appraisal and Archival Theory // *American Archivist*. 1994. Vol. 57. N 2. P. 328–345; How Goes It with Appraisal // *Archivaria*. 1993. N 36 P. 111–121; *Eastwood T.* Towards a Social

Theory of Appraisal // *The Canadian Archival Imagination: Essays in Honour of Hugh Taylor* / ed. by Barbara Craig. Ottawa: Association of Canadian Archivists, 1992. P. 71–89; *Greene M.* “The Surest Proof”: A Utilitarian Approach to Appraisal // *Archivaria*. 1998. N 45. P. 127–169; *Lockwood E.* “Imponderable Matters”: The Influence of New Trends in History on Appraisal at the National Archives // *American Archivist*. 1990. Vol. 53. N 3. P. 394–405; *Craig B.* Doing Archival Appraisal in Canada: Results from a Postal Survey of Practitioners’ Experiences, Practices, and Opinions // *Archivaria*. 2007. N 64. P. 1–46; *Harris V.* Postmodernism and Archival Appraisal: Seven Theses // *Archives and Justice* / ed. by Verne Harris. Chicago, Society of American Archivists, 2007. P. 101–106.

Глава 4

- ¹ В оригинале — *citation*. В связи с тем, что не везде речь идет только о цитировании (т. е. о дословных выдержках), в переводе используется более общее (в данном контексте) понятие «референция», за исключением случаев, когда требуется уточнить вид референции (ссылка, цитата). См. сноску 2 в данной главе. — *Примеч. перев.*
- ² Ссылки на авторитет судебных постановлений имеют столь же древнюю историю, как и сами архивы, существовавшие в своих ранних формах, в роли хранилища закона, еще в Греции и Риме.
- ³ *Grafton A.* The Footnote: A Curious History. Cambridge, Mass.: Harvard University Press, 1997.
- ⁴ Ibid. P. 204–205, 221.
- ⁵ *Shapin S.* A Social History of Truth. Chicago and London: University of Chicago Press, 1994. Этой эпистемологической проблеме посвящена обширная литература, в частности статьи в американском журнале «История и теория» (“History and Theory”). Также см. важные работы: *Campbell R.* Truth and Historicity. New York and Oxford: Oxford University Press, 1992; *Davidson D.* Inquiries into Truth and Interpretation. New York; Oxford: Oxford University Press, 1984; *Certeau M. de.* L’Écriture de l’histoire. Paris: Gallimard, 1975, English ed., New York: Columbia University Press, 1988; и *Poovey M.* A History of the Modern Fact. Chicago and London: University of Chicago Press, 1998.
- ⁶ *Bloch M.* The Historians Craft. New York: Knopf, 1953.
- ⁷ Это название журнал получил в 1994 году. За все время существования журнала (1929 — по наст. время) название менялось несколько раз. — *Примеч. перев.*
- ⁸ См.: *Fink C., Bloch M.* A Life in History. New York and Cambridge: Cambridge University Press, 1989.

- ⁹ Название журнала с 1946 по 1993 год. — *Примеч. перев.*
- ¹⁰ Braudel F. Histoire et sciences sociales: La longue durée // Annales: ESC. Octobre — decembre. 1958. Vol. XIII. N 4. P. 725–753. Русский перевод: Бродель Ф. История и общественные науки: Историческая длительность // Философия и методология истории / общ. ред. И. С. Кона. М., 1977. С. 114–142. — *Примеч. перев.*
- ¹¹ Braudel F. Histoire et sciences sociales: La longue durée // Annales. E.S.C. 1958. Vol. XIII. N 4. P. 725–753. Переведено с английского в: Braudel F. On History / trans. by Sarah Matthews. Chicago: University of Chicago Press, 1980. P. 25–55. Цитаты взяты из английского издания.
- ¹² «Событийная» история, история событий (фр.) — *Примеч. перев.*
- ¹³ Ibid. P. 25–37.
- ¹⁴ Маркс К. Восемнадцатое брюмера Луи Бонапарта // К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения. Изд. 2-е. Т. 8. М.: Государственное издательство политической литературы, 1957. С. 119. — *Примеч. перев.*
- ¹⁵ Braudel F. On History / trans. by Sarah Matthews. Chicago: University of Chicago Press, 1980. P. 43.
- ¹⁶ Длительная временная протяженность, долговременность (фр.) — *Примеч. перев.*
- ¹⁷ Сражение у вьетнамской деревни Дьенбьенфу между французской и вьетнамской армиями в ходе войны Сопротивления (или Первой индокитайской войны) в Индокитае (1945/6–54). Франция боролась за сохранение своих индокитайских колоний, а Вьетнам — за свою независимость. Часто считается решающей битвой всей войны в целом. — *Примеч. перев.*
- ¹⁸ Тунисское селение, которое французская военная авиация ошибочно подвергла бомбардировке во время Алжирской войны (1954–1962). Этот авианалет (конечно, с учетом остального контекста) имел в тот период довольно заметные военные и политические последствия для Франции. — *Примеч. перев.*
- ¹⁹ Ibid. P. 39.
- ²⁰ Hutton P. H. History as an Art of Memory. Hanover, N. H.: University Press of New England, 1993. P. XIV.
- ²¹ Фр.: *Les Mots et les choses: Une archéologie des sciences humaines*. Русский перевод: Фуко М. Слова и вещи. Археология гуманитарных наук. М.: Прогресс, 1977.
- ²² В русском переводе — «жаргон подлинности». — *Примеч. перев.*
- ²³ Adorno T. The Jargon of Authenticity. Evanston, Ill.: Northwestern University Press, 1973; Geertz C. The Interpretation of Cultures: Selected Es-

- says. New York: Basic Books, 1973; *Habermas J.* Technik und Wissenschaft als "Ideologie". Frankfurt: Suhrkamp, 1968; On the Logic of the Social Sciences. Cambridge, Mass.: Harvard University Press, 1988; The Structural Transformation of the Public Sphere. Cambridge, Mass.: Harvard University Press, 1989; Эссе Хейдена Уайта собраны в: *Tropics of Discourse: Essays in Cultural Criticism*. Baltimore: Johns Hopkins University Press, 1985; и *The Content of the Form: Narrative Discourse and Historical Representation*. Baltimore: Johns Hopkins University Press, 1987.
- 24 *Thompson E. P.* The Making of the English Working Class. London: Victor Gollancz, 1963. — *Примеч. перев.*
- 25 *Haimson L.* The Problem of Social Stability in Urban Russia, 1905–17 // *Slavic Review*. 1964. Vol. 23. N 4. P. 619–642 и 1967. Vol. 24. N 1. P. 1–22; *Thompson E. P.* The Making of the English Working Class. New York: Vintage, 1963.
- 26 *Fukuyama F.* The End of History and the Last Man. New York: Free Press, 1992.
- 27 Более подробные обсуждения, ряд из которых носит довольно критический характер, см. в: *Stearns P.* Social History Update: Encountering Postmodernism // *Journal of Social History*. 1990. Vol. 24. N 2. P. 449–452; *Henretta J. A.* Social History as Lived and Written // *American Historical Review*. 1979. Vol. 84. N 5. P. 1293–1322; *Lloyd C.* The Methodologies of Social History: A Critical Survey and Defense of Structuralism // *History and Theory*. 1991. Vol. 30. N 2. P. 180–219; и в работах *Vann R. T.* The Rhetoric of Social History и *Perrot M.* The Strengths and Weaknesses of French Social History // *Journal of Social History*. 1976. Vol. 10. N 2. P. 221–236; 166–177.
- 28 *White H.* Metahistory: The Historical Imagination in Nineteenth Century Europe Baltimore: Johns Hopkins University Press, 1973.
- 29 Тетское, или Новогоднее, наступление — крупномасштабная атака вьетнамской армии на позиции США в 1968 году в ходе Вьетнамской войны. — *Примеч. перев.*
- 30 Неофициальное название правительственной программы, принятой администрацией президента Л. Джонсона в 1964 году в рамках плана социальных реформ «Великое общество». — *Примеч. перев.*
- 31 См.: *Hobsbawm E. J.* Labouring Men. London: Weidenfeld and Nicolson, 1964, *Bandits*. London and New York: Delacorte Press, 1969; и в соавторстве с *Rude G.*: *Captain Swing*. London and New York: Pantheon, 1968; *Perrot M.* *Les Ouvriers en grève, 1871–1890*. Paris: Mouton, 1974; *Anderson B.* *Imagined Communities*. London: Verso, 1983; и *Jameson F.* *The Political Unconscious*. Ithaca, NY.: Cornell University Press, 1981, в ряду других работ.

- 32 *Berkhofer R.* Beyond the Great Story. Cambridge, Mass.: Harvard University Press, 1995.
- 33 См., например: *Geertz C.* The Interpretation of Cultures...; *Douglas M.* Cultural Bias. London: Royal Anthropological Institute, 1978; *Turner V.* Dramas Fields and Metaphors: Symbolic Action in Human Society. Ithaca, NY.: Cornell University Press, 1974; и, The Anthropology of Experience / ed. by V. Turner, and E. Bruner. Urbana: University of Illinois Press, 1986.
- 34 «Транскрипт» (*transcript*) — термин американского политолога и антрополога Джеймса Скотта (*James C. Scott*). В своей известной книге «Господство и искусство сопротивления: скрытые транскрипты» (*Domination and the Arts of Resistance: Hidden Transcripts*. Yale University Press, 1990) он использует термин «публичный транскрипт» (*public transcript*), чтобы описать открытые, т. е. публичные, речевые и поведенческие способы взаимодействия между притесняемыми группами населения и властью, и термин «скрытый транскрипт» (*hidden transcript*), означающий скрытые, т. е. непубличные формы и механизмы противодействия народа власти. — *Примеч. перев.*
- 35 *Scott J. C.* Domination and the Arts of Resistance: Hidden Transcripts. New Haven: Yale University Press, 1990. См. также: *Klein K. Lee.* In Search of Narrative Mastery: Postmodernism and the People without History // History and Theory. 1995. Vol. 34. N 4. P. 275–298.
- 36 См.: *Polanyi K.* The Great Transformation. Boston: Beacon Press, 1957.
- 37 *Berkhofer R. F.* Beyond the Great Story. P. 2–3. Также см. дискуссию в: *Eley G.* The Crooked Line: From Cultural History to the History of Society. Ann Arbor: University of Michigan Press, 2005.
- 38 *Stone L.* History and Postmodernism // Past and Present. 1991. Vol. 131, как приведено в: The Postmodern History Reader / ed. by K. Jenkins London and New York: Routledge, 1997. P. 242–243.
- 39 Ibid.
- 40 См., в частности, в ряду других работ: *Ferrara A.* Modernity and Authenticity: A Study of the Social and Ethical Thought of Jean-Jacques Rousseau. Albany State University of New York, 1993. P. 112ff; и его же Reflective Authenticity: Rethinking the Project of Modernity. London and New York: Routledge, 1998.
- 41 *Foucault M.* The Archeology of Knowledge London: Tavistock, 1972; *Foucault M.* Discipline and Punish. New York: Pantheon, 1977; Power/Knowledge: selected Interviews and Other Writings 1972–1977 / ed. by C. Gordon. New York: Pantheon, 1980; и обсуждения в: The Foucault Effect: Studies in Governmentality / ed. by G. Burchell. Chicago: University of Chicago Press, 1991.
- 42 *Lincoln B.* Authority: Construction and Corrosion. Chicago: University of Chicago Press, 1994. P. 1–3.

- 43 Postmodern History Reader. P. 107.
- 44 Ibid. P. 85.
- 45 *Himmelfarb G.* Telling It as You Like It // Times Literary Supplement. October 16, 1992. P. 14–15. В то время взгляды Химмельфарб и Фокс Дженовезе вызвали горячие отклики как в печати, так и в очных дискуссиях. См., например: *Zagorin P.* Historiography and Postmodernism: Reconsiderations // History and Theory. 1990. Vol. 29. N 3. P. 263–296; и возражения *Ankersmit F. R.* Reply to Professor Zagorin // Ibid.
- 46 *Scott J. W.* Gender: A Useful Category of Historical Analysis // American Historical Review. 1986. Vol. 91. N 5. P. 1053–1075.
- 47 См., например, обсуждение Гердой Лернер (*Gerda Lerner*) исключения материалов по гендерной теме в традиционных архивах в ее книге: *The Creation of Feminist Consciousness: From the Middle Ages to Eighteen Seventy.* New York: Oxford University Press, 1993. См. также: *Berkhofer R. F., Jr.* Beyond the Great Story: History as Text and Discourse. Cambridge, Mass., 1997.
- 48 *Stone L.* History and Postmodernism. P. 242–243; *Joyce P.* History and Postmodernism // Past and Present. 1991. N 133. P. 208. Эта статья перепечатана в: Postmodern History Reader. P. 244–249. См. обсуждение целиком в: Past and Present и Critical Theory, 1991–1992. Джойс выражает здесь признательность нашему коллеге Джеффри Эллею за его «горячую и профессиональную защиту “лингвистического поворота”» в работе *Is All the World a Text? From Social History to the History of Society Two Decades Later* // The Historical Turn in the Human Sciences / ed. by T. McDonald. Ann Arbor: University of Michigan Press, 1996.
- 49 *Vann R.* The Reception of Hayden White // History and Theory. 1998. Vol. 37. N 2. P. 143–161. См. также его: Louis Mink’s Linguistic Turn // History and Theory. 1987. Vol. 26. N 1. P. 1–14; *Ginzburg C.* Clues, Myths, and the Historical Method Baltimore. Johns Hopkins University Press, 1989. См. также: *Kellner H.* Narrativity in History: Post-Structuralism and Since // History and Theory. 1987. Vol. 26. N 4. P. 1–29.
- 50 *Richards T.* The Imperial Archive: Knowledge and the Fantasy of Empire. London and New York: Verso, 1993.
- 51 *Appleby J., Hunt L., and Jacobs M.* Telling the Truth about History. New York: Norton, 1994.

Глава 5

- 1 *Mortensen P.* The Place of Theory in Archival Practice // Archivaria. 1999. N 47. P. 2.
- 2 Ibid.

- ³ См.: <http://www.sims.monash.edu.au/research/rcrg/>. Дата последнего посещения: апрель 2012 года. См. также: *McKemmish S. Yesterday, Today and Tomorrow: A Continuum of Responsibility* // *Naar een nieuw paradigma in de archivistiek* / ed. by P. J. Horsman, F. C. J. Ketelaar, and T. H. P. M. Thomassen. Gravenhage: Stichting Archiefpublicaties, 1999. P. 210; *McKemmish S. Are Records Ever Actual?* // *The Records Continuum: Ian Maclean and Australian Archives First Fifty Years* / ed. by S. McKemmish and M. Piggott. Clayton: Ancora Press, 1994. P. 187–203; *Managing Electronic Records* / ed. by Julie McLeod and Catherine Hare. London: Facet, 2005. P. 70.
- ⁴ *Ham G. The Archival Edge* // *American Archivist*. 1975. Vol. 38. N 1. P. 8.
- ⁵ *Duranti L. The Concept of Appraisal and Archival Theory* // *American Archivist*. 1994. Vol. 57. N 2. P. 344. См. также ее работы: *Duranti L. Reliability and Authenticity: The Concepts and Their Implications* // *Archivaria*. 1995. N 39. P. 5–10; *Cox R. J. Managing Records as Evidence and Information* // *Westport: Quorum*, 2001.
- ⁶ *Scott R. The Provincial Archive as a Place of Memory: Confronting Oral and Written Sources on the Role of Former Slaves in the Cuban War of Independence (1895–1898)* // *Archives, Documentation, and Institutions of Social Memory* / ed. by Francis X. Blouin, Jr., and William G. Rosenberg. Ann Arbor: University of Michigan Press, 2006. P. 284. См. также: *Nesmith T. Archives from the Bottom Up: Social History and Archival Scholarship* // *Archivaria*. 1982. N 14. P. 5–26.
- ⁷ *Samuels H. W. Varsity Letters: Documenting Modern Colleges and Universities*. Chicago: Society of American Archivists, 1992.
- ⁸ *Ibid.* P. 2.
- ⁹ *Hedstrom M. Building Record-Keeping Systems: Archivists Are Not Alone on the Wild Frontier* // *Archivaria*. 1997. N 44. P. 63. См. также ее работы: *Hedstrom M. How Do Archivists Make Electronic Archives Usable and Accessible?* // *Archives and Manuscripts*. 1998. Vol. 26. N 2. P. 6–22.
- ¹⁰ *Jimerson R. Embracing the Power of Archives* // *American Archivist*. 2006. Vol. 69. N 1. P. 19–32.
- ¹¹ См., в частности: *Scott J. W. The Evidence of Experience*; *Holt T. C. Experience and the Politics of Intellectual Inquiry: A Response to Joan Scott* // *Questions of Evidence: Proof, Practice, and Persuasion across the Disciplines* / ed. by James Chandler, Arnold I. Davidson, and Harry Harootunian. Chicago: University of Chicago Press, 1994 и *Scott J. W. A Rejoinder to Thomas C. Holt* // *Questions of Evidence: Proof, Practice, and Persuasion across the Disciplines* / ed. by James Chandler, Arnold I. Davidson, and Harry Harootunian. Chicago: University of Chicago Press, 1994. P. 363–400. См. также: *Kaplan E. We Are What We Collect, We Collect What We Are:*

- Archives and the Construction of Identity // *American Archivist*. 2000. Vol. 63. N 1. P. 125–151.
- 12 Spiegel G. History, Historicism, and the Social Logic of the Text in the Middle Ages // *The Postmodern History Reader* / ed. by Keith Jenkins. London and New York: Routledge, 1997. P. 264.
 - 13 Корпорация «Энрон» (*Enron Corporation*) — одна из крупнейших американских компаний, обанкротившаяся в 2001 году в результате проводимых ею широкомасштабных финансовых афер, фальсификаций отчетности и обмана инвесторов. — *Примеч. перев.*
 - 14 Архивист США — должность руководителя Национального архива США (полное название: Национальное управление архивов и документации США). — *Примеч. перев.*
 - 15 Carlin J. C. The National Archives: Issues for Historians, — выступление на ежегодном собрании Американской исторической ассоциации 9 января 1999 года. Перепечатано в: *Perspectives* (September 1999). Точку зрения канадских исследователей см. в: Nesmith T. What's History Got to Do with It? Reconsidering the Place of Historical Knowledge in Archival Work // *Archivaria*. 2004. N 57. P. 1–28.
 - 16 См. концепцию крупного британского архивиста, теоретика и практика архивистики сэра Хилари Дженкинсона (*Hilary Jenkinson*; 1882–1961) о пассивной, или нейтральной, роли архивистов в оценке и сохранении документов. — *Примеч. перев.*

Глава 6

- 1 Sherman D. The Construction of Memory in Interwar France. Chicago: University of Chicago Press, 1999. P. 1.
- 2 Термин «индустрия памяти» заимствован из Klein K. L. On the Emergence of Memory in Historical Discourse // *Representations*. 2000. N 69. P. 127.
- 3 См., например: *Journal of Modern History*. 1989. Vol. 75. N 4; Megill A. History, Memory, Identity // *History and the Human Sciences*. 1998. Vol. 11. N 3. P. 37; Confino A. Collective Memory and Cultural History: Problems of Method // *American Historical Review*. 1997. Vol. 102. N 5. P. 1386. См. также специальные выпуски журналов *History and Anthropology*. 1986. Vol. 2 и *Representations*. 1989. N 26. Одно из лучших исследований общего характера о социальной памяти: Connerton P. How Societies Remember. Cambridge: Cambridge University Press, 1989. Среди других важных работ по этой теме, опубликованных в тот же период: Baker K. Memory and Practice // *Representations*. 1985. N 11. P. 134–159; Fentress J. и Wickham C. Social Memory. Oxford: Oxford University Press, 1992; Funkenstein A. Collective Memory and Historical Consciousness // *History*

- and Memory. 1989. N 1. P. 5–26. В библиотеке Мичиганского университета насчитывается более 1000 одних только работ собственно о памяти, начиная с 1975 года по настоящее время, и примерно 610 названий, содержащих «социальную память». См. несколько циничную, но интересную дискуссию в: *Klein K. L. On the Emergence of Memory in Historical Discourse // Representations*. 2000. N 69. P. 127–150.
- ⁴ Хороший анализ этой проблемы с точки зрения архивов см. в: *Schwartz J. M. and Cook T. Archives, Records, and Power: The Making of Modern Memory // Archival Science*. 2002. Vol. 2. P. 1–19. См. также важную статью Т. Кука: *Cook T. Remembering the Future: Appraisal of Records and the Role of Archives in Constructing Social Memory // Archives, Documentation, and Institutions of Social Memory / ed. Francis X. Blouin, Jr. and William G. Rosenberg. Ann Arbor: University of Michigan Press, 2006. P. 165–168.*
- ⁵ *Weinstein A. Колонка архивиста в: NARA Staff Bulletin, May 2005. Источник: <http://www.archives.gov/about/speeches/staff-bulletin/2005-bulletin/nara-staff-bulletin-archivist-column-may05.pdf> (дата последнего посещения: январь, 2013).* Вставка «и остаются» — это наша трактовка его заметки. Аргумент, что для архивистов идея архивов как памяти — это больше, чем метафора, и помощь в поддержке коллективной памяти, выдвинут в: *Foote K. E. To Remember and Forget: Archives, Memory, and Culture // American Archivist*. 1990. Vol. 53. N 3. P. 378–392. См. также: *Cook T. Remembering the Future. P. 169–181.*
- ⁶ *Marx K. The Eighteenth Brumaire 1852, цит. по: The Marx-Engels Reader / ed. by R. C. Tucker 2nd ed. New York: Norton, 1978. P. 595 (русский перевод цит по: Маркс К. Восемнадцатое брюмера Луи Бонапарта // К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения: В 50 т. 2-е изд. Т. 8. М.: Госполитиздат, 1957. С. 119. — Примеч. перев.); Endings: Questions of Memory in Hegel and Heidegger Evanston / ed. by J. McCumber. Northwestern University Press, 1999.*
- ⁷ *Olick J. K., and Robbins J. Social Memory Studies: From “Collective Memory” to the Historical Sociology of Mnemonic Practices // Annual Review of Sociology*. 1998. Vol. 24. P. 106.
- ⁸ См., например: *Alonso A. M. The Effects of Truth: Representation of the Past and the Imaging of Community // Journal of the History of Society*. 1988. Vol. 1. N 1. P. 33–57.
- ⁹ *Halbwachs M. Les Cadres sociaux de la mémoire. Paris: F. Alcan, 1925; русский перевод: Хальбвакс М. Социальные рамки памяти / пер. с фр. и вступ. статья С. Н. Зенкина. М.: Новое издательство, 2007; Halbwachs M. Les Mémoire collective. Paris: Presses universitaires de France, 1950; англ. перевод: On Collective Memory. Chicago: University of Chicago Press, 1992.*

- 10 Битва при Геттисберге (1863) — сражение возле города Геттисберг, штат Пенсильвания, США, считается переломным и самым кровопролитным в американской Гражданской войне (1861–1865). — *Примеч. перев.*
- 11 См., в частности: *Lowenthal David. The Heritage Crusade and the Spoils of History* Cambridge: Cambridge University Press, 1998.
- 12 Важное обсуждение документального фильма в связи с этим см. в: *Rabinowitz P. Wreckage upon Wreckage: History, Documentary and the Ruins of Memory // History and Theory. 1993. Vol. 32. N 2. P. 119–137.*
- 13 *Aries Ph. Centuries of Childhood / trans. by Robt. Baldick. New York: Knopf, 1962. Фр.: Ariès P. L'Enfant et la vie familiale sous l'Ancien Régime. Plon, Paris, 1960. Русский перевод: Арьес Ф. Ребенок и семейная жизнь при Старом порядке. Екатеринбург: Изд-во Уральского университета, 1999.*
- 14 *Thompson E. P. The Making of the English Working Class. London, 1963. P. 12–13.*
- 15 *Medvedev R. A. Let History Judge: The Origin and Consequences of Stalinism. New York, 1972.*
- 16 *Haley A. Roots: The Saga of an American Family. New York: Doubleday, 1976; The Invention of Tradition / Eric Hobsbawm and Terence Ranger. Cambridge: Cambridge University Press, 1983; Anderson B. Imagined Communities. London: Verso, 1983.*
- 17 См., в частности: *Neisser U. Cognitive Psychology. New York: Appleton-Century-Crofts, 1967; Schacter D. Searching for Memory: The Brain, the Mind, and the Past. New York: Basic Books, 1996; и The Seven Sins of Memory: How the Mind Forgets and Remembers Boston: Houghton Mifflin, 2001.*
- 18 См. обсуждение: *Boyarín J. Space, Time, and the Politics of Memory*, в книге под его редакцией: *Remapping Memory: The Politics of Time Space. Minneapolis: University of Minnesota Press, 1994. P. 1–37.*
- 19 *Lambek M. The Past Imperfect: Remembering as Moral Practice // Tense Past: Cultural Essays in Trauma and Memory / ed. by Paul Antze. and Michael Lambek. New York: Routledge, 1996. P. 240. См. также: Koselleck R. The Practice of Conceptual History: Timing History, Spacing Concepts. Stanford, Calif.: Stanford University Press, 2002. См. также: Zerubavel E. Time Maps: Collective Memory and the Social Shape of the Past. Chicago: University of Chicago Press, 2003.*
- 20 Особенно плодотворную дискуссию по этой проблеме с участием Тома Холта (*Tom Holt*), Джоан Скотт и др. см. в: *Chandler J., et al. Questions of Evidence. Chicago and London: University of Chicago Press, 1991. P. 363–509.*

- 21 Цит. по: *Лотман Ю. М. Семиосфера*. СПб.: Искусство—СПБ, 2000. С. 339. — *Примеч. перев.*
- 22 *Caruth C. Introduction to "Trauma and Experience" // Trauma / ed. by C. Caruth. Baltimore: Johns Hopkins University Press, 1995. P. 151–157.* В ряду многих других работ см. также: *Krimayer L. J. Landscapes of Memory: Trauma, Narrative, and Dissociation // Tense Past: Cultural Essays in Trauma and Memory / ed. by Paul Antze, and Michael Lambek. New York: Routledge, 1996. P. 173–198.*
- 23 В ряду наиболее интересных работ в обширной литературе по теме *Yerushalmi Y. Zakhor: Jewish History and Jewish Memory. Seattle: University of Washington Press, 1982; Young J. E. The Texture of Memory: Holocaust Memorials and Meaning. New Haven: Yale University Press, 1995; Zerubavel Y. The Death of Memory and the Memory of Death: Masada and the Holocaust as Historical Metaphors // Representations. 1994. N 45. P. 72–100; Avisar I. Screening the Holocaust: Cinema's Images of the Unimaginable. Bloomington: Indiana University Press, 1988; Holocaust Remembrance: The Shapes of Memory / ed. by G. Hartman. Cambridge, Mass.: Blackwell, 1994; Kramer J. The Politics of Memory: Looking for Germany in the New Germany. New York: Random House, 1996; LaCapra D. Representing the Holocaust: History, Theory, and Trauma. Ithaca, NY: Cornell University Press, 1994; Langer L. Holocaust Testimonies: The Ruins of Memory. New Haven: Yale University Press, 1991; Maier C. The Unmasterable Past: History, Holocaust, and German National Identity. Cambridge, Mass.: Harvard University Press, 1988; Caruth C. Unclaimed Experience: Trauma, Narrative, and History. Baltimore: Johns Hopkins University Press, 1996; Roth M. S. The Ironist's Cage: Memory, Trauma, and the Construction of History. New York: Columbia University Press, 1995; Roussio H. The Vichy Syndrome: History and Memory in France since 1944. Ithaca, NY: Cornell University Press, 1990; LaCapra D. Writing History, Writing Trauma. Baltimore: Johns Hopkins University Press, 2001; Wolf J. Harnessing the Holocaust: The Politics of Memory in France. Stanford, Calif.: Stanford University Press, 2004. См. также интересную статью: *Smith A. Social Memory, and Germany's Anti-Foreigner Crisis: A Case of Collective Forgetting // The Labyrinth of Memory: Ethnographic Journeys / ed. by R. Josselson, and A. Lieblich. Westport, Conn.: Sage, 1995. P. 61–94; and Krimayer L. J. Landscapes of Memory // ed. by Paul Antze, and Michael Lambek. Tense Past. P. 173–198.**
- 24 Террористический акт 11 сентября 2001 года (так называемый «9/11») — серия четырех координированных террористических авиаатак, произошедших в Соединенных Штатах Америки. — *Примеч. перев.*
- 25 (В оригинале игра слов: разрозненные — *dismembered* — противоречия, которые с помощью нарратива были объединены, или, по удачному

- выражению Лары Моор, *re-membered* (с дефисом). — *Примеч. перев.*). См.: *Moore L. Putting French History in Order: Archivists and Archival Classification in the 1840s*, — работа, представленная Ларой Моор для обсуждения на семинарах имени Джона Э. Сойера (*John Edward Sawyer*), основана на ее диссертации *Restoring Order: Archives, Libraries, and the Legacy of the Old Regime in Nineteenth-Century France*. Ph.D. diss., Stanford University, 2001.
- 26 *Halbwachs M. Collective Memory*. P. 38. О более современном социологическом подходе и ряд ссылок см. также в: *Morgan D. L., and Schwalbe M. L. Mind and Self in Society: Linking Social Structure and Social Cognition // Social Psychology Quarterly*. 1990. Vol. 53. N 2. P. 148–164. Также см. широкое обсуждение в: *Irwin-Zarecka I. Frames of Remembrance: The Dynamics of Collective Memory*. New Brunswick, N. J.: Rutgers University Press, 1993; также Сьюзан Крейн (*Susan Crane*) опубликовала прекрасный краткий обзор общего характера: *Crane S. Writing the Individual Back into Collective Memory // American Historical Review*. 1997. Vol. 105. N 5. P. 1372–1385.
- 27 См. плодотворную дискуссию в: *Crane S. Writing the Individual...* P. 1375–1376.
- 28 *Derrida J. Mal d'archive: Une impression freudienne*. Paris: Éditions Galilée, 1995, английский перевод: *Archive Fever: A Freudian Impression*. Chicago: University of Chicago Press, 1996. См. также: *Certeau M. L'Écriture de l'histoire* Paris: Gallimard, 1975; английский перевод: *The Writing of History / trans. by M. Conley*. New York: Columbia University Press, 1988.
- 29 «Энциклопедия, или толковый словарь наук, искусств и ремесел» (*Encyclopédie, ou Dictionnaire raisonné des sciences, des arts et des métiers*) — французская энциклопедия эпохи Просвещения, крупнейший памятник французской науки и культуры XVIII века (т. 1–35, 1751–1780). — *Примеч. перев.*
- 30 *Yates F. The Art of Memory*. Chicago: University of Chicago Press, 1966; *LeGoff J. History and Memory [1977]* New York: Columbia University Press, 1992. См. также: *Hutto P. H. The Art of Memory Reconceived: From Rhetoric to Psychoanalysis // Journal of the History of Ideas*. 1987. Vol. 48. N 3. В частности, P. 373–385; и *Coleman J. Ancient and Medieval Memories: Studies in the Reconstruction of the Past*. Cambridge: Cambridge University Press, 1992. *Baker K. Memory and Practice: Politics and the Representation of the Past in Eighteenth Century France // Representations*. 1985. N 11. P. 134–164. Бэйкер спорит с Хальбваксом о том, что документальные материалы «могут иметь прескриптивную силу в рамках социального порядка» (P. 156) и, таким образом, принадлежат скорее памяти, нежели истории, как ее понимает Хальбвакс. См. также:

- Hutton P. H.* The Role of Memory in the Historiography of the French Revolution // *History and Theory*. 1991. Vol. 30. N 1. P. 56–69.
- 31 *Ricoeur P.* Memory, History, Forgetting. Chicago, and London: University of Chicago Press, 2004.
- 32 *Yerushalmi Y. Zakhor*. См. также: *Kammen M.* Mystic Chords of Memory: The Transformation of Tradition in American Culture. New York: Knopf, 1991.
- 33 *Brokaw T.* The Greatest Generation. New York: Dell, 1998.
- 34 См., например, ряд обзоров и обсуждений в: *Fitzpatrick Sh.* Education and Social Mobility in the Soviet Union. Cambridge: Cambridge University Press, 1979; и *Goldhagen D.* Hitler's Willing Executioners. New York: Knopf, 1996.
- 35 Прозвище сэра Артура Траверса Харриса, 1-го баронета (*Sir Arthur Travers Harris, 1st Baronet*; 1892–1984) — британского военного деятеля, маршала Королевских ВВС, главы бомбардировочного командования Королевских ВВС в период Второй мировой войны. Наиболее известен как идеолог стратегических бомбардировок немецких городов во время Второй мировой войны, которые привели к многочисленным жертвам среди гражданского населения, что оценивается в обществе крайне неоднозначно. — *Примеч. перев.*
- 36 Wounded Knee Massacre (1890 год) — последнее крупное вооруженное столкновение между индейцами Лакота и армией США, одна из последних битв Индейских войн. В нем погибло, по данным разных источников, от полутора до нескольких сотен индейцев. — *Примеч. перев.*
- 37 Политическая доктрина США середины XIX века об избранности американского народа и миссии поселенцев распространить экспансию на весь континент. — *Примеч. перев.*
- 38 Nanking Massacre, Rape of Nanking (1937 год) — зверское убийство в ходе Второй японо-китайской войны большого числа мирных жителей Нанкина (в те годы столицы Китайской Республики), совершенное солдатами Императорской армии Японии. — *Примеч. перев.*
- 39 См., в частности: *Chang I.* The Rape of Nanking: The Forgotten Holocaust of World War II. New York: Basic Books, 1997; и *Takashi Y.* The Making of the Rape of Nanking: History and Memory in Japan, China, and the United States. New York: Oxford University Press, 2006.
- 40 Enola Gay — имя собственное стратегического бомбардировщика Boeing B-29 Superfortress армии США, сбросившего 6 августа 1945 года атомную бомбу на японский город Хиросима. — *Примеч. перев.*
- 41 Ряд исследователей разделяют эти понятия (*invented communities* и *imagined communities*). — *Примеч. перев.*
- 42 *Boyarin J.* Remapping Memory... P. 23–24.

- 43 См.: *Hobsbawm E.* On History. New York: Norton, 1997. P. 7.
- 44 Об американском опыте см., например: *Bodnar J.* Remaking America: Public Memory, Commemoration, and Patriotism in the Twentieth Century. Princeton: Princeton University Press, 1992.
- 45 См., в частности: *Monuments and Memory, Made and Unmade* / ed. by Robert Nelson, and Margaret Olin. Chicago: University of Chicago Press, 2003.
- 46 (фр.) Государство. — *Примеч. перев.*
- 47 (фр.) Нация. — *Примеч. перев.*
- 48 *Nora P.* Between Memory and History: *Les Lieux de mémoire* // Representations. 1989. N 26. P. 9. (Цит. по: *Нора П. и др.* Франция–память. СПб.: Издательство Санкт-Петербургского университета, 1999. С. 20. — *Примеч. перев.*)
- 49 (фр.) Франция (ед. ч.) противопоставлена здесь Франциям (мн. ч.) как цельное и единое — множественному и разрозненному. — *Примеч. перев.*
- 50 *Нора П. и др.* Франция–память. С. 13.
- 51 Там же. С. 29. Полную дискуссию см. в его *Les Lieux de mémoire*. 7 vols. Paris, 1984–1992. Превосходный анализ работы Нора см. в: *Wood N.* Memory's Remains: *Les Lieux de mémoire* // History and Memory. 1994. Vol. 61. P. 123–148.
- 52 См., в частности: *War and Remembrance in the Twentieth Century* / ed. by Jay Winter, and Emmanuel Sivan. New York and Cambridge: Cambridge University Press, 1999; *Winter J.* Sites of Memory, Sites of Mourning: The Great War in European Cultural History. New York and Cambridge: Cambridge University Press, 1995; и *Fussell P.* The Great War and Modern Memory. New York: Oxford University Press, 1975.
- 53 *White H.* Metahistory: The Historical Imagination in Nineteenth-Century Europe. Baltimore: Johns Hopkins University Press, 1973. P. 1–42.
- 54 См., в частности: *Hass K.* Carried to the Wall. Berkeley: University of California Press, 1998; *Wagner-Pacifici R.*, and *Schwartz B.* The Vietnam Veterans Memorial: Commemorating a Difficult Past // American Journal of Sociology. 1991. Vol. 97. N 2. P. 376–420. Прекрасное обсуждение мемориальных практик см. в: *Gillis J.* Memory and Identity: The History of a Relationship // Commemorations: The Politics of National Identity / ed. by John R. Gillis. Princeton: Princeton University Press, 1994. См. также: *Schwartz B.* The Social Context of Commemoration: A Study in Collective Memory // Social Forces. 1982. Vol. 61. N 2. P. 374–402; *Between History and Histories: The Making of Silences and Commemorations* / ed. by Gerald Sider, and Gavin Smither. Toronto: University of Toronto

- Press, 1997; и *Koselleck R. The Practice of Conceptual History*, в частности chap. 17.
- 55 *Lowenthal D. Possessed by the Past: The Heritage Crusade and the Spoils of History*. New York: Free Press, 1996; См. также: *Lowenthal D. The Past is a Foreign Country*. New York and Cambridge: Cambridge University Press, 1985; и *Lowenthal D. The Timeless Past: Some Anglo American Historical Preconceptions* // *Journal of American History*. 1989. Vol. 75. N 4. P. 1263–1280. Выразительное исследование американских практик реконструкции, в ряду других аспектов института памяти Гражданской войны, см. в: *Horwitz T. Confederates in the Attic*. New York: Pantheon, 1999.
- 56 В фильме речь идет об участии французских солдат в Первой мировой войне. — *Примеч. перев.*
- 57 Фильм описывает события во время Нормандской операции Второй мировой войны. — *Примеч. перев.*
- 58 *Lambek M. The Past Imperfect* // ed. by Paul Antze, and Michael Lambek. *Tense Past*. P. 235–254. См. также: *Brown R. H., and Davis-Brown B. The Making of Memory: The Politics of Archives in the Construction of National Consciousness* // *History and the Human Sciences*. 1998. Vol. 11. N 4. P. 17–32; *Roussio H. The Haunting Past: History, Memory, and Justice in Contemporary France*. Philadelphia: University of Pennsylvania Press, 2002, и расширенное обсуждение в: *Ricoeur P. Memory, History, Forgetting*, в частности P. 412–456.
- 59 См., например: *Teski M. С.; Climo J. J.* в: *Labyrinth of Memory*, в частности P. 2–8. Этот сборник эссе берет свое начало в широкой дискуссии, имевшей место в 1992 году на встрече Американской антропологической ассоциации. Два интересных исследования: *Taylor A. C. Remembering to Forget: Identity, Mourning, and Memory among the Jivaro* // *Man. New Series*. 1993. Vol. 28. N 4. P. 653–678; и *Carsten J. The Politics of Forgetting: Migration, Kinship. and Memory on the Periphery of the Southeast Asian State* // *The Journal of the Royal Anthropological Institute*. 1995. Vol. 1. N 2. P. 317–335.
- 60 См.: *Donia R. J. The New Masters of Memory: Libraries, Archives and Museums in Postcommunist Bosnia-Herzegovina* // *Archives...* / ed. by Fr. Blouin, and W. Rosenberg. P. 393–401; *Burds J. Ethnicity, Memory, and Violence: Reflections on Special Problems in Soviet and East European Archives* // Там же, P. 466–479; и более общая дискуссия в: *Lampe J. Yugoslavia as History*. Cambridge: Cambridge University Press, 1996; и *Naimark N. Fires of Hatred: Ethnic Cleansing in Twentieth-Century Europe*. Cambridge, Mass.: Harvard University Press, 2001.
- 61 См., в частности: *Hellbeck J. Revolution on my Mind: Writing a Diary in Stalin's Time*. Cambridge, Mass.: Harvard University Press, 2007; *Kelly C.*

- Comrade Pavlik: The Rise and Fall of a Soviet Boy Hero. London: Granta, 2005.
- 62 См. обсуждение в: *Yakel T.* Archival Representation // *Archives...* / ed. by Fr. Blouin, and W. Rosenberg. P. 150–161; и *Hensen S. L.* The Evolution of Archival Description // *American Archivist*. 1997. Vol. 60. N 3. P. 284–295.
- 63 См. общее обсуждение в: *Cox R. J.* The Concept of Public Memory and Its Impact on Archival Public Programming // *Archivaria*. 1993. N 36. P. 122–135.
- 64 См., например, обсуждение в: *Keegan J.* The Face of Battle. New York: Viking, 1976.
- 65 *Passerini L.* Memory and Totalitarianism, in *International Yearbook of Oral History and Life Stories* / ed. by L. Passerini. Oxford: Oxford University Press, 1992. P. 8. См. также: *Smith K. E.* Mythmaking in the New Russia: Politics and Memory During the Yeltsin Era. Ithaca, NY: Cornell University Press, 2002; и *Wertsch J. V.* Voices of Collective Remembering. Cambridge: Cambridge University Press, 2002.
- 66 *Irwin-Zarecka I.* Frames of Remembrance. P. 54.
- 67 *Bakhtin M.* The Dialogic Imagination / ed. and trans. by Michael Holquist, with Caryl Emerson. Austin: University of Texas Press, 1981. P. 342–348.
- 68 См., например: *Williams B., and Wallach W. K.* Documenting South Africa's Liberation Movements: Engaging the Archives at the University of Fort Hare // *Archives...* / ed. by Fr. Blouin and W. Rosenberg. P. 321–331.
- 69 По этому вопросу см., в частности, статью: *Crane S.* Writing the Individual Back into Collective Memory // *American Historical Review*. 1997. Vol. 102. N 5. P. 1372–1385, которая, в дополнение к прочим достоинствам, включает и превосходный обзор литературы.
- 70 См. краткое, но важное обсуждение в: *Bundsgaard I.* The Question of Access: The Right to Social Memory versus the Right to Social Oblivion // *Archives...* / ed. by Fr. Blouin and W. Rosenberg. P. 114–120.
- 71 *Hobsbawm E.* On History. P. 8.

Глава 7

- 1 См.: сайт Ассоциации BBC США: www.afa.org.
- 2 Самый исчерпывающий анализ этих событий см. в: *Newman R.* Enola Gay and the Court of History. New York: P. Lang, 2004; *O'Reilly Ch. T., Rooney Wm. A.* The Enola Gay and the Smithsonian Institution. Jefferson, NC.: McFarland, 2005.
- 3 В 1999 году, благодаря пожертвованию в размере 65 миллионов долларов, оказалось возможным создать новое хранилище для материалов

этой выставки и других архивов Музея авиации и космонавтики — Центр имени Стивена Ф. Удвара-Хази (*Steven F. Udvar-Hazy Center*).

- 4 См.: www.airforcemag.com/MagazineArchive/EnolaGayArchive/Pages/SpecialReportsandAnalyses.aspx
- 5 *Steedman C. Dust: The Archive and Cultural History*. New Brunswick: Rutgers University Press, 2002. P. 68.
- 6 Эти вопросы хорошо анализирует Борис Васильевич Ананьич, когда говорит о материалах, касающихся судебных процессов 1929–1931 годов над советскими учеными: он указывает на то, что фальсификация информации в документах осложняется здесь еще и тем фактом, что подсудимые подтверждали возводимые на них обвинения. Весь этот комплекс проблем мог быть осмыслен только историком, прекрасно разбирающимся в историческом контексте. См.: *Ananich B. V. The Historian and the Source: Problems of Reliability and Ethics* // F. X. Blouin and W. G. Rosenberg. *Archives, Documentation, and Institutions of Social Memory*. Ann Arbor: University of Michigan Press, 2006. P. 490–496.
- 7 *Stoler A. Along the Archival Grain*. Princeton: Princeton University Press, 2009. Мы очень благодарны Энн Стоулер за то, что она делилась с нами своими идеями в ходе предварительного обсуждения этого проекта и приняла участие в их развитии в рамках прошедшего в Санкт-Петербурге семинара, посвященного вопросам архивов.
- 8 *Stoler A. Colonial Archives and the Arts of Governance: On the Content in the Form* // F. X. Blouin and W. G. Rosenberg. *Archives, Documentation, and Institutions of Social Memory*. Ann Arbor: University of Michigan Press, 2006. P. 267–279; *Stoler A. Along the Archival Grain: Epistemic Anxieties and Colonial Common Sense*. Princeton University Press, 2010; *Richards T. The Imperial Archive: Knowledge and the Fantasy of Empire*. London: Verso, 1993; *Dirks N. Castes of Mind*. Princeton: Princeton University Press, 2001. Ту же идею чтения поперек оси текстуры разрабатывал Томас Холт: *Holt T. Experience and the Politics of Intellectual Inquiry* // *Questions of Evidence: Proof, Practice, and Persuasion across the Disciplines*. Chicago: University of Chicago Press, 1994. P. 388–400.
- 9 *Stoler A. Colonial Archives*. P. 271–272.
- 10 *Dirks N. Caste of Mind*. P. 122.
- 11 *Ibid.* P. 122–123.
- 12 *Dirks N. Caste of Mind*. P. 103. О собрании Маккензи см.: *Wilson H. H. A Descriptive Catalogue of the Oriental Manuscripts and Other Articles Illustrative of the Literature, History, Statistics and Antiquities of the South of India Collected by the late Lieut / col. Colin MacKenzie*. Calcutta: Asiatic Press, 1828. Vol. 1.

- 13 *Certeau M. de. History: Science and Fiction // Heterodologies: Discourse on the Other / trans. B. Massumi. Minneapolis: University of Minnesota Press, 1986. P. 203.*
- 14 *Mallon F. Peasant and Nation: The Making of Post Colonial Mexico and Peru. Berkeley: University of California Press, 1995.*
- 15 См. описание фонда 75: <http://www.archives.gov/research/guide-fed-records/groups/075.html>. Примерами работ, интересным образом использующих официальные архивы, могут служить: *White R. The Middle Ground: Indians, Empires, and Republics in the Great Lakes Region 1650–1815. Cambridge Eng.: Cambridge University Press, 1991; Deloria Ph. Playing Indian. New Haven: Yale University Press, 1998.*
- 16 *Sanders J. Contentious Republicans: Popular Politics, Race, and Class in Nineteenth Century Colombia. Durham: Duke University Press, 2004; Eiss P. Redemption's Archive: Remembering the Future in a Revolutionary Past // Archives, Documentation, and Institutions of Social Memory. P. 301–20; Rediker M., Linebaugh P. The Many-Headed Hydra: Sailors, Slaves, Commoners, and the Hidden History of the Revolutionary Atlantic. Boston: Beacon Press, 2000; Chambers S. S. From Subjects to Citizens: Honor, Gender, and Politics in Arequipa, Peru, 1780–1854. State College, PA.: Pennsylvania State University Press, 1999; Scott R. The Provincial Archive as a Place of Memory: Confronting Oral and Written Sources on the Role of Former Slaves in the Cuban War of Independence (1895–98) // F. X. Blouin and W. G. Rosenberg. Archives, Documentation, and Institutions of Social Memory. Ann Arbor: University of Michigan Press, 2006. P. 280–291.*
- 17 См. сайт Национального архива (NARA): <http://www.archives.gov/declassification/>.
- 18 Архив национальной безопасности — это независимый негосударственный исследовательский институт и библиотека, расположенные в Университете Джорджа Вашингтона. Этот архив собирает и публикует рассекреченные документы, полученные в соответствии с Законом о свободе информации. Кроме того, здесь хранятся правительственные документы, касающиеся национальной безопасности, внешней политики, разведки и экономики США. См.: http://www.gwu.edu/~nsarchiv/nsa/the_archive.html.
- 19 *Stoler A. Colonial Archives. P. 271.*
- 20 *Galloway P. Practicing Ethnohistory: Mining Archives, Hearing Testimony, Constructing Narrative. Lincoln, NB.: University of Nebraska Press, 2006. P. 10.*
- 21 *Dirks N. Castes of Mind. P. 107.*

- 22 См.: *Hackman L.* Presidential Libraries: Programs, Policies, and the Public Interest // *The Public Historian*. 2006. Vol. 28. P. 7–184; *Hufbauer B.* Presidential Temples: How Memorials and Libraries Shape Public Memory. Lawrence, KS.: University Press of Kansas, 2005.
- 23 *Bartlett N.* Past Imperfect: Mediating Meaning in the Archive // F. X. Blouin and W. G. Rosenberg. Archives, Documentation, and Institutions of Social Memory. Ann Arbor: University of Michigan Press, 2006. P. 123.
- 24 *Moore L.* Putting French History in Order: Archivists and Archival Classification in the 1840s; этот доклад, представленный на обсуждение в рамках семинара Сойера (*Sawyer Seminar*), написан автором на основе его диссертации: “Restoring Order: Archives, Libraries, and the Legacy of the Old Regime in Nineteenth-Century France” (Ph. D. diss.). Stanford Univ., 2001.
- 25 См. обсуждение этого вопроса в: *Kammen M.* Mystic Chords of Memory: The Transformation of Tradition in American Culture. New York: Knopf, 1991. P. 36.
- 26 Эти материалы главным образом были получены из прежде засекреченного Центрального архива партии и из Государственного архива Российской Федерации (бывшего Центрального архива Октябрьской революции), но, в отличие от прежних документальных публикаций, в эти сборники включались материалы, полученные из западных архивов, а также газет и других источников. Более 40 толстых томов, посвященных истории русских политических партий на исходе старого режима, было опубликовано только в 1995–2005 годах, не говоря уже о ряде замечательных сборников архивных материалов, посвященных крестьянскому восстанию в годы Гражданской войны, коллективизации, тайной полиции, международному коммунистическому движению и переписке глав государств. Над всеми этими проектами совместно работали западные и русские исследователи и архивисты.
- 27 Подробнее см.: *Hufbauer B.* Presidential Temples.
- 28 *Cooper F.* Memories of Colonization: Commemoration, Preservation, and Erasure in an African Archive // F. X. Blouin and W. G. Rosenberg. Archives, Documentation, and Institutions of Social Memory. Ann Arbor: University of Michigan Press, 2006. P. 257–266.
- 29 *LeGoff J.* History and Memory. New York: Columbia University Press, 1992. P. 31.
- 30 *Smith B.* Uncontrollable Archive: Visual Culture and the War in Iraq — доклад, представленный на семинаре, посвященном гендерному вопросу применительно к архивам, состоявшемуся в Мичиганском университете в сентябре 2004 года.

- 31 Цит. по: *Schwartz J.* We Make Our Tools and Our Tools Make Us: Lessons from Photographs for the Practice, Politics, and Poetics of Diplomats // *Archivaria*. 1995. Vol. 40. P. 60.
- 32 См., например, обсуждение этой проблемы в: *Visualizing Russia* / ed. by J. Neuberger and V. Kivelson. New Haven: Yale University Press, 2008.
- 33 *Schwartz J.* "Records of Simple Truth and Precision": Photography, Archives, and the Illusion of Control // F. X. Blouin and W. G. Rosenberg. *Archives, Documentation, and Institutions of Social Memory*. Ann Arbor: University of Michigan Press, 2006. P. 61–83.
- 34 Блестящее обсуждение этого вопроса см. в: *Eley G.* Finding the People's War: Film, British Collective Memory, and World War II // *American Historical Review*. 2001. Vol. 106. N 3. P. 837.
- 35 *Boyarin J.* Space, Time, and the Politics of Memory // *Remapping Memory: The Politics of Timespace*. Minneapolis: University of Minnesota Press, 1994.
- 36 *Boyarin J.* Space, Time and the Politics of Memory. P. 12–13.
- 37 *Koselleck R.* The Practice of Conceptual History: Timing History, Spacing Concepts. Stanford: Stanford University Press, 2002.
- 38 *Shapin S.* A Social History of Truth. Chicago: University of Chicago Press, 1994. P. 5.
- 39 *Abraham D.* The Collapse of the Weimar Republic: Political Economy and Crisis. Princeton: Princeton University Press, 1981.
- 40 Цит. по: *Novick P.* That Noble Dream: The "Objectivity question" and the American Historical Profession. Cambridge, Eng.: Cambridge University Press, 1988. P. 612–621.
- 41 *New York Times*. 1984. December 23 — в этой статье обсуждаются решения, принятые советом Американской исторической ассоциации.
- 42 Цит. по: *Novick P.* That Noble Dream. P. 616.
- 43 Цит. по: *Ibid.* P. 619.
- 44 *Appleby J., Hunt L., Jacobs M.* Telling the Truth about History. New York: Norton, 1994.
- 45 *Wolf E.* Europe and the People without History. Berkeley: University of California Press, 1982.
- 46 *Geary P.* Medieval Archivists as Authors: Social Memory and Archival Memory // F. X. Blouin and W. G. Rosenberg. *Archives, Documentation, and Institutions of Social Memory*. Ann Arbor: University of Michigan Press, 2006. P. 106–113; *Geary P.* Phantoms of Remembrance: Memory and Oblivion at the End of the First Millennium. Princeton: Princeton University Press,

1994. См. также: *Given-Wilson C. Chronicles: The Writing of History in Medieval England*. London and New York: Hambledon, 2004.
- 47 *Hevia J. English Lessons: The Pedagogy of Imperialism in Nineteenth-Century China*. Durham: Duke University Press, 2003. P. 234.
- 48 *Richards T. Imperial Archive*. P. 6.
- 49 *Hevia J. English Lessons*. P. 242.
- 50 *Morse H. B. Trade and Administration of the Chinese Empire*. Shanghai: Kelly and Walsh, 1913; *The Chronicles of the East India Company Trading to China, 1635–1834*. Oxford: The Clarendon, 1926–1929; *International Relations of the Chinese Empire 1834–1911*. Shanghai, Kelly and Walsh, 1910.
- 51 *Pipes R. Counting the Masses* // *Times Literary Supplement*. 1990. March 23–29. P. 305.
- 52 См.: *Cook T. Macroappraisal in Theory and Practice: Origins, Characteristics, and Implementation in Canada, 1950–2000* // *Archival Science*. 2005. Vol. 5. N 2–4. P. 101–161.
- 53 См. интересную дискуссию по этому вопросу в: *Grossman A. Out of the Closet and into the Archives? German Jewish Papers* // *Archives, Documentation, and Institutions of Social Memory*. P. 89–100.

Глава 8

- 1 *Derrida J. Mal d'archive: Une impression freudienne*. Paris: Galilee, 1995.
- 2 *Journal of History of the Human Sciences*. 1998/ Vol. 11. N 4; 1999. Vol. 12. N 2.
- 3 *Steedman C. Dust: The Archive and Cultural History*. New Brunswick: Rutgers University Press, 2001.
- 4 *Derrida J. Mal d'archive; Michel Foucault, Archeology of Knowledge*. New York: Harper and Row, 1976.
- 5 *Steedman C. Dust*. P. 67.
- 6 *Michelet J. Histoire de France*. Paris: A. Le Vasseur, 1876–1878. P. 613. Интересно, что электронные архивы не вызывают таких же негативных, «грязных» ассоциаций.
- 7 *Steedman C. Dust*. P. 68.
- 8 *Stoler A. L. Colonial Archives and the Arts of Governance: On the Content in the Form* // F. X. Blouin and W. G. Rosenberg. *Archives, Documentation, and Institutions of Social Memory*. Ann Arbor: University of Michigan Press, 2006. P. 272.
- 9 *Keeping Archives* / ed. by A. Pederson. Australian Society of Archivists, 1987. P. 285.

- ¹⁰ Ibid. См. также: *Cook T.* What is Past is Prologue: A History of Archival Ideas since 1898 and the Future Paradigm Shift / *Archivaria*. 1997. Vol. 43. P. 18–63.
- ¹¹ См.: *Wilson I. E.* The Gift of One generation to Another: The Real Thing for the Pepsi Generation // *Archives, Documentation, and Institutions of Social Memory*. Ann Arbor: University of Michigan Press, 2006. P. 333–342; *McCoy D.* The National Archives: America's Ministry of Documents, 1934–1968. Chapel Hill: University of North Carolina Press, 1978.
- ¹² См. например: *Schellenberg Th. R.* The Management of Archives; *Association des archivistes français*, *Manuel d'Archivistique*. Paris: S.E.V.P.E.N., 1970; *O'Toole J., Cox R.* Understanding Archives and Manuscripts. Chicago: Society of American Archivists, 2006. Архив Луи Армстронга может послужить прекрасным примером. См.: *Alexander B.* For Posterity': The Personal Audio Recordings of Louis Armstrong // *American Archivist*. 2008. Vol. 71. N 1. P. 50–87.
- ¹³ См.: *Bearman D.* Archival Methods / *Archives and Museum Informatics Technical Report*. 3:1 (1989). P. 10–11.
- ¹⁴ См.: *Hindus M. S., Hammett Th. M., Hobson B. M.* Files of the Massachusetts Superior Court, 1859–1959: an Analysis and Plan for Action (Report of the Massachusetts Judicial Records Committee of the Supreme Judicial Court). Boston: G. K. Hall, 1979.
- ¹⁵ Цит. по: *McIntosh R.* The Great War, Archives, and Modern Memory // *Archivaria*. 1998. N 46. P. 17.
- ¹⁶ См.: *Craig B.* Archival Appraisal: Theory and Practice. Munich, K. G. Saur, 2004. Однако Брайен Бротман (*Brien Brothman*), опираясь на целый ряд источников, предлагает несколько отличную точку зрения. Он утверждает, что хотя из документов можно сделать свидетельства, однако из свидетельства невозможно сделать документ. См. об этом в его работе: *Brothman B.* Afterglow: Conceptions of Record and Evidence in Archival Discourse // *Archival Science*. 2002. N 2. P. 311–342. Работа Терри Кука (*Terry Cook*) "Appraisal Methodology: Macro-Appraisal and Functional Analysis" содержит более исчерпывающее описание процесса оценки: www.collectionscanada.gc.ca/government/disposition/007007-1035-e.html. См. также дискуссию между Франком Боулсом (*Frank Boles*) и Джулией Маркс Янг (*Julia Marks Young*) в: *Exploring the Black Box: The Appraisal of University Administrative Records* // *American Archivist*. 1985. Vol. 48. P. 212–240; *Boles F.* Mix two Parts Interest to One Part Information and Appraise Until Done: Understanding Contemporary Record Selection // *American Archivist*. 1987. N 50. P. 356–368; *Cox R.* The Documentation Strategy and Archival Appraisal Principles: A Different Perspective // *Archivaria*. 1994. Vol. 38. N 2. P. 11–36; *Samuels H. W.* Who

- controls the Past // *American Archivist*. 1986. Vol. 49. N 2. P. 109–124; *Duranti L.* The Concept of Appraisal and Archival Theory // *American Archivist*. 1994. Vol. 57. N 2. P. 328–344; *Ericson T.* At the 'Rim of Creative dissatisfaction: Archivists and Acquisition Development // *Archivaria*. 1991–1992. Vol. 33. N 1. P. 66–67.
- 17 Современный анализ проблем, встающих перед нами в рамках архивного процесса, см.: *Greene M. A., Meissner D.* More Product, Less Process: Revamping Traditional Archival Processing // *American Archivist*. 2005. Vol. 68. N 2. P. 208–263.
- 18 Мы благодарны Нэнси Бартлетт (*Nancy Bartlett*) за это наблюдение и за многочисленные идеи относительно самых разных элементов архивного посредничества.
- 19 См.: *Bartlett N. P.* Past Imperfect (l'imparfait): Mediating Meaning in Archives of Art // *F. X. Blouin and W. G. Rosenberg. Archives, Documentation, and Institutions of Social Memory*. Ann Arbor: University of Michigan Press, 2006. Esp. p. 123–124; *Yakel E.* Archival Representation // *Ibid.* P. 151–163.
- 20 *Yakel E.* *Ibid.*
- 21 См.: *The Catholic Church and Modern Science: Documents from the Archives of the Roman Congregations of the Holy Office and the Index*. 4 Vols. // ed. by *U. Baldini*. Rome: Libreria Editrice Vaticana, 2009.
- 22 *Lapin V.* Hesitations at the Door to an Archive Catalog // *F. X. Blouin and W. G. Rosenberg. Archives, Documentation, and Institutions of Social Memory*. Ann Arbor: University of Michigan Press, 2006. P. 480–489.
- 23 *Yakel E.* Archival Representation. P. 152–163.
- 24 *Chute T. G., Swain E.* Navigating Ambiguous Waters: Providing Access to Student Records in the University Archives // *American Archivist*. 2007. Vol. 62. N 2. P. 212–233; *Barritt M.* The Appraisal of Personally Identifiable Student Records // *American Archivist*. 1986. Vol. 49. N 3. P. 263–276.
- 25 См. особенно: *Bartlett N. P.* Respect des Fonds. P. 107–115. Past Imperfect. P. 123–124.
- 26 См.: *Welsh H. A.* Dealing with the Communist Past: Central and East European Experiences after 1990 // *Europe-Asia Studies*. 1996. Vol. 48. N 3. P. 413–428; а также дискуссию о бад-арользенских материалах в: *The New York Times*. April 19. 2006.
- 27 Цит. по: *Roberts A.* Blacked Out: Government Secrecy in the Information Age. Cambridge, Eng.: Cambridge Univ. Press, 2006. P. 208.
- 28 См. обсуждение этой проблемы в: *Pugh M. J.* The Illusion of Omniscience: Subject Access and the Reference Archivist // *American Archivist*. 1982. Vol. 45. N 1. P. 33–44; *Marquis K.* Not Dragon at the Gate but Research

- Partner: The Reference Archivist as Mediator // F. X. Blouin and W. G. Rosenberg. Archives, Documentation, and Institutions of Social Memory. Ann Arbor: University of Michigan Press, 2006. P. 36–43.
- 29 См. особенно: *Moore L.* Restoring Order: the École des Chartes and the Organization of Archives and Libraries in France, 1820–1870. Ph. D. diss. Stanford University, 2001; *Bartlett N. P.* Respect des Fonds. P. 107–115; *Lapin V.* Hesitations at the Door. P. 480–489; *Spence J.* The Memory Palace of Matteo Ricci. New York: Viking, 1984; *Bartlett B. S.* Monarch and Ministers: The Grand Council in Mid-Ch'ing China, 1723–1820. Berkeley and London: University of California Press, 1991.
- 30 Preserving the Past to Protect the Future // National Archives and Records Administration. Washington, DC.: National Archives and Records Administration, 2007. P. 1.
- 31 *Favier L.* La Mémoire de l'état: Histoire des Archives nationales. Paris: Fayard, 2004.
- 32 Все эти проблемы хорошо выведены в фильме «Жизнь других» (“*Lives of Others*”), в котором среди прочего рассматривается, какими разными способами архивы могут репрезентировать жизнь — современную и историческую. См. также: *Smith A.* Russian History: Is It in the Archives? // F. X. Blouin and W. G. Rosenberg. Archives, Documentation, and Institutions of Social Memory. Ann Arbor: University of Michigan Press, 2006. P. 451–458; *Yekelchik S.* Archiving Heteroglossia: Writing Reports and Controlling Mass Culture Under Stalin // Ibid. P. 459–465.
- 33 *Schwartz J.* Records of Simple Truth and Precision: Photography, Archives, and the Illusion of Control // Ibid. P. 77–79.
- 34 См., например: *Portelli A.* Lookin' for a Home: Independent Oral History Archives in Italy // Ibid. P. 219–224; *Skotnes A.* People's Archives and Oral History in South Africa: A Traveler's Account // South African Archives Journal. 1995. Vol. 37; *Bodnar J.* Power and Memory in Oral History: Workers and Managers at Studebaker // The Journal of American History. 1989. Vol. 75. N 4. P. 1201–1221. В обоих текстах плодотворно обсуждаются методологические вопросы.
- 35 United States. Congress. Senate. Select Committee on Ethics, United States. Congress. Senate. Ethics Counsel // The Packwood Report. New York: Times Books, 1995.
- 36 *Thomassen T. H. P. M.* Instrumenten van de macht. De Staten-Generaal en hun archieven 1576–1796. Dissertation, University of Amsterdam, 2009. P. 457–458.
- 37 National Archives Responds to Reclassification of Documents // NARA press release, 2006. Feb. 22. www.nara.gov.
- 38 *Roberts A.* Blacked Out. P. 215–216.

- ³⁹ *Chandler A. D.* The Visible Hand: The Managerial Revolution in American Business. Cambridge, MA.: Harvard University Press, 1977; The Records of American Business // ed. by J. M. O'Toole. Chicago: Society of American Archivists, 1997.
- ⁴⁰ *Yates J.* Control Through Communication: The Rise of System in American Management. Baltimore: Johns Hopkins University Press, 1989.
- ⁴¹ *Nash G. B.* First City: Philadelphia and the Forging of Historical Memory. Philadelphia: University of Pennsylvania Press, 2002.
- ⁴² См.: <http://hiphoparchive.org/>.
- ⁴³ См.: *Mecklenburg F.* German Jewish Archives in Berlin and New York: Three Generations after the Fact // F. X. Blouin and W. G. Rosenberg. Archives, Documentation, and Institutions of Social Memory. Ann Arbor: University of Michigan Press, 2006. P. 101–105; Russian and East European Books and Manuscripts in the United States: Proceedings of a Conference in Honor of the Fiftieth Anniversary of the Bakmeteff Archive of Russian and East European Culture // ed. by T. Chebotarev, J. S. Ingersoll. New York: Haworth Information Press, 2003; *Shmelev A.* Tracking a Diaspora: Emigrés from Russia and Eastern Europe in the Repositories. New York: Haworth Information Press, 2006.
- ⁴⁴ *Klemek Ch.* Gary Nash First City. H-Book Review, H-Urban@n-net.msu.edu, 2002, March.
- ⁴⁵ См., например: *Cook T.* Mind over Matter: Towards a New Theory of Archival Appraisal // Archival Imagination: Essays in Honour of Hugh A. Taylor / ed. by B. Craig. Ottawa: Association of Canadian Archivists, 1992; а также обсуждение этого вопроса в: *Cook T.* Remembering the Future // F. X. Blouin and W. G. Rosenberg. Archives, Documentation, and Institutions of Social Memory. Ann Arbor: University of Michigan Press, 2006. P. 175–179; *Brown R.* Records Acquisition Strategy and Its Theoretical Foundation: The Case for a Concept of Archival Hermeneutics // Archivaria. 1991–1992. Vol. 33. P. 34–56; *Brown R.* The Value of “Narrativity” in the Appraisal of Historical Documents // Archivaria. 1991. Vol. 32. P. 152–160.
- ⁴⁶ *Cook T.* Remembering the Future // F. X. Blouin and W. G. Rosenberg. Archives, Documentation, and Institutions of Social Memory. Ann Arbor: University of Michigan Press, 2006. P. 175–179; см. также: *Spragge Sh.* The Abdication Crisis: Are Archivists Giving Up Their Cultural Responsibility // Archivaria. 1995. Vol. 40. N 3. P. 173–189. См. также: *Bodnar J.* Remaking America: Public Memory, Commemoration, and Patriotism in the Twentieth Century. Princeton: Princeton University Press, 1992.
- ⁴⁷ *McIntosh R.* The Great War, Archives, and Modern Memory // Archivaria. 1998. Vol. 46. P. 1–18.

- 48 *Cook T., Schwartz J.* Archives, Records, and Power: The Making of Modern Memory // *Archival Science*. 2002. N 2. P. 1; *Cook T., Schwartz J.* Archives, Records, and Power: From (Postmodern) Theory to (Archival) Performance // *Archival Science*. 2002. N 2. P. 171–173. См. также: *René-Bazin P.* The Influence of Politics on the Shaping of the Memory of States in Western Europe (France) // *F. X. Blouin and W. G. Rosenberg. Archives, Documentation, and Institutions of Social Memory*. F. X. Blouin and W. G. Rosenberg. Ann Arbor: University of Michigan Press, 2006. P. 353–360.
- 49 *Le Goff J.* History and Memory. New York: Columbia University Press, 1992 [1977]. См. также: *Enstad N.* Fashioning Political Identities: Cultural Studies and the Historical Construction of Political Subjects // *American Quarterly*. 1998. Vol. 50. N 4. P. 745–782.
- 50 *McIntosh R.* The Great War. P. 19.
- 51 *Bartlett N.* Mediating Meaning in Archives of Art // *F. X. Blouin and W. G. Rosenberg. Archives, Documentation, and Institutions of Social Memory*. Ann Arbor: University of Michigan Press, 2006. P. 121–133.
- 52 *Stoler A.* Along the Archival Grain: Epistemic Anxieties and Colonial Common Sense. Princeton, Princeton University Press, 2009. P. 32.
- 53 *Derrida J.* Archive Fever. P. 17.

Глава 9

- 1 American Historical Association et al., v. Trudy Peterson as Acting Archivist of the United States and George H. W. Bush (94.2671), Complaint for Declaratory and Injunctive Relief, цит. по: *Wallace D. A.* The Public's Use of Federal Recordkeeping Statutes to Shape Federal Information Policy // *Academe Today Document Archive* (<http://chronicle.com>) / PhD dissertation. University of Pittsburgh, 1997. P. 502.
- 2 Вариант этого выступления был опубликован в: *Rosenberg W. G.* The Expectations of Scholars Concerning Archival Access // *Janus: Revue Archivistique / Archival Review*. 1994. N 1. P. 79–85.
- 3 *Osborne Th.* The Ordinarity of the Archive // *History of the Human Sciences*. 1999. 12 (2). P. 54.
- 4 *Joyce P.* The Politics of the Liberal Archive // *Ibid.* P. 35–49.
- 5 Некоторые архивисты, особенно те, кто только входят в профессию, как будто бы хорошо осознают, что их коллеги должны и дальше изучать ориентированную на государственную систему базу своей профессии, и лучше понимают, как даже государственные архивы могут основываться на общественных ценностях. Лара Моор (*Lara Moore*) изучает некоторые аспекты этих вопросов в своей диссертации «Восстанавли-

вая порядок: архивы, библиотеки и наследие старого режима во Франции XIX века» (Restoring Order: Archives, Libraries, and the Legacy of the Old Regime in Nineteenth-Century France. PhD diss. Stanford University, 2001); тем же занимается Дженифер Миллиган (*Jennifer Milligan*), особенно в неопубликованной статье «Национальные архивы и контракт между государством и гражданами в современной Франции» ("The Archives Nationales and the State-Citizen Contract in Modern France"), которая была представлена на семинаре Сойера (*Sawyer Seminar*), посвященном архивам, документации и институтам социальной памяти (Мичиганский университет, ноябрь 2000). См. также: *Booms H.* Society and the Formation of a Documentary Heritage: Issues in the Appraisal of Archival Sources // *Archivaria* 24 (Summer 1987). P. 69–107 (перевод, краткое предисловие и обсуждение оригинальной статье Бумса, опубликованной в 1972 году в 68 томе, *Archivalische Zeitschrift*, Хермины Джолдермас (*Hermina Joldermas*) и Ричарда Клампенхауера (*Richard Klumpenhouwer*)); *Cook T.* What is Past is Prologue: A History of Archival Ideas Since 1898, and the Future Paradigm Shift // *Archivaria*. 1997. Vol. 43. P. 17–63.

- 6 См.: Protecting the Past to Preserve the Future: The Strategic Plan of the National Archives and Records Administration 2006–2026 // NARA (www.archive.gov).
- 7 См.: *Grimsted P. K.* Lenin's Archival Decree of 1918: The Bolshevik Legacy for Soviet Archival Theory and Practice // *American Archivist*. 1982. 45 (4). P. 429–443.
- 8 Уильям Розенберг присутствовал на этой встрече в качестве представителя Американской исторической ассоциации.
- 9 *Washington Post*. 1995. May 26; *The New York Times*, 1995, May 5.
- 10 См.: *Adler R. M.* The Public Controversy over the Kennedy Memorabilia Project // F. X. Blouin, Jr. and W. G. Rosenberg. *Archives, Documentation, and Institutions of Social Memory*. Ann Arbor: University of Michigan Press, 2006. P. 230.
- 11 Glasnost' in the Archives? Commentary by Soviet Historians and Archivists // *American Archivist*. 1990. 53:3. P. 469, 472, 474–475.
- 12 *Ibid.* P. 472.
- 13 *Афанасьев Ю. Н.* Частные факты и честные оценки // *Московские новости*. 1988. № 25. С. 8.
- 14 См.: *Grimsted P. K.* Beyond Perestroika: Soviet-Area Archives after the August Coup // *American Archivist*. 1992. 55:1. P. 94–122; *Артюзов А. Н. и др.* Основы законодательства Российской Федерации об архивном фонде Российской Федерации и архивах: идеи, принципы, реализация // *Отечественные архивы*. 1996. № 4. С. 3–8. В это время были

приняты отдельные законы «О государственной тайне», «О внешне-политической государственной тайне», об Агентстве федеральной безопасности и «О реабилитации жертв политических репрессий». См.: Собрание актов президента и правительства Российской Федерации. М., 1993. № 51. Ст. 4936.

- 15 *Ivanenko B. V. Ukrainian Archives: Statutory and Ethical Problems // Janus: Révue Archivistique du Conseil International des Archives. 1994. N 1. P. 84–86.*
- 16 В октябре 1999 года «Акт о рассекречивании в интересах общественности» (Public Interest Declassification Act), призванный решить эту проблему, был представлен в конгрессе США сенатором Патриком Мойнихеном (*Patrick Moynihan*), известным сторонником широкой реформы по рассекречиванию документов. Этот Акт касался только специфических изысканий, касающихся специфических событий, например связанных с режимом Пиночета, американскими монахинями, убитыми в Центральной Америке, и убийством Кеннеди. На основании этого Акта были рассекречены только избранные документы, а не целые группы записей. Против Акта решительно выступили Ассоциация американских историков и Американская историческая ассоциация, поскольку, по их мнению, действия подобного рода никак не способствуют «закреплению за организациями обязанности рассекречивать все свои старые документы, имеющие историческое значение, кроме наиболее конфиденциальных». См.: NCC Washington Update. 2000. 6:3 (February 4), а также дальнейшее обсуждение этого вопроса Брюсом Крейгом (*Bruce Craig*) в его статьях для Вестника американской исторической ассоциации: *Records Withdrawn from Public Access. AHA Perspectives, 2002. 40:5; State Secrets, Advisory Committees, and the CIA. AHA Perspectives, 2004. 42:2; Combating Government Secrecy — An Update. AHA Perspectives, 2004. 42:7.* См. также: *Montgomery B. P. Subverting Open Government. Lanham MD: Scarecrow Press, 2006.*
- 17 <http://choicepoint.com>.
- 18 Эти меры впоследствии были признаны результатом недоразумения и были смягчены, но некоторые ограничения тем не менее сохранились. См.: *Secrecy News: from the FAS Project on Government Secrecy. Federation of American Scientists. 2007. May 24. <http://www.fas.org/blog/secrecy/2007/05/>.*
- 19 См. обсуждение этого вопроса в: *Wallace D. Archivists, Recordkeeping, and the Declassification of Records: What We can Learn from Contemporary Histories // American Archivist. 1993. Vol. 56. P. 794–814.*
- 20 *The New York Times. 2004, August 26.* См. также: *Montgomery B. P. The Bush-Cheney Administration's Assault on Open Government. Westport CT.: Praeger, 2008.*

- 21 NCC Washington Update. 2000. 6:2 (January 19).
- 22 См.: Отечественные архивы. 1998. № 6. С. 9–38.
- 23 Там же. С. 21. См. также: Проект. Федеральный закон. О внесении изменений и дополнений в Основы законодательства Российской Федерации об архивном фонде Российской Федерации и архивах // Там же. С. 22–33.
- 24 Declaration on the Right of Access to Information // Treaty of the European Union. 1992. February 7 (цитируется по той версии, которая была опубликована Пенсильванским университетом в: Electronic Classics Series. State College, PA.: Pennsylvania University Press, 1999. P. 200.
- 25 См.: www.right2info.org.
- 26 См., например: *Theoharis A. G. The FBI and the FOIA: Problems of Access and Destruction* // *Midwestern Archivist*. 1981. 5:2. P. 61–74; *Theoharis A. G. FBI Files, the National Archives, and the Issue of Access* // *Government Publications Review*. 1982. 9. P. 29–35.
- 27 См. обсуждение этого вопроса в: *Theoharis A. G. FBI Files, the National Archives, and the Issue of Access*. P. 26–30.
- 28 *Bogardus K. Foreign Lobbyist Database Could Vanish* (www.publicintegrity.org; 28 July 2004).

Однако в то же время Управление национальных архивов и документации работало над предоставлением онлайн доступа к многочисленным базам данным, находящимся в его ведении. Сегодня в интернете доступно огромное количество источников. Наиболее популярны среди них — списки поступивших на военную службу в годы Второй мировой войны и документы, касающиеся иммигрантов, прибывших в порт Нью-Йорка из-за голода в Ирландии. Управление национальных архивов и документации недавно опубликовало ключевые документы, касающиеся внешней политики за период с 1973 по 1975 год, в том числе большое количество рассекреченной информации, а также военные контракты 1968–1985 годов, освещающие период с 1959 по 1985 год. В июне 2007 года ЦРУ рассекретило около полумиллиона страниц документации и сделало их доступными для исследователей. Эти материалы доступны в сети при помощи системы доступа CREST и на сайте Управления национальных архивов и документации.

- 29 См. дальнейшее обсуждение этой проблемы в: *Roberts A. Blacked Out: Government Secrecy in the Information Age*. New York: Cambridge University Press, 2006; *Osborne T. The Ordinarity of the Archive. History of the Human Sciences*. 1999. 12 (2). P. 56ff.
- 30 *Wallace D. A. The Public's Use of Federal Recordkeeping Statutes*. P. 11–12.
- 31 См.: www.archives.gov. Материалы по преодолению бедствий включают в себя руководства по использованию «превентивного, а не ре-

активного подхода», институциональным процедурам, «сохранению семейных ценностей» и процедурам спасения имущества.

- 32 См.: 44 U.S.C. Chapter 33 (<http://www.archives.gov/about/laws/disposal-of-records.html>).
- 33 Ibid. См. также: Wallace D. A. The Public's Use of Federal Recordkeeping Statutes. P. 146ff.
- 34 См. обсуждение этого вопроса в: Drewry E. B. Records Disposition in the Federal Government // Public Administration Review. 1955. 15:3 (Summer). P. 218–221.
- 35 См. обсуждение этого вопроса в: Roberts A. Blacked Out. P. 177–190; Theoharis A. Culture of Secrecy: Government vs. the Peoples' Right to Know. Lawrence, KS: University Press of Kansas, 1998.
- 36 Система электронной коммуникации Professional Office System управлялась при помощи меню и имела ряд важных особенностей, касавшихся документации. См.: Wallace D. A. The Public's Use of Federal Recordkeeping Statutes. P. 1–2.
- 37 Подробное изложение, на которое мы во многом здесь опираемся, см. в: Wallace D. A. The Public's Use of Federal Recordkeeping Statutes.
- 38 Wallace D. A. The Public's Use... P. 419–420.
- 39 Ibid. P. 433.
- 40 Ibid. P. 502–505. См. также: Montgomery B. P. Subverting Open Government: White House Materials and Executive Branch Politics. Lanham, Maryland: Scarecrow Press, 2006.
- 41 Wallace D. A. The Public's Use... P. 504.
- 42 Ibid. P. 430ff. Споры о природе и передаче президентских документов, которые в США продолжаются и сегодня, акцентируют один важный момент в природе архивного размежевания. В ноябре 2001 года президент Джордж У. Буш подписал президентский указ 13233 — «новую реализацию» закона о президентских документах. Однако, как отметил архивист Стивен Хенсен (Steven Hensen) в своих показаниях подкомиссии по информационной политике, сбору данных и национальным архивам, этот указ «аннулировал ключевые принципы закона [о президентских документах] и нарушил его дух и букву». Хенсен утверждал, что этот указ передаст право принятия окончательных решений относительно доступа к президентским документам — к любым президентским документам — действующему президенту, вместо архивария Соединенных Штатов. Более того, это право распространяется на документы любой администрации, а также на всех членов семьи и наследников избранных и назначенных чиновников. Этот указ, таким образом, создавал условия для того, чтобы «человеку могли отказать

в доступе по любой причине и даже без причины, на любой срок и даже бессрочно» [1 марта 2007]. Резкую критику всей системы Президентских библиотек, и в том числе этого указа, см.: *Hufbauer B.* Archives of Spin // *New York Times*. 2007. January 20. A27.

- 43 См.: *Courts of Appeal, Stewart v. Dept. of Interior* 554 F. 3d 1236 (10th Cir. 2009) (Henry C. J.) // Department of Justice. FOIA Post. February 2009 item #1 (<http://www.usdoj.gov/oip/foiapost/2009foiapost4.htm>). См. также: Department of Justice. FOIA GUIDE March, 2007 (http://www.usdoj.gov/oip/foia_guide07.htm).
- 44 Этот вопрос подробно обсуждается в: *Jimerson R. C.* Archives Power: Memory, Accountability, and Social Justice. Chicago: Society of American Archivists, 2009.
- 45 См.: *Ibid.*
- 46 Многие историки могут быть весьма удивлены, например, спорами по этим важным вопросам, которые ведут в "South African Archives Journal", "Archivaria", "Archives and Manuscripts", "Archival Issues" и других архивных журналах Брайан Бротман, Ричард Браун, Терри Кук, Верн Харрис и Эрик Кателаар и пр. См., например: *Cook T.* Mind Over Matter: Towards a New Theory of Archival Appraisal // *The Archival Imagination: Essays in Honor of Hugh Taylor* / ed. by B. Craig. Ottawa: Association of Canadian Archivists, 1992; *Electronic Records, Paper Minds: The Revolution in Information Management and Archives in the Post-Custodial and Postmodernist Era* // *Archives and Manuscripts*. 1994. 22 (November). P. 300–329; "What is Past is Prologue": Брайан Бротман и Ричард Браун обсуждают этот постмодернистский вопрос в: *Brothman B.* Orders of Value: Probing the Theoretical Terms of Archival Practice // *Archivaria*. 1991. 32 (Summer). P. 78–100 и *Brown R.* The Value of "Narrativity" in the Appraisal of Historical Documents: Foundation for a Theory of Archival Hermeneutics // *Archivaria*. 1991. 32 (Summer). P. 152–156; *Records Acquisition Strategy and its Theoretical Foundation: The Case for a Concept of Archival Hermeneutics* // *Archivaria*. 1991–1992. 33 (Winter). P. 34–56; *Death of a Renaissance Record-Keeper: The Murder of Tomasso da Tortona in Ferrara, 1385* // *Archivaria*. 1997. 44 (Fall). P. 1–43. Работы Деррида и особенно публикация его «Архивной лихорадки» (*Mal d'Archive: Une Impression Freudienne*. Paris: Galilee, 1995), вызвали массу глубоких комментариев со стороны архивистов. См. особенно: *Brothman B.* The Limit of Limits: Derridean Deconstruction and the Archival Institution // *Archivaria*. 1993. 36 (Autumn). P. 205–220, и его рецензию в: *Archivaria*. 1997. 43 (Spring). P. 189–192; *Harris V.* Claiming Less, Delivering More: A Critique of Positivist Formulations on Archives in South Africa // *Archivaria*. 1997. 44 (Fall). P. 132–141; и особенно: *Postmodernism and Archival Appraisal: Seven Theses* // *South African Archives*

Journal. 1998. 40. Среди последних работ можно назвать: *Mortensen P.* The Place of Theory in Archival Practice // *Archivaria*. 1999. 47 (Spring). P. 136–150; *Ketelaar E.* The Archival Image. Hilversum: Verloren, 1997 (в книгу вошла, среди прочих статей, глубокая работа, посвященная архивной теории); *Archivalisation and Archiving* // *Archives and Manuscripts*. 1999. 27 (May). P. 54–61; *Blouin F.* Archivists, Mediation, and Constructs of Social Memory // *Archival Issues*. 1999. 24:2. P. 101–112; *Dodge B.* Places Apart: Archives in Dissolving Space and Time // *Archivaria*. 1997. 44 (Fall). P. 118–131. Ряд важных дополнений к этой дискуссии был сделан в рамках семинара Сойера, прошедшего в Мичиганском университете. См.: *Archives, Documentation, and Institutions of Social Memory: Essays from the Sawyer Seminar* // ed. by F. X. Blouin, Jr. and W. G. Rosenberg. Ann Arbor: University of Michigan Press, 2007.

- ⁴⁷ См., например: *Baumann R. M.* The Administration of Access to Confidential Records in State Archives: Common Practices and the Need for the Model Law // *American Archivist*. 1986. 49 (Fall). P. 439–469; *Бондарева Т. И.* Архивы России на службе личности, общества, государства // *Отечественные архивы*. 1998. № 6. С. 5–8.

Глава 10

- ¹ *Eisenstein E. L.* The Printing Press as an Agent of Change: Communications and Cultural Transformations in Early Modern Europe. Cambridge: Cambridge University Press, 1979.
- ² Revolutionizing Science and Engineering through Cyberinfrastructure: Report of the National Science Foundation Blue-Ribbon Advisory Panel on Cyberinfrastructure // National Science Foundation. Washington, D.C.: National Science Foundation, 2003. P. i, 5, 6, and passim.
- ³ *Schonfeld R.* JSTOR: A History. Princeton: Princeton University Press, 2003.
- ⁴ Our Cultural Commonwealth: The Report of the American Council of Learned Societies Commission on Cyber-infrastructure for the Humanities and Social Sciences // American Council of Learned Societies. New York: ACLS, 2006.
- ⁵ Идея создания PORTICO возникла в 2002 году, когда был получен грант от Фонда Меллона, и была непосредственно связана с проектом цифрового журнального хранилища JSTOR. Целью этого начинания было создание расширяемой модели электронного архива. В 2004 году PORTICO стал частью Ithaka Harbors, Inc., некоммерческой организации, в задачи которой входило «ускорение продуктивного использования информационных технологий во благо высшего образования по всему миру». Окончательный, функциональный вариант PORTICO появился в 2005 году при участии академических библиотек и изда-

телей (см.: <http://www.portico.org>). FEDORA (Flexible Extensible Digital Object and Repository Architecture — гибкая расширяемая архитектура для электронных объектов и хранения) — это бесплатная операционная система на базе Linux, созданная сообществом разработчиков для широкого круга пользователей (см.: <http://fedoraproject.org>).

- 6 Lynch C. A. Institutional Repositories: Essential Infrastructure for Scholarship in the Digital Age // ARL: A Bimonthly Report, 226. February, 2003. P. 2.
- 7 См.: <http://www.archive.org>.
- 8 См. интересную дискуссию в: Adler R. M. The Public Controversy over the Kennedy Memorabilia Project // F. X. Blouin and W. G. Rosenberg. Archives, Documentation, and Institutions of Social Memory. Ann Arbor: University of Michigan Press, 2006. P. 225–237.
- 9 Кол Ли (*Cal Lee*) из Университета Северной Каролины работает над применением криминалистических технологий к проблеме восстановления архивов, созданных на базе устаревших технологических платформ.
- 10 Совместный проект Университета Тафтса и Йельского университета, задуманный в 2005 году, прекрасно иллюстрирует проблему «управления контентом». Используя для своих систем сохранения электронных документов операционную систему FEDORA, эти университеты приспособили свои институциональные хранилища под университетские архивы. Акцент здесь ставится на том, чтобы, используя подходящую платформу и подходящие программы для хранения данных, доказать, что документы, созданные в рамках университетских административных систем, могут быть переведены в указанный цифровой архив — что гарантировало бы им в исторической перспективе надежность, подлинность и достоверность. Более широкие вопросы, касающиеся описания и использования документов, еще полностью не проработаны. Возникшие в результате данного проекта архивные хранилища Университета Тафтса и Йельского университета остаются преимущественно продуктом институционального информационного потока. Как эти хранилища станут источниками для исторического исследования, зависит от тех систем описания, которые будут разработаны архивистами, и того, насколько они будут доступны.
- 11 Pear R., Shane S. Bush Data Threatens to Overload Archives // New York Times. 2009. December 27. P. A8–A9.
- 12 Ibid.
- 13 Performance and Accountability Report FY 2006 // National Archives and Records Administration (NARA). Washington, D. C.: National Archives and

- Records Administration, 2007. P. 14–15. См. также: Preserving the Past to Protect the Future: The Strategic Plan of the National Archives and Records Administration 2006–2016 // Ibid., 2006. P. 8–9, 20–21.
- 14 *Duranti L., Eastwood T., MacNeil H.* Preservation of the Integrity of Electronic Records. Dordrecht and Boston: Kluwer Academic, 2002. P. 11.
- 15 Мы очень благодарны Рите Какас (*Rita Cacas*) из Национального архива США, предоставившей нам обзор разрабатываемой там системы архивирования электронных документов.
- 16 Performance and Accountability Report FY 2006. P. 15.
- 17 Ibid. P. 16.
- 18 Учитывая эти сложности, интересно отметить здесь, что 6 ноября 2009 года сенат США утвердил Давида Феррио (*David Ferrio*) в роли десятого архивариуса США. Его деятельность как директора крупнейших исследовательских библиотек и его опыт в области библиотечного дела были еще одним свидетельством в пользу того, что задачи, связанные с информационными технологиями, оказались центральными для этой организации.
- 19 Manuel de production documentaire: Utilisation des bases de production documentaire BnF Lotus Notes V6 // Bibliothèque Nationale de France. Paris: BNF, 2007.
- 20 Preserving the Past to Protect the Future: The Strategic Plan of the National Archives and Records Administration, 2006–2016. P. ix.
- 21 См.: <http://www.nsf.gov/dir/index.jsp?org=OCI>.
- 22 NSF-DELOS, Invest to Save: Report and Recommendations of the NSF-DELOS Working Group on Digital Archiving and Preservation prepared for the National Science Foundation Digital Library Initiative and The European Union under the Fifth Framework Programme by the Network of Excellence for Digital Libraries. Washington, D. C.: NSF-DELOS, 2003. См. также: It's About Time: Research Challenges in Digital Archiving and Long-term Preservation. Final Report on a Workshop on Research Challenges in Digital Archiving. Washington, D.C.: NSF-DELOS, 2002.
- 23 NSF-DELOS Working Group on Digital Archiving and Preservation. P. viii.
- 24 New York Times. 2009. May 20. P. 22.
- 25 NSF-DELOS Working Group on Digital Archiving and Preservation. P. 19–20.
- 26 См.: *O'Toole J.* On the Idea of Permanence // *American Archivist*. 1989. Vol. 52. P. 10–25.
- 27 *Baker N.* Discards // *New Yorker*. 1994. April 4. P. 64–86.

- 28 Одним из важных исключений является проект "Making of America" («Америка. История создания»), где поиск выдает документы, доступные онлайн. См.: <http://quod.lib.umich.edu/m/moagrp/>.
- 29 Bolter J. D. *Writing Space: Computers, Hypertext, and the Remediation of Print*. Mahwah, N. J.: Lawrence Erlbaum Associates, 2001.
- 30 Nichols S. G. *An Artifact by Any Other Name: Digital Surrogates of Medieval Manuscripts* // Archives, documentation and institutions of social memory: Essays from the Sawyer Seminar. Ann Arbor University of Michigan Press, 2006. P. 134–143, esp. 142; <http://rose.mse.jhu.edu/>; <http://polarbears.si.umich.edu/>.
- 31 См.: <http://valley.vcdh.virginia.edu/>. Важную дискуссию по этому вопросу см. в: *History and Electronic Artifacts* / ed. by E. Higgs, Oxford: Oxford University Press, 1998; особенно: Ross S. *The Expanding World of Electronic Information and the Past's Future*. P. 5–28. Интересное обсуждение метафор, благодаря которым такие электронные базы данных, как, например, Profile (постоянно обновляющийся банк текстов, напечатанных в британских газетах), считают архивами, см. в: Myerson G. *The Electronic Archive* // *History of the Human Sciences*. 1998. 11:4. P. 85–101.
- 32 Эксперимент Аарона Шварца (*Aaron Swartz*) с открытым онлайн-книжным каталогом, который любой человек может обновлять, прекрасно иллюстрирует эту проблему. Его целью было создать «исчерпывающую веб-страницу для каждой когда-либо напечатанной книги <...> со ссылками, направляющими пользователей в ближайшую библиотеку». См.: *Chronicle of Higher Education*. 2008. Vol. 54. P. 24.
- 33 См. интернет-архив Брюстера Кейла (*Brewster Kahle*): <http://www.archive.org/index.php>. См. также: Day M. *Preserving the Fabric of Our Lives: A Survey of Web Preservation Initiatives* // *Research and Advanced Technology for Digital Libraries: Proceedings of the 7th European Conference*. Berlin: Springer, 2003. P. 461–472.
- 34 Grossman A. *Out of the Closet and into the Archives? German Jewish Papers*, Mecklenburg, Frank, "German Jewish Archives in Berlin and New York: Three Generations after the Fact" // F. X. Blouin and W. G. Rosenberg. *Archives, Documentation, and Institutions of Social Memory*. Ann Arbor: University of Michigan Press, 2006. P. 89–105.
- 35 См.: *The Evidence in Hand: Report of the Task Force on the Artifact in Library Collections* // Council on Library and Information Resources. Washington, D. C.: CLIR, 2001; Blackhurst R. *Will History End Up in the Trash?* // *Financial Times*. 2007. March 17. См. также: Darnton R. *The Library in the New Age* // *New York Review of Books*. 2008. LV:10 (June 12). P. 72–80.
- 36 Bement A. L. *Cyberinfrastructure: The Second Revolution* // *Chronicle of Higher Education*. January, 2007, цит. по неопубликованной статье быв-

шего президента Мичиганского университета Джеймса Дюдерштадта (*James J. Duderstadt*) "The Navigation of Universities through a Flat World" («Плавание университетов по Плоскому миру»), представленной Ассоциации европейских университетов (*European University Association*) в Барселоне 16 марта 2006 года.

Глава 11

- ¹ О «деле PROFS» см. главу 9. — *Примеч. перев.*
- ² Активное обсуждение Каролиной Сидман этого вопроса см. в: *Something She Called a Fever: Michelet, Derrida, and Dust (or, In the Archives with Michelet and Derrida)* // F. X. Blouin, Jr. and W. G. Rosenberg. *Archives, Documentation, and Institutions of Social Memory*. Ann Arbor: University of Michigan Press, 2006. P. 4–19.
- ³ См., например, плодотворный анализ Питера Фрицше (*Peter Fritzsche*) в: *The Archive and the Case of the German Nation* // *Archive Stories: Fact, Fictions, and the Writing of History* / ed. by A. Burton. Durham, N. C.: Duke University Press, 2005; *Williams B. and Wallach W. K. Documenting South Africa's Liberation Movements: Engaging the Archives at the University of Fort Hare* // F. X. Blouin, Jr. and W. G. Rosenberg. *Archives...* P. 321–332; *Harris V. Redefining Archives in South Africa: Public Archives and Society in Transition, 1990–1996* // *Archivaria*. 1996. No. 42. P. 6–27.
- ⁴ *Randolph J. The Bakunin Family Archive* // *Archive Stories...* / ed. by A. Burton. P. 211.
- ⁵ См., например: *Jimerson R. Archives Power: Memory, Accountability, and Social Justice* Chicago: Society of American Archivists, 2009. В частности, p. 323.
- ⁶ JSTOR (www.jstor.org) — электронная база англоязычных научных журналов, позволяющая осуществлять полнотекстовый поиск. — *Примеч. перев.*
- ⁷ См. серию: *Bibliografia dell'Archivio vaticano*. Vatican City: Vaticano presso l'Archivio Segreto Vaticano e Biblioteca Apostolica Vaticana, 1962–2003. До 2011 года опубликовано десять томов.
- ⁸ Библиотеки университетов Мичигана и Пенсильвании тоже стали использовать новые технологии, чтобы позициям каталога можно было присвоить пользовательские теги. Программы M-Tag и Penn-Tag позволят в режиме онлайн вести обсуждение источников помимо официальных дискриптивных систем, причем само обсуждение тоже будет включено в область поиска. Однако ориентированные на конкретные институты системы, подобные этой, вряд ли позволят обсуждать материалы учреждения широкому кругу внешних пользователей, хотя потенциал для этого, несомненно, имеется.

Указатель

- Аббатство Сен-Жермен-де-Пре 28
Абу-Грейб 179, 195
Австрия 33
авторитарность 114, 148, 158, 160,
171–172, 215–216, 230, 232,
238, 252, 260
авторитетность
архивах в 11–12, 14–18, 21–23,
27–32, 39–40, 43–44, 46,
49–50, 53, 56, 73, 84, 92, 97,
103–105, 111, 114, 116, 119,
123, 138, 140, 149, 155, 157,
159, 161, 164, 178, 181–182,
186–187, 195, 200, 215,
226, 289, 291, 295, 297, 305,
322 (2)
истории в 11–13, 15, 17–18,
21–22, 26, 32, 35, 41, 92, 96,
103, 105–106, 108, 119, 128,
135–136, 138, 140, 143–145,
149–154, 160–165, 183–184,
188–189, 200, 205, 293
опыта 8, 11, 13, 37, 53, 83,
104–106, 108, 111, 117–118,
128, 136, 138–142, 144, 150,
152–156, 158, 175, 178, 180,
182–183, 189–191, 202, 204,
213, 247, 282, 285–289, 305,
334 (44), 354 (18)
политическая 14, 31, 114
электронных, цифровых
документах в 178, 264, 269,
272, 277, 280–281, 288–290,
291, 293, 297, 306
Агентство федеральной безопас-
ности 210, 234, 239, 246,
348 (16)
Адамс, Герберт Бакстер (Herbert
Baxter Adams) 41
Адорно, Теодор (Theodor Adorno)
100–101
Акт о федеральных документах
США (U. S. Federal Records
Act) 232
Алперовиц, Гар (Gar Alperovitz)
163
Американская историческая
ассоциация (АНА) 15, 53–54,
57, 63–65, 130, 228, 233, 250,
348 (16)
«Американский архивист» 60–61,
63, 67, 236, 309, 314–322,
327–329, 336, 342–343, 345,
347–348, 351–352, 354, 356
амнезия, социальная 145, 148, 150,
153–154, 156–157, 159, 195,
298
Амстердам 221
Ананьич, Борис Васильевич 99,
337 (6)
Англия 29, 33, 40, 54–55, 81, 122,
145, 168–169, 192, 196,
238, 285, 309 (15), 328 (16),
333 (35), 355 (31)
Андерсон, Бенедикт (Benedict
Anderson) 39, 107, 140, 149
Анналы (Annales. Histoire, Sciences
sociales) 95–101, 104, 118, 138
антропология 13, 21, 23, 97, 112,
145, 154, 167, 189–190, 198
артефакты 11, 24, 37, 82, 120, 143,
151, 153, 157, 163, 178, 179,
180, 184, 189, 196, 226, 267,
269, 288–290, 294
Артур, Честер Алан (Chester Alan
Arthur) 233
Архив Индий в Севилье (Испания)
33
архивисты
австралийские 199, 320
американские 57, 63, 64, 68, 78,
87, 186, 201, 233, 248

- британские 55, 328 (16)
 германские 40, 44, 55
 испанские 33
 канадские 70, 194, 201, 205, 224, 298, 318 (9), 328 (15)
 нидерландские 44–45, 247, 258, 312 (39)
 профессиональная
 идентичность 46, 55–56, 61–65, 70–71, 74, 88–89, 122, 131, 139, 174, 194–195, 199–200, 207, 210–211, 214, 217, 220, 223, 227, 230, 244, 255–257, 271, 274, 294, 297, 302, 307
 российские и советские 13, 22–23, 95, 99, 154, 171, 209, 230, 235–237
 Архив ЛГБТ (США) 188
 Архив национальной безопасности (США) 172, 338 (18)
 архивная теория 25, 57, 65–66, 75, 89, 94, 107, 118, 121, 125, 128, 132, 163, 182–184, 198, 235–236, 271, 304, 352 (46)
 архивное размежевание 13, 18, 121, 130, 140, 132, 214, 228, 254, 258–259, 263, 270, 296–297, 300, 302, 307, 350 (42)
 архивный закон (Россия, 1993) 237, 242, 253, 259
 архивы
 американский (США) 10, 15–16, 33, 47–49, 51–53, 57–62, 66, 73, 87, 91–92, 111, 130, 136, 170–172, 177, 186, 201, 203, 205–206, 215–218, 222, 225, 228, 231, 234, 242–243, 245–251, 275–279, 282–284, 294–295, 298
 Бостонский 10
 британские 29, 33, 54–55, 61, 81, 169, 238, 309 (15)
 британский 54, 169
 будущие 9, 13–14, 32, 52, 69, 73–74, 82, 94–95, 102, 119, 124–127, 131, 136, 144, 151–152, 157, 169, 178, 188, 195–199, 204–207, 211, 214, 220, 222, 224–227, 234–235, 241, 243–244, 247, 258, 261–263, 265–270, 276–277, 279–281, 283, 286, 289, 291, 293–296, 303, 306–307
 ватиканский 31, 40, 42, 208, 221, 233, 285, 303–304
 восточноевропейские 298
 германские 30, 159, 175, 185, 212, 243, 298
 голландские 44, 55, 216–217
 городские 10, 216
 греческие 322 (2)
 деловые 221
 доступ 31, 34–37, 42, 48, 50, 57, 59, 67, 74–77, 79–81, 84, 86, 87, 91–92, 94–95, 122, 127, 130–131, 147, 154, 159–160, 166, 171–173, 181, 183, 190, 196, 207, 209, 211–213, 219, 228–232, 234–235, 237–239, 241–243, 250, 252–253, 255, 258–260, 279, 281, 284, 297, 304–305, 307
 идентичностей 164, 186–190, 193–195, 201, 220, 229, 298, 306
 израильские 195
 искать в 35, 73, 75, 78–79, 83, 155, 213, 241, 252, 254, 262, 265, 268, 276, 281, 286–287, 293, 300
 испанские 29, 33
 исторические 8, 11, 13–14, 33–35, 56, 63–64, 74, 86, 91–92, 111, 127, 136, 174, 177, 181, 188–190, 193, 209, 215, 220, 235, 254, 267–269, 275, 284, 291, 294, 303

- итальянские 30, 40, 42, 44, 228, 238
канадские 194, 201, 205, 224, 298, 318 (9)
китайский 27–28, 35, 47, 50, 52, 154, 192–193, 215, 298
колониальные 35, 167, 169, 193, 299
машиночитаемые 73
монументальные 173–174, 176
национальные (США) 10, 16, 33, 47, 53–54, 57–62, 66, 73, 91, 130, 136–137, 188, 201, 205, 215, 229, 231, 234–235, 242, 245–247, 249, 251, 276–280, 282, 284, 294, 296, 309 (15), 328 (14), 338 (17), 350 (42), 354 (15)
нейтралитет в 56, 164, 174, 190–191, 199, 206, 220, 223, 231, 258, 328 (16)
описание 17, 23, 44–45, 49–50, 56, 60, 66, 75–77, 80–81, 84, 114, 123, 129–130, 139, 155, 159, 177, 200, 203, 206–211, 214, 244, 253, 263, 274, 278, 282, 284, 297, 299, 303–305, 312 (38), 314 (20), 353 (10)
политики в 228, 230–260, 295
посредничество 39, 200, 207, 210, 295, 343 (18)
принципы 28, 44, 50, 55, 63, 68, 73, 91, 105, 171, 173–174, 179, 199, 229–230, 236, 239, 245, 253, 259, 263, 268, 300, 312 (42), 347 (14)
публичные 10, 13, 34, 36, 92, 212, 306
рассекречивание 172, 239–240, 338 (17), 348 (16, 19)
русские и советские 13, 33, 92, 155–156, 158, 171–172, 174, 177, 191, 209–210, 213, 232, 234–235, 238, 284, 298, 339 (26)
фотографий и фотоматериалов 180–181
французские 10, 32–34, 48, 53, 61, 91, 96, 145, 151, 175, 201, 215, 225, 234, 280, 285, 298
церковные 27, 32, 42, 49, 59, 235
электронные 18, 73, 75, 84–85, 127, 163, 195, 213, 254, 263, 270, 273, 276–284, 284, 286–287, 289–297, 300–302, 306–307, 316 (39), 341 (6), 352 (5), 353 (10), 354 (15)
эссенциализме в 17, 78, 121–132, 200, 205–206, 223
южноафриканские 158, 298–299
японские 298
Арьес, Филипп (Philippe Aries) 138, 330 (13)
Ассоциация BBC (Air Force Association, USA) 162, 336 (1)
Ассоциация специалистов по управлению документами (ARMA) 71, 318 (55)
Аткинс, Дан (Dan Atkins) 264, 265
аутентичность 14, 16–17, 23–24, 26–31, 33, 36–38, 40–42, 44–48, 51, 54–56, 68, 85–87, 92–93, 96, 100–101, 114, 118, 120, 129, 138, 158, 178–179, 181–182, 187, 189, 254, 277–278, 280, 291, 308 (2), 323 (22), 353 (10)
Афанасьев, Юрий Николаевич 235, 237, 347 (13)
Африка 102, 116, 140, 158, 177, 187, 298–299
База данных исследовательских библиотек (RLIN) 76
базы данных 74, 76, 213, 243–244, 254, 265, 282, 286–287, 349 (28), 355 (31)
Бак, Солон Дж. (Buck, Solon J.) 60

- Балдини, Уго (Baldini, Ugo)
208–209, 343 (21)
- Барзён, Жак (Barzun, Jacques) 63,
316 (40)
- Бартлетт, Нэнси (Bartlett, Nancy)
174, 312 (44), 339 (23),
343 (18, 19, 25), 344 (29),
346 (51)
- Бахметьевский архив 222
- Бахтин, Михаил Михайлович 157
- Бейнеке, Библиотека (Йельский
университет) 64, 284
- Белый дом (США) 228, 233, 248,
251, 276
- Бельгия 33
- Бентли, Историческая библиотека
(Анн Арбор) 81, 290
- Бёрк, Фрэнк Г. (Burke, Frank G.)
66–68, 77, 316 (46), 318 (6–8)
- Беркхофер, Роберт (Berkhofer,
Robert) 108, 110, 325 (32, 37),
326 (47)
- Берлин 94, 138
- Бернштейн, Бартон (Bernstein,
Barton) 163
- библиография 76, 80, 265, 286,
304–305, 319 (12)
- библиотеки и библиотекари 11,
29, 55, 64, 66–67, 75–76,
78–81, 83, 99, 174, 177, 188,
194, 201, 212, 218, 220–221,
233, 262, 266–267, 274, 277,
279–280, 283–288, 290, 292–
293, 318, 319 (12), 329 (3),
338 (18), 347 (5), 351 (42),
352 (5), 354 (18), 355 (32),
356 (8)
- президентские (США) 175, 218,
228, 234, 248
- биография 51, 148, 190
- Бирман, Дэвид (Bearman, David)
75, 83–84, 127, 318 (4,
9), 319 (17), 320 (18, 19),
321 (29), 342 (13)
- Ближний Восток 102, 143
- Блок, Марк (Bloch, Marc) 63, 96–97,
322 (6, 8)
- Болховитинов, Николай Николае-
вич 236
- большевики 22, 157, 171, 232
- Бостонский городской архив 10
- Боярин, Джонатан (Boyarin,
Jonathan) 149, 182, 330 (18),
333 (42), 340 (35, 36)
- Браун, Ричард (Brown, Richard)
258, 335 (58), 345 (45),
351 (46)
- Британский музей 285
- Бродель, Фернан (Braudel, Fernand)
97, 99, 323 (10, 11, 15)
- Брокау, Том (Brokaw, Tom) 147,
333 (33)
- Бротман, Брайан (Brothman, Brien)
258, 342 (16), 351 (46)
- Брукс, Филипп К. (Brooks, Philip
C.) 60, 315 (31)
- Буркхардт, Якоб (Burckhardt,
Jacob) 40, 105
- Бухарин, Николай Иванович 171
- Буш, Джордж Г. У. (Bush,
George H. W.) 233–234, 248,
346 (1)
- Буш, Джордж У. (Bush, George
W.) 180, 218, 228, 249–250,
276–277, 350 (42)
- Бэнтин, Филипп (Bantin, Philip)
122
- Ванн, Ричард (Vann, Richard)
324 (27), 326 (49)
- Ватикан 29, 31, 42, 208–209, 221,
234, 303, 305
- Ватикана, Библиотека 29, 285, 288,
292–293
- Вебер, Макс (Weber, Max) 114
- Великобритания (см.: Англия)
- верификация 14, 27–30, 41–42,
46, 92–95, 104–105, 113,

- 144–145, 150, 158, 226, 254,
308 (8)
Верховный суд (США) 203, 213,
249, 276
визуальность, визуализация и ви-
зуальный 120, 177, 179–180,
215, 225, 267
«Википедия» (wikipedia.org) 291
Вольтер 25
Вольф, Эрик (Wolf, Eric) 190,
331 (23), 340 (45)
Всемирный торговый центр
(США) 143
Вторая мировая война 60–61,
90, 94, 184, 245, 333 (35),
335 (57), 349 (28)
Вундед-Ни, бойня на ручье
(Wounded Knee Massacre)
148, 333 (36)
выставки 11, 53, 162–164, 183, 225,
273, 337 (3)
Вьетнам 47, 98, 102–103, 106, 153,
256–257, 316 (47), 323 (17)

Ганс, Абель (Gance, Abel) 153
Гарвард, университет 222, 284
Гегель, Георг Вильгельм Фридрих
36, 137
Гейтс, Билл 261
гендер и гендерные исследования
15, 74, 82, 110–111, 116–120,
128, 135, 160, 165, 187–188,
190, 221, 298, 326 (47),
339 (30)
генеалогия 71, 245
Гердер, Иоганн Готфрид (Herder,
Johann Gottfried) 40
Германия 23, 25, 30, 40–44, 55, 96,
148, 156, 159, 175, 185, 212,
222, 243, 292, 298, 333 (35)
Гизо, Франсуа Пьер Гийом (Guizot,
Francois Pierre Guillaume)
43, 311 (36)
Гинзбург, Карло (Ginzburg, Carlo)
118, 326 (49)

Гирц, Клиффорд (Geertz, Clifford)
100–101, 109, 323 (23),
325 (33)
Гитлер, Адольф 147
«Голландское руководство» (Dutch
Manual) 44, 55, 312 (40)
Горбачев, Михаил Сергеевич 140,
235
Госдепартамент (США) 130, 172,
247, 319 (12)
Государственный архив Россий-
ской Федерации (ГАРФ) 174,
339 (26)
Готшалк, Луи (Gottschalk, Louis)
63, 316 (40)
Гражданская война (Россия) 191,
290, 339 (26)
Гражданская война (США) 47,
51, 71, 152–153, 220, 288,
330 (10), 335 (55)
гражданские права 34, 91, 102,
106, 110, 247
Графтон, Энтони (Graft on,
Anthony) 28, 92, 309 (13),
322 (3)
Гувер, Герберт (Hoover, Herbert) 57
гуманисты и гуманитарные науки
9, 17, 100, 189, 264–265, 279,
293, 319 (15), 323 (21)

д'Аламбер, Жан-Батист
(D'Alembert, Jean-Baptists)
25–26
Дания 274
Декарт, Р. 25, 92
Декларация независимости (США)
58, 245
деконструкция 107–108, 112, 186
Делл, Майкл (Dell, Michael) 261
демография 51, 100
демократия и демократические
практики 35, 41, 43, 51, 67,
102, 106–107, 160, 174, 201,
215, 235, 237, 251, 259, 299

- Деркс, Николас (Dirks, Nicholas)
167–169, 173, 337 (8, 10, 12),
338 (21)
- Деррида, Жак (Derrida, Jacques)
100, 108–109, 112–113, 120,
144, 161, 196–197, 199, 227,
308 (1), 332 (28), 341 (1, 4),
346 (53), 351 (46), 356 (1, 2)
- Джейкоб, Маргарет (Jacob,
Margaret C.) 119, 326 (51),
340 (44)
- Джеймисон, Фредрик (Jameson,
Fredric) 107, 324 (31)
- Джеймсон, Дж. Франклин
(Jameson, J. Franklin) 53–55,
59, 313 (11), 314 (14, 15, 27),
315 (27)
- Дженкинсон, Хилари (Jenkinson,
Hilary) 55–57, 60, 67–68,
314 (18, 19), 315 (32),
320 (17), 328 (16)
- Дженовезе, Элизабет Фокс
(Genovese, Elizabeth Fox)
115, 326 (45)
- Дженовезе, Юджин (Genovese,
Eugene) 115
- Джири, Патрик (Geary, Patrick)
191, 193, 340 (46)
- Джобс, Стив 261
- Джойс, Патрик (Joyce, Patrick) 117,
231, 326 (48), 346 (4)
- диджитализация (см.: электрон-
ные процессы)
- дипломатика 14, 28, 30, 44, 56, 60,
85–86, 175
- Дирксен, Эверет (Dirksen, Everett)
68
- доверие 27, 35, 56–58, 67, 71, 91–
92, 93, 105, 172, 184, 210, 212,
228–229, 243, 246, 251–254,
256, 258–259
- документы и документация
авторитетные 29, 46, 56, 182,
269, 280, 291, 293
- бюрократические 44, 193, 257
- избавление от 35, 57, 60, 74, 90,
124, 154, 204–205, 233, 236,
245–246, 248–249, 257, 262
- исторические 13, 16, 24, 32–33,
47–51, 54, 57, 59, 91, 125,
130–131, 203, 206, 220, 223–
224, 226–227, 229, 239, 244,
249–250, 254, 258, 262, 273,
295, 297, 303, 307, 317 (53),
348 (16)
- контекст 25, 28, 30, 40, 49–50, 62,
66, 68, 77, 83–85, 88, 96, 102,
105, 109, 122, 125, 130, 166,
168–169, 172–173, 181,
187, 189, 192, 200, 205, 208,
213–214, 220–221, 223–224,
227, 231, 245, 257, 267–268,
270, 272, 276–277, 281, 283,
291–292, 298, 300, 302,
304–305, 308 (2)
- масса 12, 16, 51, 65, 69, 211
- машиночитаемые 73
- менеджмент, управление 12–13,
26, 35, 45, 59–64, 66–67, 71–
72, 75, 82, 84, 87–89, 94, 122,
127, 130, 165, 174–175, 201,
211, 214, 218, 222–223, 234,
244, 252, 259–260, 267–268,
271–272, 275, 277–278, 280,
295, 297–298, 300–301, 315,
318 (55)
- описание 17, 50, 77, 80, 155, 173,
200, 203, 207, 227, 253, 278
- оценка и ценность 17, 60, 62,
66, 86–89, 123–127, 130, 160,
167, 171, 175, 178, 181–182,
187, 191, 200, 204–207, 214,
221, 223–224, 245, 248, 253,
269–271, 273–274, 280, 303,
317 (53), 328 (16)
- поиск 35, 46, 56, 66, 69, 73, 75–87,
111, 117, 120, 155, 213, 241,
252, 254, 262, 265, 268, 272,

- 275–276, 281, 286–287,
293, 300, 302–306, 355 (28),
356 (6, 8)
- сохранение и хранение 10,
15–16, 27, 31, 35, 45, 48–49,
52–55, 62, 65, 67, 69–71, 73,
84, 87–88, 90, 127, 130, 136,
155, 164, 168–169, 174–176,
178, 188, 201, 203, 205, 214,
206, 216–219, 233–234, 236–
238, 243, 245, 247, 249, 254,
257–259, 263, 267, 270–271,
273–275, 277, 280, 282, 284,
297, 301, 328 (16), 353 (5)
- трансформация 29, 32
- электронные 11, 17, 72, 75,
82–86, 122, 126, 178, 203,
207, 213, 219, 223, 241–243,
247–248, 250–252, 254, 263,
267, 270, 272–273, 277–284,
289–290, 293–297, 301,
353 (10), 354 (15)
- д'Оссонвиль, Жозеф граф
(d'Haussonville, Joseph
Othenin Bernard de Cleron,
comte) 53, 313 (9)
- д'Оссонвиля дело 52–53
- достояние, наследия и «индустрия
памяти» 33–34, 58–59, 135,
137–140, 152–153, 175, 215,
282, 328 (2)
- Дуглас, Мэри (Douglas, Mary) 109,
325 (33)
- Дуранти, Лючиана (Duranti,
Luciana) 278
- Дьенбьенфу (Dien Bien Phu)
323 (17)
- Дюдерштадт, Джеймс (Duderstadt,
James) 241, 356 (36)
- Дюшен, Мишель (Duchein, Michel)
34, 309 (16), 310 (21, 22, 24)
- евреи 138, 146, 154, 187–188, 195,
222, 292
- Европа 15, 21, 27–31, 35, 39–40,
45–48, 51, 53, 55, 91, 103, 107,
119, 128, 135, 139–140, 143,
145, 149, 154, 175, 190, 209,
212, 228, 230, 235–237, 243,
292, 298, 300, 311 (36)
- Ельцин, Борис Николаевич 174, 177
- женщины 57, 82, 96, 104, 115–116,
189, 220, 304
- Житомирская, Сарра Владими-
ровна 236
- Закон о президентских докумен-
тах 1978 года (США) 246
- законы и законодательство архив-
ные 33, 54, 61, 237, 240, 242,
245–246, 249–250, 252–253,
258–259, 347 (14), 349 (23)
- законы о свободе информации
(FOIA) 172, 218, 231, 234–
235, 239, 242–243, 247, 249,
251–252, 255–256, 338 (26),
349 (26), 351 (43)
- Зикель, Теодор фон (Sickel,
Theodor von) 42
- идентичность 15, 65, 71, 80, 82,
117–118, 122, 128, 135–137,
140, 144–149, 153–155, 159–
160, 165, 179–181, 187–190,
193, 198, 220, 224, 229, 288,
297–298, 304
- политики 149, 110, 149, 153, 160,
298
- социальная 144–145, 148–149,
165
- Израиль 195
- Илизаров, Борис Семенович
236–237
- иммигранты и иммиграция 10,
349 (28)
- империи 44, 52–53, 119, 160, 168,
192, 198, 292

- индейцы (США) 148, 155, 333 (36)
индексы запрещенных книг 31, 209
Индия 168–169, 192
Индокитай 61, 323 (117)
индустриализация 43–44, 51
Институт социальной истории (Амстердам) 221
интернет 79, 180, 216, 286–288, 290–291, 303–304, 349 (28), 355 (28, 31–33)
информационные технологии 11, 13, 72, 81–82, 132, 241, 262–263, 295, 352 (5), 354 (18)
информация и информационный поток 8–10, 14, 26, 28–29, 35, 40, 45–46, 59, 61–62, 65–67, 70–74, 76, 78, 80–81, 83–89, 93, 97, 99, 120, 122, 126–127, 129, 131, 141, 161, 166, 168, 171–172, 180, 190, 203, 205–208, 210, 213, 218–220, 229–232, 235, 237–239, 241–245, 249–251, 253–254, 256, 259, 261, 263–265, 267, 269–271, 273, 275, 277–278, 281–283, 286, 288, 290–292, 296, 305–307, 319, 337, 349, 353 (10)
«Иран-контрас», дело 248
Ирак 179–180
Ирландия 349 (28)
Ист-Индская компания (East India Company) 168, 192
историзм и историчность 15, 37, 41, 67, 105, 112, 184, 189, 245, 301
историография 23, 43, 62, 94, 98, 100, 114, 123, 136, 146, 170, 176, 191, 214, 226
исторические общества и сообщества 47, 48, 51, 55, 59, 63, 90, 100, 111, 194, 222, 284, 313 (2)
история
авторитет в 15, 21, 59, 114, 117–118, 120, 140, 144–145, 149, 159
академическая 25, 41, 67, 70, 90–91, 97, 106, 116, 129, 138, 140, 146–147, 160, 183, 186, 221, 229–230, 266–267, 284, 307
американская 53–54, 58, 136, 216
еврейская 138, 143, 146, 154, 187, 195, 220, 292
женская 115, 220
китайская 192
латиноамериканская 124, 187
мексиканская 170
методология 12, 15, 28, 35–36, 41, 45–46, 63, 75, 82, 88–89, 92, 95, 100, 109–110, 121, 131, 181, 189, 265, 295, 300, 306, 323 (10), 344 (34)
научная 24, 37, 39, 41, 49, 94, 95, 103, 112–113, 145, 148
политическая 14, 40, 97, 128, 165
российская и советская 13, 24, 33, 52, 100–103, 111, 119, 139, 174–177, 191, 209, 212, 234, 236, 242, 284–285, 298, 324 (25), 336 (65), 337 (6), 339 (26), 340 (32), 345 (43), 347 (4), 349 (23), 352 (47)
социальная 99, 101, 104, 110, 118–119, 128, 139, 155
устная 26, 120, 142, 178, 189–190, 215, 308 (8), 327 (6), 336 (65), 338 (16), 344 (34)
французская 32–33, 41
источники
архивные 11, 23, 93–94, 114, 116, 161, 164–165, 184–186, 300
исторические 11, 15, 61, 87, 131, 135, 177, 245
устные 26, 51, 120, 145, 175–176, 178, 189–190, 215, 308 (8)

- Италия 30, 40, 42, 44, 96, 228, 238
- Йейтс, ДжоАнн (Yates, JoAnne) 219, 312 (45), 313 (7), 321 (30), 345 (40)
- Йейтс, Фрэнсис (Yates, Francis) 145, 332 (30)
- Йельский университет 64, 284, 353 (10)
- Йерушалми, Йозеф (Yerushalmi, Yosef) 146, 331 (23), 333 (32)
- Какас, Рита (Cacas, Rita) 354 (15)
- Кале, Брюстер (Kahle, Brewster) 269, 355 (33)
- Калифорнийский университет 80, 239, 287
- Камбоджа 106
- Канада 85, 138, 194, 201, 205, 224
- Канады, Библиотека и архивы 201
- Каннингем, Адриан (Cunningham, Adrian) 83, 319
- Кант, Иммануил 36
- каталоги 11, 30, 46, 49–52, 68, 76–78, 91, 120, 160, 172, 174, 188, 190–193, 209, 254, 277, 286–288, 293, 300, 319 (12), 356 (8)
- Кеннеди, Джон Ф. (Kennedy, John F.) 234, 271, 348 (16)
- Кеннеди, Роберт (Kennedy, Robert) 106
- Кетелаар, Эрик (Ketelaar, Eric) 44, 258, 310 (23), 312 (40), 327 (3), 352 (46)
- киберинфраструктура 18, 261, 270, 273, 283, 287–289, 292, 295
- Кинг, Мартин Лютер, млад. (King, Martin Luther, Jr.) 106
- Киссинджер, Генри (Kissinger, Henry) 247
- Китай 27, 28, 35, 47, 50, 52, 154, 192, 193, 215, 298, 333 (38)
- класс, социальный 98, 101, 115, 118, 128, 136–137, 154
- классификация 12, 15, 33–35, 44, 76, 128, 155, 164, 171, 174, 187, 196, 209, 211–212, 280, 307
- Клемек, Кристофер (Klemek, Christopher) 222, 345 (44)
- Клинтон, Билл (Clinton, Bill) 233–234, 249–251, 277, 283
- Клинтон, Президентская библиотека (Clinton Presidential Library) 218
- Ковальченко, Иван Дмитриевич 99
- «Кока-Кола» 217
- коллекции и коллекционерские институты 10–11, 47–48, 52–53, 66–67, 76, 82, 85–86, 97, 155, 160, 166–169, 174–176, 189–190, 202–203, 208, 210–213, 221, 229, 231, 241, 253–256, 284–289, 295–296, 299, 306–307, 310 (27)
- Коллингвуд, Робин Г. (Collingwood, Robin George) 14
- Колумбийский университет 212, 222
- компьютеры 10–11, 74–75, 79, 85, 89, 132, 251, 261–265, 267, 269, 271–274, 277, 281, 283, 287–288
- Комте, Август (Comte, Auguste) 41
- конгресс (США) 53–54, 66, 184, 233, 246, 317 (48), 348 (16)
- конгресса, Библиотека (США) 66, 76, 78–79, 81, 277, 279, 285, 319 (12)
- Коннор, Роберт Д. У. (Connor, Robert D. W.) 58–60
- Коннор, Сеймур В. (Connor, Seymour V.) 61, 315 (36)
- Конституция (США) 58, 245
- Корея 154
- Корпорации объединенных железных дорог (Conrail Corporation) 203

- Коэн, Элдон. С. (Cohen, Eldon S.) 61, 315 (36)
- Кригер, Леонард (Krieger, Leonard) 24, 308 (3), 310–311 (27)
- Куба 124
- Кук, Терри (Cook, Terry) 70, 194, 224, 225, 258, 312 (40), 317 (52), 318 (54), 329 (4, 5), 341 (52), 342 (10, 16), 345 (45–46), 346 (48), 347 (5), 351 (46)
- культура и культурные исследования 16, 21, 23, 40, 82, 86, 99–101, 105, 108, 110, 121, 132, 135–136, 138, 151, 154, 168, 189, 192, 196, 198, 210, 214–223, 262, 265, 271, 285, 287–288, 290–292, 302, 304, 332 (29)
- культурный поворот 12, 106–111
- Купер, Фредерик (Cooper, Frederick) 177, 339 (28)
- Кураторы, хранители 21, 28, 64, 68, 163, 174, 183, 200, 213, 228, 254, 274, 302, 307
- Кэмпбелл, Энн Морган (Campbell, Ann Morgan) 70
- Кэрлин, Джон (Carlin, John) 130, 328 (15)
- Лаос 106
- Латинская Америка 170
- Лев XIII, папа 42–43, 233
- Левинсон, Пол (Lewinson, Paul) 61
- Леви-Стросс, Клод (Levi-Strauss, Claude) 96, 98
- ЛеГофф, Жак (LeGoff, Jacques) 332 (30), 339 (29)
- Ленин, (Ульянов) Владимир Ильич 24, 171, 232
- Ленинград 100
- Лео Бека, Институт (Leo Baeck Institute, New York) 188, 222, 292
- Лефевр, Жорж (Lefebvre, Georges) 100
- либерализм 94, 101–102, 106–107, 115, 119, 231
- лингвистика и лингвисты 25, 70, 79, 82, 97, 101, 106–110, 112, 118, 126, 129
- лингвистический поворот 12, 21, 106–110, 129, 326 (48)
- Линкольн, Авраам (Lincoln, Abraham) 146
- Линкольн, Брюс (Lincoln, Bruce) 325 (42)
- Линкольн, Эвелин (Lincoln, Evelyn) 114, 234
- Линч, Клиффорд (Lynch, Clifford) 266, 353 (6)
- Литва 190
- «Литературная газета» 235
- Лифтон, Роберт Дж. (Lifton, Robert J.) 163
- Ловенталь, Дэвид (Lowenthal, David) 60, 153, 315 (30), 330 (11), 335 (55)
- Лодж, Генри Кэбот (Lodge, Henry Cabot) 54
- Лос-Аламосская национальная лаборатория (Los Alamos National Laboratory) 239
- Лотман, Юрий 142, 331 (21)
- Лоуенхейм, Фрэнсис и «дело Лоуенхейма» (Loewenheim, Francis) 64–65
- Лэмбек, Майкл (Lambek, Michael) 141, 153, 330 (19), 331 (22–23), 335 (58)
- Мабильон, Жан (Mabillon, Jean) 28, 309 (14)
- Макинтош, Роберт (McIntosh, Robert) 225–226, 342 (15), 345 (47), 346 (50)
- Маккензи, Колин (Mackenzie, Colin) 169, 337 (12)
- Маркс, Карл Г. 41, 98, 100, 137, 323 (14), 329 (6)
- марксизм 115, 128

- Массачусетский технологический институт (MIT) 266
машиночитаемый формат каталогизации (MARC) 78
Медведев, Рой Александрович 139
междисциплинарный подход 18, 194, 196, 297
Международная организация по стандартизации (ISO) 84
Международная служба розыска (International Tracing Service, Бад-Арользен, Германия) 212, 343 (26)
Международный совет архивов (ICA) 84
международный стандарт архивных авторитетных (нормативных) записей для организаций, частных лиц и династий International Standard Archival Authority Record for Corporate Bodies, Persons and Families; ISAAR (CPF) 84, 320 (20)
Международный стандарт расщепления (1968) 238
Межуниверситетский консорциум политических и социальных исследований (Мичиганский университет) 73, 318 (2)
Мейсон, Филипп (Mason, Philip) 64
Мексика 170
Меллона, Эндрю Уильяма Фонд (Andrew W. Mellon Foundation) 264, 319 (15), 352 (5)
мемориалы и мемориальные практики 27, 138, 145, 150, 151–153, 174, 178, 183, 334 (45)
менталитет 25, 41, 98–100, 102, 107, 137, 180, 302
меньшевики 171
Мёрфи, Франк (Murphy, Frank) 276
министерство обороны (США) 129, 201
министерство юстиции (США) 243–244
Митчелл, Уильям Дж. Т. (Mitchell, William J. T.) 180, 315 (37)
Мичиганский университет 122, 174, 236, 241, 247, 264, 266, 276, 286, 290, 303, 329 (3), 339 (30), 347 (5), 352 (46, 5), 356 (36)
Мишле, Жюль (Michelet, Jules) 38–41, 105, 116, 120, 197–198, 296, 311 (28), 341 (4, 6), 356 (2)
Модернизм, модернизация, «модернити» 22, 32, 43, 50, 95, 101–102, 104, 107–108, 110, 113–114, 151, 184, 186, 196
Мойнихен, Д. Патрик (Moynihan, D. Patrick) 348
Монтескьё, Шарль-Луи де (Montesquieu, Charles-Louis de) 25
Моор, Лара (Moore, Lara) 34, 310 (23), 332 (25), 339 (24), 344 (29), 346 (5)
Моргана, Библиотека (США) 287, 290
Морс, Осия Б. (Morse, Hosea B.) 192–193, 341 (50)
Мортенсен, Пребен (Mortensen, Preben) 121, 326 (1), 352 (46)
Москва 25, 100, 177, 240, 234–235, 242, 285
«Московские Новости» 237, 347 (13)
Московский государственный историко-архивный институт (МГИАИ) 230, 235, 237
музей и музееведение 11, 80, 83, 138, 162–163, 174, 221, 234, 285, 297

- Мэллон, Флоренция (Mallon, Florencia) 170, 338 (14)
- Мюллер, Самуил (Muller, Samuel) 44, 312
- Нанкин и Нанкинская резня 148, 333 (38)
- Наполеон III 52
- Наполеон Бонапарт (Napoleon Bonaparte) 52
- нарратив и нарративность 16, 23, 25, 40, 51, 92, 94–95, 97–98, 101–103, 105, 107–109, 111, 113–114, 117–119, 123–124, 137–139, 142, 144, 146–150, 156–157, 161, 163–164, 167, 170, 172–173, 175–176, 180, 187–188, 190, 192–193, 195, 222–225, 229, 231–232, 257, 298–300, 302, 331 (25)
- нацизм 147, 159, 185, 212
- Националь, Библиотека (Париж) 274, 280
- Национальная ассоциация государственных архивов и специалистов по управлению документами (NAGARA) 87–88
- Национальная школа хартий (Ecole des Chartes, Paris) 34, 42, 44
- национальность 33, 102, 128, 187–190
- Национальный исторический архив (Мадрид) 33
- Национальный музей авиации и космонавтики Смитсоновского института (Вашингтон) 148, 162–164, 337 (3)
- Национальный научный фонд (NSF, США) 264, 282, 295
- Национальный центр по рассекречиванию информации (National Declassification Center) 172
- неврология 141
- Несмит, Том (Nesmith, Tom) 205, 327 (6), 328 (15)
- Нидерланды 44–45, 55, 217, 247, 258, 312 (39)
- Никсон, Ричард (Nixon, Richard) 106, 216, 233, 246, 250, 316 (47), 317 (48)
- Нора, Пирр (Nora, Pierre) 146, 150–152, 334 (48, 50–51)
- Норвегия 195
- Нортон, Маргарет Кросс (Norton, Margaret Cross) 61, 62, 70, 315 (37)
- ностальгия 22, 137, 153–154, 180
- нравы, нравственность, моральность 28, 56, 67–68, 70–71, 88, 123, 127, 138, 141, 144–148, 153, 156, 159, 163, 168, 183, 195, 212–213, 216–217, 226–227, 229–230, 246–247, 251, 255–260, 273, 278, 302–303, 306–307
- нумизматика 25
- Ньюберри, Библиотека (Чикаго, США) 67
- Нью-Йорк 25, 53, 55, 70, 188, 203, 317 (53), 349 (28)
- Нью-Йоркская публичная библиотека 188
- Нью-Йоркские центральные дороги (New York Central System) 203
- Нью-Йоркское историческое общество 55
- Ньютон, Исаак 25, 94
- Нэш, Гари (Nash, Gary) 221–222, 312 (2), 345 (41, 44)
- Общество американских архивистов (SAA) 57, 63–65, 70, 78, 88, 186, 233, 248, 309 (11), 316 (43), 317 (52)
- объективность в науке 12, 25, 43, 93, 105, 110, 113, 116, 119,

- 125, 145–147, 160, 170, 178,
187, 199, 207, 210, 232, 252
- Олик, Джеффри (Olick, Jeffrey) 137,
329 (7)
- Организация американских исто-
риков (ОАН) 64–65, 348 (16)
- О'Рейли, Тим (O'Reilly, Tim) 303,
336 (2)
- ориентализм 119, 137
- Осборн, Томас (Osborne, Thomas)
230, 309 (12), 346 (3), 349 (29)
- Отто I и «Оттоновы привилегии»
42
- оценка и ценность 15, 17, 47,
49–50, 54–55, 60, 62, 65–66,
74–75, 83, 86, 89, 123–127,
130–131, 136, 160, 164, 166–
168, 171, 175, 178, 181–182,
187–189, 191, 200, 204–207,
210–211, 214, 219, 221,
223–224, 230, 245, 248, 253
259, 263, 268–269, 271–274,
280, 295, 298–300, 303, 307,
317 (52–53), 328 (16)
- Павел V, папа 29
- Паквуд, Роберт (Packwood, Robert)
216
- палеография 25, 85
- Палмер, Брайан (Palmer, Bryan)
115
- память 9, 27, 111, 117–118, 135–
163, 175, 178, 190, 195, 197,
217, 220, 225–227, 229, 237,
289, 298, 217–219, 221–222,
224, 226–237, 239–240, 242
- индивидуальная 101, 103, 107,
111, 130, 140–141, 143, 149,
154–159, 160–161, 168, 180,
191, 226, 182, 197
- историческая 63, 136, 137
- исторический авторитет 144
- социальная 13, 15, 17–18, 27,
132, 135–140, 143–161, 163,
176, 181–183, 193–195, 201,
225–226, 229, 298, 328 (3),
329 (3), 347 (5)
- папирология 25
- папство 27–28, 42–43
- Париж 10, 28, 44, 48, 99, 100, 274,
280, 284, 308 (1)
- Пассерини, Луиза (Passerini,
Louisa) 157, 336 (65)
- Пастер, Луи (Pasteur, Louis) 41, 43
- Пастор, Людвиг фон (Pastor,
Ludwigvon) 43
- Педерсон, Энн (Pederson, Ann)
199, 341 (9)
- Пенсильванская железная дорога
(Pennsylvania Railroad) 203
- Пентагон и «документы Пентаго-
на» 67, 256, 316–317 (47)
- Первая мировая война 101, 153,
225, 335 (56)
- Перл-Харбор (Pearl Harbor) 143
- Перро, Мишель (Perrot, Michelle)
107, 324 (27, 31)
- Перу 170
- Петерсон, Труди Хаскамп
(Peterson, Trudy Huskamp)
228, 250–251, 346 (1)
- печать и печатание 28–29, 31, 72,
77, 145, 184, 196, 216, 248–
249, 261–262, 267, 272, 281,
289–293, 317 (47), 326 (45),
355 (31)
- Пий IX, папа (Pius IX, Pope) 42
- Питти, Даниэль (Pitti, Daniel) 81,
319 (16)
- подделка 14, 28, 37, 42, 93, 255,
308 (2)
- подлинность (см.: аутентичность)
- позитивизм 14, 39–40, 51, 95, 100,
116, 118, 182, 351 (46)
- поминовение (commemoration) и
мемориализация 137–178,
184, 334 (44, 54), 339 (28),
345 (46)

- постколониализм 119, 165, 167, 170, 177, 198
 постмарксизм 118
 постмодернизм 22, 106, 109, 111–113, 117, 120, 123–124, 135–137, 163, 183, 193, 301, 322 (31), 324 (27), 325 (35, 38), 326 (43, 45), 328 (12), 346 (48), 351 (46)
 Потсдам 98
 Принстонский университет 112, 185–186, 165
 прозрачность 211, 243, 253, 270, 282, 303
 психология и психологи 11, 82, 97, 197
 Пуви, Мэри (Poovey, Mary) 184, 322 (5)
 Путин, Владимир Владимирович 176, 177

 Радклиффский институт (Radcliffe College) 196, 220
 Ранке, Леопольд фон (Ranke, Leopold von) 14, 23–25, 36–41, 43, 91–92, 105, 120, 184, 214, 308 (3–5), 310 (26–27), 311 (27)
 раса 74, 110–111, 117–120, 140, 160, 188, 190
 рассекречивание 22, 172, 212, 238–241, 255, 338 (18), 348 (16), 349 (28)
 режимное управление архивами (custodial management system) 52–62, 313 (8)
 Рейган, Рональд (Reagan, Ronald) 69, 234, 246, 248, 251
 Рейтера, Уолтера Библиотека по трудовым отношениям и городскому развитию (Walter Reuther Library of Labor and Urban Affairs) 212
 религия 42, 145, 150
 Рикёр, Пол (Ricoeur, Paul) 146, 333 (31), 335 (58)
 Рим 30, 42, 85, 234, 322 (2)
 Ричардс, Томас (Richards, Thomas) 119, 167, 192
 Робертс, Аласдаир (Roberts, Alasdair) 218, 343 (27), 344 (38), 349 (29), 350 (35)
 Робинс, Джойс (Robbins, Joyce) 137, 329 (7)
 Российский государственный исторический архив (РГИА) 177, 209, 284
 Россия и Российская Федерация 13, 21, 22–24, 30, 33, 43, 47, 50, 52, 92, 95–96, 99–103, 111, 119, 139, 154–156, 158, 171–172, 174–177, 191, 209–210, 212–213, 215, 224, 230, 232, 234–238, 242, 253, 259, 284–285, 290, 298, 300, 324 (25), 336 (65), 339 (26), 340 (32), 345 (43), 347 (4), 349 (23), 352 (47)
 Росс, Симус (Ross, Seamus) 282–283, 355 (31)
 Рузвельт, Франклин Д. (Roosevelt, Franklin D.) 58, 64, 69, 228, 233
 рукописи 24, 30, 53, 55, 57, 64, 66, 76, 78, 80, 169, 197, 199, 257, 267, 284, 287–290, 292–293
 Рэндольф, Джон (Randolph, John) 298, 356 (4)

 Санкт-Петербург 25, 36, 90, 334 (48), 337 (7)
 Сартр, Жан-Поль (Sartre, Jean Paul) 96
 свидетельство 27, 30–31, 36, 41, 46, 60–61, 83, 90, 118, 120, 127, 129, 140, 143–144, 148–149, 152, 154–155, 158, 165, 171, 178–180, 183–185, 189–192,

- 205, 215, 234, 245, 269,
290, 292, 301, 308, 342 (16),
354 (18)
архивное 74, 117, 150, 160, 183
историческое 13, 25, 159, 226
Сен-Жермен-де-Пре 28
Сербия 190
Серто, Мишель де (Certeau, Michel de) 146, 169, 322 (5), 332 (28), 338 (13)
сионизм 195
Системы архивирования электронных документов (ERA) 279, 282
Скотт, Джеймс (Scott, James C.) 128, 325 (34, 35)
Скотт, Джоан В. (Scott, Joan Wallach) 116, 326 (46), 327 (11), 330 (20)
Скотт, Ребекка (Scott, Rebecca J.) 124, 170, 320, 327 (6), 338 (16)
Смит, Бонни Шон (Smith, Bonnie Shawn) 180, 310 (25), 313 (4), 339 (30)
Смитсоновский институт (США) 83, 162–163
Соединенные Штаты Америки 58, 218, 228, 250, 331 (24), 350 (42)
сохранение 12, 16–17, 26, 31, 35, 45, 48–49, 54–57, 59, 62, 65–66, 68, 71, 76, 83–84, 87, 90, 125–127, 136, 150–151, 169–170, 174, 178, 181, 188–190, 193–194, 196, 200–201, 203–204, 206, 215–219, 225–226, 230, 232–233, 237, 242, 245–247, 254, 257–259, 263, 269–275, 277–278, 280–282, 284, 294–295, 299, 328 (16), 353 (10)
социализм 101–102, 106–107, 221
социальная
 амнезия (см.: амнезия
 социальная)
 идентичность (см.:
 идентичность социальная)
 память (см.: память
 социальная)
социальные науки 90, 116, 189, 264
социология и социологи 97, 99–100, 107, 184, 189–190, 266
Спилберг, Стивен (Spielberg, Steven) 153
«Список Шиндлера» 138
Спрэг, Ширли (Spragge, Shirley) 224, 345 (46)
СССР 21–23, 106–107, 111, 119, 139, 155, 252, 298, 308 (1)
Сталин, Иосиф Виссарионович и сталинизм 139, 147, 157, 171
Стандартный обобщенный язык разметки (SGML) 80–81
стандарты и стандартизация 35, 41, 63, 71, 77–79, 80–81, 84, 89–90, 115, 125, 127, 175, 180, 192, 206, 213–214, 235, 238–239, 243, 258–259, 265, 279, 303, 316 (45), 318 (5)
статистика 97
Стивенс, Джон Пол (Stevens, John Paul) 213
Стидман, Кэролин (Steedman, Carolyn) 166, 196–199, 311 (28), 337 (5), 341 (3, 5, 7), 356 (2)
Стоулер, Энн (Stoler, Ann) 167, 170, 173, 198, 226, 337 (7–9), 338 (19), 341 (8), 346 (52)
Стоун, Лоуренс (Stone, Lawrence) 112, 114–115, 117–118, 186, 325 (38), 326 (48)
Стэнфордский университет 212
субъективность 15, 24, 36, 43, 252
суд 29, 33, 46, 49, 120, 143, 174, 203, 212–213, 216, 228, 233, 239, 241, 246–250, 259, 276, 316–317 (47), 322 (2), 337 (6)
Суперкомпьютерный центр Сан-Диего (США) 130

- Сэмюэлс, Хелен Уилла (Samuels, Helen Willa) 125–126, 321 (30), 327 (7), 342 (16)
- Сэндерс, Джеймс (Sanders, James) 170, 338
- текстуры архива (archival grain) 165, 167–171, 173, 190, 275, 281, 299, 302
- теория 22, 24, 26, 57, 65–66, 75, 85, 89, 94, 107, 118, 121, 125, 128, 132, 163, 182, 231, 278, 304, 322 (5), 352 (46)
- Тернер, Виктор (Turner, Victor) 109, 325 (33)
- Тернер, Гордон (Turner, Gordon) 185
- терроризм 143, 156, 331 (24)
- технология 9, 11, 13–14, 17, 65–66, 71–73, 75, 78, 81–82, 87–89, 100–101, 113, 122, 123, 132, 230–231, 241, 247, 251, 258, 262–266, 271, 281–282, 288, 290, 293, 295–297, 300–306, 320 (17), 352 (5), 353 (9), 354 (18), 356 (8)
- Толстой, Лев Николаевич 105
- Томассен, Тео (Thomassen, Theo) 217, 312, 327, 344 (36)
- Томпсон, Эдвард Палмер (Thompson, Edward Palmer) 101, 103, 115, 138, 189, 324 (24, 25), 330 (14)
- травма 141–143, 152, 156
- Троцкий, Лев Давидович 171
- Турция 153
- Уайт, Хейден (White, Hayden) 100, 101, 104–105, 153, 324 (28), 334 (53)
- Уильсон, Дон (Wilson, Don) 228, 248, 250
- Уинтер, Джей (Winter, Jay) 153, 334 (52)
- Украина 172, 187
- Университет Кентукки 65
- Университет Миннесоты 10, 220
- Университет Монаша 122
- Университет Мэриленда 163
- Университет Огайо 269
- Университет Пенсильвании 349 (24)
- Университет Северной Каролины 58, 353 (9)
- Университет Уэйн 212
- Уоллес, Давид (Wallace, David) 244, 346 (1), 348 (19), 349 (30), 350 (33)
- Уолуорт, Элен Хардин (Walworth, Ellen Hardin) 53
- Уорнер, Роберт М. (Warner, Robert M.) 64–65, 316 (42–43)
- «Управление информацией» (“Information Management Journal”) 71
- Управления национальных архивов и документации (NARA) 62, 136, 242, 245–246, 248, 251, 318 (6), 349 (28)
- урбанизация 51, 99
- Уэбстер, Уильям (Webster, William) 246
- Уэйнштейн, Аллен (Weinstein, Allen) 136, 329 (5)
- Фавье, Люси (Favier, Lucie) 215, 344 (31)
- Февр, Люсьен (Febvre, Lucien) 96
- Фейт, Йохан (Feith, Johan) 44
- физиология 141, 157
- фильмы 138, 153, 178–181, 330 (12), 335 (56–57), 344 (32)
- Финли, Мозес (Finley, Moses I.) 118, 308 (8)
- фондообразователь (provenance) 56–57, 59, 61, 79, 82, 85–86, 127, 174, 313 (5)

- Форд, Джеральд Р. (Ford, Gerald R.) 69
«Форд Мотор» ("Ford Motor") 217, 272
фотография 120, 156, 178–181, 195, 245–246, 282, 291
Франция 10, 28–29, 32–34, 38, 48, 53, 55, 91, 96, 106, 111, 145, 151–152, 174, 175, 195, 201, 215, 234, 298, 311 (36), 313 (9), 323 (17–18), 332 (29), 334 (48–50), 335 (56), 347 (5)
Французская революция 31, 41, 50, 145, 152, 235
Фрейд, Зигмунд (Freud, Sigmund) 41
Фрэйн, Роберт (Fruin, Robert) 44, 312 (39)
Фуко, Мишель (Foucault, Michel) 100, 113, 197, 323 (21), 325 (41)
Фукуяма, Фрэнсис (Fukuyama, Francis) 102, 324 (26)
функциональный анализ 125
Хабермас, Юрген (Habermas, Jurgen) 100–101, 324 (23)
Хаймсон, Леопольд (Haimson, Leopold) 101
Хальбвас, Морис (Halbwachs, Maurice) 137, 143, 150, 329 (9), 332 (26)
Хант, Линн (Hunt, Lynn) 119, 186
Харрис, Артур генерал "Bomber" (Harris, Sir Arthur "Bomber") 148, 333 (35)
Харрис, Верн (Harris, Verne) 258, 322 (31), 351 (46), 356 (3)
Харуит, Мартин (Harwit, Martin) 162–163
Хевия, Джеймс (Havia, James) 192, 341 (47, 49)
Хедстром, Маргарет (Hedstrom, Margaret) 75, 282–283, 318 (4), 327 (9)
Хейли, Александр (Haley, Alexander) 139, 330 (16)
Хеймсон, Леопольд (Haimson, Leopold) 101, 103, 324 (25)
Химмельфарб, Гертруда (Himmelfarb, Gertrude) 115, 184, 326 (46)
Хобсбаум, Эрик (Hobsbawm, Eric) 107, 140, 149, 324 (31), 330 (16), 334 (43), 336 (71)
Холмс, Оливер У. (Holmes, Oliver W.) 61, 315 (36)
холодная война 102, 113, 162
холокост 138, 140, 143, 195
Хорсман, Питер (Horsman, Peter) 216, 312 (40), 327 (3)
Хоутона, Библиотека (Houghton Library) 284
хранилищная и постхранилищная (post-custodial) эра 165, 244, 252, 254, 258
Хэгли, музей и библиотека (Hagley Museum) 221
Хэм, Ф. Геральд (Ham, F. Gerald) 16, 65, 66–68, 123, 125, 186, 316 (45), 318 (5), 327 (4)
цензура 236
ценность и ценности 23, 27, 32–33, 35, 48–52, 54–55, 58, 60, 63, 65, 68–70, 74, 82, 87–90, 98, 100, 102, 112–113, 119, 121–127, 129, 144–145, 147–148, 154–155, 164, 169, 173–176, 178–179, 181, 186, 188, 191, 201–204, 206–207, 210, 212–216, 221, 223–224, 227, 231–232, 235, 242, 246, 249–250, 256, 259, 263, 269, 271, 274, 276, 284–285, 291, 294, 296, 298–303, 317 (53), 346 (5)
Центр истории иммиграции (Университет Миннесоты) 10

- Центр сетевой компьютерной библиотеки (Online Computer Library Center; OCLC) 76, 81
 Центральный государственный архив Октябрьской революции (ЦГАОР) 175, 339 (26)
 Центральный партийный архив (ЦПА) 339 (26)
 цитирование 12, 92–93, 185, 289, 322 (1)
 Чендлер, Альфред (Chandler, Alfred) 43, 219, 312 (37, 43), 313 (7), 345 (39)
 Чехословакия 106–107
 Шварц, Аарон (Swartz, Aaron) 355 (32)
 Шварц, Джоан (Schwartz, Joan) 181, 215, 225, 329 (4), 340 (31, 33), 344 (33), 346 (48)
 Шейпин, Стивен (Shapin, Stephan) 93, 184, 322, 340
 Шелленберг, Теодор (Schellenberg, Theodore) 61–62, 70, 205, 314 (22), 315 (37), 321 (31), 342 (12)
 Шервин, Мартин (Sherwin, Martin J.) 163
 Шлезингер, Библиотека по женской истории (Гарвардский университет) 220
 «Шоа» 138
 Шпигель, Габриэль (Spiegel, Gabrelle) 129, 328 (12)
 Эйзенштейн, Элизабет (Eisenstein, Elizabeth) 261, 281, 309 (16), 352 (1)
 электронная почта 218, 248, 271, 275
 электронные процессы 247–249, 267, 281, 304, 316 (39), 350 (36)
 Эллсберг, Дэниэл (Ellsberg, Daniel) 256, 317 (47)
 эпистемология 15
 эпоха Просвещения 25, 35, 37, 92, 112, 114, 145, 332 (29)
 Эпплби, Джойс О. (Appleby, Joyce Oldham) 119, 186, 326 (51), 340 (44)
 Эпштейн, Фриц (Epstein, Fritz) 61, 315 (35)
 эссенциализм 17, 121–132, 194, 245
 этика 211, 235, 252, 255, 257
 этническая принадлежность 149, 160, 188–189
 этнография 154
 Южно-Африканская Республика 158, 298–299
 Южноафриканский национальный конгресс (ANC) 158
 Юнг, Джулия (Young, Julia) 88
 ЮНЕСКО 176
 Якель, Элизабет (Yakel, Elizabeth) 122
 Ялта 98
 Япония 50, 96, 148, 162, 298, 333 (38)
 Amazon.com 305
 “American Archivist” (см.: «Американский архивист») 309, 312, 314–322, 327–329, 336, 342, 343, 345, 347, 348, 351, 352, 354, 356
 American Historical Review 53, 185, 310, 313, 324, 326, 328, 332, 336, 340
 CREST, система доступа 349
 Enola Gay 162, 164, 183, 333 (40), 336 (2)
 FEDORA (Flexible Extensible Digital Object and Repository

- Architecture — Гибкая расширяемая архитектура для электронных объектов хранения 266, 353 (10)
- Google 262, 268–269, 281, 287, 290, 293
- IBM 248, 269
- JSTOR 264–265, 290, 294, 305, 352 (3), 356 (6)
- Lockheed Martin 279
- Microsoft Word 241
- NARA (см.: Управления национальных архивов и документации (NARA)) 329 (5), 344 (37), 347 (6)
- New York Times 185, 233, 283, 340, 343, 347–348, 351, 353–354
- Past and Present 112, 186, 325–326
- PORTICO electronic archiving service 352 (5)
- Profile, Electronic database 355 (31)
- PROFS (Professional Office Systems) 250–251
- provenance (см.: фондообразователь) 61, 174
- Public Records Office (England) 169, 309 (15)
- Slavic Review 101, 324
- “Washington Post” 233, 347
- YouTube 303

Научное издание

**Френсис Блоун, Уильям Розенберг
ПРОИСХОЖДЕНИЕ ПРОШЛОГО.
«Подлинность» для историков
и архивистов**

Перевод с английского
Юлии Князькиной и Евгении Шраги

Редактор, корректор *А. Ю. Пономарева*
Дизайн *А. Ю. Ходот*
Верстка *Л. В. Васильева*

Издательство Европейского университета
в Санкт-Петербурге
191187, Санкт-Петербург, ул. Гагаринская, 3А
e-mail: books@eu.spb.ru
тел.: +7 812 386 76 27
факс: +7 812 386 76 39
Сайт и Интернет-магазин Издательства
WWW.EUPRESS.RU

Подписано в печать 27.03.2017. Формат 60×90 1/16.
Усл. печ. л. 23,5. Печать офсетная.
Тираж 500 экз.

Отпечатано в типографии ООО «Аллегро»
196084, Санкт-Петербург, ул. Коли Томчака, д. 28
тел./факс (812) 388-9000
e-mail: marketingberesta@yandex.ru
Заказ № 1053.

В предлагаемой читателю книге исследуются драматические изменения, происходившие в понимании истории и в архивном деле, а соответственно, и в отношениях между историками и архивистами. Авторы книги, историк и архивист, рассказывают, как эти отношения трансформировались в рамках новых исторических теорий и новых архивных концепций; как на эти отношения повлияла смена точки зрения на исторический авторитет, нововведения в архивных практиках и развитие информационных технологий. История этих трансформаций анализируется как процесс освоения одного и того же концептуального и методологического пространства, когда постепенно историки начали задавать вопросы, на которые в традиционных документах не было простых ответов, а архивисты столкнулись с неуправляемым ростом количества обрабатываемого материала и проблемами, пришедшими с наступлением эпохи новых информационных технологий.

В книге предлагаются пути преодоления произошедшего профессионального размежевания, изложенные языком, понятным как этим двум аудиториям, так и широкому кругу читателей. Также ставится ряд вопросов, актуальных для будущего исторических архивов.

Френсис Блоуин (Francis X. Blouin Jr.) — профессор, преподает в Школе информатики Мичиганского университета. До 2013 г. занимал должность директора Исторической библиотеки Бентли. Входил в состав исполнительного комитета Общества американских архивистов, в Совет по информационным ресурсам библиотек — в качестве президента Мичиганской архивной ассоциации, а также исполнял различные обязанности в рамках Международного совета архивов. Способствовал применению современных архивных процедур в архиве Ватикана и разработке полного каталога его фондов.

Уильям Розенберг (William G. Rosenberg) — доктор истории (Гарвардский университет), профессор, преподает в Мичиганском университете с 1967 г. Известный ученый, занимается исследованиями русской революции и социальной истории России, является автором многочисленных статей и глав в книгах. В различные годы занимал посты директора Центра изучения России, Восточной Европы и Евразии, директора Международного института, основателя Института исторических исследований им. Айзенберга.

